Юрий Безелянский

Драма лихих 90-х

Воспоминания и дневник москвича

Книга вторая | 90-е годы

Драма лихих 90-х
Юрий Николаевич Безелянский

Аннотация
Юрий Безелянский. Драма лихих 90-х
Что такое дневник?. Зачем ведут дневники?
Распад СССР и нагая свобода
Картина боя
Маленькое предисловие
Анонс событий из жизни Ю.Б
1990 – 57/58 лет
1991 – 58/59 лет
1992 – 59/60 лет
1993 – 60/61 год
1994 – 61/62 года
1995 – 62/63 года
1996 – 63/64 года
1997 – 64/65 лет
1998 – 65/66 лет
1999 – 66/67 лет
А что это было?!

Аннотация

90-е годы – время крушения СССР как советской империи и становления новой России как демократического государства. Ломка советского уклада жизни, стереотипов, отношений, исчезновение цензуры, время гласности, новых идей и возможностей. Новая реальность, в которую не все могли вписаться. Не одна судьба сломалась в те годы.

В книге подробно, шаг за шагом, рассказано, как автор вписался в крутые виражи и превратился из безвестного журналиста в популярное медиа-лицо. Занимаясь историей, вызвал календарный бум и был назван «изобретателем Нового времени». Печатался во многих газетах и журналах, выступал на многих радиоканалах и ТВ. Написал более сорока книг, первая – «От Рюрика до Ельцина», хроника Российской истории. Что стояло за этим успехом, что происходило за кулисами жизни – обо всём этом динамично, сжато и эмоционально, без прикрас, с некоторым юмором и иронией.

Поучительно для молодых читателей и но-

стальгически для старшего поколения. Если вы сентиментальны, приготовьте батистовый платочек…

Юрий Безелянский
Драма лихих 90-х

Что такое дневник? Зачем ведут дневники?

Дневников на свете тьма. Никакой статистики нет, но ведут дневники многие (раньше — больше, сегодня — меньше). Неслучайно на киноэкране мелькают дневниковые темы: дневник горничной… женщины в белом… падшей… пьяницы… сельского священника… вора… дневник лимонного цветка (Япония, 1959), «Дневник Бриджит Джонс» (США, 2001), где героиня ведет записи о том, что надо бросить курить, похудеть и завести хорошего парня…

Дневник как исповедь человеческой жизни.

Дневник как крик души.

Дневник как откровение сердца.

Дневник как летопись (или хронология) событий.

Дневник как разговор с самим собою.

Дневник как запись потаенных мыслей и желаний.

Дневник как безделица будней.

Дневник как… еще много чего как…

В былые годы дневники и личные записи бы-

ли в цене. Старое латинское выражение: Dixi et animam levavi («Сказал и облегчил тем душу»), а еще зафиксировал свою жизнь в памяти, ибо, как говорится в китайской поговорке: «Самые бледные чернила лучше, чем наилучшая память». Полагаться на память рискованно. Память — штука весьма избирательная. «Память — это полоумная баба: собирает яркие тряпки, а хлеб выбрасывает», — так утверждает американский писатель Остин О'Малли. Ему вторит Патриция Хампл: «В своей памяти каждый из нас художник, каждый творит».

«Память — странное сито: на нем остается все хорошее о нас и все плохое о других» (польский сатирик Веслав Брудзиньский).

«Обязательно записывайте, — часто говорил Илья Ильф своему соавтору Евгению Петрову, — все проходит, все забывается. Я понимаю — записывать не хочется. Хочется глазеть, а не записывать. Но тогда нужно заставлять себя».

Из записей Юрия Олеши:

11 октября 1935 года: «Если не записывать каждый день, даже два раза в день, то видел, что все к черту вылетит из головы, никогда потом не вспомнишь. Уже плохо помню, что было вчера. Что же было вчера?..».

29 июля 1955 года: «Очень долго не записывал. И Делакруа, и Толстой приводят, между прочим, одну и ту же причину, заставившую, по их словам, продолжать писать начатые дневники, — причина эта удовольствие, которое получали оба при прочтении ранее написанных страниц. Продолжать, так сказать, и во имя того, чтобы получить опять когда-либо удовольствие».

Хотя частенько это не удовольствие, а горечь и мука от того, что видишь вокруг.

Андрей Тарковский, 31 июля 1976 года: «Кругом ложь, фальшь и гибель… Бедная Россия!»

И, тем не менее, наперекор всему, преодолевая свои отрицательные эмоции, надо все записывать. К этому призывал Петр Вегин в своем стихотворении «Дневники» (1974):

Ведите дневники,
не будьте простаками.
Равно, как рыбаки,
удите дни за днями.
Веденье дневника
не требует таланта,
хотя похоже на
граненье бриллианта.

Не корчите судью
над временем вчерашним, пишите жизнь свою,
все, что сочтете важным.
История души
любого человека
не может жить в глуши
Отечества и Века.
Нельзя солгать на час –
зачтется все посмертно. Слагаемая часть
истории столетья –
дневник, где сплетены
сильней, чем корни, даты.
Во имя седины
пишите вашу правду.
На чердаке найдут
и отряхнут от пыли,
прочтут, вздохнут, замрут
и скажут: «Люди были…»

Другими словами, вести дневник — остаться в памяти других и таким образом обеспечить себе

некое бессмертие: «прочтут, вздохнут…».

Много издано дневников. Один из моих самых любимых — дневник Корнея Чуковского. Он с юных лет ощущал в себе потребность побыть наедине с чистым листом, оставить на бумаге «туманную мысль» — след о прожитом. С годами он еще более укрепился в понимании того, что «…Дневник — громадная сила, — только он сумеет удержать эти глыбы снега, когда они уже растают, только он оставит нерастаянным этот туман, оставит меня в гимназической шинели, смущенного, радостного, оскорбленного…».

Знаменитые дневники царского цензора Александра Никитенко, он вел их с 13 лет. В 50 прервал и в 66 лет возобновил. Дневник Никитенко — уникальный документ, и, как определил рецензент «Русской мысли» в 1901 году, «это картины «доброго старого времени», эпически объективные и тем более ужасные…».

Дневники Стендаля, братьев Гонкур, Томаса Манна, Льва Толстого, Достоевского, Чехова… А женские: Марии Башкирцевой, Зинаиды Гиппиус, Анны Франк… Ну, и конечно, Алексей Суворин, Леонид Андреев, Александр Блок. Из записей Блока 16 июля 1903 года: «…Из семьи Блоков я выродился. Нежен. Романтик. Но такой же

кривляка». В ночь с 12 на 13 сентября 1909 года: «Ничего не хочу. Ничего не надо».

В цитатах можно утонуть. Каждая дневниковая запись пульсирует как живая жилка. А какие откровенные признания можно прочитать в дневниках! К примеру, Жюль Ренар в записи от 1 января 1895-го подводит итоги минувшего года:

«…недостаточно работал… недостаточно бывал на людях… недостаточно читал греческую литературу… недостаточно занимался фехтованием и велосипедом… Все больше и больше становлюсь эгоистом… Слишком много ел, слишком много спал, слишком трусил в грозу. Слишком много расходовал денег… Слишком упивался своим сочувствием к несчастью других… Слишком присматривался к газетам, надеясь найти там свое имя… Слишком много говорил о Паскале, Монтене, Шекспире и недостаточно читал Шекспира, Монтеня и Паскаля…». Все то же первое января, но уже 1943 года. Короткая запись в дневнике Ивана Бунина: «Господи, спаси и помоги».

И дневник в роли спасителя…

Я люблю усталый шелест
Старых писем, дальних слов… –

признавался Максимилиан Волошин.

Дневник — это «дальние» и забытые слова. И вспомним строки забытого Сергея Сафонова (1867–1904):

Это было давно… Я не помню, когда это было…

Пронеслись, как виденья – и канули в вечность года…

Утомленное сердце о прошлом теперь позабыло…

Это было давно… Я не помню, когда это было, –

Может быть – никогда.

Нет, было, было! — кричал Барон в пьесе Горького «На дне». Дневник — это память. «Человек — сумма своего прошлого», — утверждал Уильям Фолкнер.

Жорж Сименон в эссе «Когда я был старым» признавался: «Совсем юным я ощутил потребность в самовыражении. Я много писал… Не представляю, как я мог жить молча… Я чувствую себя богачом: я богат воспоминаниями…»

Ну, а теперь о своих дневниках. Первая дневниковая запись датирована 9 ноября 1948 года, в 16 лет. Первые тетради впоследствии были уничтожены, но записи с 1950 года бережно храню

(а это несколько тысяч страниц, написанных от руки и отпечатанных на машинке). На их основе (решительно сократив и литературно отредактировав) я издал самиздатовскую книгу «Наедине со временем, или Дневник интеллигента в очках. Часть первая 1950–1989». Первая негонорарная книга, за свой счет…

И вот вторая часть: 1990–1999 — так называемые лихие годы, хотя лично для меня они оказались почти звездными: из редакторской безвестности я вынырнул на голубую волну писательской популярности…

Хронику своей жизни с ее признаниями и размышлениями отдаю на читательский суд. Вторую дневниковую книгу с трепетом выпускаю в свет. И повторю слова Шарля Бодлера: «Чтоб не быть рабами и мучениками Времени, опьяняйтесь, опьяняйтесь без конца! Вином, поэзией или добродетелью — чем хотите!». Я опьяняюсь дневниками, поэзией и историей. И главное, как советовал Николай Заболоцкий: «Не позволяй душе лениться…» И еще одна цитата (что делать: книжный человек), как говорил французский писатель Аллен: «Счастлив тот, кто видит в проделанной накануне работе следы своей воли». А за 80 лет я столько наворотил, что даже не верится. Дневники, газетно-журнальные публикации, книги, выступления… А в 7-м классе классный руководитель писал моей матери: «Мамаша, обратите внимание на своего сына: удивительно ленивый мальчик. Способный, но ленивый…»

9 марта 2012

Распад СССР и нагая свобода

Блажен, кто видит и внимает!
Хотя он тоже умирает.
И ничего не понимает,
и, как осенний лист дрожит!
Он Жириновского страшится,
И может скурвиться и спить-
ся,
И, по рассказам очевидцев,
Подчас имеет бледный вид.
Блажен озлобленный пиит…

Тимур Кибиров.
Сборник «Парафразис», 1997

Дневник без дыма, крови и огня, без горького привкуса эпохи — не дневник, а домашняя кухонная книга с запахом котлет, украшенная цветочками, если лето, и припорошенная снежком в зиму. И, конечно, концентрат переживаний. Дневник как небольшой парк для прогулок и мечтаний среднестатистического обывателя.

Другое дело дневник буйных, безумных, сума-

сшедших 90-х годов XX века. Период истории, когда все дрожало, клубилось, взрывалось, горело и гибло. Когда для кого-то уютный и привычный социализм уходил под лед, а выныривало на поверхность какое-то чудовище со звериным оскалом капитализма. Многим советским людям вписаться в новые реалии было чрезвычайно трудно. Честный и безупречный труд оказался никому не нужным. Были востребованы только сила и ловкость, пронырливость и хитрость. Заводы и фабрики закрывались, исчезали многочисленные НИИ и лаборатории, и лишенные работы люди решали, куда податься: в извоз, в челноки или в бандиты. Трагедийный выбор. Отсюда нервные срывы, болезни, депрессии, самоубийства. Длительный мутный запой. Но для кого-то 90-е оказались золотым временем, временем «больших денег», и какой-нибудь незаметный вчерашний лаборант вдруг остановился миллионером. На переломе исторических вех чего только не бывает! Словом, дарвинизм чистой воды. Школа выживания.

У Виктории Токаревой есть небольшая раздумчивая повесть «Ехал грека», в ней коротенький диалог:

— Что я теперь буду делать?

— Жить, — ответила Мика — …самое главное — быть живым. А все остальное можно варьировать…

Не новая мысль. Еще раньше это выразил герой комедии Николая Эрдмана «Мандат» Павлуша Гулячкин, посоветовавшей растерянной мамаше перед новой жизнью победивших советов: «Надо лавировать!»…

Варьировать, лавировать, мимикрировать… ну, да есть еще одно мудренные иностранные словечки: конформизм, когда шагаешь в одном ряду о ликующей массой и выкрикиваешь лозунг сегодняшнего дня. Грустно все это и, как писал Андрей Вознесенский:

Возложите на время венки,

В этом вечном огне мы сгорели…

Многие клянут те лихие 90-е годы, особенно те, кто не вписался в тираж и вылетел на обочину жизни. Но для некоторых представителей интеллигенции, это было счастливое время: пал ненавистный Советский Союз, исчезла цензура, вернулись к жизни замечательные книги, море новых различных СМИ — газет, журналов, радио и телестудий. Пиши, сочиняй, выступай! Хочешь в Европу — езжай. Заработай сам деньги и насла-

ждайся Джокондой в Лувре. Словом, 90-е — это был краткий исторический миг новых возможностей, от бизнеса до искусства.

Позади остался Советский Союз, о котором с ироничной грустинкой писал и пел Булат Окуджава:

Римская империя времени упадка
сохраняла видимость твердого порядка.
Цезарь был на месте, соратники рядом,
жизнь была прекрасна,
судя по докладам…

Попытка в августе 1991 года вернуть СССР провалилась. Вспоминая прошлое, Александр Минкин в своей рубрике «Лучше не думать» в МК писал:

«30 лет назад люди хотели конца власти КГБ/КПСС. Люди не хотели конца страны. А вышло наоборот: страны не стало, а КГБ остался, только переименовался. И КПСС осталась, только переименовалось…»

А какое ликование было в августе 1991-го! Сплошные надежды Александра Сергеевича Пушкина из «Послания в Сибирь»:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Ошибся в прогнозах брат Пушкин, но ему простительно: не аналитик. Пройдет более 200 лет и что? «Оковы тяжкие» не упали, а напротив — крепче сомкнулись. Темницы не рухнули и свобода не явилась во всей красивой наготе («Свобода приходи нагая» — это уже другой поэт — Велимир Хлебников). В 1991-м народ, памятуя пушкинские надежды снес памятник Феликса Дзержинского, но не посмел штурмовать «готическое здание ЧК» на Лубянке (это определение еще одного поэта — Коржавина). Ну, а в декабре 1999 года президент Ельцин отдал Россию в руки молодого чекиста из Питера, и снова самовластие, самодержавная вертикаль и прочие прелести тоталитарного режима. Но об этом — в 3-ей книге Дневников.

Предисловие затянулось. От общей истории к себе любимому. Ну, а я-то? Что делал в лихолетье крушения СССР, как выжил, не сошел с ума, а взял себя в руки и осознал, что пришло мое время: время литературной свободы! Перемена вех не

застала меня врасплох, я готовился к будущему, много собирал интересных материалов, писал и сочинял сам, оттачивал писательское мастерство. А сделанный в стол грандиозный календарь мировой истории по существу стал пропуском в различные отечественные СМИ. Сначала журнал «Наука и жизнь», потом популярная газета для интеллигенции «Вечерний клуб». И т.д. и т.п. Газеты, журналы, книги, радио, ТВ, творческие вечера, презентации книг, интервью, фотографии и прочий шлейф сиюминутной популярности. Звезда не звезда, но многие бурчали : «Что не возьмешь, что не включишь, даже утюг, там — Юрий Безелянский».

Четверть века я был, выражаясь военным языком, на передовом рубеже, но в течение этих бурлящих лет все время что-то закрывалось: исчезло издательство «Радуга», прекратили существование многие газеты и журналы, не выдержал конкурентной борьбы канал «Дарья-ТВ» и прочее. Соответственно уменьшились различные приглашения, умолкли телефонные звонки, и остался я наедине со своими воспоминаниями и дневниками. И как бы в конечном счете не попасть в положении горьковского Барона из пьесы «На дне» с его воплем: «Было! Все было!..» или,

почувствовав свою отчужденность, признаться, как это сделал мой современник поэт Владимир Рецептер:

Сижу и молчу, опершись на кулак.
Для тех и для этих изгой и чужак.

Нет-нет, никакого отчаяния. Есть удовлетворение от проделанной работы за многие десятилетия. Есть, что предъявить и, возможно даже удивить взыскательного читателя. Впрочем, я кажется по-стариковски заговорился и пора перейти непосредственно к пламенным дневникам 90-х годов.

Читайте, вникайте, думайте, сопереживайте и делайте выводы.

26–28 октября 2020

Картина боя

Земля тряслась – как наши груди,
Смешались в кучу кони люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный бой…
…Звенел булат, картечь визжала,
Рука бойца колоть устала…

Михаил Лермонтов «Бородино»
Впервые напечатано в журнале «Современник», 1837

Странный выбор эпиграфа. В 1812 шла Отечественная война с неприятелем, врагом, с Наполеоном, напавшем на Россию. А в 90-х годах XX века никакого внешнего врага не было. Советский Союз сам развалился, разрушился, грохнулся под грузом своих внутренних проблем, не выдержав противостояния в холодной войне с Западом. Неповоротливая партийная бюрократия и неуклюжая система планового хозяйства довели советскую империю до ручки. И СССР

разбился, как цветочный горшок.

И историческая параллель, как рухнула царская Россия, иначе говоря, правящий дом Романовых. «Еще совсем недавно самодержавие стояло над нами: казалось, так крепко, что брало отчаяние, когда же и какими силами оно будет, наконец, сброшено, — записал в своей заветной тетради Викентий Вересаев. — И вот случилось как будто совсем невероятное чудо: как легко, как просто сводилось это чудовище жизни которого: казалось конца не будет. Прямо — чудо…»

И вот второе чудо: был Советский Союз — и нет его! Исчез. Растворился. Новая страна, новая аббревиатура РФ — Российская Федерация, а от былой советской империи откололись целые куски. Национальные элиты наконец приобрели свою власть…

По-разному пережили крах и развал СССР его бывшие граждане. Меньшая часть, партийно-государственная номенклатура, директора заводов и разных предприятий откусили от общей собственности лакомые кусочки и стали благоденствовать. А основная масса бывших советских людей оказалась у разбитого корыта, ей досталась лишь дырка от бублика. Многие лишились работы: закрылись заводы и фабрики,

прекратили свое существования теплые местечки для интеллигенции: всякие НИИ, редакции, конторы «Рога и Копыта» и т.д. Россиян, грубо говоря, просто кинули. Женщины приспособились лучше мужчин, став челноками, накормили свои семьи да еще одели и обули почти всю страну.

В 90-е на Российской авансцене появились новые социальные группы, оттеснив рабочих и крестьян с прослойкой интеллигенции, ради которых и совершалась Октябрьская революция. У президента Ельцина не хватило смелости запретить и осудить коммунистическую партию, ленинско-сталинских гвардию, и они вновь замаячили на престижных должностях вместе с бывшими лидерами ВЛКСМ. К ним подключились новые социальные группы и подгруппы: олигархи, бандиты, авантюристы, разные мошенники, ловкачи, строители финансовых пирамид (знаменитый Мавроди — один из них), колдуны и колдуньи, маги и психовещатели, врачеватели и заклинатели (Кашпировский, Джуна и др.) Персонажи яркие и экзотические: Чубайс, Жирик, генерал Лебедь и прочие. Политический ландшафт страны в 90-х был пестр, экстравагантен.

Подняла голову вечно шпыняемая при советской власти эстрада и сатира. Появилось

огромное число певцов, юмористов, анекдотчиков, и все они научились собирать урожаи денег. Если раньше на подмостках были пляски вокруг «дефицита» (нехватка товаров и услуг), то в 90-х язвили по поводу секса и с радостью обнажали человеческие пороки.

Короче, жизнь в 90-х бурная, драматичная, порою смешная и какая-то глупая. И на этом фоне — половодье свободы: новые газеты и журналы, книги, раскованные ТВ и радиопрограммы (феномен Влада Листьева). Много хорошего и необычного вдруг всплывало на поверхность бывшей тихой советской заводи, по крайней мере, в культурной жизни. И в ней, в этой жизни я со своими календарём и разными лит. придумками оказался весьма кстати. 90-е годы — это мои золотые творческие годы. В 60 лет я стал человек с именем, «Изобретатель нового времени».

Из журналиста в писатели. Первая книга — нецензурная хроника российской жизни — «От Рюрика до Ельцина» (тираж 50 тыс. экз.). Публикации в различных газетах и журналах, и даже в Америке. ТВ и радио. Творческие вечера и презентации книг. Контакты с известными людьми. Многочисленные интервью. И ярлыки к имени: «Человек-архив», «Библиоман и кол-

лекционер», «Рыцарь Серебряного и летописец Огненного века» и т.д. Перечислять можно много всего, но лучше начать знакомиться с книгой. В ней пошагово хроникально по дням, месяцам и годам представлена творческое горение и кипение Ю. Б. И какую цену мне пришлось платить за свой успех (сколько зубов потерял при этом, какие хвори меня одолевали), — все это в книге, без фальши и лакировки, немного с гордостью, немного с юмором и с большей долей грусти и печали. «Я — все одно непостоянство…» — собственное признание.

Хватит предисловий. Развернем картину боя. 90-е…

13 февраля 2021

Маленькое предисловие

На очереди лихие 1990-е, бурное десятилетие в истории России: слом старой советской системы и вхождение в новый капиталистический период с бурями и беспределом. И внутри этого исторического процесса метущийся московский интеллигент в очках, и как писал Игорь Губерман в одном из своих Гариков:

Сильна Россия чудесами
и не устала их плести:
здесь выбирают овны сами
себе волков себя пасти.

Анонс событий из жизни Ю.Б

1990 — пустые полки магазинов. Поиск своей ниши. Вышел в свет Исторический календарь Ю. Б. В октябре Рада Аджубей дала добро на «Некруглые даты» в журнале «Наука и жизнь». Отдых на теплоходе Углич-Ярославль-Кострома. Вторая часть: Карелия, Петрозаводск. А ещё больница…

1991 — в январе первая публикация Календаря мировой истории в «Науке и жизни». Выход отрывного календаря «Забытые даты 92». Начат детективный календарь с Черняком. Поездка в Пушкинские горы совпала с августовским путчем ГКЧП. Знаковые достижения: в «Огоньке» публикация «32-й в стиле ретро», в «Неделе» — воспоминание о Андрее Тарковском, в Останкино приглашение в программу «Книжный двор».

1992 — ликвидация журнала СПК, выход на пенсию в 60 лет. Свободный журналист. Литературный секретарь у Янова. В августе начало длительного сотрудничества с газетой для интеллигенции — «Вечерний клуб». Различные вариации календаря Ю. Б. В сентябре подписан договор на книгу «От Рюрика до Ельцина».

Контакты с парижским издательством «Робер Лаффон». Алла Баянова.

1993 — год сплошного трудоголизма. Календарь на конвейере во многих изданиях. Дебют в «Крокодиле». Работа над опусом о Дзержинском. Октябрьские события — о них в ВК. В «Неделе» — разворот «Тайны частной жизни». Среди тех, о ком писал: Николай Гумилев, Жорж Санд, председатель Мао.

1994 — в январе сигнал книги «От Рюрика до Ельцина». В ВК начали выходить страницы Ю. Б. о поэтах Серебряного века. Солидная публикация о гостинице «Метрополь». 22 января –полоса о Бальмонте. Съемки ТВ — «Золотой шлягер». 1 июля выход Терры. Приезд на дом бригады из ТВ — «Времечко». В Комсомолке вышли любовные приключения, в Собеседнике — знаменитые холостяки. Книжные поклонники Гдлян и Иванов, знаменитые следователи. В «Космо» — «Прекрасная дама в стихах и в жизни» (Любовь Менделеева).

1995 — сплошная круговерть: газеты, журналы, радио, ТВ. На Р-1 запущена программа «Крылатые амуры». В «Новом русском слове» (Нью-Йорк) публикация «Венера в мехах на площади Ленина»(Захер-Мазох). В работе книга «Любовь

и судьба», задуманы «В садах любви», «Луна и русская поэзия», попал в проект ТВ «Старая квартира». Интервью с Радой Аджубей, а в ВК уже интервью со мной. И еще интервью в «Журналисте»: человек-архив… Письма читателей. В конце марта Германия с выездом в Амстердам и Брюссель, затем однодневный выезд в Париж. На съемках «Старой квартиры» разговор с Татьяной Окуневской. Рекорд: 178 газетно-журнальных публикаций. Расставание с «Наукой и жизнью»: Боливар не выдержал… В «Работнице» — Сергей Есенин, в ВК Зинаида Гиппиус.

1996 — на Пятницкой р/с «Голос России», в программе Валерия Горкина «Четвертая власть» большое интервью. На р/с Надежда — в программе «Час любви». На ТВ на Шаболовке. В ВК — Оскар Уайльд. И с коллективом ВК теплоходом по каналу. Ресторанная тусовка в ЦДЛ. А в конце марта — тур Италия дель Арте. Верона, Венеция, Пиза, Флоренция, Рим, Ассизи…

1997 — творческая молотьба на пишущей машинке. В Вечорке запущена рубрика «Вблизи Парнаса и Голгофы». «Любовь и судьба» в рейтинге самых читаемых книг. Новый журнал «Каприз». Встреча на Ильинке с высшим чиновником Иваном Рыбкиным. В середине апреля тур

«Очаровательная Вена» с выездом в замок Майерлинг. Еще поездка в Зальцбург. В ВМ публикация о Джеймсе Бонде, агент 007. Сбор в честь 5-летия филиала газеты «Новое русское слово». Поиски новых издательств. Журнал «Элле». 6 августа — Аиф о Ю. Б. в рубрике «Жизнь на фоне Москвы». Удача в издательстве «Радуга». Пришел и заключил договор, и была издана «Вера, Надежда, Любовь».

1998 — урожайный год. Вышли две книги: «Поцелуй от Версаче» (Звезды, кумиры, идолы) и «Вера, Надежда, Любовь», запущен в «Современнике» — «Налог на любовь». Куча газетно-журнальных публикаций от «У самовара я и Чернышевский» до «Ароматов парижских кафе». С Быковым вышло совместное интервью в ВК о старой и новой журналистике. Творческий вечер в ЦДЛ. В Горбачев-центре встреча-беседа с Михаилом Сергеевичем. И Париж в середине мая.

1999 — рекорд по книгам — четыре! — «Улыбка Джоконды», «Налог на любовь», «Страсти по Луне», «Клуб 1932». Начало сотрудничества с журналом «Аккорд». В ВК рубрика «Россия, XX век» — спецвыпуски по десятилетиям века. Выступление в «Клубе Раисы Максимовны» по теме: «Женщины и масс-медиа». «Дарьял-ТВ». 7 августа

съемка первой программы сериала «Академия любви»: «Пушкин и женщины». В сентябре тур по Германии: Берлин, Гамбург, Бремен, Кёльн по берегам Рейна, Франкфурт-на-Майне… 29 сентября — от «Радуги» в Тверь, презентация книг. 29 октября — юбилей иновещания. 6 декабря — в редакции ВМ встреча героев книги «Клуб 1932». В течение года занимался книгой «5-й пункт, или Коктейль «Россия».

1990 – 57/58 лет

7 января

Как встречали год Лошади? Горели три свечки, стояли три бутылки (коньяк, ликер и минеральная), ели яблоки, пили кофе, заедали югославскими конфетами, даже один раз потанцевали. Досидели до 3-х часов ночи. По ТВ Эдита Пьеха утешала:

Ничего, что время проходит,

Ничего, все должно получиться.

Что именно получится, — Пьеха не уточняла. Но лучшим номером новогодней программы была песня «Хелло, Долли!» в исполнении Барбары Стрейзанд и Луи Армстронга. На другой день порадовал ядовитый рассказ Жванецкого о том, как унижает и хамит государство маленькому человеку, а потом его спрашивает: «Ты меня любишь?».

Жизнь потеряла свою стабильность. Теперь все, как на вулкане; того и гляди накроет пеплом или снесет лавой. Одна отдушина: печатаю свои заметки об Италии, разумеется, в стол, и вспоми-

наю, вспоминаю… Ходили в гости к Куриленко и вместо уютных разговоров о прочитанном и увиденном в кино — горячечные разговоры о политике: о возможной гражданской войне, о грядущих погромах. Молодое поколение намерено тикать из страны, не видя тут для себя никаких перспектив. Ну, а что делать нам, пожилым и старым?..

21 января

По Николаю Рубцову: «Что было веселым в начале, то стало печальным в конце…». Чувствую, как все болит и разваливаюсь, даже ногти ломаются. Не мудрено: помимо возраста, что едим, что пьем, чем дышим? Пресса бьет тревогу: в пище много тяжелых металлов — соединений кадмия, цинка, еще свинец. Экология — проблема номер один.

Все завязалось в один страшный узел: экология, политика, экономика. Мгновенный крах коммунистических стран Восточной Европы. Все открещиваются от социализма, от советской модели развития. А что деется у нас? Экономический развал. Политическое брожение. Вслед за Литвой, которая хочет уйти из-под ига Советов, забурлил Кавказ. Карабах. Резня, погромы. Ленкорань заявила о выходе из состава СССР. Трещит

по швам империя. Что грядет? Смена режима? Сильная рука? Диктатура? Одно ясно: не будет спокойной старости. Вот такие дела, господа офицеры и рядовые радиослушатели, как пошутил диктор. И как сказал Александр Невзоров, звезда ленинградского ТВ: «Наша жизнь становится, по-моему, все отвратительнее…» Тут получил талоны на сахар. А на ботинки будут талоны?.. Морозы сменились оттепелью. Настроение так себе…

28 января

В прошлое воскресенье программу «7 дней» Сагалаев начал так: «Наберитесь мужества…» И тут же кадры из Азербайджана: погромы, кровь, танки, боевики из народного фронта… И Москва отличилась. 18 января в ЦДЛ к писателям объединения «Апрель» ворвались представители «Памяти» и учинили шабаш. Пообещали в следующий раз придти с автоматами и уничтожить писателей жидо-масонов. Газеты полны возмущений. Юрий Щекочихин потребовал от министра МВД Бакатина ответа: почему милиция оберегает «Память»? Преторианская гвардия для особых целей?.. Идут местные бунты против партаппарата в Тюмени, Волгограде и других местах: скидывают первых секретарей, членов обкома… В Восточной

Европе спешно избавляются от коммунистов и сажают руководителей на скамью подсудимых. Кое для кого сладкая коммунистическая сказка заканчивается… А мы? Евтушенко в «Огоньке» выдал стихотворение «Половинчатость»:

Полубоимся, полубезобразим…
Немножко тот, а все же полутот
Партийный слабовольный Стенька Разин
Полуидет на полуэшафот…

«Свобода половинная» «Родину не полуспасет», и, действительно, все делается половинчато: верхи боятся кардинальных мер и перемен, а низы погрязли в замшелых догмах и только гремят социалистическими кандалами. Одна женщина вопила по ТВ: «Нельзя Ленина убирать из мавзоля!» Так и сказала: из мавзоля! И эта не только лексическая, но, прежде всего, политическая, социальная, этическая неграмотность. Какая-то слепая языческая вера в социализм и боязнь капитализма (хорошо поработали в свое время наши поэты и пропагандисты, начиная с Маяковского).

4 февраля

Во время обеда с Григорием 29-го сбежали на выставку, которую собирал в течение 35 лет некий Леонид Бессмертных и представил на Петровских линиях. Эротика, от античности до наших дней. Сенсация. Шок. То, что мы смотрели с Черняком в Швеции-Дании, представлено у нас. Любые картинки: груди, зады и лоно. Посетители смотрят внимательно и сосредоточенно. Как кто-то сострил в газете: «На вернисаже как-то раз меня эротикой потряс…». Эх, такую бы выставку да посмотреть в 1949 году в 17 лет! А в то время потрясали только надписи на заборах… А какие книги! И все это тщательно скрывалось от советского человека: главное — труд, а всего остального — как бы не существует… На выставке впервые увидел тексты Ивана Баркова, о которых только слышал. «Еб… мать, сказала королева, увидя х.. персидского царя…». Не хочу приводить матерные слова и тем самым осквернять свой дневник. Непристойности? Но живем-то в непристойные времена!..

В бывшей «Лире» новый иностранный ресторан «Большой Мак», тысячная толпа страждущих. Что, нас стал кормить иностранный дядя? Позор какой-то… Отвлекаю себя от проблем и клею фотоальбом. Дома популярная фраза: «Ложись!

Снимай штаны!» Ще неосторожно повторила ее на работе, на что Лиля вполне серьезно сказала: «А зачем?» В подверстку эротике.

11 февраля

Дневник пишу раз в неделю, по воскресеньям. И что? Был грандиозный митинг, более 200 тысяч на Манежной площади. Разные лозунги: «С кем вы, Михаил Сергеевич?», «Лучше склероз, чем такая «Память» и т.д. Были и крики: шельмуют партоаппарат!.. Приезжал госсекретарь США Бейкер, налаживать контакты. Парадоксальная ситуация: все хотят помочь тонущему социалистическому кораблю. Очевидно, на Западе считают, что лучше иметь дело со спокойным и сытым медведем, чем с разъяренным и голодным медведем-шатуном. А в итоге проснешься в один день в России и подивишься: кругом одни «Макдональдсы». Дай-то Бог! Хотя бы в старости лет пожить приличным образом…

18 февраля

Недели так и щелкают!.. Воскресенье — и снова воскресенье, успевай только записывать в дневнике, ибо событий — пруд пруди. После Баку волнения в Душанбе. Волной по стране катятся митинги, забастовки, отставки областных

партийных руководителей. Страна корчится и вздрагивает, а я, как летописец, стараюсь занести в свой Календарь самое интересное. Изнемогаю от чтения, вырезок и записей. Хватаюсь сначала за прессу, а журналы лежат и ждут. А еще быт. Тут пошел получать белье в прачечной, и там кипят страсти: закрываются пункты приема белья, некому работать, на фабриках нечем стирать и т.д. Рассказываю Ще, она в слезы: «Давай уедем!»

Звонил Хаче, человеку ныне близкому к Кремлю и Совмину, он: «Принимаем интересные документы». «Оно и видно, — говорю я, — результат налицо». «Не, не ехидничай», — парировал он. Да, наши пути с ним разошлись: я среди бедствующего народа, он — в ряду жирующего чиновничества и весь в административном восторге.

25 февраля

21-го позвонила Майя, жена Гаврилова: умер Аркадий и рыдает. Он подготовил книгу переводов американском поэтессы Эмили Дикинсон и поехал на Качалова в студию грамзаписи послушать, как записали ее стихи, прихватило сердце, — и нет Аркадия Гаврилова. Собирал книги, переводил, писал стихи сам и в 58 лет сгорел (он с 1931). Очень жалко его, он хотел со мной

дружить, а я как-то не шел ему навстречу…

А на следующий день — ЧП. По гороскопу это был счастливый день для Рыб, ну, а мне выпало исключение. Ушел рано с работы, номер сдали, расслабился плюс мысли о Гаврилове, короче, увидел на Соколе пустой троллейбус и бросился к нему, а тут мчится трамвай и не трезвонит. Я в него буквально врезался: увидел поздно, опять же плохое боковое зрение. Ударился о металлический бок трамвая и отлетел от него в грязь. На какую-то секунду потерял сознание. Лежу и никто, естественно, не бросается меня поднять, хотя метро рядом и кругом куча народа. Наконец, подлетает маленькая женщина, оказалось, водитель трамвая и просит, чтобы я ей подписал справку, что она не виновата. «А я вас не виню, — говорю я, — сам виноват». Просит телефон, я ей дал, и она несколько раз звонила: «Это Зина, ваша обидчица, ради Бога простите меня, пожалуйста, давайте я вам возмещу ущерб…»

«Нас всех подстерегает случай!..» Я и трамвай. Я и Зина. Перекрещивание судьбы. Пришлось обращаться в травмопункт. Хирург постучал пальцем по черепу и заявил, что он цел. Обошлось и без сотрясения мозга. Только дуля на лбу от удара. А в эти же дни на улице Горького рухнул карниз,

и насмерть прибило москвича-пенсионера, а до этого погибла молодая женщина — рухнула наледь с крыши… Все ходим под Богом, как гласит народная мудрость.

4 марта

Накануне 58-летия одолела хвороба с высокой температурой. Дали бюллетень. Ще в панике, но наутро 1-го я запел: «Знаю я одно прелестное местечко, под горой, где маленькая речка» (из оперетты «Холопка»), чем страшно перепугал супругу. 2 марта встретил со слабостью во всех членах, но тем не менее активно читал. В «Вопросах истории» интереснейшие материалы, связанные с Плехановым, Троцким и Раковским… В «Огоньке» — Амальрик «Доживет ли Советский Союз до 1984 года». В «Литературной России» — письмо 76-ти писателей России (от Проскурина до Шундика), все подписанты брезжат слюной ненависти к «Огоньку», «Юности», «Взгляду» и другим популярным изданиям. Сальеризм. Троечники завидуют отличникам литературы — Вознесенскому, Битову, Фазилю Искандеру и другим. А первый у заединщиков враг — Виталий Коротич.

9 марта

Вытащили на свет много ранее закрытых материалов, которые по-иному высвечивают фигуры вождей. И возникает неприглядная картина: проводились эксперименты над собственным народом. Кровь, боль, страдания. Миллионы обманутых лжепророками, и самое ужасное то, что эти обманутые, народ, не хотят знать правды и продолжают верить в своих идолов. На каком-то митинге я случайно услышал, как одна женщина яростно отбивала атаки на КПСС и кричала: «Вас партия всю жизнь вела по правильному пути!..». Их вели! Как выразился Вознесенский: «цыгане социализма». Вели и привели в тупик…

18 марта

На экономическом семинаре в Домжуре Татьяна Корягина подтвердила, что развал империи неизбежен. И что «нужна честная политика — все заврано…». Сидящие в зале журналисты остро реагировали на такие понятия, как частная собственность, безработица, — всем было страшно. И все дружно просили лекторов: «Дайте хоть немного оптимизма!» И все полагались на авось: авось пронесет. Уцелеем. Не развалимся. Новации пугают. Кто-то создал кооператив, заработал деньги и тут же был ограблен и жестоко избит.

Новые времена? И это не фильм Чарли Чап-

лина, а наша новая реальность. Как написал в газете «Экран и сцена» Юрий Богомолов: «Абсурдизм, который еще в 70-е годы казался сугубо интеллектуальной проблемой, ныне стал бытовой, житейской… Мы вышли в открытое море абсурдизма. Один берег постепенно скрывается из виду, другого не видать. Одни мифы отринуты, другие не придуманы. Мы в положении Одиссея. Впереди соблазны, ужасы, сирены, циклопы и прочие кошмары…».

Так оно и есть.

1 апреля

В типографии в Чехове журнал завернули: грязные страницы. Пришлось звонить в Чехов и бархатным голосом просить не выкидывать журнал из графика. Кто виноват? Не только машинистка, техред, ответственный секретарь, но и вся страна: ленты нет, клея нет, бумага неформатная и разных оттенков, короче, — бордель!..

В «Лит. России» помещена стенограмма последнего пленума писателей России: снова вопли и крик, русских писателей обижают писатели-евреи. Бондарев, Куняев, Бондаренко, — до чего же агрессивная публика! В «Советской культуре» и в «Известиях» дана отповедь… Писательские голоса — это всего лишь писк по сравнению с

тем, что происходит во всем мире. Кругом какой-то глобальный ледоход: ледяные глыбы сдвигаются, наскакивают друг на друга, рушатся, тают… Господи, пожить бы еще, узнать, что будет дальше? Как будет распадаться советская империя на части… Закавказье, Прибалтика, Украина, Молдавия — все бурлит,] еще дуэль Ландбергис-Горбачев. Как все это вместить в мой исторический календарь, ума не приложу…

8 апреля

В ЦДЛ за кофе с Анисимом обсуждали перспективы работы в каком-то предприятии-кооперативе с трудновыговариваемым названием, где Анисим должен заниматься рекламой, а я — публицистикой. Грандиознее планы: вечера шоу, моды, спектакли, зарубежные связи и т.д. Как у Ильфа и Петрова в «Двенадцати стульях»: «По темным углам дворницкой вспыхивал и дрожал изумрудный весенний свет, брильянтовый дым держался над потолком…». Непонятно, что это все — грандиозная панама или новый шанс для успеха?..

Вздох-воспоминание спустя 20 лет: и сколько было таких встреч и надежд: то одна возникла идея, то вспыхивала

другая. Метались, надеялись, мечтали, – и все оказывалось пустым. Не журналистикой, не литературой надо было тогда заниматься, а купить по бросовым ценам какой-то завод или цех, а еще лучше припасть к газовой трубе или нефтяной скважине, и качать миллионы. Не допёрли. Лопухи-романтики… Но, с другой стороны: остались живыми. Сколько предпринимателей полегло на полях первоначального накопления капиталов, при приватизации, при дележе собственности… (17 ноября 2010)

15 апреля

Работа в журнале идет сама по себе, а я весь в поиске исторических персон для своего Календаря мировой истории. Познакомился с книгой Воронцова «Чан Кайши», о судьбе китайского Бонапарта. Календарь все прибавляется, пухнет, интересно, будет ли он когда-нибудь опубликован или хотя бы фрагменты из него?..

Еще одна новая фигура в Календаре — писатель Вячеслав Пьецух: «Наше государство еще не научилось существовать, не грабя своих работников…» О евреях: «…никак в толк не возьму: чего к нашим евреям прицепились нынешние лабазни-

ки — ведь они такие же несчастные, как и мы!.. Вообще, тяжелая наша страна, беспросветная какая-то и не приспособленная для жизни…».

Но кто-то ведь должен быть виноватым? Враги, евреи, только не мы сами. А евреи кругом, даже Пушкин не Пушкин, а Пушкинд, Лермонтов — это Мойше Лерман. А если доходить до абсурда, то Юрий Бондарев — Арон Бундер. «Евреи, евреи и даже в Мавзолее!..». Как написала в одном фельетоне Татьяна Толстая: «Куда бежать, православные?!».

6 мая

Еще одно ЧП. 27 апреля в редакции подошел к шкафу за томом БСЭ (опять Италия!), и вдруг сверху падает толстенное стекло и разбивается на мириады мелких осколков. По касательной по голове, но руку задело и хлещет кровь. На ровном месте. У книжного шкафа! В итоге хирург, уколы, перевязки, — и можно петь песню Шульженко «Руки»…

Первого мая по ТВ посмотрели необычный митинг-маевку. Народ вышел с лозунгами «Долой!» и «Из кресла — на нары!» Власть дозволила свободу и тут же получила по полной программе: недовольствие и гнев.

15 мая

Неожиданные осложнения от противостолбнячной сыворотки: красные пятна на ногах, какие-то еще воспаления, давление, температура, все 33 несчастья. Две «скорые»…

22 мая

Все кончилось тем, что попал на 7 дней в больницу № 24 на Писцовой улице, где лечат «сывороточников». Отделение лекарственной патологии: не я один с аллергическими неприятностями. Активно лечили, подробности опускаю: не так уж все это интересно. Когда лежишь в палате, то все интересно, а вышел из больницы — все забыл.

Санаторий на Писцовой.
Возрожденье к жизни новой.
Благодарен, что живу.
Ем и пью, в окно гляжу.
Жизни снова я гонец.
Хорошо, что не «песец»…

Любопытный был разговор с одним больным, который заявил, что не верит ни в социализм, ни в партию, ни в правительство. «А когда разуверились?» — спросил я. Он ответил, что давно, что еще в коллективизацию насмотрелся всего

— и беззаконний, и издевательств. Ну, а я, когда пришел в себя, с упоением читал принесенные журналы — «Вопросы литературы», «Горизонт» — о Пастернаке, о генерале Григоренко, о гонении на Лидию Чуковскую… При выписке подтвердилось, что была сывороточная болезнь, вкололи лошадиную дозу сыворотки. А раз так, то на ипподром ни ногой, — шутка…

27 мая

Вчера в «Правде» помещено письмо одного партийца: «…партия непростительно виновата перед народом за неслыханные злодеяния, массовое насилие, уничтожение интеллигенции и крестьянства, подавление свобод, оболванивание людей, коррупцию, ложь и демагогию, ублюдочную экономику…». Читаю и не верю: это в «Правде»?! Но куда денешься от правды: провал во всем. Покупаю кипу газет, и в каждой горькие факты и гневные обвинения, куда завели некогда преуспевающую Россию?.. В кинотеатре «Ленинград» смотрели американский фильм «Замужем за мафией», в главной роли Мишель Пфайффер. После картины зашли в магазин, там не в зале, а во дворе дают банное мыло. Столпотворение, набирают сумками. Очередь хмурая. Кто-то из ребят-грузчиков решил разбить угрюмость и

запел: «…А Ленин такой молодой!..». Никто даже не улыбнулся… А в винном магазине кому-то в кровь разбили лицо, он причитал от боли, а ему сурово отвечали в толпе: «Что кричишь, как баба!» Картинки с выставки. Но не Мусоргского, а наших дней. В «Огоньке» стихи Льва Лосева:

Что делать – дурная эпоха.
В почете палач и пройдоха.
Хорошего – только война.
Что делать, такая эпоха
досталась, дурная эпоха.
Другая пока не видна…

17 июня

В редакции постоянные булавочные схватки с Фоминым. Он втыкает в меня, а я не остаюсь в долгу, и как сдача номера, так лихорадка: заголовки, клей, бумага, стрессы и стрессики, хотя лично я пытаюсь не выходить из берегов и сохранять олимпийское спокойствие… Греет надежда на издание нового частного журнала под названием «БРИМ». Чиж попросила написать предисловие. Конечно, сочинил. Концовка такая: «Читайте новый журнал «БРИМ». Ни дня без Брима.

БРИМ – это литературный Крым.

Немного прошлого дым.
Да, в целом, – «хорошо сидим».
Читайте «БРИМ»!

Реплика. Оглядываясь назад: «БРИМ» так и не вышел. Идея не реализовалась. Все тот же бриллиантовый дым… (18 ноября 2010).

8 июля

С интересом смотрю матчи чемпионата мира по футболу и с неменьшим интересом читаю съездовские выступления. Доклад Горбачева разочаровал: неяркий, стертый, какой-то творчески бесплодный. Из нынешних верховных руководителей мне импонирует один — Александр Николаевич Яковлев. Умница. Все правильно понимает и говорит на нормальном человеческом языке, а не на языке партийных заклинаний… Но именно его многие не любят, а «Молодая гвардия» сплясала на нем отвратительный канкан.

Дочитал «И возвращается ветер…» Владимира Буковского в шестом номере журнала «Театр». Пропаганда рисовала нам его как примитивного уголовника, а он — тонкий, все понимающий, чувствующий человек. Да еще и беспримерного

мужества (таких с десяток: Сахаров, Солженицын, Марченко, Новодворская и т.д.). Буковский презрел карьеру, комфорт, покой и бросил свою жизнь на алтарь идеи — добиться свободы в СССР. Буковский и другие диссиденты, инакомыслящие, отказники и прочие борцы с режимом и раскачали, в конечном счете, этот огромный имперский корабль и заставили его идти по курсу демократии и гласности. А я вот включиться в эту борьбу, и надо честно в этом признаться, не смог. Остался всего лишь во внутренней оппозиции и бунтовал иногда в своих бумагах в стол. Нет во мне искры Аввакума. Я — историк, свидетель, летописец, а не боец баррикад. Я, как Ежи Лец, считаю, что если головой разбить стену камеры, то обязательно окажешься в другой…

15 июля

Закончился 28-й съезд КПСС. Леонид Лиходеев съехидничал: «Может быть, социализм и с поротой задницей». Десятилетия страха и немоты прошли, и маятник остервенело качнулся в другую сторону: публично говорят так, как все равно что бьют по морде! В адрес социализма и партии звучат звонкие затрещины, что только диву даешься. Вот уж воистину от аллилуйи к проклятию, — один шаг.

22 июля

Вечером 15-го пошли на грандиозный митинг демократической общественности. Море людей. Лозунги, плакаты, знамена. Перечеркнутый Ленин. «Каждому коммунисту — отдельный мавзолей» и т.д.

Человеческая масса наэлектризована, дай приказ — и Кремль разнесут в клочья, по кирпичу. Милиция спокойно взирает на происходящее и никого не берет за грудки: боятся кровопролития. Тут же продают неформальные радикальные издания, и какая-то женщина продавала сливу. Стоит спокойно так и торгует сливой. Покупают. И это было весьма удивительно. Митинг митингами, а слива сливой. И покричать хочется, и покушать сливу…

Ну, а моя позиция? Хватит играть в идеи и догмы. Хватит социализма, дайте народу свободу не только слова и передвижения, но и выбор разнообразной работы. Жизнь одна, она кончается и зверски хочется пожить по-человечески: имея деньги, позволить себе то, что хочется. А хочется, как известно, в Париж…

И опять ремарка из будущего. В Париж попал спустя 5 лет. Свободы пришли, но

дозволенные и в урезанном виде. Так называемая «суверенная демократия». Ну, а митинги запрещены. Правда, горстки народа собираются, но никаких грандиозных шествий 1990 года нет и в помине, как нет и Манежной площади. Кто тогда предполагал, что все кипение и бурление кончится строгим порядком, ОМОНом и дубинками… (18 ноября 2010).

5 августа

1 августа отмечали 50-летие Ще на работе, а 4-го — дома. В итоге 99 роз (не поленился посчитать) плюс 13 георгин и 8 коричневых ромашек. Заполнены все вазы и бокалы, банки и прочие стеклянные штучки. И все это источает аромат. Я написал несколько вариантов стихотворных поздравлении. Вот один из них:

Не надо морщить лоб, и думать, и грустить,

Считать года, как стертые монеты,

Печально так смотреть и зеркало хулить

За возрастные всякие приметы.

Что нам дано – того не поменять!

А по сему не будем озлобляться
Не надо все плохое замечать,
А лучше петь и улыбаться!..

12 августа

Сделанный мною юбилейный альбом Ще вызвал неоднозначную реакцию. Анисим оценил альбом как творчество Петрарки (я долго смеялся по этому поводу), на работе у Ще после просмотра альбома у одной сотрудницы мгновенно заболела голова, другая поджала губы и т.д. Словом, почему не мне?!..

8-го кончились продукты, и пошел на рынок. Он почти пустой, и это летом! Купил всего лишь один кабачок.

Мы теперь уже ветераны,
Но об этом, товарищ, молчок!
Раньше я любил баклажаны,
А теперь я люблю кабачок.

Ни мороженого, ни минеральной воды, ничего. Вышел на улицу и матерно выругался. Сзади шедший пьяненький рабочий поддержал: «Правильно, отец! Страна е…ная!». В третьем номере «Нашего наследия» письма художника Мих. Нестерова. 23 ноября 1917 года он писал:

«Не стало великой, дорогой нам, родной и понятной России. Она подменена в несколько месяцев. От ее умного, даровитого, гордого народа — осталось что-то фантастически-нелепое, варварское, грязное и низкое… Все провалилось в тартарары. Не стало Пушкиных, нет больше Достоевских и Толстых — одна черная дыра и из нее валят смрадные испарения — «товарищей» — солдат, рабочих и всяческих душегубов и грабителей…».

Как духовито. Спустя 72 с половиною года Андрей Нуйкин в «Огоньке» о том же самом, о социализме: «Все мы нахлебались его досыта, до тошноты… я презираю этот насквозь прогнивший, насквозь лицемерный строй, ведущий к нищете, невежеству, нравственному одичанию, бессмысленному разграблению и запакощиванию природы; строй, при котором кучка невежественных, бездарных политиканов и уголовников может бесконечно долго и безнаказанно измываться над великой державой…».

При Нестерове ЭТО началось, при Нуйкине ЭТО заканчивается. В этом году небывалый урожай, а собрать не могут: нет машин, бензина, хранилищ, людей и т.д. И при этом крик генералов: не трожьте великую армию, наши дачи, привиле-

гии, пусть все останется как есть…

19 августа

Задуманный Чижом журнал, кажется, заглох. И Чиж к нему охладела, заявила, что он чересчур эстетный и его будут плохо покупать, мол, сегодня нужно иное: астрология, хиромантия, секс, загробная жизнь, — вот что читают. А кому нужен, к примеру, Булгаков?!.. Обидно. Так хотелось увидеть свой Календарь напечатанным.

26 августа

«Огонек» продолжает наносить нокаутирующие удары системе, режиму, развертывает полотна ужасного исторического прошлого. «Сплошная чернуха!» — кричат патриоты. Действительно, позади чернота, а что впереди? Кинорежиссер Сергей Соловьев в интервью говорит, что пытается отвоевать хотя бы «один кусок жизненного пространства». И далее: «Ненавижу корчить многозначительную трагическую мину. Нужно просто иметь силы и мужество жить дальше».

Да, дальше, дальше… В пятницу с утра помчался за газетами. Когда-то бегал за «Футболом», в эпоху перестройки — за «Московскими новостями», теперь за приложением к «Мегаполису» — «Экс-

прессом» и еще за «Коммерсантом» — самые интересные ныне издания. Получили 190 рублей по старым облигациям: 40 истратили на кофту Ще, а за 40 рублей купили Набокова: под одной обложкой «Машенька» и «Лолита». Своя Лолита! Не мечтал… Посмотрели ныне всеми обсуждаемый документальный фильм Сергея Говорухина «Так жить нельзя». Володя Ильин заявил: антисоветский фильм. Боится за себя, за свои привилегии… Но как говорил Давид Самойлов: времена не выбирают, в них живут и умирают. Главное, найти свою нишу. Я нашел: книги, календарь, дом.

2 сентября

Интересненькая газета «СПИД-инфо». Чего там нет, даже про женский онанизм. И всякие фокусы и извращения, а мы-то в юности ничего такого и не знали. Только надписи на заборах. Были сексуально дремучими и, соответственно, сколько недополучили удовольствий. Все фрагментарно, наспех. А сколько миллионов семей из-за постели было порушено и оборвано разных любовных связей. Государство только приучало, привязывало к труду, а все остального как бы не было. «У нас секса нет!» — истерический крик одной дамы на ТВ.

9 сентября

После зубной эпопеи еле пришел в себя… Паника с продуктами: слух о том, что пропадет соль, пришлось купить две пачки. На работе получил заказ с ивасями (зарплата в ивасях?). Газеты развлекаются: что будет, когда ничего не будет? Ответ: ничего не будет. Но все равно выживем. Страх сменился даже некоторым азартом: ну, что там еще исчезнет завтра?!..

На сессии Верховного Совета обсуждение программы приватизации-капитализации. И все боятся. Патриоты надрываются: у России свой путь! нам сытость не нужна, главное — дух, духовность и т.д. Разудалое время!.. По «Маяку» передавали лихую песенку:

А мы при чем, мы не виноваты –

В такой-сякой период родились.

Мы как-то не на тот попали эскалатор:

Другие чешут вверх, а мы сандалим вниз…

16 сентября

Убит Александр Мень, 55 лет. Ще в плаче: «Стрижев обещал познакомить с ним, и вот…» Учился в 554-й школе, младше меня класса на три. В

материалах об отце Мене: его убийство — вызов бесовских сил. Многим он был ненавистен. Интеллектуал-священнослужитель с добрым сердцем. Такие не нужны. Такие мешают. И бесы сожрали его.

Отпуск-90

На теплоходе «Дмитрий Донской» сплавали по маршруту Углич-Ярославль-Кострома. Отправились 19 сентября под марш «Славянки». Каюта узкая, как железнодорожное купе. Но главное — нет гранок, гренок, Фомина и прочих, одна благодать. Только шлюзы и шлюзование на водном пути. Один из них застал меня в туалете. Так сказать, двойное шлюзование, опускаешься вниз вместе с Дмитрием Донским…

Из канала имени Москвы в Московское море… пристань «Ново-Окатово» — бывшая усадьба Фонвизина… Калязин… Скрытая на треть под водой Калязинская колокольня — зрелище в духе фантазий Сальвадора Дали. Затопленные, погубленные земли — безумные творения сталинистов-мичуринцев.

К вечеру 20-го причалили к Угличу. Немного погуляли по городу. Зашибленный, затурканный народ, живущий под красующимся лозунгом «По-

беда Октября — главное событие XX века». Но для угличан основное событие — достать что-либо съестное да выпивку. Супротив кафе «Петушок» возвышается памятник Ленину…

21-го Кострома. Побывали в Ипатьевском монастыре. Состояние полуразрухи, а как могло бы красиво смотреться: монастырские красные стены, златоглавые купола церквей, кресты… А вообще, Кострома — купеческий город, недаром здесь снимали «Бесприданницу». Мучные, табачные, пряничные, масляные ряды… И опять все портит Ильич с воздетой рукой… На улице Симановского сохранился деревянный узорчатый дом, а так — какие-то хибары, развалюхи, старые, никогда не ремонтируемые дома, собаки, старухи, коты… Убогость и запах провинции…

На следующий день — Ярославль. Прекрасная набережная. У церкви Ильи Пророка — бойкая торговля кооперативным изданием «Любовники Екатерины» — святость и грех мило соседствуют…

23-го обратно. Последний шлюз. Шлюзуемся в компании «Багратиона» и «Клары Цеткин». А с утречка 24-го отправились на автобусе в госплановский дом отдыха «Вороново». Тут чувствуется дотация, и второе блюдо «Азу» какое-то явно

доперестроечное — из мяса… В холлах много мрамора и от этого тяжело дышится. А так, вроде, все ухожено и облагорожено. Где-то еще существует церковь с крохотным кладбищем.

Жизнь! ты море и волненье!

Смерть! ты пристань и покой!.. –

писал Карамзин в 1802 году.

Много гуляли, дышали, смотрели кино — по экрану и по видео (разрешенная игривость) — «Последний девственник Америки». Шлягеры по радио: «Подожди — дожди, дожди. Я оставил любовь позади, и теперь у меня впереди — дожди, дожди…» И, действительно, погода была капризная и с дождями. В последний 11-й день, 4 октября донимала полная луна. Проснулись среди ночи: ослепительный голубой свет… Вернулись в Москву: все цело (и об этом теперь надо беспокоиться).

Продолжение отпуска в Москве. Ворох скопившейся прессы и почти пустые полки в магазинах. В пушкинском музее — выставка о Вене, начала XX века. Чарующий Густав Климт.

4-я часть отпуска — Петрозаводск, куда полетели с Ще на маленьком ЯК-40. И отпуск, и командировка — смешанный жанр. Поселили почетно,

в гостинице «Северная». Городок симпатичный с удивительным памятником Отто Куусинену, петрозаводчане зовут его просто «Рыбнадзор». На второй день съездил по журнальным делам в поселок Пряжа. Далее, 11 октября, местные кооперативные руководители делают нам большой фавор и везут на водопад Кивач. «Жемчугу бездна и серебра», — писал Державин в стихотворении «Водопад».

От брызгов синий холм стоит
Далече рев в лесу гремит…

Кивач — второй по величине после Рейнского равнинный водопад Европы.. Высота падения воды — 10,7 м. Кивач находится среди лесного заповедника. Темные ельники, дивные растения и цветы, может быть, калипсо северная, а, может, венерин башмачок. Сопровождающие нас тут же извлекли бутылку коньяка, хлеб, колбасу, минералку и мы, глядя на водопадные брызги, выпили за карельскую природу.

На другой день нас повезли за склады деревообработки за Онежское озеро. Пахнет деревом. Все вроде бы в производственном аккурате и порядке. Далее знакомят с новыми районами Петразаводска — Кукковкой и Древлянкой. Памятник Петру

(1873, скульптор Шредер). Интересен был разговор с руководителями потребсоюза Найденовым и Лиминчуком, оба напуганы идущими переменами и спрашивали меня, якобы знающего из Москвы журналиста: «А что будет дальше?!» Вечером гуляли по Онежской набережной. Чистая вода. Ветерок. Отменный воздух. Минуты благодати… В книжном купил сборничек Клюева.

Из песен Заонежья:

Малец кладочку долбил,
Долотушку притупил,
На точило девку милу
Ненароком залучил.
Я не ведаю про то –
В моготу ли долото,
Зарудело, заалело
Камень тело молодо…

Словом, карэлочка, да?..

13-го октября вернулись в Москву. Последняя заключительная часть отпуска. И снова продовольственная проблема. Мясной кооперативный магазин битком набит, даже стоять в очереди страшно. В остальных магазинах очередей нет, но и продуктов нет. В газетах горячее обсуждение

программы «500 дней». Но об этом даже писать не хочется. Планы, прожекты, надежды… Лучше анекдот. Приходит приятель и говорит, что познакомит с девушками.

— А они ничего?

— Моя вполне ничего… Твоя тоже… особенно, если выпьешь.

Приходят девушки — и крик:

— Нет, я столько не выпью!

21 октября

17-го взял в сумку 17-й том своего Календаря (16–29 октября) и повез в редакцию «Мегаполис-экспресс» на ул. Огарева. Костиков от календаря пришел в восторг, на двери его кабинета под его фамилией добавлено «самый сексуальный и самый разумный». А вот самого главного — Волина — нет и некому определять: пойдет ли мой календарь в номер или нет. Ждем-с… А пока по песне «Мани-мани, нет рубля в кармане…».

А в Календарь все прет информация и прет. «Страницы тайной истории самодержавия», «писатели США» и т.д. Я пытаюсь ее бережно внести в свою Историю. Это я, а вот Олег С. тут как-то признался: «Жизнь прошла… ничего не видели, кроме баб и выпивки…». Ну, и кто виноват?..

Тут обрушился на меня рублевый ливень, —

гонорары. А толку? Ни костюма, ни ботинок, ни стула невозможно купить, только книги и прессу.

27 октября

В редакции появился новый работник — Тихонов из народного контроля. «Он поможет повысить дисциплину», — сказал Фомин. А кто поможет с продуктами и товарами?.. Вчера в отчаянии пошел в редакцию журнала «Наука и жизнь» со своим Календарем. Зам. главного Рада Никитична Аджубей (дочь Хрущева) нырнула в мой том и сказала, что это надо издавать книгой. Я предложил вариант: давать в журнале один день месяца. Аджубей познакомила меня с редактором Еленой Васильевной и — «давайте приносите один ваш день!».

Неужели работал, пилил не зря? Гран-кусок на старость?..

4 ноября

Кажется, начался новый этап жизни. В «Науке и жизни» вовсю работают над «Одним днем из календаря Ю.Б.» и уже надо готовить февраль. Решается вопрос в «Экспрессе». Костюков: «Вы 30 лет ждали, потерпите еще немного...». А не вспугнет ли «Экспресс» «Науку»?

Тут встретил Наума Львовича: эмигрирует в Штаты, уже есть билеты. Добился статуса «беженец». Подтянутый, довольный: «Ведь тут будет гражданская война…» Уже говорит «тут», а в мыслях он уже «там». А что делать нам с Ще? Мысль уехать иногда приходит в голову и тут же уходит, начинать жизнь в 58 года поздно, да еще без знания языка. Нет, мы не уедем. Мне, как историку, любопытно наблюдать за тем, что происходит в России и что будет происходить. 29-го по ТВ показали похороны пищи: по Тверской ехали траурные автобусы «Мясо», «Молоко», «Овощи» и другие. Черный юмор. На смену пищи грядет голод. Вспоминаются обещания Хрущева перегнать Америку по производству молока и мяса, и Вознесенский писал горделиво-надменные строки о соревновании двух великих держав:

От Омеги – до Омеги
Чиркнули спичкой!
«Догоняй, Америка!
Аль гипертоничка?»

И кто, в итоге, гипертоничка? СССР — это склеротичка или шизофреничка, полоумная баба, пыталась догнать, задрав подол, да не получилось: рухнула в лужу, в огромную лужу, как в

Миргороде, которую описывал Гоголь.

10 ноября

5-го вызвали в «Науку и жизнь» вычитывать компьютерный текст. Странно: никакой радости, наоборот, угнетает то, что надо делать февраль. И в праздники засел. Напечатал 14 страниц. Устал так, что внутри все дрожало, и уронил ложку в тарелку с супом…

18 ноября

Погода сюрпризирует. То снег, лед, грязь, вода, пасмурно и тоскливо, словом, полный беспросвет, то неожиданно все сухо и даже просветы голубого неба. Вот только просвета нет в политической и социальной жизни. Паралич власти. Угроза голода. Согласно прогнозам ЦРУ, будем бултыхаться в переделках всех структур страны до конца века. Предстоит пенсия в условиях нехваток и развала. Горькая перспектива…

На работе идут схватки за заказы. Неожиданная удача: пачка югославских макарон, китайская ветчина, два батона венгерской колбасы. «Добытчик», — сказала Ще. Да, теперь говорят не «любимый», а сверхуважительно: «Добытчик!» И дома уже скопилось 12 кг сахара. И так в каждом доме, в каждой семье. Люди часами выстаива-

ют в очереди и то, что им удается заполучить, то тащат в дом, как в нору, про запас. А я еще с удовольствием таскаю в дом информацию. Тут из музыкального календаря узнал, что венгерский композитор Пал Абрахам написал оперетту «Бал в Савойе» в 1932 году. И у меня сразу возникла идея сделать выборку событий и фактов по 1932 году, году своего рождения (спустя почти 10 лет — в 2000 году вышла в свет книга «Клуб 1932», где и была реализована идея из ноября 1990 года. Идея оказалась отнюдь не химерической… 22 ноября 2010).

14 ноября работники редакции с талонами на приобретение товаров ринулись в магазин «Белград». Полчаса стояли на улице под снегом и дождем, затем начался форменный штурм Зимнего, бедную Сухареву отшвырнули на металлический мусорный бак. Схватка. Бой. А что в итоге? Всего лишь шампунь и две зубные пасты. Устал до того, что по дороге из метро «Домодедовская» уснул в вагоне. Вернулся на работу, а там свой локальный бой: заказы, кому что достанется!.. Боже, никто не работает, все только мечутся и ищут продукты и товары. Неужели Ленин со своей поднятой рукой указал именно на такую дурацкую жизнь?!..

Лично я еще успеваю читать книги, журналы и газеты и все время пополняю свой исторический Календарь. Стрижев назвал меня д'Аламбером, энциклопедистом. Возможно, и д'Аламбер, но вдрызг усталый и замотанный…

25 ноября

В понедельник 19-го метался в треугольнике «СПК» — «Мегаполис экспресс» –«Наука и жизнь». В своем журнале отрабатывал зарплату, в других редакциях бился за Календарь. Я разрываюсь. А Гриша в рабочее время отправился в… баню. Мы с ним в одной руководящей упряжке, а ему совсем не ведомы чувства ответственности, солидарности и товарищества. Он банным веником отмахивается от нервной повседневности…

2 декабря

Чтобы великий Советский Союз не сдох с голода, нам с Запада присылают собранное продовольствие. Стыд и позор. В магазине за молоком почти военная баталия: пакеты рвут из рук друг у друга и на полу молочные лужи. Озверение и омерзение. А премьер Коля (Николай Иванович Рыжков) и в ус не дует. Наверняка у него нет проблем ни с молоком, ни с чем-то другим.

Рубли не иначе как «деревянные» не называют.

И вместо продуктов накупаю книги: Ломброзо «Гениальность и помешательство», «Санин» Арцыбашева, избранное Альбера Камю. Хватаю, а читать уже многое не успеваю. Напечатал, или, как я люблю говорить, добил март для «Науки… В какой-то день из-за сильного насморка сидел дома, занимался и жил в другие времена, в годы правления цариц Елизаветы и Екатерины, разговаривал о жизни и философии с Дидро и Вольтером. Вспоминал еще Венецию — Большой канал, дворец дожей, мост Риальто… Неужели больше никогда не увижу еще раз Венецию, Италию?..

> Поскриптум. Тогда я не верил в будущее. И никто не верил. «Нам не дано предугадать…» А в Италии, в дальнейшем, мне удалось побывать, и не раз. И в Венеции побывал трижды… (22 ноября 2010)

23 декабря

Первая ласточка Календаря — в «Экспрессе» за 14 декабря в разделе «Хобби» напечатан мой календарь под заголовком «Дневник судеб». Календарем заинтересовалась и «Сельская жизнь» (у нее тираж более 6 млн.)… Удача и на фронте

дефицитов: Ще обменяла табачные талоны на мыло и мужские трусы, — такая вот се ля ви!.. И беда, почти катастрофа: погибаю от новых толстенных газет и еженедельников («Русский курьер», «Независимая газета», «Куранты» и т.д.), не могу все охватить. А еще покупаю книги… «Жизнь 12 Цезарей», Войнович «Москва 2042 года», воспоминания Родзянки, Оруэлл и т.д. А тут в «Мегаполисе-экспрессе» прочитал интервью с Юрием Нагибиным и двумя руками подписываюсь под его словами:

«…Мне 70 лет. Едва ли я увижу наступление нового века, но ничуть не жалею об этом. У меня нет ни надежд, ни иллюзий, ни ожиданий чуда. Я благодарю Бога за то, что он дал мне «посетить сей мир в его минуты роковые». И благодарю его за то, что он дал мне увидеть крушение самого антигуманного строя за всю многострадальную историю человечества, который многим казался вечным. Нас ждут тяжелейшие дни, много крови, много грязи. Но история свой приговор вынесла. Хотя мне лично, как и всем людям моего поколения, впереди ничего не светит, я не опускаю рук и делаю свое дело».

Молодец, Нагибин! Я, будучи помоложе, возможно доживу до XXI века, но надежд на светлое

будущее не питаю, хотя, возможно, товарно-продовольственная ситуация и переменится к лучшему. А пока гонорары тут получил немалые, но цены в коммерческих магазинах еще выше. Нормальный мужской костюм стоит 600– 800 рублей…

30 декабря

Сегодня первый выходной из трехдневных праздников. С утра на рынок. Хотел купить немного помидор и свежих огурчиков, но 30–40 рублей, — и никакой 13-й зарплаты не хватит!.. Поехали на Арбат. Снег, грязь и куча матрешек с изображением Горбачева. Серо-грязные ню на картинах без ренуаровской притягательности и свежести. Елок нет. Все хмуры и озабочены, веселятся только дети. Из вкусностей одно мороженое.

Позади 80-е годы, впереди 90-е. Что жду? Довести свой Календарь по всем 12-ти номерам года, составить себе некоторое «имя», помелькать в других изданиях и получить дополнительный заработок к пенсии. Вот такое весьма скромное желание. Желание на фоне нездоровья: проблемы с глазами, с венами на правой ноге и покалывающим от боли сердцем. «А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо…». Правда, Уте-

сов выговаривал иначе: каррошо!..

1991 – 58/59 лет

7 января

Опомнились и объявили Рождество Христово нерабочим днем. Но нет никакого возвышенного праздника. Масса нищих. Помимо стариков и старух, просящие помочь молодые музыканты. Какой-то парень играл на дудочке полонез Огинского и ему в кепку, лежащую рядом, бросали монетки. Куча спекулянтов на улицах и не только цыганки, и все объявляют: «Жвачки! Жвачки!..». Продают все: водку, сигареты, книги. И никто никого не гоняет. Свободная торговля. Не страна, а кошмарики, переходящие в кошмар.

Встречался с Черняком. Витя на коне: выходят книги. Настало его время. Может быть, и мое маленькое время когда-нибудь настанет. Были в гостях у Юры Германа, показывал свои слайд-фильмы. У него большая библиотека, доставшаяся ему от отца, архитектора: дореволюционные издания, альбомы по искусству. И, естественно, Юра воспитывался в этой обстановке: шло накопление чувства красоты, соразмерности, гармонии, вкуса. Чего совсем не было у меня в

ранние годы. Я рос, можно сказать, на пустыре, без книг, и сам себя создавал в смысле культуры. Сам придумывал себе свои университеты…

13 января

Горбачев с подачи военно-промышленного комплекса шарахнул по Литве: десантники, танки, первые убитые… Империя сама подохнет, но никому не даст свободы. Будет смердеть, разваливаться, но не пущать!.. Сволочное жандармское мышление…

Ну, а я решаю пока свои проблемы. Тащил с Сокола 10 бутылок «Славянской», потом три сетки картошки, и поездка в «Науку и жизнь». Увидел сигнал первого номера. Вышел календарь! Неужели сбылась мечта? Вера Павловна когда-то говорила: «Все тикает и тикает на машинке — и ничего…». Ну, что? Дотикал. И уже делаю для журнала май. И первый гонорар за календарь (3,5 странички текста) в «Мегаполисе-экспрессе» — 43.88 на руки за вычетом налога. Лиха-беда начало…

20 января

Война в Персидском заливе, а у нас тоже кровавая драма по всем окраинам Советского Союза, от Южной Осетии до Прибалтики. Идет распад

империи. И это надо пережить. Разве в 1917 году было легче, дворянам и интеллигенции, всем Блокам и Бальмонтам, когда к власти пришли кожаные куртки комиссаров и пугачевская чернь?.. А в Гражданскую войну?.. А в 1937-м?.. В сталинскую эпоху, «где так вольно дышит человек»? А в годы войны с фашизмом?.. А в послевоенные голодные и драные годы?.. Всегда было тяжело, опасно и страшно.

Александр Иванов пылает гневом: «Незыблемая власть одной-единственной партии, запятнавшей себя не только дикими преступлениями, перед которыми бледнеют деяния гитлеризма… воровская коммунистическая малина… людей целенаправленно превращали в зверей, а теперь удивляемся: откуда в нас такое?..» («Куранты», 19 янв.). Заголовок в одной из газет: «Вы слышите? Грохочут сапоги!».

Все газеты полны гнева и негодования. Страна перешла из предкризисного состояния в сверхкризисное. А тут еще этот Садам Хусейн, напичканный и нашпигованный советским оружием. Два раза шарахнул по Израилю, а теперь все просят Израиль не проводить акт возмездия. Миротворцы на стороне преступника…

Все кипит и все осточертело. Лучше о чем-ни-

будь другом. Как там у Льва Лосева?

Давали воблу – тысячи народу.
Давали «Сильву». Дуська не дала.

И это более жизненно, чем выспренные распевы Софьи Ротару: «Чайные розы в купе мне говорят о тебе». Какие розы, какое купе? Лживая романтика. А вот быль: Ще видела в метро, как какая-то женщина сосредоточенно читала мой календарь в «Науке и жизни».

27 января

Снова страна стоит на ушах: указ премьера Павлова об обмене 100 и 50-рублевых банкнот. Очередной обман и химия. «Империя действует, как шулер», — заявил я в редакции, на что Фомин сказал: «Какая империя?! Что ты все придумываешь?!..». Он не мыслит в таких категориях. Он дальше «Ты мне, я тебе» не воспринимает жизнь. Не обобщает и не анализирует. Ну, Бог с ним!..

Так как мой Календарь заработал, нужно вспомнить, как все начиналось в стол. В середине марта 1977 года приступил к первому изданию, в ноябре 1978-го закончил. 6 переплетенных томов, более 1.300 страниц. В начале января 1983-го начал печатать второе издание, закончил 4 февраля 1986 года. Работал над ним 3 года и один месяц. В итоге

— 23 тома, более 3,5 тысяч страниц. Без всякого гонорара и надежд на публикацию. Подвижнический труд!.. А затем постоянно добавлял в календарь от руки по следам новых событий и узнанных фактов. Есть удовлетворение, что сделана грандиозная работа, что пошли первые дивиденды, но радость омрачена всем тем, что творится в стране.

Ни жить, ни петь почти не стоит:
В непрочной грубости живем.
Портной тачает, плотник строит:
Швы расползутся, рухнет дом…

Писал Ходасевич в 1922 году.

3 февраля

Вечером 30-го на Соколе в киоске купил 8 номеров январского журнала «Наука и жизнь». Тираж 1 млн. 357 тыс. экземпляров, цена номера 1.75. Несколько номеров раздарил в редакции. И тут звонок из «Науки»: нашли ошибку: папа Пий не XIII-й, а XII-й. Ох, уж эти ошибки. В «Независимой газете» на днях спутали дату смерти Достоевского, это почище римского папы!..

На работе получил новые деньги со странным орнаментом, похожим на обои, но с неизменным

Лениным. Доверие к деньгам изменилось, и они теперь не тщательно складываются и хранятся, а разбросаны по квартире, и в частности, среди книг. Раньше вел тетрадь учета: сколько заработано, сколько потрачено. Теперь все заброшено. Пошла иная жизнь. В магазине «Диета», где когда-то на прилавке лежали масло, сыр и колбасы, лежат яйца по новой кусачей цене и… книги Агаты Кристи. Может быть, с намеком, что Пуаро найдет кем-то утаенные и исчезнувшие из магазинов продукты?..

10 февраля

Прекрасная погода: легкий морозец, — 9, пушистый снег, голубое небо в белых облачках, но воскресенье — и значит, завтра надо идти на работу, бессмысленно тратить свое время. А дома столько интересных книг, газет, журналов, вырезок, столько еще надо напечатать — и не успеваю…

Еле отвертелся от избрания народным заседателем (»кивала», как сказала Чижова). Фомин, прочитав «Науку и жизнь», взъярился на меня и нашел тут же повод спустить собаку за то, что я без согласования с ним вышел на высокое начальство Центросоюза: «Разве ты не знаешь, что с первыми лицами общаются только первые лица?

А если все начнут ходить?..». Я в ответ: «Значит, первые только с первыми, вторые — со вторыми, третьи — с третьими… Ну, прямо иерархическое общество строго по Конфуцию…». Про Конфуция главный не понял и строго надул щеки.

Не удается купить что-нибудь из молочных продуктов. Перебои с горячей водой. То и дело ЧП в метро: поезда останавливаются в туннеле. В обществе «Знание» заинтересовались моим Календарем и предложили сделать несколько зарисовок для Календаря 1993 года, которые они уже готовят. Я им предложил историческую хронику давать по месяцам, но они боятся политических оценок: «Все это интересно, но…». Первый «очерк» в две странички сделал о Марате. Для «Науки» подготовил июнь и столкнулся с проблемой: очень остро делать — не пропустят, делать простенько, без соли и перца — скучно и пресно.

Вышли с Ще на променад, она одела свою новую норковую шапку, одна без меня боится — сорвут вместе с головой. Время шапкопохитителей… Из последних книг: «Русский архив» и «Кардинал Ришелье».

17 февраля

Посмотрели американский фильм «Пляжные

девочки». Сытые, довольные, думающие только о развлечениях и удовольствиях. Глядя на них, почему-то испытываешь неприязнь. Может быть, из-за того, что своя молодость прошла совсем не так, как хотелось бы сегодня.

Получил первый гонорар в «Науке и жизнь», на руки 140.65. Первый урожай с Календаря. Зашел в бывшую «Весну» у гостиницы «Советская» — зиющая пустота. И непонятно, что за страна — дураков или негодяев. Кстати, «Страну негодяев» Сергей Есенин написан в 1922–1923 годах и там есть строки:

Но к черту все это!
Я далек от жалоб.
Коль началось –
Так пускай начинается…

Одна отрада: на работе ежедневно сражаюсь в шахматы, блиц по 5 минут, с Павлом Захаровым. Идет битва: то он меня, то я его… Если не отвлекаться на книги, на шахматы, на календарь, то можно сойти с ума от нынешней жизни и от этой страны Советов.

24 февраля

В понедельник 18-го звонок по телефону из

журнала «Спутник», какая-то Нина Гунеева (?) сказала, что прочитала мой календарь в «Науке» и в восторге: «Вы — наш герой… вы попали в десятку интересных людей Советского Союза!.. Мы должны о вас написать и вас сфотографировать…» Неожиданная популярность, как с неба, свалилась. И тут же приехал к нам в редакцию какой-то маститый фотокорреспондент и два раза меня щелкнул. Все в редакции пребывали в столбняке. Материал в «Спутнике» выйдет в мае… Да, действительно, вокруг Календаря заклубились разговоры. Кто-то даже сказал, что Календарь — как учебник жизни. Хожу весь в комплиментах. И опять ложка дегтя: в апрельском номере спутан Папа: не Пий, а Клемент. Ух, уж эти папы!.. Но это мелочи. Как призналась мне Рада Никитична: «Вас на летучке хвалили». И далее она мечтательно заявила: «Хорошо бы на основе того, что вы сделали издать книгу, есть тут на примете один кооператив». Верить — не верить?..

Продолжаю накупать книги (Шагал, Бахтин, Пастернак, «Цена метафоры» о процессе Синявского-Даниэля), но читать уже некогда. По анекдоту: чукча — не читатель, чукча — писатель.

За окном +1, снег, полусветло, полупасмурно, колючий февральский ветер.

3 марта

Кружусь в вихре разных дел. Для «Знания» занимался Джефферсоном и Шатобрианом (у них юбилеи в 1993-м). И сплошная «наука»: отпечатать, отвезти, вычитать. Стриж похвалил последнюю публикацию: «красота подробностей». А еще есть быт. Тут в магазине купил дорогой семги, рядом стоящая старушка злобно шипела: «Богатые только и могут себе позволить…» Попал в богатые?.. А уже на лестнице в квартиру бдительный сосед заметил: «Отоварились? две сумки несете?!..».

Собираю букет комплиментов о Календаре. Эмиль: «Очень интересно чувствуется интеллигентность, изыск и интеллект автора, словом, личность…». На работе у Ще — вдова академика Зельдовича: «Чувствуется, очень интересный человек, образованный…». Но есть и другие мнения. Степунина: «Это эстетство… только эстетство…». И еще кто-то возник с вопросом, а сколько человек работало над Календарем Ю.Б.? Не он же один… Н-да. И что ответить?.. Что сказать в ответ одинокому пахарю?..

Гостила у нас проездом из Германии щекина

племянница Лика Глонти, заканчивающая Тбилисский университет, нейробиолог. Проводит интересные опыты на тараканах, над «периплатанета американа» — американским тараканом. Он больших размеров и очень симпатичный, как утверждает Лика. Ей 22 года. Грузинская девочка с европейским мышлением. 2 марта провожали ее обратно, в Тбилиси… Вечером по случаю 59-летия открыли шампанского. Долго не поддавалась пробка, потом хлопок — и шампанское брызнуло на брюки и мою лысину, что привело Ще в неописуемый восторг. Из-за больного зуба пил маленькими глотками и только на правой стороне, утешаясь мнением специалистов, что болезнь — вынужденная часть нашей жизни…

10 марта

Итак, исполнилось 59 лет и до пенсии осталось чуть меньше года. Но будет ли свобода? Будущее сулит только худшее — и в политике, и в экономике и в здоровье… По ТВ показали фильм о Горбачеве. Его мать вспоминала, как он любил играть на балалайке. А какая-то баба рассказывала, как катала его на тракторе. Словом, гигант мысли и отец русской демократии. Боже, кто нами правит?!.. Как в одной песенке:

Прошу тебя: не предлагай мне ЭТО.
Я после ЭТОГО с больною головой.

Как хорошо, что есть книги и есть Календарь. Вот последняя «добыча»: письма Ореста Сомова к Софье Пономаревой, — как писали, как мыслили, как чувствовали! А сегодня кругом одни головорезы, мутанты и хамосоветикус… Маленькая отрада: побывали в киноцентре на выставке «Ностальгия по Тарковскому». На выставке вдруг заболело сердце. Приехал домой — валидол, диван, еле пришел в себя. Что-то стал активно разваливаться…

24 марта

Увлечение (или хобби) историей начало меня подминать. Все крутится вокруг Календаря. Все читают номера «Науки и жизни» — «Один день из календаря Ю.Б.» Даже в Тбилиси, и Лика гордится: «Это мой дядя написал». А Календарь все пополняется и пополняется. Из записи Смирновой-Россет в дневнике от 2 марта 1845 года о вечере, в котором приняли участие Тютчев, Карамзин, графиня Ростопчина и другие интереснейшие и умнейшие люди, — Россет записала: «Ничего нового и необыкновенного говорено не было». Потрясающе!.. И еще событие: купил два

тома Фридриха Ницше.

А на рассвете рассмеялся Заратустра в сердце своем и сказал насмешливо: «Счастье бегает за мной. Это потому, что я не бегаю за ним. Это потому, что я не бегаю за женщинами. А счастье — женщина».

И еще Ницше: «Государством называется самое холодное из всех холодных чудовищ. Холодно оно лжет; и эта ложь ползет из уст его: «Я государство, есмь народ». Это — ложь!.. Государством зову я, где все вместе пьют яд, хорошие и дурные; государством, где все теряют самих себя, хорошие и дурные; государством, где медленное самоубийство всех называется — «жизнь».

31 марта

Вся неделя прошла под знаком чистки архивов. Сначала копил журналы, а теперь от них освобождаюсь. Как Роден, отсекаю лишнее. Выкинул гору «Огоньков», «Эхо планеты», «Новое время», «Искусство кино», «Театр», «Даугава», «Советский балет», «Совершенно секретно» и прочее. Оставил только самое жгучее, самое интересное, которое надо разнести по досье…

Получил гонорар за февральскую «Науку»: 12.20. Это — одна 10-я часть стоимости импортного утюга, немного более одного кг осетрины

или 24 выпуска эротической газеты по 5 рублей за штуку. Конечно, нечего не купил. Еле добрался домой: транспорт, дороги, люди, — все вызывает отвращение. Как писал Бунин в 1925 году: «Хлябь, хаос — царство Сатаны». Эксперимент «Вовки-морковки» (то бишь Ленина)… Это тогда. А ныне: в Москву нагнали военную технику, солдат, милиционеров (коммунисты задумали снять Ельцина). Каски, щиты, противогазы для применения газа «черемуха». И что? Собрались воевать с собственным народом? Стыд и позор!.. Все мрачно и безотрадно. Спасает только Календарь…

7 апреля

Цены взлетели вверх, зарплата обесценена в 2–3 раза. Мы-то с Ще как-то прокрутимся, а как же другие, менее обеспеченные? Жалко русский народ, не народ, а горемыка какой-то!..

13 апреля

На фоне жуткой жизни и нездоровье. Проблемы с носом и носоглоткой. Прописали 10 уколов (утром и вечером — линкомицин гидрохлорид 30%), плюс УВЧ, ультрафиолет да еще что-то закапывать в нос. Врач говорит: все дело в иммунной системе, какая-то аллергия, надо ложиться в институт и выяснять, что такое. Ложиться?!

Как писал Вознесенский: «Некогда! Некогда! Некогда!». С подачи «Науки» на меня вышел Политиздат, и 11-го я поехал на Миусскую площадь, в оплот, цитадель идеологии. Некая Татьяна Дьячкова и товарки сказали, как замечательно я уел Политиздат, как все интересно и иронично, и предложили мне сделать отрывной календарь, карт бланш, но только российский. Пообещали деньги, и Ще тут же загрезила: купить бы люстру!..

21 апреля

«Все о'кей!.. а в глазах столько грусти!..» — поет Жанна Агузарова. Оно и понятно: основная работа, хождение на уколы и печатание первых страниц отрывного календаря «Русский оригинал» и сразу проблема, как втиснуть много информации в маленькие объемы?..

Не забываем и культурные развлечения: побывали в Третьяковке на выставке Серова. Не мой художник, но все равно — интересно. Разговорились со смотрительницей зала: обожает Серова, презирает Глазунова… Домой ко мне приезжали две календарщицы из Политиздата, я им показывал свои переплетенные тома. Оценили. И даже повизгивали от восторга… На днях встречался со Стрижем, он: «Это твой звездный час!». Звездный

да не совсем. Материал о Тарковском никак не выйдет в «Искусстве кино»: кочует из номера в номер. Решил взять обратно. Левин его отдал чуть не со слезами на глазах: так он ему нравился…

4 мая

Первомай газеты назвали безрадостным праздником. Действительно, радоваться нечему, кругом разбор и уныние. Лично я вкалывал на праздники: делал миниатюры для «Знания»: Ньютон, Пестель, Тинторетто. На следующий день — Парацельс и Державин, а для этого сколько надо прочитать, осмыслить и придумать миниатюру, — ручная, кропотливая работа, рассчитанная исключительно на мастера, коим, кажется, стал я. 3 мая взялся за Маркса, Маяковского и Тухачевского. Конвейер исторических портретов!.. А народ на улицах развлекается и его интересует вопрос: «Почему погиб Сталин в веселый еврейский праздник Пурим?» — такие газетки идут нынче нарасхват.

О погоде. За окном +16, небо заволочено, ветерок и чудесная молодая нежная зелень.

19 мая

Ну, и жизнь пошла. Вкалываю, сержусь, ворчу и работаю!.. Как сказал Половик: «Надо зара-

батывать!». Сказал и лег на диван с книжкой… Отнес первую порцию отрывного календаря в Политиздат и получил «комплимант»: «Какой вы ответственный человек!». Дали бумагу и копирку для продолжения работы. Вышел из здания Политиздата и подумал: «А в том, что я им делаю — сплошная ересь и крамола…». По Би-би-си была интересная программа про интеллигенцию. Интеллект — это капитал. И мне пришло время пустить этот капитал в оборот… Сражаюсь сразу на трех фронтах: «Наука и жизнь», «Знание» и Политиздат. А еще кооперативный журнал, так и не ставший родным, «СПК». От нагрузки много зеваю — Зевакини! — и проигрываю в выигрышных позициях. Шахматы как передых.

Гуляем с Ще по роще и говорим, где бы еще заработать «денежку»?

Столько надо прикупить: стулья, лежанка, люстра, книжные полки, одежда. Сплошные прорехи быта.

27 мая

Вышел майский журнал «Спутник». У них рубрика «Персоны грата и нон-грата», т.е. люди, о которых говорят и которые чем-то прославились. Я — персона грата вместе с главным арбитром СССР Вениамином Яковлевым, полковником Алексан-

дром Гуровым, автором публикаций о мафии, организованной преступности, и лечащим физиком, защитником от дурного глаза Анатолием Мартыновым. Я представлен как «изобретатель нового времени». И фотография: задумчивый и благородный интеллектуал в возрасте. Вышел майский номер «Науки», порадовало оглавление: «Академик Сахаров. Воспоминания» — стр. 12 и следом мои «Некруглые даты» — страница 19. Такое соседство — для меня высшая награда. А еще в «Знании» идет обсуждение моих литературных миниатюр…

2 июня

Еще одно мнение о Календаре: «Настоящее шитье, ручная работа, видна каждая золотая ниточка»… А это шитье, эти ниточки даются с таким трудом! 28 мая установил рекорд: в 10 часов сел за машинку и отпал от нее в 17.45 с перерывами на перекус и часовой сон. Напечатал в итоге 25 страниц. Устал вусмерть… Это и «Наука», и Политиздат. Татьяна Мих. в Политиздате, прочитав очередную порцию, признала: вкусненько… 29-го ушел с работы пораньше и врубился во вторую работу дома. А тут гроза, молнии и непрекращающийся стрекот машинки. Такая вот пошла жизнь, заполненная до краев.

9 июня

В Домжуре встречались с Витей Черняком. Встреча Станиславского с Немирович-Данченко, они обсуждали организацию нового театра, а мы затеяли Детективный календарь, пройтись по всяким криминальным датам, благо в моем архиве и это есть… А по ТВ тем временем идет политический цирк: встречи с кандидатами на пост президента РСФСР — Ельцин, Рыжков — плачущий большевик, Жириновский — политический клоун, зоологический генерал Макашов…

16 июня

Вчера закончил отрывной календарь. Сделал за 40 дней, даже не верится. 366 заполненных информацией дней, — и все напечатано одним указательным пальцем, прямо, курьез… Звонок из «Панорамы» — это уже третье издательство, интересующееся моим календарем. А друг Анисим продолжает придумывать названия для своего воздушного замка: то «Дилижанс», то «Тарантас», то даже «Меню на сегодня» — и все впустую. Но главное бурлит, фонтанирует. Время застоя кончилось, настало время надежд и фонтана. Вот и в «Панораме» бывший партаппаратчик Олег Григ. Жданко хочет попробовать себя на новом поприще и дебютировать с моим

календарем. Он-то хочет, а захочет ли начальство?.. Фантазируют и в Политиздате: предлагают мне написать книги «Роковые женщины» или «Любовь в жизни мужчин». Написать можно, но как издать?!..

30 июня

Все какие-то аномалии. Вспышка на Солнце. И ответная реакция: засухи, дожди, наводнения — где что. В Москве установилось пекло — 30 градусов и более. В духоту трудно печатать. Спасают дома душ, холодненькое питье и сон. А на работе, естественно, ничего не спасает… На улице марево-парево, сплошной бульон… Купил июньскую «Науку», прочитал прелестный роман Романа Гуля «Дзержинский», тоже, вроде Ленина, людоедище… В программе «До и после полуночи» показали бастующих шахтеров и стало стыдно за свою сытую жизнь и просторную квартиру…

7 июля

Жара с духотой ушли, стало полегче. Боже, как я перестал любить лето, и жду прохладу. А тут из-за плохой экологии и отравленного питания высыпали на лице какие-то «красные штучки». А еще пенсия скоро, старость на дворе. А жизни хорошей нет, хотя, возможно, я грешу, у других жизнь

в тысячу раз хуже, чем у меня. Все нормально. Поплакался немного в дневничок и успокоился.

Разве все мы в наше время
не распяты на кресте?..

— строки китайского поэта Ай Цина (род. 1910). Не только китайский литератор попался мне на глаза, а еще «Роман императора» об Александре II и княгине Юрьевской, написанный французским послом Морисом Палеологом, воспоминания историка Кареева «Прожитое и пережитое», сборник «Корона и эшафот», Аверченко и т.д. А пока интеллигенты мучаются, как заработать деньги в новых условиях, страну сотрясают политические бури, в Югославии уже бушует гражданская война, республики, входящие в федерацию жаждут независимости. Словом, пошел процесс… По ТВ показали Испанию, Барселону, потрясающий собор Гауди, — неужели никогда не увижу?.. Мечты иногда странным образом сбываются: купил репринт «Ананасов в шампанском» (1915) — об этом сборнике и не мечтал. Где-то искал строки, тщательно выписывал в тетрадочку и вот нате — лежит Игорь Северянин на моем письменном столе. «Все наслаждения и все эксцессы».

И что тут прелесть? и что тут мер-

зость?

Бесстыж и скорбен ночной пуант.

Кому бы бросить наглее дерзость?

Кому бы нежно поправить бант?

(май 1911)

И моя любимая поэза «Валентина»:

Все прошло, как все проходит.

И простились мы неловко:

Я «обманщик», ты сердита, то есть просто трафарет.

Валентина, плутоглазка! остроумная чертовка!

Ты чаруйную поэму превратила в жалкий бред!

1 августа

Сегодня Ще — 51 год. Ужасно, но мне еще больше… Ко дню рождения пытался сочинять: «Среди чернухи и распада социалистических затей одна ты бродишь как по саду…». Далее как-то не пошло, лишь рифмы плясали: вестей, гостей, новостей… А потом как-то собрался и кое-что выдал:

Первое августа… первое августа…

Как я люблю этот день!

Он необычный – и горький, и радостный,

С мыслями чуть набекрень.

Мир перевернутый, мир озабоченный,

В двери твои я вхожу.

Жаль, что опять все кругом скособочено,

Но и таким дорожу.

Каждой минутой и вздохом приподнятым

Радуюсь без прикрас.

Главное – это то, что СЕГОДНЯ.

Главное, что СЕЙЧАС.

4 августа

Первого августа скромно отметили, а завершили походом в кинотеатр «Москва» на скандальный фильм Лилианы Кавани «Ночной портье» (1974) — о палачах и жертвах, о садомазохизме, о сложных отношениях между мужчиной и женщиной. Эдакий сексуальный триллер с патологией и убийством (актеры Шарлотта Рэмплинг и Дирк Богарт). Жуть на день рождения!.. А у Гали Н. произошла своя домашняя жуть: она выскочила из ванны голой и натолкнулась в коридоре

на супруга, адмирала Васю, который обомлел, а потом гаркнул: «Чтоб этого больше не было!..». Никакой наготы, никакого «ню», кругом! Ать-два! И на кухню! Женщина, знай свое место!..

И почти на ту же тему. Журнал на сходе, и мистер Фомин решил подзаработать на издании книг. И выбрал дореволюционное издание «Половая сексопатология» Крафта-Эбергарта. Редакционные женщины бурно запротестовали: «Фи!», «Ужас!» Шеф отступил и предложил другую: «Земная жизнь господа нашего Иисуса Христа» (1884, перевод с немецкого). Короче, секс, Христос, что угодно, — главное, получить прибыль!..

1 сентября

Фраза из анекдота: «Наши на Псков не проходили?..». Позади Псков, Пушкинские горы, странный отпуск на фоне путча, пленение Горбачева в Форосе, танки на улицах Москвы, трое погибших. А мы с Ще в это время в отпуске, все в нервных переживаниях и разговорах, припадая то ухом к радио, то глазом к телеэкрану, а там пресс-конференция путчистов и трясущиеся руки Янаева, угрожающая аббревиатура: ГКЧП. И угораздило же в это историческое время уехать из Москвы!.. На смену империи пришла новая эпоха. Смена

исторических вех.

Фрагменты из отпуска-91. Пушгоры

Поезд № 70 Москва-Псков не предвещал ничего страшного, а оказалось, что «вагончик тронулся», а позади осталась советская эпоха. Мы вернулись уже в другую страну. В понедельник 19 августа подъехали к Пскову и по радио услышали, что в стране введено чрезвычайное положение, власть взяли в свои руки вице-президент Геннадий Янаев и ГКЧП. Приехали! И сразу демократия, гласность — все по боку! И мой, невышедший еще календарь в Политиздате, написанный с сугубо демократических позиций, уже не выйдет никогда. Позвонили в Москву Татьяне Мих., — сушит сухари. Н-да! И что делать: возвращаться обратно или догулять отпуск, а там хоть трын-трава?!.. Решили догулять.

Поселили нас в гостинице «Дружба» уже в Пушкинских горах, куда повезли сразу вместо экскурсии по Пскову. Это 120 км к югу. Питались в туристическом комплексе и первое блюдо, которое там дали, была пшенная каша. В Москве БТР и танки, а в Пушгорах все тихо и спокойно. Первый день пребывания там — у экрана. Я в нерве и не могу сдержаться: «Ублюдки!..».

20 августа. Михайловское и Тригорское. В справочнике сказано: «Для каждого приезд на Псковщину, в гости к Пушкину, — это праздник щедрый дар судьбы». Дар не совпал со временем. Вернулись и к радио, а там сплошные патриотические песни про Катюшу, которая выходила на берег крутой, и про то, что «Дан приказ ему — на Запад, ей — в другую сторону… Уходили комсомольцы на гражданскую войну…». Трудно комментировать. «Уходили, расставались, покидая тихий край…». Вот именно тихий край застоя и тупика, и отправлялись в непредсказуемый, бурный поход!..

21 августа. Поездка в Петровское — в усадьбу Ганнибала. Жалкие остатки былой парковой культуры, где были беседки и фонтаны, но все равно лучше, чем наша березовая роща на Песчаной… Вечером узнали, что путч провалился, и народ приветствовал Ельцина как героя…

Утром рано 22 августа на автобусе отправились в Тарту. Интересная история города: Юрьев-Дерпт-Тарту, здесь некогда учились Владимир Даль и поэт Языков. Побывали в парке университета, где среди прочих памятников — памятник химику Бергу, голову которого студенты по традиции мыли шампанским (старое, доталон-

ное время!). Ратушная площадь, магазинчики, обсерватория Струве, холмы… все довольно симпатично. На обратном пути мы повстречались с колонной танков, которые возвращались в казармы в Пскове. Зрелище грохочущих танков не самое приятное зрелище. Мы были на грани гражданской войны: еще немного — и полыхнуло! Бог уберег…

23 августа. Посещение Святогорского монастыря. Разговорились с женщиной, ухаживающей за цветами у подножия памятника Пушкину. Увлеклась Пушкиным и переехала из Киева в Пушгоры, ухаживает за всеми памятными местами поэта. Жалуется, что цветы часто воруют. Всенародная любовь и воровство — как это по-русски! Познакомились с классным экскурсоводом Иосифом Будылиным, а потом даже подружились…

24 августа. Ходили сами пешком до Михайловского (10 или 15 км). Прекрасная прогулка. На следующий день — поездка в городок Остров. Третий город в области после Пскова и великих Лук, но смотреть там практически нечего. 26 августа — местечко Велье, русская Швейцария и городишко Опочка. «Все пусто, как Литва прошла!» — миф жителей.

27 августа. Самостоятельно вновь двинули в

Михайловское. Вышли к усадьбе, посидели на ступеньках пушкинского дома.

Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали селы; здесь и там
Стада бродили по лугам…

Когда читаешь вторую главу «Евгения Онегина», то это одно, а когда все это видишь воочию, луга и нивы, и стада (впрочем, какие стада? Это уже чистое воображение), то непередаваемо прекрасно!.. Потом приятно так посидели на лавочке в аллее Анны Керн. То был последний день в Пушкинских горах…

28-го в обратную дорогу. Сопровождающая нас тетя-гид несла околесицу про Пушкина, декабристов, один из которых был, по ее мнению, «высокообразованный, грамотный» (а можно быть, высокообразованным и неграмотным?). Остановка и краткое знакомство с Псковом. Начинаем с Кремля (его тут называют Кром) и снова поражает местный экскурсовод — Ида Флегон-

товна, шустрая старушенция и воинственная коммунистка. Поклоняется Октябрю: «А то мы так из смердов и не вышли, если бы не октябрьская революция!..» Брежневская эпоха для нее — лучшее время, а горбачевское — самое ужасное: «В магазине трусы не купишь!». Почему именно трусы — загадка…

Едем по городу. Флегонтовна больше говорит о памятных местах, связанных с именем Ленина, чем о русских церквях. Но, слава Богу, мы видим все сами — эту псковскую красоту, суровую, строгую, аскетичную, без всяких украшений и изысков, — это не Западная Европа.

Далее Печоры, Изборск — холм, Труворов крест, озеро-река… Возвращение в Псков. Осмотр Погашенных палат и даже успели заглянуть на выставку современных наших примитивистов. Картины Григория Кусочкина. Веселенькие картинки с текстами. «Опупеловка». Дебелые грудастые бабы и ядреные мужики, которых нет и в помине:

Хочешь чаю накачаю –
сахара накокаю!
Приходи ко мне, Дуняша,
по пупку похлопаю…

29 августа мы вернулись в Москву. Вдрызг усталые, невыспавшиеся, грязные. Быстренько помылись и пришли в себя. Потом в течение 3 дней разбирал прессу, вырезал, читал и утопал в информационных подробностях.

30 августа поехали в центр, на площадь Ногина, вышли к зданию ЦК, к оплоту всего темного и реакционного. Здание ограждено, закрыто, на цоколе кто-то лихо написал: «Дошли!» и наверху реет российский флаг. Вышли на площадь, к Лубянке. Феликса Дзержинского нет, один искореженный цоколь и тоже всякие революционные надписи. Так же свергнут памятник Якову Свердлову, на цоколе надпись: «Памятник поету Лукьянову». Именно «поету». В книжном на Тверской купили книгу Раисы Горбачевой, и тут же спекулянты торгуют ею. Смех: «дают Раису!.. две в одни руки!..» Вечером по ТВ праздновали «победу».

Капитан Каталкин – козырной валет.

Капитан Каталкин – черный пистолет.

Капитан Каталкин – зоркие глаза,

Нам с тобой защита, мафии гроза… –

пел и прыгал Александр Буйнов. Жанна Бичев-

ская ругала Зыкину: «Зыкина — это не народный фольклор, а просоветский режимный фольклор».

Отпуск прошел, а с ним вся старая жизнь. Кругом новости и новации, и даже нет телепрограммы «Время», теперь Татьяна Миткова.

11 сентября

Пришлось делать какие-то дополнения в политиздатовский календарь, а точнее «СП Баян». Был у нас в гостях Витя Черняк. Посмотрел мои переплетенные тетради календарей, архивные папки и сказал, что я собрал «миллионы» и сижу на «мешке денег». И обсуждали с ним издание календаря-детектива. Ну, и, конечно, брильянтовый дым…

9 сентября с утра поехали к Белому дому, обошли его весь, посмотрели на статьи баррикад и читали листовки, наклеенные на стенах:

С неба звездочка скатилась — Лопнула империя.

Мой миленок объявил
Вотум недоверия.
Гениальный Михаил
Государство развалил.
Треть державы – отделилась,

А две трети – уморил.

* * *

У буржуев – шоколад,
У буржуев – мармелад.
А у нас народу
Все дают «свободу».

Помимо частушек, различные надписи: «Фашизм плох в любой одежде… Храни нас Господь от КПСС во веки вечные аминь. Слава России… Ребята, не расслабляться. Еще не все!.. Борис Николаевич! Дай вам Бог устоять перед соблазном стать очередным светочем, Солнцем, Великим Кормчим… Большевистских выкормышей — в сталинские лагеря… Здесь стояли, чтобы умереть и выстояли, чтобы жить…» и т.д.

Святое место. Тут отстояли свободу…

Реплика, спустя 19 лет. Отстояли свободу, но какую?

Для кого? Вот мнение Владислава Иноземцева, экономиста и социолога: «Россия – уникальная страна, чье главное несчастье заключено в ее властителях… Под разговоры о порядке и заботе о граж-

данах санкционировали невиданное разворовывание национальных богатств, сколачивание миллиардных состояний и упадок ранее великой индустриальной державы…» (МК, 2 ноября 2010). И заголовок из Литературки: «Эх, Раш, еще Раш, еще много, много Раш…» (тот же ноябрь 2010). И мне нечего добавить…

12 сентября

Вчера ездили на Ваганьково, на могилу мамы. Около колумбария захоронение трех жертв, отдавших свои жизни на алтарь свободы. Два русских парня и один еврей — Илья Кричевский. Среди цветов лежит листок со стихами Кричевского:

И сидя в прокуренном узком сортире,
чего-то хотим мы, чего-то желаем…
А жизнь убегает веселым трамваем,
Зеленой аллеей, хохочущим маем
К последней своей остановке…

Пришли домой, пообедали, выпили немного водки на помин души. Вспомнили с благодарностью и Пушкинские горы — воздух, тишина, исторические места… А Москва — сущий ад, с

грохотом, вонью и отравленным воздухом.

22 сентября

На работе очередной переезд — с Черкасского проезда на улицу Вернадского. Если ехать с Полежаевской, то 10 остановок и две пересадки, с Сокола — 11 остановок и две пересадки. Более часа езды, муторно и противно. На новом месте ералаш — мешки с бумагами, пишущие машинки — все вперемешку. Да, что об этом!.. Вот какой-то рецензент, доктор исторических наук, ознакомился с моим календарем и изрек: «Пройдет 50 лет и это издание станет раритетом». А я тем временем врубился в новую тему: 1932 год, чем отмечен и знаменит год моего рождения.

7 октября

С политиздатовским календарем беда: дважды запарывали пленку и срывали дату выхода. Пришли ответы из журналов «Нева» и «Даугава»: мой календарь им не приглянулся. Зато все время возникает Чиж, новая идея: дамский журнал. Я ей предложил название «Незнакомка» и даже сходу сделал материал на 11,5 страницах «Знакомые и незнакомки Александра Блока».

Да, есть печальная услада

В том, что любовь пройдет, как снег.
О, разве, разве клясться надо
В старинной верности навек?
Нет, я не первую ласкаю
И в строгой четкости моей
Уже в покорность не играю
И царств не требую у ней…

Ну, и т.д. «И тонкий стан обняв, лукавить, и мчаться в снег и темноту…». Блок — это замечательно. А на работе не замечательно…

Очереди в буфете и магазине под рокот разговоров: кого уволили, кого назначили, какие отделы слили, разъединили и что, вообще, будет?.. Чиновники, им не до туманов и метелей Александра Блока. Ущербные люди…

В день учителя по радии выступала Маша Распутина и голосила: «…и юбка типа мини с разрезом впереди…». Это точно для учителей. И шутки на КВН: «Три марксиста, три веселых друга основали наш веселый строй…» и еще: «От Кишинева до Барнаула яйца, мясо, как ветром, сдуло!..». Очень смешно. Все смеются, а кто-то рыдает.

Печатаю дневник, а за окном — роскошный голубой день, остатки бледной желто-зеленой листвы, +17.

13 октября

Продолжаю делать календарные выпуски для «Науки», а отрывной печатается в Костроме. Нужна реклама. Сунулся на ТВ, но там только за деньги: «Пару штук — и ты в эфире!». У меня пары штук нет. Как коробейник, пытаюсь продать календарь в разные издания, шустрю везде, пока без успеха. Утешаюсь одним из правил маркетинга: если вам отказали 150 раз, то это не значит, что откажут в 151-й раз. Волка кормят ноги…

19 октября

Не жизнь, а сплошная феерия, то одно, то другое. В воскресенье 13-го по наводке Лени Осиповича разговаривал с Александром Львовичем Яновым, профессором, критиком, политологом, живущим в США и приехавшим по делам в Москву. Я закинул удочку: нельзя ли мой календарь издать в Америке? Он: «Таких календарей в Америке в принципе нет, только академические издания для избранных с небольшим тиражом. А ваши публикации в «Науке и жизни» имеют миллионную аудиторию, — и это счастье». Утешил. Узнал дату рождения Янова: 18 апреля 1930 года, Одесса.

Получил гонорар за свой календарь «Забытые даты 92», гарнитура «таймс», тираж 1 млн. экз. По-

лучил на руки 5.067 — две небольшие банковские пачечки по 25 рублей — легко ложатся в карман. У гендиректора «Баяна» Мокшанцева грандиозные планы: хочет отколоть от Политиздата лучшие силы и издавать свое. Новый Сытин?..

Дебют на ТВ в Останкино, студия 2 (редакция «Слово»). Легкий грим и выхожу на сцену: два кресла и бутафорная библиотека. Ведущая программы «Книжный двор» Татьяна Земскова привела в порядок волосы, последовало слово «мотор!», и она с приклеенной улыбкой начала: «Дорогие телезрители, у нас сегодня в гостях интересный человек — Юрий Николаевич Безелянский...» Странно, но я ничуть не волновался и шпарил, как по писанному, мол, эрудируйтесь! В наше время стыдно быть темным! Себя почему-то назвал «старым календарщиком». Режиссер после съемки сказал, что я обладаю самым ценным — информацией.

Помимо ТВ, ездил в журнал «Отчизна», в «Независимую газету» и еще куда-то, короче, шустрю, или, как говорят евреи: танцую на двух свадьбах. Надо же зарабатывать!..

Что еще? Совсем исчезли конфеты. Безрезультатные попытки достать колбасу. Купил два октябрьских номера «Наука и жизнь» (авторских

не дают). Допечатал «1932 год», получилось более 22 страниц. Набросал план для Политиздата (или «Баяна»): 7 различных календарей и 8 книг, — и все это можно сделать, если возьмут и у меня хватит сил. А в Центросоюзе появился новый сотрудник: списанный из ЦК партии Николай Котелевский. Теперь он — рядовой инструктор в управлении кадров. «И не знает, что делать, — злорадно говорил Фомин, который перед ним пресмыкался во времена его цековства. — Он же привык командовать, руководить, а просто работать не умеет». Меня падение Котелевского не обрадовало и не огорчило, для меня парткократы как бы и вовсе не существуют, я живу сам по себе. И у меня есть профессия журналиста: я могу редактировать и могу писать, меня публикуют. И по сравнению с Колей из ЦК я, можно сказать, гигант.

Кстати, для истории запишу-ка я, какие календари я задумал: 1. Природа. Поэзия. Философия. 2. Календарь Российской истории. 3. «Блистательный Санкт-Петербург». 4. «Москва и москвичи». 5. «Был месяц май…» 6. Календарь праздничных дат (не только светских, советских, но и православных). 7. «Календарь мудреца» или «В мире умных мыслей». Мысли и афоризмы на каждый день,

исходя из дат рождения какого-то знаменитого лица. Модернизированная идея Льва Толстого и его «Ежедневников». Ну, и книги…

> Резюме спустя 19 лет. Из календарей вышли три книги: «От Рюрика до Ельцина», «Огненный век», XX век Российской истории и «Московский календарь» (за 9 веков). Ну, и многие идеи книг были реализованы: 1932 год, Луна, «Коктейль России», роковые женщины – в книгах «Вера, Надежда, Любовь», «Жизнь и гибель принцесс», «Любовь и судьба» и т.д. Мечты оказались вовсе не мечтами, а воплотились в реальность, но в 1991 году я только мечтал… (3 декабря 2010).

2 ноября

Лед тронулся. Отдал 1932 год в «Огонек» некоему Михаилу Залмановичу (фамилию не узнал). Он сказал, что почитает… Дергался со своим планом календарей, а в итоге болело сердце и пришлось сосать валидол… Развалился мой «писательский стул», а нового не купишь. Цены продолжают угрожающе расти и расти. Как жить?!.. По ТВ показали небольшой фильм, сделанный немцами о Бродском: Бродский в Венеции. Господи, сделай

так, чтобы мы побывали в Венеции вместе с Ще! Ну, что Тебе стоит!..

9 ноября

Жуткий быт. Кругом темнотища, толковища, грязь, какое-то уныние кругом, много нищих, детей, продающих газеты, — какая-то жуткая забубенность, что кажется лучшим исходом умереть, чтобы ничего этого не видеть. В подъездах вывинчивают лампочки (дефицит) в темноте с удовольствием собираются подростки, курят, плюют, лузгают семечки (им, естественно, мои календари не нужны). Газеты переполнены историями о квартирных кражах и убийствах. На этом фоне семечки — это мелочь. И новенькое: в Москве напряженка с хлебом. С утра выстраиваются длинные очереди, в обед уже вывешивают таблички: «Хлеба нет». За газетами тоже очередь. Вся Россия в очередях.. Американский фильм «Оркестр воспринимается как пародия на нашу жизнь: все в куче рабочие, работницы, пионеры, сотрудники НКВД, флаги, бюсты, портреты Ленина — и все это несется куда-то под барабанную тягучую мелодию Равеля, в финале несут гроб, из которого неожиданно вылезает скелет и падает на людей сверху, погребая их под собою. Эффектный финал!..

7 ноября впервые прошло без железного Феликса и военного парада. Сидели дома. Копошился в чтиве. 8-го отправились на Сокол в поход за капустой. Вместо капусты уперлись в выставленные напоказ эротические журналы. Какой-то военный в кожанке вопил: «Мне, морскому офицеру, неприятно смотреть на голую задницу! Уберите эту порнографию!.. Был указ президента!..». Да, указ был, но жизнь идет вне указов. Пошли на рынок, — и цены! Как кто-то съюморил: «Когда цены поднимаются вверх, штаны падают вниз».

Встречались с Витей Черняком, состыковывали свои части по общей книге «Детективный календарь» (название рабочее). Витя рассказал притчу о том, как в одном американском городке погас свет, и началась паника. Мэр предложил любые деньги тому, кто исправит электростанцию. Пришел человек, постучал молоточком — и свет вспыхнул. Сколько хотите за свою работу? — спросил мэр. Волшебник света ответил: 10 тысяч долларов и 5 центов. Почему именно столько? — последовал вопрос и получил ответ: 5 центов за то, что я постучал молоточком, а 10 тысяч за то, что я знаю, где надо именно постучать… «Так вот, — сказал Витя, — мы знаем с тобой, где надо найти материал для нашей книги».

Заезжал в издательство «Панорама», Жданко показал мне издательский план: «Ю. Н. Безелянский. Календарь российской истории. 20 п.л. 100 тыс. экз. Цена: 10 рублей». Но выйдет ли? У меня сомнения, — время-то сомнительное и просто смутное.

16 ноября

Страдаю от темного времени. И Черняк тоже. Сказал, что есть люди, завязанные напрямую с энергетикой освещения: «Вот я такой. Тускло — и нету сил». У меня такое же самочувствие от плохого освещения, но, несмотря на это, заставляю себя садиться за машинку долбить и долбить, 10–15 страниц в день, как норма. А еще беготня по редакциям. В «Искусство кино» и в «Независимой» не пошел материал об Андрее Тарковском, принес в «Неделю». А еще работа, жуткий быт. Решил порадовать себя: купил журнал «Андрей» (с голыми попками) и том Монтеня «Опыты». Масса тонких психологических наблюдений, типа «уменье держать себя с людьми — вещь очень полезная». Некогда цитировать, но вот еще одно: «Честолюбие, жадность, нерешительность, страх и вожделение не покидают нас с переменой мест. Et post equitem sedet atra cura (и позади всадника сидит мрачная забота — лат.).

Не знаю, как другим, но мне умные книги, философия и поэзия помогают жить и не впасть окончательно в отчаяние…

16 ноября по Первой программе лицезрел себя в «Книжном дворе» (разрыв между записью и эфиром во времени). Говорил, между прочим, и о Блоке и наплывом дали его портрет. Программа вызвала кучу телефонных звонков.

24 ноября

Печатаю календари: в «Науку», в детектив, в российскую историю и прихватывает голову. Ложусь, прихожу в себя и снова печатаю. Как выдерживаю, сам не понимаю… В газете вычитал заголовок «Отпускают цены и зарплату. С чем останемся в итоге?» И посмотрели фильм «Небеса обетованные» о закате коммунизма. В картине обжигал текст: «Бей жидов! Спасай Россию! Жидов всех извели, а Россию не спасли!»

Погода. За окном +4. Хмарь, лишь несколько клочков снега во дворе.

1 декабря

Загоняю себя с этими календарными гонками. Давление, какой-то гербис, аллергия. Усталость организма. Какой-то вирус, и организм плохо защищается. Вкалывают уколы реопирина, хожу

на кварц, но печатать не бросаю… На день рождения Гриши набросал стишки:

Время сегодня не для акына.
Петь не хочется, увы.
Все мы входим в этот рынок.
И видно: все без головы.
Все же, Гриша, не тушуйся.
Есть выходы, поди.
Суетись. Куда-то суйся.
Новые ищи пути.

Советовать всегда легко. А вот суечусь, а Григорий не хочет. Все время звоню в «Неделю», как там мой материал? А мне: «У нас много материалов, не только ваш один… Позвоните еще раз…».

8 декабря

4-го закончил печатать «Мир детектива». 318 неполных страниц. На следующий день поехал в «Огонек» читать гранки про 1932 год. Чего-то, конечно, сократили, перепутали фамилию: Безеблянский. Никак не могу купить свои «забытые даты». Уличный торговец сказал мне, что продал тысячу экземпляров за два дня и больше у него нет: «Да надоели все церковные да церковные, а

это настоящее — про Россию...» Продавал «Забытые даты» по 7 с полтиной. Кто-то из знакомых видел и купил, а мне не попадается никак: календарь-невидимка!.. Донимает нездоровье. Лечусь стихами:

Ты взгляни вокруг – везде фигово.
На руках совсем нет козырей.
В этой жизни заболеть не ново,
Только выздороветь – попробуй вот сумей!

В магазинах что-то страшное. Очереди, драки, кому-то откусили нос. Полный беспредел. Ще сделала вывод; расслоение пошло не на богатых и бедных, а на бедных и нищих. Мы бедные... Наверху все крутят молодые ребята — Гайдар и его команда, по выражению Руцкого, «мальчики в розовых штанишках». Газета «День» вопит, что страну скупил иностранный капитал. Мне трудно сказать, что происходит, у меня нет под рукой конкретных фактов. Только ощущение, что творится деградация и кругом вопиющее убожество. Можно утешаться тем, что в революцию и в отечественную войну было похуже. Но сейчас тоже лихо.

15 декабря

Получил 5 авторских экземпляров «Календаря забытых дат 92» (малое издательско-коммерческое предприятие «Баян»). Маленький увесистый томик. Чтобы вывезти тираж в один миллион — требуется 10 грузовых КАМАЗов. Календарь есть, а вот Советского Союза — нет. Прекратил существование. 8 декабря в резиденции «Вискули» под Брестом Шушкевич, Ельцин и Кравчук подписали соглашение о создании СНГ. И сразу появилась частушка:

Эх! Яблочко, да на тарелочке,

СНГ не СССР, а подделочка!..

«Независимая»: «Ельцин, Кравчук и Шушкевич пошли ва-банк. Три лидера славянских республик ликвидировали СССР, не предупредив об этом никого…». В «Неделе» появился анекдот в тему:

— Что с ним случилось?

— Умер.

— И каков диагноз?

— Надоело…

В «Советской России» — стихи и такая строчка: «Опять усталая Россия несет чужих ошибок крест…». И Борис Чичибабин:

Немилый край, недобрый час,

на людях рожи нелюдские, –
и Пушкин молвил, омрачась:
– о Боже, как грустна Россия!..

22 декабря

Новости каждый день. Ликвидирован Центросоюз СССР, теперь есть Центросоюз РСФСР, и Ермаков действует под копирку Ельцина… Вот-вот должны начаться реформы. Народ оцепенел и замер. Тут разговаривал с Милой К. Она: «Тебе хорошо, ты нашел свой нишу». Я разозлился: «А у вас есть дача, а у меня дачи нет…». А Володя считает заработанные мной «штуки». Раньше все были равны и все было спокойно, а ныне появилось неравенство и вылезла наружу черная зависть, у кого что есть, кто чего добился и т.д.

Журнал на краю гибели: в несколько раз повысились тарифы на полиграфические услуги, плюс вздорожала бумага… На работе давали (ох, уж этот советский глагол «давали!») подсолнечное масло, меня не было, и никто не взял и не подстраховал меня: все думают только о себе… Утешила французская комедия Жерара Ури «Ванильно-клубничное мороженое». Давно так от души не смеялся, и как-то сразу стало легче… Как сказал Ширвиндт: «Мы еще живем, хотя бы

фрагментарно…»

Всюду развал. Не хватает пространства, воздуха, товаров, добра… Нет и власти. «Кто в этом виноват? — размышляет мной любимый журналист Леня Радзиховский. — Русские просторы и широкая степная душа? История? Большевики? Жидомасоны? Пятна на Солнце?..» Сегодня все стенают — Радзиховский, я сам, окружающие…

Вышел «Огонек» — на двух с половиною полосах мой материал о 1932 годе. Рядом Вознесенский с видеомами, довольно скучными. Вот уж не думал, не гадал, что буду вместе с Вознесенским под одной обложкой! «И невозможное возможно в стране возможностей больших!» — как говорил Игорь Северянин.

29 декабря

Еще одна творческая удача, достижение, а можно сказать проще: напечатан очередной опус. В «Неделе», последней, № 52, в рубрике «Мемуары» опубликованы мои воспоминания об Андрее Тарковском (наконец-то вышли!) и названы «Проходят дни густой лиловой тенью» и приведено стихотворение, которое мы писали с Андреем через строчку (одну он, другую я) в школе, на одном из скучных уроков, 30 ноября 1949 года. Это было 42 года назад, и нам с Андреем было всего 17 лет.

Проходят дни густой лиловой тенью,
Летят на крыльях звонкой тишины…

Ну, и т.д. Юные декаденты-любители. Стиляги. Неужели это все было?!.. И сразу вспоминается Андрей, который однажды на уроке черчения, когда учитель спросил, где его чертеж, а чертеж отсутствовал, но, тем не менее, Андрей на весь класс возопил с интонацией барона из пьесы Горького «На дне»: «Было! Все было!!..». Собираю урожай. Купил декабрьский номер «Науки и жизни»: 12-й выпуск исторического календаря. Тираж журнала 1 млн. 133 тыс. экз.

Итак, «Неделя», «Огонек» и «Наука и жизнь» — три публикации, три гонорара. Написал цифру «3» и вспомнил магазин на Мытной улице, где мы жили до войны, магазин назывался в народе как «Три поросенка»… Да, еще сделана в этом году и в ударные строки рукопись «Мир детектива». А как «Панорама»? Жданко сказал, что сотрудники редакции дежурят ночью, забаррикадировавшись, опасаясь захвата здания… Мой календарь накрылся лаптей?.. А в Политиздате — Баяне Татьяна Мих. просит ускорить путеводитель по Москве — хотят издать…

31 декабря

Надоело писать про социально-экономические ужасы, про экологию, нездоровье, молотьбу на машинке и прочие страсти-мордасти.

Какой разор в стране моей!

Как будто вновь вернулись дни Батыя…, –

написал какой-то молодой поэт. Раньше, накануне Нового года шли звонки, присылались открытки, поздравления. А сейчас — тишина. Не до праздника. Что будет в новом году? Тысяча вопросов и ни одного ответа.

1992 – 59/60 лет

5 января

Год начался — Обезьяна начала забавляться. За две минуты до нового года закончил стихи для Ще (иных подарков нет):

Пусть будут в жизни перемены.
Какая ЖИЗНЬ без перемен?
Подумаешь, подняли цены!
Не будем резать в страхе вены
И превращаться в тихий тлен.
Еще нас ждет с собой удача.
Еще в Италию махнем!..
Мы лихо щелкнем все задачи, –
Ну, как же можно жить иначе?
Мы все решим с тобой вдвоем.
Не вешай носа, друг Капусткин!
А, ну, улыбочку, вот-вот.
Ты вновь шикарна в этой блузке,
Хотя она, конечно, узка,
Но что с того! За Новый год!..

31-го были вдвоем дома. Смотрели повторно польский «Ва-банк», ели немецкую курицу, а в 12 часов выпили коньяку, заели лимоном и шоколадом «Аленка» (где «Гвардейский», где «Слава», где «Золотой ярлык»?..).

2 января вышли на улицу, — все в снегу и в новых ценах. Поехал в Центросоюз — там траур, все получили уведомление об увольнении. Центросоюз самораспустился. Неясна судьба журнала. Кто в истерике, кто матерится, кто впал в ступор. Шеф в глубокой растерянности и убеждал меня, зачем, мол, пишу, все равно Львом Толстым не буду, и вообще, что-либо писать — это глупость. Убеждал себя?.. Нет, я писал и буду писать — это единственное спасение и надо садиться за апрельский номер «Науки и жизни». Надо зарабатывать, перефразируя дореволюционную шансонетку: «Шофер мой милый, как ты хорош! Узнаешь цену — бросает в дрожь…» В магазине появилось пиво. Бутылка «Жигулевского» — 8 рублей, а когда-то она стоила 37 копеек. Это во сколько раз дороже? В 20–24 раза?.. И это при плохом качестве.

Вот такая пошла новая жизнь. «С горя» (это мое любимое выражение) начал читать «Литературное обозрение» № 11. «Роман с дамой из порядочного круга — процедура длинная…» —

писал в письме Чехов. «Решил, что у Таты гораздо влажнее и слаще, но беднее формами…» — делится своими откровениями Василий Розанов с Зинаидой Гиппиус.

11 января

С Черняком соединили две рукописи, и вместо «Мира детектива» Витя предложил название «Терра детектива» с подзаголовком: «Календарь всемирных злодеяний, хроника знаменитых преступлений, истории преступников и жертв». «Что нами движет? — вопрошал мой соавтор и отвечал: «Таинственная тяга к денежным знакам».

7 января было Рождество. Раньше все о Ленине и КПСС, теперь по ТВ и радио только о рождении Христа, Вифлеемской звезде и т.д.

8-го получил уведомление, что с 9 марта увольняют в связи с ликвидацией журнала. Со 2-го — пенсия. И все в марте. Вроде бы все нормально, но все же как-то неприятно…

9-го с утра пошел за хлебом и простоял в очереди ровно час. Был по счету, наверное, 40-м, а дальше выстроился хвост из ста человек. Хлеба нет. Разгружают только машину. Крики: «Скороо будете продавать?!.. Что вы все химичите?!.. Вот разнесем вашу булочную в пух и прах!..». И далее в этом же роде. Такие нынче весело-агрессивные

старушки, — и ведь могут разнести… Достал хлеба и пошел печатать апрель для «Науки»: Леонардо, Гумилев, дело Бейлиса и т.д. Тут по ТВ услышал куплеты: «Футболистов покупают! Хоккеистов покупают! Куплетистов покупают!.. Коммунистов не берут!»

19 января

Непонятный нарыв на груди. Ломаются ногти, — явно чего-то не хватает. Воды горячей нет. Цвет в телевизоре постоянно исчезает. В стране — бордель.

Ох, господа и дамы!
Рассыпался наш дом, –
Бог весть, теперь куда мы
несемся и бредем…

Это — Борис Чичибабин.

Между Россией и Украиной идет борьба за Черноморский флот. Валится экономика. Предприятия на грани остановки. В Москве еще более или менее, а в других местах, по стране, нет угля, нет хлеба. Коммунисты подняли голову и замелькали портреты Ленина и Сталина. Сказочно растут цены и как жить дальше?!.. И, тем не менее, жизнь продолжается. Были на Крымской, на выставке

Давида Штеренберга. Интересно полотно «Бал в Бюилье» (1913–14) — фигуры, позы, кто-то кого-то клеит, кто сидит в грустях, кто-то в канкане задирает ноги… Еще холст «Девушки в синем»… «Обнаженная» (1908–09) — это не ренуаровская желанная плоть, а худое непривлекательное, тонкое тело, с косточками, маленькие некрасивые груди, полная антисексуальность… Портрет Лили Брик. Она в синем платье на красной софе с отставленной газетой и спящей кошкой… В другом зале выставка рано умершего Александра Грицая (1950–1988), сугубый реалист, последний поэт деревни — не трогает совсем. Копирование жизни — это не искусство…

26 января

Раньше верилось, что впереди все будет лучше и лучше, и пенсия рисовалась идиллической: неспешная жизнь для души, книги, неторопливое гуляние… А вышло иначе, и события развиваются по сценарию: чем дальше, тем хуже. Страна в экономическом штопоре. Цены взбесились. Плохо работает телефон — никому не дозвонишься. Горячей воды нет. Кипятишь чай, а в нем нефтяные пятна. Газеты носят через пень-колоду и так далее, и так во всем.

В бывший Политиздат сдал заявку на кален-

дарь-книгу о Санкт-Петербурге. Там мне поведали о положении в издательском деле: маленькие частные фирмы горят, грядут крупные акулы-монополисты и ничего хорошего в будущем не ожидается. На днях в метро попалась сумасшедшая (и сколько их теперь!), которая вошла в вагон с песней «Чтобы тело и душа были молоды!..» Ей кто-то сделал замечание, а она в ответ еще громче: «Идет война народная!..» Ну, и последствие войны, то бишь, либерализации цен: в столовой все жмутся, обед по цене 10–13 рублей не по карману, берут один винегретик. И странно получилось: у народа отняли колбасу и шоколад, но зато дали в изобилии журналы, книги и фильмы, читай-смотри, что хочешь. Вот на неделе наслаждались картиной Антониони «Идентификация женщины». Хотя тема грустная: одиночество человека в мире. И как жить? Надо вкалывать, советует Игорь Губерман, чтобы «выжить в этой соковыжималке».

1 февраля

Мои заявки на «Любовь и поэты», на «Один день месяца» и на «Блистательный Санкт-Петербург» лежат в трех разных местах. Но от заявки до издания — предлинная дорога. А опыт с «Огоньком» подсказывает, что легче написать, чем получить

гонорар: то задерживают, то денег нет, то еще что… Купил за 6 рублей первый номер «Науки и жизни» (тираж 900 тыс.экз.), там моя 13-я публикация исторического календаря. Точит мысль: а сколько заплатят?..

Посмотрели два хороших фильма: «Наполеон и Жозефина» (Арман Эссанте и Жаклин Биссет) и «Будучи там» (Питер Селлерс и Ширли Мак-Клейн)… За окном пасмурно, сыро, +1.

9 февраля

Цитата из «Независимой газеты»: «…Москва превратилась в грязный, пыльный город, где легко потерять здоровье, где невозможно качественно и производительно работать и нормально жить. В город, который своей нечистотой делает людей злыми, хулиганами, преступниками…».

И еще лучезарная цитатка: «…Но даже те, кто до сих пор числился в преуспевающих, такие, как крупные драматурги, известные сценаристы и поэты-песенники, могут оказаться на грани нищеты и даже голодной смерти. Стоит только заболеть на продолжительное время, и ты уже на краю пропасти…». (5 февраля, НГ).

Поздравил Германа с днем рождения, а он в ответ: «Главное, чтобы не убили…» На Вернадского, в уже ныне бывшем Центросоюзе, уволили кучу

сытых, самодовольных чиновников, оставшиеся ходят с перекореженными лицами: боятся будущего. Лафа кончилась.

15 февраля

У подъезда №2 Белого дома встретился с Яновым (он там давал пресс-конференцию). Приземистый, староватый, но бойкий и несколько евреистый, и, конечно, умный. Подарил ему свой календарь «Забытые даты 92» с надписью: историку-концептуалисту от любителя исторических фактов. Тираж, говорю ему, миллион. Он: «О, в Америке вы были бы миллионером!..» Но то в Америке, а у нас совсем все иначе… Интересно и горько: я ждал Янова, как какая-нибудь молоденькая актрисулька ждет маститого режиссера: авось, даст роль… Закончил рукопись путеводителя по Москве «Будем знакомы», 76 страниц, 4 печатных листа. И как пойдет все дальше — пенсия, Янов, рукопись?.. Календарь сделан, издательницам и мне казалось: это — бомба. Ни фига. В продаже нет календаря и тишина…

За окном +5, снег, лед, слякоть, грязь, капель и все тонет в тоскливой серости и безнадежности нашей российской жизни. Как сказала Лия Ахеджакова: «Счастья нет, но бывают блаженные минуты». Добавлю: но они крайне редки.

27 февраля

Очень устаю от дороги, туда-сюда на Вернадского, народа тьма, еле протискиваются в вагон, ввинчиваются и дышат тяжело друг другу в лицо. Противно… Домой приезжаешь вдрызг усталый. Поел, поспал, немного посмотрел ТВ, почитал — и весь день сгорел. И не работа и не пенсия. И все — в ожидании Годо.

Русский ПЕН-центр сделал заявление о положении авторов: дорожает все, дешевеет лишь творческий труд… для многих грозит переход на положение интеллектуального люмпена… а для страны неизбежное культурное одичание… И чем утешаться? Стихами? Тут «Комсомольская правда» выдала не первой полосе строки Арсения Тарковского:

…Терзай меня – не изменюсь в лице.

Жизнь хороша, особенно в конце,

Хоть под дождем и без гроша в кармане,

Хоть в Судный день – с иголкою в гортани.

Ах! Этот сон!

Малютка-жизнь, дыши,

Возьми мои последние гроши,

Не отпускай меня вниз головою
В пространство мировое, шаровое!

В воскресенье 23-го гуляли в дальней роще. Легкий морозец. Хорошо. Дети катаются с ледяной горки. Идиллия, а в это же время в центре столицы бушевали различные митинги под водительством бешеных Алксниса, Ампилова, Макашова, Бабурина и Жириновского (весь цвет русского фашизма). Что будет дальше с бедной Россией, страной абсурда и дураков?.. Ну, а я в канун своего 60-летия. «Я еду с ярмарки», — как написал режиссер Александр Белинский. «В моей телеге приличный запас знаний в области литературы и театра, довольно крепкое владение своей профессией, солидные остатки юмора, определенный запас трудолюбия и любознательности». Что ж, не так уж мало! Александр Белинский — человек, созвучный со мною…

Недоумение и боль: мой календарь «Забытые даты» провалился в непонятную черную дыру. Стрижев по поводу моего труда сказал: «Я все составительское делаю, а у тебя все прошито личными строчками». И высказал версию: конкуренты православного календаря и иных прочих скинулись и угробили мой, чужие им не

нужны…

2 марта

И вот грянуло: 60 лет! Эта цифра кажется мне чужой и фантастической, но, увы и ах, горькая реальность… Одолевают всякие раздумья. «Внутри себя все мы одного возраста», — утверждала Гертруда Стайн, — я не уверен. Я чувствую себя старым и измотанным этой жизнью. И как шутила польская юмористка Магдалена Самозванец: «Пересчитай свои годы на деньги, и ты увидишь, как это мало». Ясно одно, что хорошо, что я не стал ни поэтом, ни прозаиком, — никому ныне не нужны лирические стихи и художественная проза про интеллигентские метания. Я нашел свою нишу: исторические календари с высокой информационной насыщенностью. Это интересно и читается…

8 марта

Второго марта к 18 часам собрались гости (9 человек против 17-ти на 50-летие). В специальный альбомчик гости записывали строки о юбиляре, а Анисим даже разразился стихами:

Пускай все врут календари,
Твои – не врут, держу пари!

Твои – всю правду говорят,

И в сорок лет, и в шестьдесят!

Пили все подряд — шампанское, вино, водку и коньяк, и под «это дело» высказывали всякие преувеличения, сравнивая меня с Карамзиным и Иосифом Флавием. Было и лестно, и смешно… Стрижев называл всех женщин «ласточками» и спьяну лез целоваться. В общем, было вполне ничего. А 3 марта уже чествовали на работе. И бывший первый зампред Центросоюза Яшин сказал, что я «попал в наш квадрат», в цифру «60», однако отметил, что у меня «молодая походка». Подарили часы с кукушкой. Теща долго ждала, что кукушка закукует, а она никак: часы оказались бракованными и пришлось их менять… Половик тоже посвятил мне строки:

У каждого – свои расцветы.

А у тебя – особый дар.

И по крупицам «многи леты»

Ты создавал свой календарь.

Что ж, верно, по крупицам. 6-го пошли с Ще в к/т «Ленинград» и смотрели американский фильм «Ярость в клетке». Боже, все мы в клетке…

15 марта

Грустные мысли о возрасте не покидают меня. А тут еще чреда уходов: Юрий Ваньят, Евгений Евстигнеев, Асаф Мессерер… Но, правда, есть и другие примеры: отпраздновали 90-летие Николая Старостина, он до сих пор мотается с командой по городам и весям. По «Маяку» было интервью с 89-летним Вадимом Козиным: трезвый старикан и даже сохранил певческий голос. Так что бывает по-разному.

Вчера по первой программе «Останкино» в программе «Книжный двор» в 12.25 зачитывали мой календарь (а там и Кафка, и Пришвин, и еще кто-то, связанный с этим днем). Диктор читал текст на фоне изобразительного ряда. И титры после, в которых перепутали мою фамилию: Бизилянский, внесли ложку дегтя… Приступил к составлению календаря Российской истории. Напечатал первые 8 страниц. А еще получил отпечатанную рукопись «Терры детективы» — четыре экземпляра, — и тащил на себе 6 кг веса, и впервые убедился, какое это тяжелое дело — литература, литературная ноша. Все дни проходят в печатании, раскладке, разборе досье, помогает Ще, если бы не она, то погиб бы под горой бумаг.

21 марта

По случаю своего увольнения Ще дала тор-

жественный чай. Грузинская натура: «Я ушла с цветами, а могла уйти с горькой обидой!» Эпоха ЦНИИЭП жилище закончилась, начался новый период: домашнее хозяйство, секретарь-помощник мужа… Все неожиданно сошлось в одной точке: мой пенсионный возраст, увольнение Ще и развал в стране. «Коктейль Молотова»!..

Делаю отчаянные попытки и пристраиваю свои материалы в журналы «Огонек», «Столица», «Очаг», параллельно печатаю календарь в «Науке и жизни». Рада Никитична поманила изданием книжки, но проект буксует. Тут говорил с Володей Соловьевым: он — безработный и совсем без денег.

29 марта

Отказываюсь от покупки многих газет и журналов — дорого.

Бунтует Ще: «Я сижу дома, но я не домработница». Ходила на биржу труда… Я печатаю российский календарь и надеюсь, что «Панорама» его издаст, а там идут какие-то структурные изменения, увольняют — назначают, сливают — разъединяют.

Надо очень увлекаться
нашим жизненным балетом,

чтоб не просто пресмыкаться,

но еще порхать при этом, –

писал Игорь Губерман.

Все время появляются какие-то проекты. Витя Асаулов носится с идеей издавать свою газету, хочет, чтобы в ней я вел футбол, а Юрий Цыбанев — хоккей. Замаячило еще издание — «Новый московский «Огонек». И я, как рыбак, везде закидываю удочку: авось, что-нибудь выловлю. И утешаюсь одесской песенкой:

Ну, шо ты смотришь на меня без интереса?

Имей терпенье, – и дела пойдут на лад!..

Ремарка. И они пошли — и газетно-журнальные публикации навалом, и книги. Но сколько это стоило нервов, терпения и времени ожидания. Ничего не упало с неба. Все выстрадано и заработано адским трудом — 30 января 2011.

В «Науку и жизнь» пришло письмо из Чечено-Ингушетии от Маррет Богатыревой, хвалит журнал, и «спасибо Юрию Безелянскому за его оригинальный материал», он ее подвинул поступить на исторический факультет.

4 апреля

Отпала «Столица»: там хотят не историю и литературу, а экономику, что-нибудь про цены и прочее. Как компенсация, неожиданно при каких-то странных там расчетах подкинули-подарили японский телевизор «Шарп»: 595 долларов или 90 тысяч наших. Ще: «Вот это алтын! Мы бы не в жизнь его не купили!..»

Ездил на Солянку, в будущий офис газеты, к Асаулову. Планирует запуститься в мае. Черняк носится с новой идеей — книгой «Скандалы». В «Панораме» шла торговля, какие материалы они могут купить и запустить. Какая-то опытная женщина-редактор Галина Генриховна заявила, что если начальство не договорится, то будут дураки… Под «Панорамой» есть еще одно издательство «Вернисаж», им подходит моя работа «Поэт и Муза». Но это все пожелания и прожекты, а вот Московский путеводитель — дело более конкретное. Ездил в издательский отдел Института развития Москвы заключать договор с бородатым Альбертом Рывкиным. Он: «Вместе с вами совершал приятные прогулки по Москве… Очень понравилась книга…» Далее договор на 10 тысяч и обещание издать к 1 мая. Что касается «Забытых дат», то Татьяна Михайловна подтвердила:

мой календарь убрали конкуренты, и никакое журналистское расследование не поможет. Он — чужая собственность.

Звонил Иосиф из Пушкинских гор. По моему примеру засел за календарь по Пушкину.

Андрею Тарковскому сегодня было бы 60 лет. В «Известиях» упоминание о нашей 554-й школе. «Проходят дни густой лиловой тенью…»

9 апреля

Весь в прожектах и надеждах. Возник Анисим. Идея создать культурный центр при Алле Баяновой и журнал «Фортуна», посвященный эстраде. Спрашивает меня: пойдешь к нам?.. Н-да, манят футбол, эстрада. А мы с Витенькой пристраиваем еще ненапечатанный в книге наш детектив. Предложили «Терру детектива» в издательский центр Артема Боровика «Совершенно секретно». Помощница Боровика-младшего говорит: «Интуитивно чувствую, что это для нас… о, если бы взяли!..». Обратно шел по Арбату, около метро какие-то мужички предлагают сыграть в шарики (угадай за деньги). «Мужчина, вы играете?..» Нет, в шарики не играю. Я играю в издательства.

13 апреля

Выдержка из «Книжного обозрения» № 14: «Как

и всякий дневник — это прежде всего эмоциональное отражение на бумаге «настроений и дум», где всегда есть место и «неуклюжему выражению, сентиментальному порыву, лишнему восклицательному знаку». С юных лет Чуковский ощущал в себе потребность побыть наедине с чистым листом, оставить на бумаге «туманную мысль» — след о прожитом. С годами он еще более укрепился в понимании того, что «…Дневник — громадная сила, — только он умеет удержать эти глыбы снега, когда они уже растают, только он оставит нерастаянным этот туман, оставит меня в гимназической шинели, смущенного, радостного, оскорбленного».

Почти 70 лет Корней Иванович вел дневник (1901–1969). А сколько уже я? Тоже немало. Начал не то с 1947, не то с 1949 года. В 60-х годах практически не вел, что очень жаль. Снова вернулся к дневнику в 1973-м, ну, с 1974-го веду регулярно, т.е. 19 лет. Все собираюсь перечитать, чтобы вновь пережить прошедшее, но некогда. Я-то думал, что выйду на пенсию и буду потихоньку шелестеть страницами в свое удовольствие. Не вышло…

Похороны Дины (59 лет). Погода как на зло: снег, ветер, холодрыга. Выступали учительницы

из дининой школы, говорили, что была красивая женщина во всем. Но что толку в этих словах, когда человека уже нет, а есть лишь безобразный труп. Пока шла панихида на открытом воздухе, на проводах над толпой сидели голуби и молчаливо смотрели сверху вниз. Эдакие наместники бога: что-то знают про человеческую жизнь, но молчат, не разглашают тайну… Возвращаясь с кладбища, натолкнулся на фамилию давно усопшего Заводилкина. Бедненький: отзаводился…

Ездил в «Панораму», где обсуждали мой календарь и выражали свое недовольство, мол, слишком кусаю власть, КПСС, КГБ и надо, вообще, поумеренней и поаккуратней… В «Совершенно секретно» некий подшеф Александр Наумович Бененсон сказал, что рукопись нашей с Витей детективной книги гениальна, хотят начать печатать в ежемесячнике и, возможно, издадут отдельной книгой. Опять бриллиантовый дым!..

Еще делал очередной материал для «Науки», кусок исторического календаря для газеты «Россия», вел какие-то переговоры о поездке в Венгрию в качестве руководителя туристической группы. Короче, началась тихая и размеренная жизнь на пенсии!..

18 апреля

Страна идет в разнос: митинги, забастовки, жаркие словесные бои, слава бога, пока без топора. Критика в адрес молодой симпатичной команды Егора Гайдара. Когда Гайдар объявил об отставке, Леонид Радзиховский написал: «Очень страшно. Вот сейчас, впервые, без дураков, Россия занесла ногу над пропастью…» Гайдар, правда, устоял, но коммунисты и национал-патриоты блокируют все, чтобы вернуться в прошлое под знамена КПСС и СССР. Никак не хотят понять, что Советского Союза уже нет, империя рухнула, нет, хватаются судорожно за прошлое!.. Чудит Руслан Имранович Хасбулатов, профессор из Плехановки, ругает правительство, называя его членов «червяками» и «мальчиками в розовых штанишках». Не везет России, ею пытаются рулить какие-то авантюрные типа, то лукавец Лукьянов, то Хасбулатов с темной чеченской душою…

23 апреля

Жгучий денежный вопрос. Уильям Фолкнер как-то сказал: «Человек может долго жить на деньги, которых ждет». Вот и я жду три аванса — за Путеводитель по Москве, за исторический календарь в «Панораме» и аванс за детектив в издательстве «Московский рабочий». И когда дадут?

Три аванса, три засранца
Где-то бродят, их ищи!..
А пока их нету, нету,
Я питаюсь винегретом,
Ем пустые щи.

Три аванса, три засранца,
Черт их знает, где они.
А пока в квартире пусто,
На столе одна капуста.
Тихо стынут дни.

Прочитал сии вирши Ще, она возмутилась: какие пустые щи?! «У нас с мясом». Но это я так, в порядке поэтического преувеличения. Гипербола…

В «ленинские дни» и газеты, и ТВ: гениальный преступник, людоед. Как восторженно раньше пели осанну, так ретиво теперь рвут в клочья. В асауловской газете получил гонорар за материал о русских купцах. И надо же — 870 рублей одними грязными трешками!.. А в «Совершенно секретно» все сорвалось. Артем Боровик сиятельно улыбался, а Бененсон мямлил, что они, дескать, еще думают: давать или не давать. Мы с Витей плюнули и забрали рукопись обратно и пошли «с

горя» в Домжур и выпили в баре по бокалу сухого белого вина. Братья-писатели, почти Гонкуры…

В музее-квартире Ермоловой был вечер памяти Андрея Тарковского. Впервые познакомился с Мариной Тарковской. Среди выступавших был художник Шавкат (принимал участие в «Солярисе»), он ругал Ларису, после я подошел к нему и пытался защитить Ларису: она защищала Андрея, как могла. На что Шавкат сказал: вы интеллигент, вам главное — все понять и все простить, а я — кочевник. Я не прощаю…

Странно выступил Володя Кириленко, словно задался целью спихнуть классика с пьедестала и самому взобраться на него. Получилось весьма нескромно. Сразу вспомнилась фраза Тарковского о Володе: «А это тот, который стал милиционером». Все его воспоминания утонули в ненужных подробностях, к примеру, вспомнил о директоре школы, который одевался во френч и у которого были «оттопыренные уши». При чем тут френч и уши?!.. Коля Алексеев, напротив, выступал кратко и хорошо. Я выступать не стал, хотя и подготовится: три одноклассника — явный перебор… Вышли на Пушкинскую площадь — почти Запад, горят огни «Макдональдса», десятки продавцов водки, бананов, жвачки. Тут же девочки тусуются. Грязь,

матерок… Как все это отличается от той вечерней Москвы нашей школьной поры. «Новое поколение… торговцы!» — зло сказал Кириленко.

30 апреля

Жизнь — вихрь. Вел переговоры о продаже какой-то американской фирме мочевины и семечек через бывший Центросоюз. Дело не выгорело. Зато в «Неделе» напечатали мое воспоминание об Андрее Тарковском. Прочитал любопытную книгу Соловьева и Клепиковой «Заговорщики в Кремле». Впервые написан образ Андропова как злодея. Ернический фильм по ТВ «Переход товарища Чкалова через Северный полюс». Наконец-то дошел до нас старый фильм Алена Рене «Прошлым летом в Мариенбаде» (1961). Это творческая часть, а вот экономическая: цены ползут и ползут, и все кверху. Подорожал бензин. Новое популярное словечко «энергоносители».

В воскресенье 26-го пошли с Ще на Красную площадь. У музея Ленина толпа с горящими лицами, красные флаги и безумные речи: «Наш лидер — Ленин! Наш лидер — Сталин!» Безумцы. И рядом на Историческом музее огромное пасхальное панно с ликом Христа. Как все это сочетается?.. Вечером по ТВ фильм Пазолини «Евангелие от Матфея» (1964). Последние слова Иисуса: «…Я с

вами во все дни до скончания века. Аминь».

А если заземлиться, то тут в интервью Эдварда Радзинского напал на его фразу: «Мы — загадочная страна. Здесь все исчезает: продукты, товары, книги…» И его изданная книга куда-то ухнулась и не сыскать, как и мой календарь «Забытые даты 92». А Ще уже 40 дней как не работает, зато дом сияет и блестит. А за окном — сережки, листочки, весна…

4 мая

Майские каникулы провел за календарем Российской истории. Труднейшая работа: дать кратко и емко представление Александра II, патриарха Алексия или сталинского сатрапа Жданова. Выламываю свои мозги и быстро устаю… И другим нелегко, к примеру, Изя в депрессухе — его экономические выкладки о социализме ныне никому не нужны. Устарелый товар… Были в гостях у Давидовских. Наташе подарил свой календарь с надписью: «…на память о России». Саша загорелся: «Мы дядю Юру будем издавать в Германии». От Наташи было странно услышать о том, что я воспринимался раньше как серьезный, положительный, обстоятельный, в отличие от школьных друзей.

11 мая

Янов, человек, который организовал «Неправительственный Совет взаимодействия», пригласил меня к себе на Велозаводскую. Беседа длилась почти 2 часа, могла и больше, но жена Янова развела нас, как боксеров, по разным углам, сказав «Брэк»! Увы, не русский щедрый человек, а уже американец: ни тебе гуманитарной помощи, ни книги не подарил, а лишь чашечка кофе и деловой разговор. В совет он хочет привлечь Тэтчер, Макнамару, Горбачева и других политиков, оказавшихся ныне не у дел, ну, и всякие там перспективы… А пока просил меня помочь ему в расшифровке бесед с оппозицией, и что-то вроде пресс-секретаря! На следующий день по телефону я согласился, а в уме уже поплыли воздушные замки: приглашение в какой-нибудь американский университет читать лекции. Мастер прожектов!.. Но, отрезвев, сочинил куплет на мотив Интернационала:

Никто не даст нам прибавленья
Ни царь, ни Янов, ни герой.
Добьемся мы преуспеванья
Своею собственной рукой!

Однако все попытки бизнеса (продать две

цистерны с пищевым спиртом, партию французских духов, сигареты «Мальборо»), встроиться в цепочку посредников ни к чему не привели. Ну, нет коммерческой жилки, нет торгашеской хватки, изворотливости, ну, нет. Несчастный творческий человек: литература да стишки…

Ездили в Малаховку на дачу к Лене Россинской. Специалист по семиотике, она вынуждена крутиться и с помощью сына переиздала чеховскую «Каштанку». Каштанка пошла лучше, чем Мальборо… «Мы влипли в этот исторический этап», — с грустью констатировал Александр Ширвиндт.

17 мая

Весь в календаре российской истории, печатаю, аж дым идет. Придумал заголовок «От Рюрика до Ельцина». В «Панораме» аж крякнули от удовольствия. Но дело там дохлое: договор об издании книги гуляет по коридорам: нужно собрать 8 подписей. «Наука и жизнь» выходит со скрипом, объявлена переподписка. Книги, по всей вероятности, не будет. Гонорар существенно снижен. «Прогулки по Москве» тоже бултыхаются, и там у них в редакции возникла мысль: выпустить английскую версию. Сколько идей — и все вдребезги!.. Устал от печатания и включил маг:

Там сидела Сара –
У нее под юбом
Дробом был заряженный наган.
Мы к ней: здрасте-здрасте,
А Сарка нас игнорирует:
Не желает с нами говорить…

Не знаю, почему, но Сара с дробом как-то успокаивает. А жизнь течет и бурлит. На работе давали сахар (по 2 кг) по цене 50 рублей, а в магазинах 75 и даже 90. Инфляция. И везде не платят… Тут столкнулся с Кузьмичевым. Без ЦК, Старой площади он — ноль. Пустой человек, озлобленный потерей власти и привилегий… Ну, а сам? Болят глаза, ломит поясницу, общий неважнец, но вкалываю и вкалываю.

24 мая

Прихватил радикулит, но дела требуют действий и хождений. Переговоры с издательством «Терра» по поводу нашей «Терры детектива», аванс в издательском центре реконструкции Москвы (кампания «трех засранцев» распалась — остались два). С гонорара купил в дом новый утюг и помойное ведро… Опять колготенье по поводу того, что можно купить-продать и зарабо-

тать посреднические проценты. Подключилась Ще и, кажется, нашли вариант продажи партий камуфляжных комплектов (куртка, кепи и т.д.)

21-го на квартире Янова на Беговой (роскошный вид на ипподром) записывал на «паносонник» диалог Янова с Сергеем Волковым, с одним из лидеров нынешней оппозиции власти. Волков за империю: снова собрать империю в кулак и жестко править. Янов: а как же главная константа «демократия»? Волков от слова «демократия» поморщился, как от зубной боли. После разговора Янов уточнил мои обязанности, как пресс-секретаря (диалоги пристраивать в прессу, следить и собирать публикации, готовить почву для его интервью и выступлений). Дома расшифровывал пленку записей, а потом схватился за свой календарь: трудные апрельские даты — Ленин, Чернобыль…

В «Московском рабочем» с Витей заключили договор на нашу «Терру». Жанр: художественно-документальный, оплата мизерная: 500 ре за авторский лист…

Побывали на выставке «Диаспора»: старые еврейские художники (Левитан, Серов, Бакст и т.д.) и современная молодежь. Огромные полотна, типа «Вовчики. Вовчики» или «Взгляд на

русский сюжет через композицию Пита Модриана». Какой-то неведомый Молочников: картины так себе, но подписи к ним: «В середу спереду. В пятницу в задницу», или «Всякое дыханье любит пиханье». Стоящий пенис и всякие секс-хохмочки. Время запретов прошло — настало время бесстыдства.

Получил первую пенсию: за март — 760.45, за апрель — 1.054 (какие-то доплаты). Итак, гонорар, пенсия, зарплата. И тут же позволили себе «загулять» на рынке (красная рыба, творог и даже одна свиная отбивная). Гуляй, рванина!.. А главное, что жизнь так закрутилась, завертелась, что некогда даже поскучать и покуксится.

30 мая

Лет десять назад, в годы застоя, читал книги, клеил футбольной архив, иногда где-нибудь печатался, все было тихо и размеренно. А ныне? Ураган, тайфун событий, крысиные гонки за рублем, — вздохнуть некогда. Сплошное печатанье, встречи, переговоры…

24-го решил развеяться и с Ще поехали в центр, сначала в Китай-город. Около памятника Плевны бойкая торговля патриотической и антижидомасонской литературой (а мыть руки негде). Так называемые патриоты, алкоголики (различить

невозможно), ну, и брань, конечно. «Ну, что ты, падло, плюешься?! Это — Русь!..» Пришли на Красную площадь к моменту выхода крестного хода из Спасских ворот. Голубое небо, солнце, золотые хоругви, черные рясы, мелькающее серебро, — Ще в восторге. А у мавзолея свои кириллы и мефодии, для которых божество — людоед Ленин…

Напросился в гости Янов (проверить семейное положение?). Его супруга Лидия Николаевна все осмотрела: «У вас чистенько… А у нас в Нью-Йорке 7 комнат…» Все быстро, нервно, отщипнула две конфетки и заявила супругу: «Янов, домой!» Уходя, она игриво ткнула пальнем мне в живот: «У-тю-тю!..». И Янов остался доволен увиденным моим архивом с многочисленными досье (прошел проверку). Потом мы с Ще долго обсуждали, какие дивиденды принесет сотрудничество со знаменитым советологом Яновым?..

Между «сделками» на работе читаю книгу Игоря Волгина «Родиться в России — жизнь Достоевского в документах». Ну, а наша «Терра» в «Терре» буксует, хотят купить за гроши, Витя лезет на стенку, радио распевают: «Хочу все сразу, хочу все сразу! Сразу, сразу — и сейчас!..» В «Век» отвез интервью с Даховым, которому дал броский заголовок «Потребительская кооперация в

эпоху упадка Римской империи» (Дахов упал от заголовка в обморок). С Костянского переулка на Солянку, к Асаулову (баллада о продаже спирта). Домой вернулся без ног…

29-го помчался в Домжур на пресс-конференцию. Участвовали Янов, Явлинский, Ольшанский из «России», Аметистов, член конституционного суда. Больше других мне понравился Явлинский — лукавый, умный, неординарный. Он в пух и прах разбил нынешний политический и экономический курс и его тут же обвинили в релятивизме и детерминизме, на что он ответил: «Жизнь — это смесь релятивизма и детерминизма». Стотысячное определение жизни. Шекспировское жизнь — это театр. «Жизнь есть сон, снящийся Богу» (Борхес). «Жизнь идет по кругу все ближе к горлу» (Лец) и т.д.

Лидия Николаевна пригласила Ще к себе в гости, и это были три часа сплошной эксцентрики: «Мужчины — все идиоты, и Янов первый…», собственная дочь — «проститутка», о себе, что она — «гневливая». И обо мне: «Юрий Николаевич — очень интеллигентный человек, но таким быть нельзя. Должность, на которой он будет, требует хваткости и нахрапистости». И высказала предположение, что Янов введет меня в высокую

политику…

> Реплика вдогонку спустя почти 19 лет: слава Богу, что в «высокую политику» не попал. Это точно не мое (10 февраля 2011).

7 июня

«Панорама» отказалась от календаря «От Рюрика до Ельцина»: боятся книга не пойдет, а убытки им не нужны. Книгу самого Виктора Астафьева рассыпали в наборе по той же причине: из-за боязни, что будет плохо продаваться. В «Веке» ведут утомительные переговоры. Збарский предложил «Персонажи века», надо будет сделать первый вариант.

Цены продолжают расти. Ще была свидетельница, как покупательница возмущалась белым батоном, который стоит ныне 12 рублей, а не так давно стоил 25 копеек. Она кричала на продавца: «Изверг!» А он добродушно так ей ответил: «Жопа!»

Жванецкий: «Никто не знает, что с нами будет. Это и есть самое интересное». По делам ездил в «Мегаполиис-экспресс», удивила надпись на двери кабинета замглавного Льва Кулакова: «Новое поколение выбирает пепси, а не Бердяева».

Костюков предложил сделать полосу хроники диссидентства. Интересно. Надо попробовать… Буквально вырвал деньги за пресс-секретарство и на радостях купил сборничек песен Петра Лещенко — Татьяна, Марусечка, Марфуша, которая хочет замуж и т.д.

Все, что пелось, все, что млелось,
Все давным-давно истлело,
Только ты, моя гитара,
Прежним звоном хороша.

Песенка-фокстрот, слова и музыка Покрасса. Но можно слова и переиначить: «Только ты, моя машинка, прежним стуком хороша!..»

6-го присутствовал на встрече-диалоге Янова с генералом армии Лобовым (короткое время возглавлял Генштаб). Лобов весь в замшелых стереотипах: кругом враги, родине угрожают и т.д. А тем временем на телеэкране возникают то Василий Белов, то Юрий Власов… Кипят политические страсти. Хотят свалить Ельцина. Стреляют в Дубоссарах и Нагорном Карабахе. Льется кровь. Тошнит от теленовостей. А яновская Лидия Николаевна все приговаривает: файн… «А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо».

10 июня

Работа меня достала и, посоветовавшись с Ще, решил подать заявление об уходе и перейти на вольные хлеба, имея в виду «Науку и жизнь», Янова и все прочее. Фомин весь в удивлении:

— Куда уходишь?

— В неправительственный совет взаимодействия.

— А мне нельзя ли туда перейти?

— Посмотрим.

— Должность, оклад, — что предложили?

— Уточняется… Возможны выезды за рубеж, — нес я вдохновенно, как Остап Бендер о проекте Нью-Васюков. Фомин сразу заскучал, потускнел, увял, — его обходят, какой ужас… Хотел с ним на прощанье поругаться, отлить все обиды в крепких выражениях, но раздумал. И вместо пушечного удара по центру ворот нанес тихенький удар щечкой в самый уголок. Удар-реванш…

Итак, прощание с государственной службой. Вольный полет. Свободный художник. Полный импровиз. Немного, конечно, страшно, но и увлекательно, что будет, как получится…

Прощай, работа-ложь (выражение из «Независимой газеты»). «НГ» отмечает, что современное российское общество разделилось на тех, кто

пытается жить, и тех, кто ждет, когда все это кончится… Нет, будем жить. Будем печататься. Предлагать. Биться. Иного не дано.

7-го принимали у себя гостей: Александра Львовича и Лидию Николаевну. Пришлось сооружать обед. Говорили об Америке, России, о шохинском фонде, об их приезде в октябре, о моих перспективах и т.д. И все хорошо, но при этом нас подвергли активной никотиновой атаке. Они ушли, а у меня пропал голос.

8-го встречался с яновским переводчиком, получил посреднические деньги и попросил как сувенир один американский доллар (первый доллар в моей жизни). Янов передал мне свои последующие диалоги для литературной обработки и засобирался обратно в Штаты.

17 июня

В Швеции открылся чемпионат Европы по футболу, а у нас, в Останкино, свой чемпионат с митингами и пикетами, и призывами идти на штурм. Перекошенные лица люмпенов, красные флаги, крики «Долой телевидение!», «Давай русское ТВ!». Власть не реагирует. Ельцин в Америке, в Москве заседает русский собор с Распутиным и генералом КГБ Стерлиговым. Новое ГКЧП?.. А я продолжаю долбить календарь Российской

истории и параллельно делаю другие материалы, среди них явно для меня чужого издания, как «Щит и меч». Глядя на меня, Ще установила диагноз: «Ты оглушаешь себя работой…» Но лучше работать, чем митинговать…

16-го ездил на Каляевскую в издательство «Физкультура и спорт». Разговор с генеральным директором Валерием Львовичем (сплошные Львовичи) Штейнбахом, предложил Российский календарь. «Сколько вы хотите?» — спросил Штейнбах. Я замялся и назвал сумму: 3 тысячи за лист. Он: «Нормально». И сказал, что будут просчитывать, принесет ли им книга прибыль… Как раз у Аксенова в интервью вычитал: «Американские издатели относятся к своему делу со звериной серьезностью. Их волнует лишь одно: сколько экземпляров им удастся продать…».

22 июня

Я — свободный человек, но покоя нет. В Москве подняли голову «красно-коричневые», открыто призывают к свержению «оккупационного правительства» Ельцина. Самого Ельцина называют на еврейский манер Беней Эльцином. Раскаленная кухня политических страстей. «Добро должно быть с кулаками» — как кто-то сказал. Демократия должна себя защищать. А власть

колеблется…

26 июня

Поездки-походы — в «Московские новости», в «Литературную газету», пристраиваю яновские диалоги, а заодно пытаюсь «впендюрить» (выражение Витеньки) что-то свое. В «Веке» узнал, что Збарский перебрался в «Огонек», его идея о «Персонах века», соответственно, рухнула. В «ЛГ» ходил от Соломонова к Кривицкому, от него к Радзишевскому и далее. В «Науку» отдал август, там ситуация аховая: ни гонорара, ни з/п сотрудникам. Сидят и едят в редакции консервы… Еще побывал по яновским делам в институте Азии и Африки, в журнале «Магистериум», они издают какой-то альбом об СССР, как о погибшей цивилизации (на американские деньги). Слово за слово, и редактор Аркадий Ковельман предложил мне на основе яновских диалогов сделать на один лист (24 стр.) обзор оппозиционных сил в России. Я согласился…

26-го еще событие: приватизировали квартиру. В книжном купил «Исторические портреты» Ключевского (8.15) — это стоимость 200 грамм огурцов. И это сразило меня наповал. Женя Криницкий в отчаянье кричал: «Я не вижу для себя никаких перспектив… абсолютный тупик… тем-

нота… придется подыхать в нищете…». И это говорит квалифицированный латиноамериканист. Его знания ныне никому не нужны. А мне вот удается крутиться…

1 июля

С сегодняшнего дня де-юре (а де-факто раньше) я — безработный пенсионер. В воскресенье 28-го ходили в пушкинский музей на выставку «Неизвестный Шагал». Как пенсионеру — рубль вход (а так — 3). Заглянули в зал импрессионистов: Ренуар, Коро, Гоген… Пир для глаза.

> Ремарка спустя годы. Тогда мне в голову не могла придти мысль писать о знаменитых художниках. А вот заматерев на пенсии, написал две книги по живописи: «Улыбка Джоконды» и «За кулисами шедевров» и много разных очерков-эссе о художниках: Шагал, Ренуар, Врубель, Тышлер, Филонов и т.д. (11 февраля 2011).

Сидим с Ще дома. Делаю календарь, читаю газеты, книги (последнее приобретение: «Русская старина» и Дневник Суворина). На работу не ходим и подчас трудно понять, что это: то ли отпуск, то ли опять нерабочий день, суббота.

Ковельман «передал» меня Инге Розовской (первой жене Марка Розовского), и я ходил к ней в журнал «Знание — сила». Она показала план «Магистериума», среди авторов: Бжезинский, Рейган, Айтматов, Янов, Адамович, Примаков, Петрушевская и др. И я туда попал: «Коллективный портрет оппозиции в российском интерьере» (Шиманов, Скурлатов, Косолапов, Зюганов и т.д.). Пока печатаю… Показал Розовской «Науку и жизнь», она в восторге: «Вот бы нам!..» Но они, как и «Наука», идут на дно… И вообще, кое-кто предрекает гражданскую войну в стране. Обнищавшие массы — это легковоспламеняющаяся горючая смесь. О, господи, будь что будет! Я — фаталист…

5 июля

Не квартира, а Смольный времен октябрьского переворота. Сплошные звонки: «Щит и меч», «Наука и жизнь», «ЛГ», «Век», издательства… Так и хочется повторить Володю Вишневского: «Ну, ладно, хватит, мне пора в объятия…».

Вчера допечатал оппозицию — 26 машинописных страниц. Не хухры-мухры. В итоге 17 оппозиционеров: там и Жириновский, и Ампилов, и Дмитрий Васильев (руководитель «Памяти», скорбящих мужиков, как я определил), Макашов, Шафаревич, Кургинян, Нина Андреева и прочие

красавцы.

Любопытно, как меня оценивают соседи. Нижняя Валя: «Твой-то работящий…» (наверное, определяет по стуку машинки с верхнего этажа). Ира Калинина заявила Ще: «Ну, твой как пчелка работает…».

С Ще перестали слушать «Маяк», перешли на «Эхо Москвы»: там в волю резвятся мальчики: «Учидзе, учидзе и учидзе, — как сказал И«kwy Виссарионович Ленин…», «Там, где кончается наше СССР и начинается заграничное ВДНХ…», «Мы живем в ССО — в Советских Социалистических Останках…» и т.д. Когда я работал на радио, тогда за любую ошибку выгоняли с работы без промедления. А тут ребята лепят, что хотят, купаются во вседозволенности, — завидуешь им. Мне в «Науке и жизни» строгая Елена Васильевна не позволяет расковаться полностью, немного, но цензурирует…

Да, я бедовая девчонка
И от меня ты не уйдешь.
На мне короткая юбчонка,
А на груди сияет брошь, –

как поется в одном модном шлягере.

За окном мрачно, +16, предгрозье, в атмосфере

разлито электричество и ломит голову.

11 июля

Да, накушался. Устал. Все болит. Но пока живу. Идет, как кто-то сказал, ненормальная нормальная жизнь. Заходил в «Знание», там вместо 500 человек, осталось 100. Календарь-93, кажется, выйдет. Из моих юбилейных очерков осталось только 8 (Маркса и Маяковского выбросили). Продолжаю шустрить: издательства «Столица» «Россия», газеты «Криминальная хроника», «Частная жизнь». В «Частной» говорил с замглавного редактора Натальей Татариновой, с прожженной, прокуренной и порочной (как и ее издание). Я ей предложил материал о Блоке. Она посмотрела и сказала, что не хватает желтизны, нужны пикантные факты из личной жизни поэта. Переделал, добавил, отвез. Говорит: «Это очень интеллигентно. Надо круче и жестче». Н-да… Идут сплошные срывы: слетела моя набранная колонка в «Веке», не пошли календарные подборки в «Столице» и «России», даже мой меч не пробил чужой щит в «Щите и мече». Сплошные отлупы, как сказал бы дед Щукарь. Отвергнутый «Панорамой», Российский календарь заявлен сразу в три издательства: ФИС, «Столицу» и в «Россию».

В промежутках беготни читаю. Натолкнулся на

упоминание о том, что отец Чехова вел дневник. В отличие от меня, он не писал о хождениях по издательствам и редакциям, в основном о природе, о дожде, о навозе, о том, что «пиона расцвела».

Да, читать приходится много. И не только, а еще все рассортировывать, что оставить, что выбросить, что разложить по досье. Кропотливая работа, но что делать — это ведь кормит.

19 июля

Обменялись письмами с Яновым. Он: «…И трех недель не прошло после нашего отъезда, как мы в очередной раз почувствовали себя отрезанными от России наглухо. Никто не звонит, не пишет, не приезжает. Из местных газет решительно ничего понять невозможно… Вы — наша опора в Москве. Крепитесь…».

Прямо по Остапу Бендеру: крепитесь — Америка вам поможет. В ответном письме я изложил Янову последние события: «Вас не было всего месяц, а кажется, что произошло столько событий, что в другие времена хватило бы на многие годы. Истеричны люди, газеты, телевидение. Как заметил писатель Гордин: «Аполикапсис — вообще увлекательный сюжет». Вот так мы и живем…».

Встречался с Черняком. Приехал из Цюриха, где Шиловский снимал фрагменты фильма по

витиному сценарию, и Витя упоенно рассказывал о Швейцарии: «Ну, запредельно!..» Пили «Наполеон» из маленьких серебряных стопочек, говорили о судьбе нашей рукописи «Терра детектива», и у Черняка идея (вроде какой-то банкир дает деньги) организовать собственное издательство «Детективленд» и издавать свои книги. Витя мечтает, я слабо верю… В «Частную жизнь», помимо Блока, закинул еще Дастина Хоффмана, но опять нет уверенности, что материалы будут напечатаны. Рыбная ловля без улова… По моим заданиям разъезжает Ще, и я ее называю теперь так: пресс-секретарь пресс-секретаря. Ездит с удовольствием, а потом с удовольствием возвращается домой, «от скверны общественного пространства» (как выразился М. Эпштейн).

25 июля

В «Независимой газете» вычитал о парижском издательстве «Робер Лаффон» и тут же вышел на его представителя в Москве — Сергея Костина. Я ему предложил «Терру детектива» и еще кое-что, он заинтересовался. Встреча проходила в его машине на Песчаной площади, — уже само по себе детектив. Костин сказал, что будет изучать мои предложения и консультироваться с Парижем. Еще один бриллиантовый дым?..

По телефону общался с Матвеем Гонопольским: предложил ему читать «Терру» в его программе по Эхо «Наши пошли!..» Он заинтересовался и сказал, что заносит меня в свой гроссбух, где список интересных людей и идей. Не знаю, что из всего этого получится, но интерес «Робер Лафона» и лучшего телерепортера страны Матвея — это кое-что значит и, как говорил Борис Давидовский, «маненечко приятно».

Ще по моему заданию встречалась с одной дамой, и та ей сказала: «Как вам это удается? Сохранить чертиков в глазах? Вы, наверное, очень обеспеченная женщина?..». Ще очень хохотала по этому поводу. До обеспеченности ой как далеко, а вот есть цель и энергия для ее достижения, отсюда и чертики.

В биографическом словаре Брокгауза и Ефрона натолкнулся на фамилию Беза (именно Безой меня звали в школе). Теодорус Беза — женевский реформатор (1519–1605). Происходил из бургунского дворянского рода. Жил в Париже, потом переехал в Женеву, после смерти Кальвина был председателем женевской консистории. И там же в словаре — Безеке, немецкий орнитолог; Безелер — немецкий политический деятель (XIX век), еще один Безелер — немецкий юрист. Степан Безу —

один из выдающихся французских математиков (1790–1783).

Возможно, фамилия Безелянские идет от французов? Просто позднее была искажена?..

Анисиму Гиммерверту на 60 лет написал строки:

Шестьдесят – не возраст, дорогой!
Можно даже так сказать: начало.
Главное, при трудностях не ной.
Главное, чтоб ДЕЛО увлекало!

1 августа

Ще — 52, но выглядит значительно моложе. А мне… ужасно сказать сколько. Одно спасает: стареем вместе. В страшном замоте от Российского календаря пытался сочинять стихи:

Вчера, сегодня, как и встарь,
Люблю тебя, мой секретарь.
Ценю твой ум и красоту,
В движеньях строгих лепоту.
Мой пресс, мой милый секретарь,
Ты царственен, как государь.
Я поклоняюсь и люблю
И этот стих тебе пошлю.

Хоть до Парижа тыща лье,
Но нас домчит туда досье.
Судьба растопит свой к нам лед
И, наконец, нам повезет!

На день рождения Ще: стихи, три бело-кремовый розы, американская зубочистка, шоколадка «Марс», купленная в красивом коммерческом магазине и астраханский арбуз. И главное: первая публикация в «Вечернем клубе» — в газете для интеллигенции — «Сдувая пыль с календаря» (даты с 31 июля по 6 августа) с фотографией мужа.

Все, конечно, хорошо, но я сразу веду много дел, и это аукается слабостью и головной болью. Ще меня ругает: «Ты загнал себя… мне не нужны посмертные издания… молю Бога, чтобы издательство отказалось от Российского календаря…» Я слушал, кивал и соглашался, а потом снова садился за работу: такая моя планида — вкалывать. Смешно вспоминать, как в каком пятом классе учительница жаловалась маме: «Такой способный мальчик, но очень ленивый».

27-го, в понедельник, рванул на Пушкинскую, 22, в редакцию «Вечернего клуба». Зам Табашников отвел меня к первому заму главного — к Михайлову Николаю Николаевичу. Я показал

ему вариант календаря, сделанного для «Века». Михайлов: «Интересно! берем! давайте сразу сфотографируем вас!.».. И вот 1-го уже вышла газета с фото, без всяких проволочек и согласований. Пришел — и напечатали. Если бы так было всегда… В «Вечернем клубе» встретил Наташу Зимянину, она там, в других местах с партийной звучной фамилией печатать отказываются

28-го активно печатал в страшную духоту и грохот на улице. В дополнение с шумом летают вертолеты и садятся на Ходынском поле. А еще верхняя соседка Света все время кричит на весь двор: «Маша, не трогай!» и «Вася, не ходи!» И ее крик пронзает двор, как иглой. И в этом грохоте-крике надо печатать, надо соображать. Не случайно в какой-то день хотел помыться, чтобы придти в себя, и вместо ванны с чистыми трусами и с полотенцем отправился на балкон, — хорошо что во время остановился. Ну, просто чумовой!..

Ездил в ФИС. Календарь берут, надо привести половину рукописи и подпишут договор. Параллельно ездил на улицу Демьяна Бедного в издательство «Космополис» — они издают календари, там работает целая бригада плюс компьютеры, а я один — не составитель, а скорее толкователь и преобразователь календарных дат,

толмач и комментатор. И мои тексты не сухие, а почти художественные…

Итак, сегодня вышел мой календарный отрывок в «Вечернем клубе» на третьей полосе рядом с Юрием Нагибиным и материалом об Аграновским — хорошая компания. Все хорошо, но в этом же номере печальная весть: умер Юрий Карабчиевский. Очень жалко. Вот так в жизни и бывает: к радости подмешивается печаль…

9 августа

Сегодня можно дышать, а так «всю дорогу» под 30 градусов, жара, пекло, духотище и вот в такую погоду надо сидеть и изнывать за машинкой. Трава вся выжжена, листочки на деревьях сморщенные и коричневатые, а дождя все нет и нет. Мы с Ще жаждем дождя и осени, как благо. Но что будет осенью? «Осеннее наступление трудящихся»? Новые социальные потрясения? Переворот? Опять нагнетаются страхи. Цены все выше и выше. Как жить дальше?.. Молодая картошка по 25 ре за кг. Продают в основном азербайджанцы, русских крестьян практически нет, вытеснили с рынков. Мафия…

По «Эхо Москвы» неожиданно услышал Толю Агамирова, который, когда я работал на Радио на Пятницкой, все время приходил к нам, в бра-

зильский отдел, и травил байки. И вот теперь он — музыкальный комментатор: «И опять Брамс! Есть у меня такое пристрастие…». И всякие вольности: «Струнники у нас на ура, духовики — это венская школа… Громадный состав медных труб — и ничего — тебя не убивает…».

Приезжал в «Вечерний клуб», сказали, что мой материал на летучке получил высокую оценку, все говорили, что пришел такой замечательный автор, удача для газеты… 8-го вышла вторая публикация. Тираж «Вечернего клуба» — 100 тыс. экз. В общественном совете газеты: Окуджава, Юрий Никулин, Борщаговский, Нагибин, Эдуард Успенский, Леонид Филатов…

14-го везу Российский календарь в ФИС. Жду француза. Денег. Жду и жду…

15 августа

Приезжал ко мне домой Костин, «француз». Внимательно изучал предложенные мной 16 тем для книг и отобрал 5 тем:

1. Условное название «славянский шарм» — о русских писателях и русских женщинах.

2. Энциклопедический краткий словарь «Россия»: события, персоналии, слова, понятия и т.д.

3. Путеводитель по Москве, связанный с пребыванием здесь французов.

4. «Москва, которая не вошла в официальные справочники»: Лубянка, Дом на набережной и т.д.

5. Шефы тайной полиции. Российские Фуше. Дзержинский, Менжинский, Ягода, Ежов, Берия и т.д.

Костин сказал, что доводит мои предложения до издателя «Робер Лаффона», они выбирают, далее договор, гонорар (от 2 до 5 тыс. долларов), ну, и прочие приятности: презентация в Париже. Тут Ще заявила: «Я хочу в Париж!..» Не знаю, не знаю, как все получится.

А 10 августа — прощальный обед у Наташи Давидовской. Обратно возвращались с двумя подаренными стульями. Везли в метро. Теперь вот сижу на борькином стуле. Жестковат, но ничего, мой разваливается совсем…

В «Частной жизни» Блок так и не вышел, но, может быть, к лучшему? В «Науку» отвез ноябрь. В «Московских ведомостях» вышел мой материал «Три дня путча в Российском календаре». Вроде бы надо радоваться, но огорчился: набрали не так, очень вбитый текст, мало воздуха… В шохинском фонде наконец-то выбил деньги.

Вечером 12-го на Белорусский вокзал, к поезду Москва-Кёльн. Трогательное и щепательное про-

щание с Давидовскими. Разговоры, шутки, слезы. Поезд тронулся, и Женя кричит: «Я люблю вас всех!» Наташа: «Я позвоню!» Едут в Дортмунд. Вид на жительство, а далее гражданство Германии. Наташа — молодец: увозит и спасает детей. А что делать нам? Пока мысль об эмиграции мы отвергаем.

14-го отвез половину Рюрика-Ельцина в ФИС, вторую часть (300 стр.) нужно сдать до 14 октября. Печатаю еще материалы для «Вечернего клуба», «Московских новостей», «Науки и жизни». Изя: «Это — фантастика! Я так не могу!..» А я могу: у меня нет другого выхода.

31 августа

В дичайшем замоте: «Наука и жизнь», «Вечерний клуб», «Московские ведомости», «Криминальная хроника», «Щит и меч». И надо все отпечатать, а потом отвезти. И долблю Российский календарь. Винокуров читает и сказал мне: «Не могу оторваться» — да, такого нецензурированного календаря и заполнением белых пятен еще не было. В «Клубе» говорил с Зимяниной. Она: «Я хотя и образованная, но многого не знаю, читаю вас — так интересно… как вы все это делаете?». И тут же рассказала о своих знакомых: люди толковые, способные, талантливые, а сегодня все

невостребованные. Трагедия.

27-го ездил на Пятницкую на Радио. Спустя 13 лет после ухода. Просили участвовать в программе «Москва и москвичи». Платят мало, но имидж… Было приятно встретиться со старыми коллегами. Многие читают меня в разных изданиях, восхищаются. Леонард (нынешний «Банан») отметил, что я радикально изменился: блеск в глазах, быстрые движения, сразу видно, что человек на коне. Да, я на коне, а они продолжают вариться в этом пропагандистском радиокотле и без всяких проблесков свободы. Покинул радио, вышел на Соколе, какой-то самодеятельный оркестр играет старую мелодию «Веселья час и час разлуки…». И вдруг я ощутил миг счастья. Я свободен, я востребован, у меня перспективы… Конечно, миг, но этот миг меня порадовал. Прекрасно. Бесседэр, — так, кажется, на иврите.

6 сентября

«Француз» забрал мои заявки и урча укатил в Париж… Вышли две моих рецензии «Тот старый Лещенко» на телепрограмму Анисима в «Вечернем клубе» и на фильм Черняка-Шиловского «Деньги КПСС зашелестят на экране». Записывал свои первые программы на радио. Все спокойно,

быстро, без ошибок. Оператор удивилась, на что я ей сказал: «Я ведь радийный человек». Когда-то в студии возил своих авторов, в том числе Льва Яшина, а теперь вот записываюсь сам. Времена меняются… А потом пошли звонки от тех, кто услышал меня по радио, почти все отметили: «Голос молодой, напористый…»

4 сентября — подписал договор в ФИСе на книгу «От Рюрика до Ельцина» и с Каляевской на Арбат, на улицу Маяковского, к знаменитой певице Алле Баяновой (она захотела, чтобы я взял у нее интервью). Потом она сказала Анисиму: «Приятный господин». Я ей сказал, что в разное время брал интервью у Жарова, Маркова, Френдлих, Волчек, на что она мне в ответ: «Я их не знаю… это ваши советские артисты…» Зато что-то мельком рассказала о Бунине и Куприне. Но знает Пугачеву: «Ах, это все юбочки, штанишки, носочки…» Сколько самой Баяновой? 78? «У меня мало времени», — сказала она.

13 сентября

Пишу дневник без всякого энтузиазма — много работы. Даже письма стучу на машинке — Янову в Нью-Йорк, Наташе — в Дортмунд. Бедный «Консул» — он совсем раздолблен и придется покупать новую машинку. Печатаю много и без

всякого огня, как, наверное, говорит на сцене Ромео, в тысячный раз играя спектакль, слова любви опостылевшей Джульетте.

Ще рассказала, как на днях она стояла в очереди в магазине. Разговор шел о продуктах и ценах. Ще высказала вслух:

— Конфуций говорил, что человеку нужно всего три горсточки риса.

— И вы ему верите?! — возмутилась стоящая рядом женщина. — Небось, сам в три утробы жрет!

— Ну, Милочка!.. — только и выдохнула в ответ Ще.

От повседневных забот и тревог втравились в сериал «Богатые тоже плачут» — Вероника Кастро в роли Марианны. Муть жуткая, но почему-то засасывает.

Читатели хвалят «Вечерний клуб»: удачное сочетание серьезней информации и развлекательных материалов. После общения с «Вечерним клубом» на душе становится теплее и т.д.

Купил книгу «Быт и бытие Марины Цветаевой» — репринт с парижского издания. Загорелся идеей сделать хронику «Жизнь и смерть Марины Цветаевой». А еще бы хорошо повести рубрику «Календарь женской судьбы», скажем, в «Москвичке» и Литературный календарь в ЛГ.

Ремарка. Мечты сбываются? И в Литературке в какое-то время удалось повести литкалендарь, а женские судьбы в календарной форме отражены в книгах «В садах любви» (2002) и «Все о женщинах» (2007). Так что мечтать не вредно, даже нужно: иногда мечты сбываются… (14 февраля 2011).

20 сентября

Пролистал книгу Александра Орлова «Тайная история сталинских преступлений». Слабая. На эту тему я мог бы сделать книгу поярче. Уже поднаторел. И готов к книгам…

В «Вечернем клубе» дали шапку: «Ура, настало бабье лето, спасибо женщинам за это!». А ниже: «Как уже сообщил наш историограф Юрий Безелянский, бабье лето — с 14 по 21 сентября». Хохмачи…

Увы, накрылся журнал «Элита», куда я отнес несколько материалов: неожиданно умер главный редактор и издатель Юрий Голубев. Общался с «Москвичкой» — хочу туда всунуться… Звонил Половик, спрашивал, нет ли где злачного местечка, где можно не работать, а получать много?.. Мечтательный и ленивый хохол, но парень хороший, сколько соли съели мы с ним в СПК.

18-го с трудом въехал в 25 октября («От Рюрика до Ельцина») и споткнулся об октябрьский камень. Заломило левую часть головы. Пришлось пить папазол. Вот такого напряга Гриша и не хочет, и избегает… Костин отклонил заголовок «Поэт и муза», просил придумать новый. Стал придумывать: «Крылатый амур в снегах России», «Моя душа — твоя душа», «Солнце любви», «Странствования двух сердец» и т.д.

19-го, в субботу, пахал на асауловский новый журнал «Паспорт в новый мир». Взял интервью по телефону у президента Союза предпринимателей Павла Бунича, сделал небольшие материалы «Иностранцы в России», «Певица Алла Баянова» и «Симфония петербургских мостов» (снова почти энциклопедический разлет!).

Сегодня Витю Черняка поздравлял с 47-летием:

Пусть не угаснет вера,
Смотри вперед смелей –
Я верю: выйдет «Терра»
И будет все о'кей!
И будет все в алмазах
(так хочется, что жуть).
Но только все не сразу, –

Таков к успеху путь.

Одно, другое, третье… Идет замот-помолот. Отдыхать некогда. Читать некогда. Ничего некогда. А когда жить?!..

27 сентября

Александр Жаров писал в конце 20-х:

Жизнь… Ну, как это ясно и просто:
Встанешь на ноги – и в поход.

Увы, далеко не просто и совсем не ясно. Ныне жизнь — это рынок, рыночные, коммерческие отношения, что продать, где купить. 21-го с утра поехал на Радио, записал программы на три дня, затем на Солянку, к Асаулову, «Новый паспорт…» — журнал красочный, кооперативному журналу, бедному СПК, такое и не снилось… Приехал, передохнул и за машинку: 6,5 стр. для «Вечернего клуба», 2,5 стр. — для «Щита и меча» (подборка событий и происшествий на несчастливое 13-е число). На следующий день — «Москвичка» и «Московские ведомости». В «Вечернем клубе» попал в таинственный список лучших персон и премия — тысяча рублей одной бумажкой, — очень кстати. Цены постоянно растут: яйца — 46 ре, пачка масла 200 г — 55,

докторская колбаса — 275 и т.д. Был в «Науке». Сидят и безмятежно пьют чай, а журнал гибнет. Даже авторского экземпляра не дают, пришлось купить вышедший №7 за 25 рублей.

Что еще? Надоело быть передаточным звеном у Янова: замучили всякие звонки. Тут вот звонил Сева Абдулов, друг Высоцкого. Все это отвлекает от своих дел. Напечатал хронику Цветаевой. А Витя настаивает: хватит, мол, гнать мелочовку, надо завалить мамонта, то есть заняться книгой. Нашелся какой-то спонсор «кавказской национальности». Обещает вложить в «Терру детективу».

5 октября

Телефон раскален. Пристраивая яновские статьи, звонил Пумпянскому в «Новое время», Дедкову в бывший «Коммунист», Скарчевскому в «Столицу». А тут позвонил Эмиль и заныл, вспоминая «золотое время», как сидели за столом, ничего не делали, получали по 150 рублей, а сейчас полная безнадежность… У кого как! Я в свои 60 лет только начал жить по-настоящему: писать, печататься, крутиться, нащупывать и искать новые варианты.

Тону в бумагах и начал наводить порядок в своем кабинете, безжалостно выбрасывая лишнее,

первым делом выкинул комплект «советских экранов». Порядок наведен, но на сколько его хватит?.. Ще встретила свою бывшую подчиненную Таню, она спросила:

— А где вы работаете?

— Нигде, — отвечала Ше.

— Понятно, вы же теперь обеспечены: у вас муж выступает по радио, я его слушала, и в газетах читала…

Народ свято верит, если по радио и в газетах, значит, уже миллионщик. Эх, если бы это было так!.. Пока миллионер по километражу передвижений. К примеру, день 1-го октября: Пятницкая, запись своей программы («Какой ты благородно-интеллигентный!» — сказал Левченко, оглядывая и ощупывая мой замшевый пиджак). Затем издательство «Россия, журнал «Октябрь» (яновские дела), «Криминальная хроника» на Цветном бульваре (уже мои дела) и еще за деньгами в шохинский фонд. И никакой машины — общественный транспорт!..

2 окт. — «Вечерний клуб» отмечал свою первую годовщину в конгресс-клубе «Юг-Запад» на Вернадском. Фуршет, редакционный капустник и маленькое шоу — танец молодой пары, из одежды только плавки. У девушки обнажены груди, — не

на картинке, а живьем, и это прекрасно. На ее лице никакого стыда, и какой стыд: работа, за которую платят деньги. А другая девица исполняла танец живота и лучше, чем египтянка в Каире. Нашим только волю дай — и такое покажут! И это не песенки времен социализма, типа Шаинского: «Как бы мне влюбиться, чтоб не ошибиться…». Нужны деньги, а не любовь. И без этого: «На тебе сошелся клином белый свет…».

На вечере были члены общественного совета Окуджава-Нагибин-Борщаговский-Богословский, но они держались особняком от основной массы журналистов. Я пообщался только с Константином Ивановичем Бесковым, кумиром моей футбольной молодости. А братья-журналисты особо не общались, они особо выпивали… Под занавес привезли свежий выпуск «Вечернего клуба», там 10-й по счету мой календарь и публикация об Александре Блоке. Надо было бы радоваться, но радости почему-то не было. Странно…

7 октября

Целый день льет дождь, за окном +6, и целый день я бьюсь со своим историческим календарем. Напечатал аж 16 страниц (рекорд) и влез в 27 ноября. Лихорадочный труд, практически с листа,

без черновиков. Все сходу. Как Достоевский?.. И что получится в итоге? Подарил Стрижеву газету с Блоком и календарем. Саша: «Я так не могу. У тебя ирония, сарказм, а у меня их нету…».

Последнее заявление Эмиля: «Я не хочу заниматься грязной журналистикой, я хочу заниматься стихами». Одноштанный романтик. Но Эмиль далеко не Пастернак. Это Борис Леонидович мог грохнуть:

Стихи мои, бегом, бегом.
Мне в вас нужда, как никогда.
С бульвара за угол есть дом,
Где порвалась череда,
Где пуст уют и брошен труд,
И плачут, думают и ждут…

18 октября

Лед тронулся! В понедельник 12-го с Витей отправились на 5-ю Магистральную улицу в «Товарищество русских художников», туда отнесли рукопись «Терры детектива». «Московский рабочий» ни гу-гу и поэтому дернулись сюда, в логово патриотов. Витин знакомый Айрик Абрамян вложил в наше издание 6 миллионов, и дело сразу закрутилось.

Пошло дело и в ФИСе, на следующий день там получил аванс, который Винокуров назвал «одобрением». Выписали 12,5 тыс. на руки за вычетов налогов — 10.750. При цене ныне за творог — 180, мясо с косточкой для супа — 180, порезанный гуляш — 300… В издательстве не топят, все простужены, Винокуров ходит в теплой куртке. Но главное — есть уже обложка. На форзаце, когда открываешь и закрываешь книгу, в овалах все знаменитости: Пушкин, Толстой, Гагарин, цари и генсеки, и др.

Теперь о публикациях: за два с половиной месяца, с 1 августа, вышли 26 публикаций в разных газетах, не считая «Науки и жизни». Плюс 9 выступлений на радио. И это все на фоне рукописи «От Рюрика до Ельцина». Да, забыл: вышла первая публикация в «Москвичке» (тираж 1 млн. экз.) — вместо моего «Календаря женской судьбы» дали «Месяцеслов женского рода», что это такое — непонятно. Но главное — запустил рубрику… Первый замглавного в «Свободной мысли» Игорь Дедков очень удивился, что я не работаю: «А как же вы живете?..». Все где-то служат, а я вот — свободный журналист, фри ланс. А Ще тоже вкалывает: приводит в порядок наш архив и досье, как информационный работник. И пока мы

на плаву. Тут Габрилович-сын жаловался, что еле сводит концы с концами, а все сбережения отца, преуспевающего кинодраматурга, превратились в пыль. Впрочем, и наши жалкие тысячи…

25 октября

Бешеная работа и болезни: то Ще, теперь я. Какая-то простуда, распух нос. Вирус?

Знал бы прикуп –
Жил бы в Сочи,
Вместе с Соней,
Дамой Треф, –

как поется в одной песенке. Но прикупа никто не знает (что там в колоде?), и поэтому прикуп — это судьба. Везет — не везет… Ездил за гонораром: за хронику Цветаевой выписали 300 ре, за Блока — 500. Расстроился: думал, что дадут больше. Цены скачут, а гонорары как замороженные. Дополнительно всякие неприятности: вылазка «Памяти» против редакции «Московского комсомольца», взрыв около «Макдональдса», ну, и прочее. Русико в Тбилиси очень боится: «Если рванет у вас, то это будет конец всему».

Отнес российский календарь в «Независимую газету» (будут думать). Звонили с Российского

ТВ — хотят мой календарь, — отказался. Надо сначала докончить книгу. Илья Эстрин хвалил за выступления на радио: хороший голос, правильная интонация и, главное, все безумно интересно. 24 октября, в субботу, вышел 14-й выпуск моего календаря, и все мои хохмочки прошли: Сталин — «синяя борода с рыжими усами», Андропов-бред и «купите пончики за миллиончики». Расхрабрился заяц! На Иновещании был аккуратный, цензурированный, ничего лишнего, а тут — фантазийная смелость появилась. Какой-то актер из театра Вахтангова прислал в редакцию письмо: «Обязательно выпишу ВК и в основном — из вашего календаря...»

За окном ясно, голые деревья, лишь на березке последние желтые листочки, сухо, 0 градусов.

1 ноября

Российский календарь «От Рюрика до Ельцина» закончен 26 октября, в понедельник, ^ 13.11 (точность — вежливость королей!). 653 машинописных страниц через два интервала. Сделано за 220 дней — за 7 месяцев и 10 дней. А сколько сделано, помимо этой рукописи! Устал перечислять...

28 октября пошли за приватизационными чеками в ЖЭК в красном уголке под бюстом Лю-

доеда Ильича: «Ваше слово, товарищ Ваучер!». И новая реальность: наша квартира приватизирована. Личная собственность, а в былые советские времена всегда был подспудный страх, могут подселить кого-то, уплотнить и прочее.

Из-за низких гонораров хотел отказаться от «Науки», Елена Васильевна повела меня к Лаговскому, обещал повысить. Сказал: «Нам сейчас тяжело, поддержите нас, вас читают». Действительно, пришло письмо из Молдовы, село Рудь от Алешина: «Некруглые даты» — интересная и полезная рубрика…» Дополняет мои даты информацией — самодеятельный календарщик… Имеют успех и мои публикации в «Вечернем клубе». Начал заниматься Буниным. Какие грустные дневники у Ивана Алексеевича! «У тебя тоже», — заявила Ще. Устаю от рубрик. Болят глаза. Очень хочется тепла и весны, но впереди долгая холодная и таинственная зима.

8 ноября

Честно говоря, дневник мне теперь в тягость: и так много печатаю. Но, с другой стороны, не запишешь — и все куда-то канет и ничего не вспомнишь, как жил, что делал, что волновало… Итак, что новенького? 2 ноября утверждена обложка «Терры детектива»: глубокий черный

фон и как бы в проеме стоит скелет с полными женскими ногами. «Страшно аж жуть». Впереди — набор. Зазывают в новый журнал «Жизнь нации». Но главное — все же другое: 3 ноября — наша с Ще 25-летняя годовщина:

Двадцать пять. Какая дата!
Ведь не каждому дано
Сохранить любовь, как атом,
И не выпрыгнуть в окно…

Ну, и т.д. Ще постаралась и испекла замечательную кулебяку с капустой, а еще бисквитный торт «Манечка», ну, и прочее. Витя Черняк: «Вкусно… Я побывал в детстве… как у мамы…» Праздник украсили 13 гвоздик и 3 розочки. Пришли еще Людочка и Анисим. Выпили, пообщались. «Очень интеллигентно, как в старых московских домах», — сказал Анисим. Людочка: «Очень душевно».

4-го ноября — подарок от «Московских новостей»: моя прикладистая историческая колонка по поводу Октября, на всю полосу интервью с Баяновой (потом она звонила и благодарила) и пристроенное яновское интервью с Шафаревичем. В ФИС отвез последнюю часть рукописи Рюрика — декабрь. А далее ездил по редакциям

и собирал гонорар, собрал — 23.430 руб. 68 коп. Не густо и не мало. Транспорт разваливается в Москве, долго стоял в темном вагоне в темном тоннеле метро — конец света. Чтобы скрасить жизнь, решил купить «Плейбой» (давняя мечта), но не нашел и купил польский «Кэтс» такого же фривольного плана. Как говорил Оскар Уайльд: «Чтобы избавиться от искушения, надо ему поддаться».

Из покупок: английская рубашка «Карло Силвестр» за 1.440 и фолиант некоего Эндрю с Олегом Гордиевском о КГБ — 563, — это для детективной книги.

7 ноября. На улицах ни одного красного флага, тихо и буднично. Лишь в центре бушевали сторонники рухнувшего социализма. По ТВ показали отрывки из голливудского фильма, где Ленин — Максимилиан Шелл, Сталин — Роберт Дювалл, Надежда Аллилуева — Джулия Ормонд.

15 ноября

Работал и одновременно слушал «продажное «Эхо Москвы» (по мнению «патриотов» — радио Шлемы и Шмулика), а еще «740 секунд» — резвятся ж ребята. Дорвались до свободы слова!..

10-го ездил за гонораром в «Магистериум», получил на руки 2.410.77. Летом это были еще

деньги, а к осени уже не то, ежемесячная инфляция 25–27%. Получил деньги и половину (1.290) отдал зубным врачам. Смешно: половина гонорара об оппозиции ушла в зубы. Дали по зубам…

— А продержится хотя бы немного? — спросил я стоматолога.

— Кто знает. Никто не знает, что с нами будет через десять минут, — ответил Файнгорн, протезист-философ.

Снимаю вопросы в ФИСе. Где читает Винокуров, все нормально. А где Касаткина — вопросы и стремление переиначить мой стиль. У меня «воспаленные речи депутатов», она правит: на «пылкие». Но пылкие — это у влюбленных, а тут именно воспаленные, болезненные, почти бредовые. Нет, не чувствует языка!.. Много не знает и не понимает, и ставит вопросы. Невежественный и ограниченный редактор!..

Много месяцев уже официально не работаем, но нас тащит календарь. Но при этом побаливает голова, правая рука, глаза. К тому же давящая серая погода. Неясно, что будет с Ельциным, Гайдаром, с Россией. Полная непредсказуемость. Жизнь во мгле. Во мраке. И так далеко до весны…

23 ноября

Кручусь-верчусь. Допечатал Бунина, 17 стр.

с хвостиком. Ще прочитала, на глазах слезы. Филологические слезы. На такую реакцию я даже не рассчитывал. Но все понятно: в Бунине много грусти, мысли о старости, смерти… В «Вечернем клубе» идут отклики: «С нетерпением ждем встречи с вами», «огромное спасибо за Ваши чудные комментарии» и т.д.

В «Знании» наконец-то вышел Календарь знаменательных дат. Осложнения в отношениях с Яновым, он оказался жлобом, визжит, где мои деньги, не хватает на хлеб и еще какая-то чушь. 20-го собрал всю прессу, купленную за его счет, и поехал к нему на Ростовскую набережную. Отдал прессу, остаток денег и сказал, что разрываю наше сотрудничество. Как говорят в Одессе: ша!.. Он в шоке. Я сказал, что за его мизер работать на него не буду, у меня своих дел по горло, — и адью!.. Купил сборник «Серебряный век». Юрий Верховский:

Все благодатное давно когда-то было,

Все распроклятое томится тут как тут…

По официальным данным Госстата, жизнь москвичей с марта 1991 года упала в 33 раза. Но я думаю, не меньше, чем в 100 раз.

29 ноября

Идут звонки и отклики, кто-то слышал по радио, кто-то читал в газете. На заседании общественного совета «Вечернего клуба» Борщаговский сказал: «Не теряйте этого автора, он — единственный, кто держит в газете интеллектуальную планку…» Конечно, такое приятно услышать. Неужели мой многолетний напряженный труд начинается окупаться? Тот случай: не с неба упало, а именно заслужил.

24-го ездили в морг на прощанье с Сергеем Голубничим. Еще один школьный товарищ. В некрологе: «на 60-м году… советник 1-го класса…» И МИД не помог и не защитил. И никто не поможет… Ночью смешной инцидент, хотя в начале первого было не до смеха: дети сверху на 5-м этаже прыгали и скакали. Пошел наверх. Соседке:

— Как вы воспитываете детей?! Хоть бы Песталоцци почитали!..

— Хулиган! — закричала она в ответ.

Светлана восприняла слово «Пасталоцци» как что-то бранное. Конечно, я не прав: откуда ей, необразованной женщине, знать про швейцарского знаменитого педагога Иоганна Генриха Песталоцци, основоположника теории научного обучения детей.

25-го записывался на радио. В связи с отставкой Егора Яковлева, Матронов попросил: «Только вы уж, пожалуйста, без политики!» А у меня заготовка и рубанул по Бабурину и Куняеву, который когда-то признавался:

Я один, как призрак коммунизма,
По пустыннной площади брожу.

Как сострил «День»: Стасик — классик. Мой одногодка, но совсем другой крови и веры.

В «Науке и жизни» разговаривал с Радой Никитичной, она, похвалив мои материалы, предложила пойти работать к мужу, к Алексею Ивановичу Аджубею, в газету «Третье сословие». Но я отказался: испорченной свободой не могу теперь сидеть в какой-то конторе от сих и до сих.

6 декабря

30-го ноября в «Ленинграде» смотрели мощнейший фильм Тинто Брасса «Калигула», в главной роли Малкольм Макдауэлл. Это утром, а вечером в театр оперетты на презентацию футбольной команды «Жемчужина» (Сочи), пробившейся в высшую лигу. Бенефис на американские деньги. Концерт. Кордебалет ужасный, но Кальман прекрасный. Банкет мы с Ще проигнорировали.

1 дек. Деловой обход «высотки» на Савеловском.

Попытка продать тираж «Рюрика» какому-то грузину-бизнесмену. Там же, на другом этаже — знаменитый «Крокодил». Главный Алексей Пьянков готов сотрудничать со мной. И визит в «Огонек», там Збарский, и он хочет календарь. На следующий день продолжал снимать вопросы в ФИСе. Отовсюду получаю комплименты за публикации и выступления на радио. Эмиль даже сказал, что, слушая меня в больнице, у него уверенность, что скоро выздоровеет. Короче, комплиментов больше, чем гонораров. Вышли «Куранты» с отрывками из «Терры». Печатал для ВК материал об Андрее Тарковском.

13 декабря

Жизнь идет по устоявшейся схеме: долблю материалы на машинке, потом их развожу сам или с помощью Ще, потом гоняюсь за вышедшими газетами, и выбиваю гонорары, деньги дают везде с большим трудом. И так летят недели. Вот 10-го было разнообразие: смотрели Фильм «Эммануэль» с сексапильной Сильвией Кристель. Большое удовольствие и совсем неудовольствие, а раздражение, после кино визит к зубному. Боль плюс деньги.

Новость: вместо меня Янову сватают в пресс-секретари Римму Казакову… Деньги опять на

исходе. Робер Лаффон в тумане. Но запущен «Крокодил».

17 декабря

Гнусная погода. Зимы нет. Остатки грязного снега, лужи, грязь и серая пелена. И день короткий. Вот уж Москва не Неаполь и песен неаполитанских не споешь. Тоска и безнадежность разлиты в воздухе. Я жутко страдаю от отсутствия света. А до весны еще далеко…

Ельцин сдал Гайдара. Премьером стал отраслевой министр Черномырдин. В газете «Гласность» заголовок «Бурбулиада остановлена, гайдарономике конец?». Пламенная патриотка Сажи Умалатова ликует. А мне Гайдара жалко… По ТВ смотрели депутатский съезд. Бабурин, как бы играющий роль Ленина в провинциальном драмтеатре, фабрично-заводской любимец Коля Травкин, депутат Астафьев с внешностью спятившего Дон Жуана, как выразился Лошак в «Московских новостях», гнусно ухмыляющийся Хасбулатов и прочие деятели. Нардепы. Народные избранники, часть из которых шуты гороховые. И море личных амбиций…

За четыре дня (пятница-понедельник) сделал 5 материалов (два в «Крокодил», по одному в «Жизнь наций», «Науку и жизнь» и «Вечерний

клуб»), плюс печатал дневник, итого 35 страниц. Не хило!.. Рубрику в «Москвичке» по договору с Еленой Анатольевной передал Ще: филолог обязан быть журналистом.

22 декабря

«Терра детектива» идет трудно, со скрипом. Звонил Костин. Французы остановились на одной книге о руководителях КГБ. Нужно сделать развернутый проспект страниц на 30.

— Но это более авторского листа. Где гарантии выхода книги?

— Гарантии нет. Это ваш риск, — холодно, по-западному ответил Костин. Я расстроился…

Читаю набор «Терры». Много ошибок: маркиз де Сад родился в 1940 году вместо 1740-го и т.д.

Доставила удовольствие статья Дмитрия Галковского «Андерграунд», в ней он приделывает направо и налево: «Самовлюбленные негодяи дорвались до власти»; и что умный человек всегда в России лишний, ибо опасный конкурент: «Во-первых, разумеется, еврей: чищу зубы, не ругаюсь матом, не пью…».

Грустная статья Юрия Буртина: никакой революции не произошло, власть захватил второй-третий эшелон партийно-хозяйственной номенклатуры, отбросили прежние лозунги и

хапают вовсю, появился новый класс богатых.

В заметке для «Вечернего клуба» написал:

«В сегодняшние трудные времена поглощен работой по горло: скулить, унывать, скучать и плакаться некогда. Шарль Бодлер говорил: «Чтоб не быть рабами и мучениками Времени, опьяняйтесь, опьяняйтесь без конца! Вином, поэзией или добродетелью, — чем хотите». Я опьяняюсь историей и получаю при этом благодарственные письма от читателей. Значит, людям нужно, чтоб не только зажигались звезды на небе, но и составлялись календари.

Значит – это необходимо,
чтоб в каждую субботу
в «Вечернем клубе»
обязательно появлялась колонка календаря.

26 декабря

Живу между «Террой» и «Рюриком». От редактуры Касаткиной взмываю до потолка. Правит бунинский глагол «промыслить» на «помыслить», в ремизовской фразе «литература есть цвет России и всякая веточка» ставит перед «веточкой» вопрос, — не понимает. Вопрос об имени Маркиш. Что такое Перец? Но что делать: он Пе-

рец Давидович и т.д. Кошмарная, необразованная баба, советско-социалистический редактор…

Володя Соловьев по моей просьбе продаёт мои старые футбольные календари, выручил 80 рублей, на них тут же купил два куска мыла и ленту для машинки. Володя выглядит жутко: рухнувший советский инженер, оказавшийся не у дел в переходную историческую эпоху. Ну, а я бьюсь за деньги, с трудом выбил гонорар в «Курантах». Владимир Максимович звонит и жалуется: «Ты вот в «Курантах», в «Вечернем клубе» даже с фотографией, а у меня ничего…» Его не интересует, как я, напрягаюсь, печатаю, бегаю по редакциям и т.д., его нервно волнует только мой гонорар. Был нормальный человек, даже приятный, а когда пошло выяснение и расслоение «кто есть кто», тут он показал себя во всей завистливой красе…

Вышел на «Работницу», на ответсека Григория Петровича Орловского.

«Вы гость неожиданный, но очень важный», — приветствовал он меня. Просит для журнала модификацию Блока, выдержки из моей коллекции дневников и писем и еще не написанных, но задуманных «Роковых женщин». В заключение Орловский сказал: «Очень рад знакомству с вами, оно очень важно, поверьте, у меня чутье…»

Звонок из «Вечернего клуба»: «Вы попали в пятерку лауреатов…». На что я тут же откликнулся:

Естественен. Не нежен и не груб.

Кому премия Букера, кому – «Вечерний клуб».

Рукописи книг, «Вечерний клуб», вклиниваются «Огонек» и «Работница» и — люди гибнут за металл! — хочется петь голосом Шаляпина.

30 декабря

Только что у зубного поставили коронки на цемент. Только цемента не хватает для полноты счастья!.. А работы невпроворот. А еще радио. Черняк: «Зачем тебе радио. Кто его слушает?! Да, мне звонил Уткин. Говорил, что слушал Юрия Николаевича…» Получилось смешно. Смешно вышло и с помывкой. Устал, хотел помыться — отключили горячую воду. С грехом пополам помылся в тазике, и Ще поливала голову из чайника. Вымылся, — дали горячую воду. Усмешки или гримасы быта. На Соколе за рукав схватила старушка: «Подайте рублик!» Дал трешку.

29 декабря поездка в Красную Пахру на дачу к Юрию Нагибину на редакционном автобусе. Отмечание пятерых лауреатов «Вечернего клуба»: Юрий Нагибин, Юрий Безелянский, Сергей Вурин,

Галина Замковец (работник театра эстрады) и какой-то загадочный Миша. Благополучно доехали до заснеженной Пахры, тут жил Твардовский и многие другие, недавно ушел Цезарь Солодарь. Нагибинская дача двухэтажная, шикарная, вся в картинах — Фальк, Тышлер, Ситников и др. Нагибин пояснил: картины собирала его мама, «простая русская помещица». Книжные полки, скульптуры и скульптурки. Тишина, воздух, только твори!..

Каждый лауреат получил грамоту и конверт с 5 тысячами (интересно, что они для Нагибина?). Далее небольшое застолье за длинным деревянным столом под елочку и потрескиванием камина, — как в кино!.. Последняя жена Нагибина — Алла Николаевна соорудила угощение: бутерброды с красной икрой, хорошая колбаска, грибы, кулебяка, водка «Золотое кольцо», кофе с шоколадными конфетами. Сплошной кайф. Но это не все: Нагибин подписал мне свой сборник «Рассказ синего лягушонка»: «Юрию Безелянскому — который держит в своих руках наше бессмертие — с уважением и трепетом Юрий Нагибин». Если отбросить иронию и шутливость, то это — признание моего труда. Действительно, через календарь я вписываю многие имена в

историю.

Нагибин рассказывал всякие байки, к примеру, как он однажды в театре, в уборной, очутился вместе с Анатолием Софроновым. «Он лил, как из брандсбойта, у него все было здоровое и мощное, а я стоял рядом и хило так писал…»

Потом фотографировались в саду в снежном интерьере. Лауреаты газеты и живой классик. Приехал домой и написал стишки:

Что ждет нас, Щека, впереди?
Как будем жить, дружок?
Кого мы встретим на пути
И что найдем? – Молчок…
…На рынок рвемся. В сердце пыл.
Старанья – хоть вагон!
Нам по плечу и «Крокодил»,
«Москвичка» и ООН.
Идеи бродят в голове, –
Вот все бы воплотить!
Тогда добудем СКВ
И будем не тужить!
Идет-грядет год Петуха
(Лишь курицей не стать).

Судьбе бросаем три ха-ха
И начинаем… воплощать!

Пока итог такой: 67 газетно-журнальных публикаций за год и плюс вышедший Календарь в изд. «Знание».

31 декабря

Вчера были в театре эстрады. Парад старых звезд: Нина Дорда с неувядающими «Ландышами», Мария Лукач (»С утра побрился…» и несостоявшееся свидание — «Так значит завтра на том же месте в тот же час»). Клара Новикова сорвала аплодисменты, назвав правительство «сексуальным маньяком», который всех нас… Зал все понял об отношениях правительства с народом.

31-го накоротке заглянула к нам Наташа из Германии с презентами. Восхищалась Германией и одновременно ее ругала, привела слова Саши: «Ну, дураки!» Конечно, дураки, а мы, конечно, умники. И последний перл от Вити Кузнецова: «Слушал тебя по радио, что-то ты говорил, а чего — я не понял…»

1993 – 60/61 год

7 января

В новогоднюю ночь смотрели крутой детектив «Взять живым или мертвым». И гадали, каким будет новый 1993 год? Маршак говорил: грести надо, голубчик, работать, иначе утонишь… 1 января разбирал и читал прессу. Возмущался мерзким прохановским «Днем», а 2-го начал уже по-настоящему работать: модернизировал Блока для «Работницы». Вышли погулять, но мороз (–20) и через полчаса, подвывая, бросились в теплый дом. Ну, а 3 янв. уже работа на полную мощность, включая черновик по КГБ. Заломило голову, пришлось пить лекарства. 4-го отвез готовую рукопись «Терры» и мучился с телефоном: наш отрубился, пришлось идти к соседям, чтобы кое-что уточнить по календарю в «Огоньке», бюро проверки взяло за горло. 5 янв. вышел «Вечерний клуб» с моим календарем и фотоснимком на нагибинской даче. И словами каждого лауреата ВК. Я привел мою любимую цитату из Шарля Бодлера: «Чтобы не быть рабами и мучениками Времени, опьяняйтесь, опьяняйтесь, опьяняйтесь

без конца! Вином поэзией или добродетелью — чем хотите», и добавил: «Я опьяняюсь историей». Тираж газеты: то ли 130, то ли 150 тыс. экз.

Так стартовал 1993 год.

16 января

Явно закрутился и давно не фиксировал свою творческо-горемычную жизнь в дневнике. Печатание материалов, бегание по редакциям, разбор досье (среди авторов на первом месте сегодня — Георгий Гачев). В воскресенье 10-го набросало много снега и еле добрался до Сокола, купил свой любимый «Вечерний клуб», а там мой материал о Бунине, причем мою фамилию набрали крупнее, чем фамилию Ивана Алексеевича, что насмешило очень Ще.

Пришло письмо от Русико из Тбилиси: «…Жить всегда было тяжело, а сейчас особенно. Как везде после революции у нас полная неразбериха… Хуже всего интеллигенции, к этому слою бедствующих я приписываю себя и мой круг. Живем от зарплаты до зарплаты, на 2–3 работах — и все никак… О политике писать не хочется, много было надежд, да мало что сбывается… Может быть, когда-нибудь свидемся».

Среди рабоче-кипучих дней выделю 14 января. Долбил рукопись КГБ по разным источникам, в

том числе и по книге Олега Гордиевского (Менжинский, Ягода, Ежов, Берия и т.д.) Неожиданный звонок Зимяниной из типографии, где верстается «ВК», по поводу приведенной мной цитаты из романа Замятина «Мы»: «Юрий Николаевич, розовые талончики или разовые?» Кафкианский мир!.. Прихватило сердце, напился лекарств и поспал с 8 вечера до 9 часов утра, — 13 часов кряду. Вот они, непомерные печатные нагрузки. Ще все время подходила ко мне и прислушивалась: дышу или нет? Потом трогала: теплый или уже холодный? И, естественно, была в страшном перепуге.

Вот так и живем и бьемся. Денег все время не хватает. Редакции норовят не платить, по крайней мере, вовремя. Фырчит кран на кухне. Пришел в негодность шланг в душе. И прорва работы: за что хвататься в первую очередь: за рукопись Рюрика, за Андрея Белого, за «Науку за «Вечерний клуб» или еще за что-то? И никакой тоски и скуки. Просто некогда грустить…

24 января

Впал в трудоголизм. А это опасно для здоровья, предупреждают газеты. Нужна профилактика: солнце, воздух, положительные эмоции. И со всем этим явный дефицит… Продолжаю лепить, стро-

чить, ваять, долбить материалы. Бегаю получать гонорары, за них и чувствую себя первобытным добытчиком: еще завалил одного мамонта, осталось оттащить в пещеру. Как говорят в народе: кормлю бабу!..

В «Огоньке» познакомился с Леней Радзиховским: худенький, щупленький, застенчивый еврейчик с черной бородой… За неделю собрал гонораров 28.255 рублей — чистыми. Цены на рынке: творог — 400, квашеная капуста — 200, морковь — 100, литр подсолнечного масла — 600, норвежское масло в коробочке, 400 гр. — 723 руб. Цены даю для памяти и для соотношения с гонорарами, ведь все забудется и не вспомнится… Радует, что много заказов, и даже Ще нашла свою нишу: «Москвичка» и «Огонек», где она печатает мой исторический календарь. В порядке релаксации по вечерам смотрим сериал «Возвращение в Эдем»: страсти вокруг Стефани Харпер (артистка Ребекка Джиллинг) и роковой Джилии (Пита Топанно), коварной интриганки.

31 января

«Деньги-то стали звонкими. Теперь на них что-то можно купить» — афористично сказал слесарь, который приходил к нам чистить раковину и чинить душ. А пока он ремонтировал, я печатал про

чекистов. Долбил и долбил, несмотря на головную боль. 27 янв. проспект рукописи «Российские Фуше» (32,5 стр.) был готов. Возьмет Париж — не возьмет? Это другой вопрос. Витя вышел на «Пентхауз», и я подготовил для журнала выборка из «Терры»: секс, роковая любовь, криминал (а когда-то писал о бригадах коммунистического труда, — как изменилось время!..) С гонорара накупил несколько книг из серии «Минувшее»– там масса интереснейших материалов!..

И для памяти: список изданий, где я получил в январе гонорар: «ВК», Москвичка, Криминальная хроника, Анонс, Паспорт в новый мир, Наука и жизнь, и аванс в ФИСе за Рюрика.

7 февраля

Идет каждодневный печатный конвейер, и я от него шалею. На меня вышло агентство «Пост фактум» и тоже хотят, чтобы я поставлял им материалы. У Ще новая мечтательная песня: «Вот получим большой гонорар…» И что?..

13 февраля

Двоюродная сестра Ляля махнула на себя рукой и записалась в старухи и в люмпеншу. Нет, я не сдаюсь! Я сражаюсь! Тут в еженедельнике «За рубежом» прочитал подборку «Возраст и

мозг». В ней утверждается, что «пенсия во второй половине жизни — пролог не к смерти, а к новым возможностям»: «А завтра вновь в луга и лес»(строчка из стихотворения Мильтона). В подборке масса рекомендаций, которые я давно выполняю (угадал чисто интуитивно) и следую рецепту Дэвида Уикса, психолога из Королевского эдинбургского госпиталя: «Оставайтесь любознательными, оставайтесь включенными в жизнь и возбудимыми». Именно так я и поступаю.

В «ВК» приходит много писем. Одни чрезмерно хвалят мои исторические колонки, другие ругают, считая, что у меня даже в самой безобидной строчке ощущается политический подтекст… По «Эху Москвы» Матвей Гонопольский интервьюировал главного редактора «Науки и жизни» Лаговского, тот среди прочего сказал, что «Юрий Безелянский — это наше маленькое открытие… очень интересно… он у нас и в «Вечернем клубе» — на всех хватает…» Мы с Ще смеялись от души: наше маленькое открытие, наш маленький Париж!.. А Ще в «Москвичке» получила первый в жизни журналистский гонорар. «Мне стыдно и страшно, как мне хорошо!» — заявила Ще, неохотно спускаясь с седьмого неба.

20 февраля

Мой дебют в «Крокодиле» (№ 2, тираж 452 тыс.) — «Прогулки в саду календаря». Оттянулся по полной сатирической программе, вспоминая знаменитых сатириков и юмористов. А начал с Саши Черного:

Он ее взял,
Как хрупкий бокал,
Деловито за шею,
Она повернула к злодею
Свой щучий овал:
Три минуты ее он лобзал
Так, что камни под ящиком томно хрустели…
Потом они яблоко ели:
Он куснет, а после она –
Потому что весна.

А далее вспомнил Арго, Виктора Буренина с его пародией на «Трех сестер» Чехова: Дура, Ерунда и Ахинея; Веру Инбер и даже песенку и из репертуара раннего Утесова: «Как банкир шел к Робина, брал бутылочку вина, брал хорошую котлеточку, приглашал и шансонеточку, а бедняк шел к Робина, чаю чашечка одна, и вприкусочку, не внакладочку, а на дам смотрел вприглядочку…»

А закончил подборку своим любимым Агнивцевым:

Чтобы некая мистрис прилежно
Разливала бы кофе и нежно
Начинала глазами лукавить,
Потому что иначе – нельзя ведь…

Словом, я пытался в суровое время отвлечь и развлечь читателей. Андрею Вознесенскому предложил Календарь поэзии и рассказал ему, как я его вижу. Андрей подивился моей идее. Я сказал, что сделаю всю черновую работу, а потом он подключится к готовому. «Дай мне недельку подумать», — сказал мэтр. Ще слушала наш разговор и обмирала: муж общается с живым классиком.

Ремарка. Идея так и не была воплощена. Андрей что-то тянул и мямлил, а потом и я расхотел делить с ним лавры. Осколки календаря поэзии были разбросаны по многим моим публикациям и книгам, а вот единый поэтический календарь так и остался в мечтах. Идея не реализовалась… (11 марта 2011).

27 февраля

Что-то жизнь бурлится и застой нам только

снится, — прямо в рифму. В воскресенье 21-го печатал 31-ю по счету колонку в «ВК» и позволил себе личную дату: день рождения 2 марта в Каире, плато Гиза, «верблюд любит чиколат» и прочие пряности. Потом с Ще искали открытку со сфинксом, еле нашли, а она, в конечном итоге, не пошла в газете. Бывает…

23-го купил газету «Сегодня» и там на первой полосе мой исторический календарь, правда, без подписи. Новые работодатели: Дима Остальский, Миша Леонтьев. Рубрика названа «День как день». Со мной редакция заключила трудовое соглашение и выплатили даже приличный аванс. Будут платить 1000 ре за одну машинописную страницу, — это в 6 раз больше, чем в ВК. Остальский сказал, что наслышан обо мне много хорошего, что рад, что я пришел в газету и мне предоставляется карт-бланш… «Сегодня», но и «Вечерний клуб». В «ВК» в одной из колонок пошутил, что к Валентине Терешковой надо подходить только с «Бураном». Печатал под песенку Андрея Миронова про Мюзетту-Жоржетту и в какое-то мгновение ощутил эмоциональный прилив: все идет, все получается, все оплачивается…

2 марта

Боже мой, 61 год!.. Интересно полистать днев-

ники за прошлые годы, но некогда. Идет работа, идет молотьба… И, соответственно, выходят косяком публикации, вот и в «Голосе» запустил круглые даты «От Рафаэля до Гагарина»… На день рождения купил себе в подарок «Гарики на каждый день» Игоря Губермана (250 ре).

Всегда еврей легко везде заметен,
Еврея слышно сразу от порога,
Евреев очень мало на планете,
Но каждого еврея – очень много.

В советские времена такого напечатать не могли. Слова «еврей», «аборт» и некоторые другие были неприличны и запрещены.

В редакции «ВК» сочинили стихи:

Какое, милые, столетье на дворе?
Что отмечаем мы в своем календаре?
По юлианскому ль живем, григорианскому?
Нет, нет – по Юрию по Безелянскому!
Что он в «ВК» к субботе начертает –
То весь читающий народ и отмечает.

Вот уже и патриарх календаристики? Троица из «ВК» (Михайлов, Табашников, Зимянина) были

гостями 2-го марта. Мило посидели, поговорили, но одолеть бутылку водки (0,75) не смогли…

14 марта

По ТВ была шикарная программа «Высокая мода в Париже»: от Кристиана Лакруа до Оливье Лапидуса и Пьера Кардена. Пир фантазии и красок. Но Париж пока только по телевизору…

На 8 марта поздравлял женщин по телефону. Лина Меркулова в ответ: «Читаем тебя, слушаем, приобретаешь популярность, а мы сидим в своем болоте, вылезем, квакнем — и обратно…». Вроде бы похвалила, но в этой похвале обида какая-то: ты вылез из болота, а мы погружаемся в него все глубже. Но кто виноват? И разве я не вытащил себя напряженным, интенсивным трудом. Нет, так многие не считают, им кажется: просто повезло, вытащил лотерейный счастливый билет. Обидно…

21 марта

Вкалываю, а в стране тревога и неразбериха рухнувшей великой советской империи. Как отметил «Голос»: «Безумные игры на фоне кремлевских палат, где в проигравших осталась Россия». Консервативное прокоммунистическое большинство бросило открытый вызов Ельцину.

Идет силовая игра: кто кого. Но, думаю, что молодежь и предпринимателей, почувствовавших вкус к новой жизни, обратно в коммунистическое стойло не загонишь. Но Хасбулатов, Рябов, Астафьев, Бабурин, Анпилов, Проханов хотят именно империи, а отнюдь не свободы. А какую позицию займет армия?.. Бедная Россия: «и вечный бой, покой нам только снится...».

Из новостей: был на выставке календарей в Исторической библиотеке. Очень интересно... Вышел отрывок из «Терры детективы» в «Работнице». Итак, печатаюсь сразу в четырех некогда могущественных журналах: «Огонек», «Крокодил», «Наука и жизнь» и «Работница».

28 марта

Нардепы — коммунисты и экстремисты, — рвутся к власти и жаждут свалить Ельцина при помощи импичмента. Ах, как хочется дорваться до сладкого пирога!.. «Веселящиеся безумцы» — так назвал их Эдвард Радзинский. А, может, просто весеннее обострение? Но эта клиника вполне серьезна. Передавали репортаж из Дома кино, и Нонна Мордюкова даже заплакала: «Откуда такая ненависть?!..»

Я лично не митингую. Я работаю. Получил письмо от ветерана труда, бывшей учительницы

Аллы Сергеевны Кудрявцевой: «Низкий поклон Вам, дорогой человек, за Ваш чудесный календарь в дни съезда… Необыкновенно хороши Ваши «Женщины И.А. Бунина». Ваш календарь я подшиваю и просматриваю в нужные минуты, особенно дорожу Вашими комментариями… Да хранит Вас Бог!..»

Звонок от Костина: Париж одобрил заявку, но просит пробную главу, хотя бы начальную — о Дзержинском, страниц 50. Очень хочется издать книгу во Франции, но боюсь, что меня водят за нос… А пока я увлечен поэтами Серебряного века: сначала сделал Брюсова (29 стр.), потом Бальмонта (23).

4 апреля

В понедельник 29-го ехал домой, а в сумке лежали вышедший журнал «Наука и жизнь», «ВК» с моей колонкой, «Голос» с юбилейными датами, а на лотках продают «Крокодил» и «Криминальную хронику», — все моя продукция, мой товар. Как-то ли поет, то ли кричит Надежда Бабкина: «Казачка черта не боится и не боится в омут с головой». Так и я нырнул в омут свободной журналистики.

Обложился книгами о Дзержинском, чтобы написать свой вариант. Книги делаются из книг, как

говорил Вольтер. Только вот собирать материал и размышлять о железном Феликсе противно, это совсем не то, что заниматься поэтами Серебряного века. Кстати, с фотокорром «ВК» ездил в музей Андрея Белого на Арбат и снимали кое-что для будущей публикации. А заодно с Ще побывали в музее Пушкина на выставке «Искусство и сновидение». Офорты Гойи, Одилон Редон, Макс Клингер (эротическая серия «Перчатка»), современный Эдгар Энде и кто-то еще. Это не васнецовская Аленушка, задумавшаяся у пруда. Тут фантазмы подсознания… Еще одно развлечение — по ТВ показывали программу вручения «Оскара» в Голливуде. Феерическое шоу. Нашим российским лаптям до Америки ой как далеко!..

Вчера вышла моя колонка «Вечернего клуба», где я отметил день рождения Андрея Тарковского. И нашли молодую фотографию…

11 апреля

Что-то рвануло в подвале с канализацией, и всю неделю стоял жуткий запах. Такое амбре!.. Империя смердит. Все изношено, разрушается, портится — дома, заводы, дороги, подземные коммуникации. В Томске произошел маленький Чернобыль. Вся жизнь висит на волоске Отравленная Россия. Отравленная, замусоренная,

захламленная Москва. Да еще всё отравлено ядом политической борьбы за власть…

Мучаюсь с Дзержинским. Звонил Вознесенскому, чтобы встретиться. Не может, делает какую-то «штуку» на Тишинской площади: «Будет открытие… приглашу… извини… обнимаю…» Так что пока лишь заочное обнимание. С выходом «Терры» какие-то проблемы, и спонсор Айрик кричит «Убью!..» Рюрик застрял между вычиткой и производственным отделом. И что остается? Ждать и ждать. Несколько афоризмов на этот счет:

«Надежда — это расчет вероятностей, который пишется перьями из крылышек ангелов» (Станислав Ежи Лец).

«Надежда — единственное благо, которым нельзя пресытиться» (французский писатель Лю де Вовенарг).

«Надежда — хороший завтрак, но плохой ужин» (Фрэнсис Бэкон).

18 апреля

На ВДНХ был на выставке «Читающая Россия». Во всю читает и даже откликается. Некая Зоя Изачек написала мне: «Мне ваша рубрика более всего нравится тем, что я вижу привязку к нынешнему бедламу всех былых и нынешних событий и вашу терпеливую иронию…» Другая читательница Ел.

Светова: «Очень нравится рубрика «Календарь Ю.Б.» Юрий Безелянский ведет ее с некоторой долей самоиронии и с хорошим вкусом». Что ж, приятно…

17-го в Доме кино была премьера фильма «Кодекс бесчестия». Витя написал сценарий, а поставил картину Шиловский, который, увы, не Бергман. Неудачный выбор актеров и их плохая игра, на уровне только Тихонов, но в целом смотреть можно.

25 апреля

С утра проголосовали за доверие Ельцину и за досрочные перевыборы депутатов. Вопрос стоит так: или путь к свободе, или обратно в тоталитаризм. Ельцин должен победить, но что он будет делать с победой — тоже вопрос. Все сходятся на том, что нужны решительные меры по вопросам собственности, земли, политического реформирования, а если не это, то развал и хаос.

С Витей ходили в Гнездниковский переулок в контору крупнейшего английского издателя «Эндрю Нюрнберга». Седовласый представитель сказал, что для России! «Терра» интересна, а для Запада — нет, и вообще интерес к русским книгам резко упал.

В «Литературке» вышла моя подборка на день

референдума, на 25 апреля. Ще иронизировала: отметился, как собачка… Ходили на рынок, все дорога, даже пучок укропа — 100 рублей. Но я за то, что пусть дорого, но чтобы было. Что касается денег, то пока зарабатываю, как Фигаро, то там, то здесь, и параллельно долблю Дзержинского. От машинки болят пальцы, отваливается правое плечо… Подбадривают отклики: «Вашу рубрику — «Календарь Ю.Б.» читаю с большим увлечением. Календарь стал своего рода кратким пособием для интеллектуального развития…» Обалдеть можно от таких признаний!..

Неясно, что будет со страной. Надоела политическая нестабильность, угрозы русского фашизма, бунты кастрюлечников, видеть волевые и озлобленные лица Анпилова и Зюганова. Дайте спокойно работать — единственная просьба здравомыслящих людей, в том числе и меня.

За окном в тени +17, на солнце +23. Немного хмарно. Появились на кустиках первые листочки.

2 мая

С «Террой детектива» происходит детективная история: украли деньги, идет поиск… Красные не сдаются, и вчера пролилась первая кровь. Судя по всему, классовые битвы станут неизбежной

частью политического пейзажа России…

В «ВК» пришло ругательное письмо от читателя — ветерана С. Григорьева. «Что позволяет себе Ю. Безелянский!» — возмущается он по поводу моих инвектив в адрес Ленина. И далее: «Я, конечно, понимаю, что евреи гениальны, но нельзя ли на страницах газеты воспевать не только такие фамилии: Мандельштам, Пастернак, Бабель, Ландау и т.д. Думаю, что и среди русских найдутся достойные кандидатуры. Очень прошу, передайте насчет фамилий господину Безелянскому, а то он тоже почему-то любит говорить больше «о наших», может, потому, что они ему ближе и роднее?..»

Вот такое письмо в редакцию! К сожалению, позиция «ВК» боязливая: не дразнить гусей и стоять в сторонке. И Михайлов что-то стал часто подрезать мои острые выпады, хотя, если честно, то с дубиной Александра Минкина их не сравнить, тот просто бьет по голове… Неожиданный звонок от Михайлова: нужны строки к празднику 9 мая. Набросал, и Ник.Ник. «обозвал» меня публицистом ленинской школы, мол, до чего хорошо!.. Эдик Церковер подарил книгу своих вышедших интервью с надписью: «Дорогому Юрию Николаевичу Безелянскому от почтительного

почитателя».

Закончил печатать Дзержинского, точно по заказу: 50 страниц. Позвонил Костину. «Как?!.. Уже?!..» — удивился он.

1 мая, суббота, подарочный день: голубое небо, солнце, тепло и первая зелень. С утра поехали в Серебряный бор. Роскошно прошли по берегу канала. Гуляют дети, мамы, бабушки, а в это же время, об этом узнали позднее из ТВ, в столице происходил мордобои между теми, кто «за» новые порядки и кто «против». Крики Мальчиша-Кибальчиша: «Измена!» Какая измена? Идет формирование отечественной буржуазии. У меня нет данных для ведения бизнеса, но я занимаюсь творчеством, оно имеет спрос, и я худо-бедно зарабатываю на масло-сыр, — и мне нравится это время. И возможность самовыразиться и самореализоваться греет душу.

Пришло письмо от Наташи из Германии: «У нас весна вовсю: отцвели нарциссы, тюльпаны, магнолии — очень много зелени… но я хочу в Москву…».

9 мая

На днях Ляля негодующе заявила: «Вам хорошо: вы счастливы — у вас есть дело!..». Господи, ну, а кто и что помешало ей завести свое дело, что-то

придумать, выбрать, изобрести, чтобы сейчас не лезть на стену от от безделия и уныния?.. Лично я давно определился с тем, что мне интересно: читал, выписывал, сочинял, складировал в стол, и теперь со своим «делом» выгляжу богатым, как Крез, и для многих это стало невыносимым: счастливчик нашелся какой-то!.. Мало того: и Ще приобщил к делу, наконец-то она нашла себя как филолог.

16 мая

Глава о Дзержинском отправлена в Париж. Занялся Маяковским. Прочитал книгу Ал. Михайлова «Маяковский» в серии ЖЗЛ — плохая. Насквозь идеологизированная: пролетарский поэт!.. Я постараюсь написать лучше и человечнее.

В несчастливое 13-е число — апогей простуды. Тихо умирал и ничего не надо было: ни Парижа, ни книг, ни статей… Не порадовал и вышедший в «ВК» Андрей Вознесенский — придуманное мною с ним интервью на основе его стихов и высказываний.

Контакт с «Международной книгой»(Межкнига, ныне акционерное общество). В бюллетене Межкниги аннотация на невышедшую еще книгу «От Рюрика до Ельцина»: 25 авторских листов, переплет и даже цена: 16,87 американских дол-

ларов, — по такой цене собираются предавать на Запад?.. И тут же в бюллетене «Двенадцать стульев» с «Золотым теленком» — 12 долларов, каждый том «Тихого Дона» Шолохова по 12 долларов и т.д. Изучение бюллетеня Межкнигу вызвало во мне большое удивление…

По поводу дел в стране хорошо написал Радзиховский: «Отчаянно борются «все гнилые ветви власти», происходит броуново движение мелких политиков», — «и снова, как ни тасуй колоду, птичка не вылетит!..»

Начал заниматься июньской полосой для ВК. В ней разделы: историческая колоша, панорама месяца, «приметы и поэты» и еще: камень и цветок месяца, знаки зодиака. И все это надо подобрать и отшлифовать в текст.

30 мая

Трабахо, трабахо, трабахо, — так кажется, по-испански, если не забыл, означает: работа и работа. По-португальски: трабальо. Перечислять, что сделал и делаю, — нудно и длинно. Завистник К. говорит: «Скоро и собрание сочинений будешь издавать!» Сам он ничего не пишет, но уже много лет собирается удивить мир своим произведением. Как говорят на Востоке, «болезнь красных глаз». А в основе — творческая импотенция. И

вспоминает, как было раньше при советской власти хорошо: зарплата, престиж. А теперь при свободе стало ужасно. Прямо по Игорю Иртеньеву:

Ну на солнце эти пятна,
Ну озонная дыра,
Ну хреново, ну понятно,
Но ведь лучше, чем вчера.

Лично меня не интересует, кто сколько сегодня получает, мне некогда смотреть по сторонам. Я долблю на машинке и зарабатываю (много или мало, — это другой вопрос), и не жалуюсь. Обеспечиваю себя и Ще, — и это прекрасно.

22 мая на Ленинградском рынке повстречал Эдика Безелянского, своего троюродного брата. Его старший сын Миша в бизнесе, подарил ему «Жигули». У меня нет сына, нет «Жигулей», только пишущая машинка, на нее и вся надежда.

Закончил печатать Маяковского: за 7 дней грохнул 62 страницы с хвостиком. Вышли фрагменты календаря Российской истории в журнале «Жизнь национальностей» (тираж 100 тыс.) И одновременно рухнули мои публикации в газете «Сегодня»: они перешли на ТАССовские материалы. Не получилась дружба с «Россией». Сам

отказался от «Щита и меча» и от «Крокодила»… Купил роскошный второй том словаря «Русские писатели 1800–1917» и куртуазный сборник «Езда на Остров Любви».

Все желают любви. Поселяне зовут поселянок

И превесело тискают их в придорожных кустах.

Это Дм. Быков. Но куртуазная поэзия была задолго до него. Еще Василий Капнист писал: «В объятьях неги с милой Дашей сладчайший всех нектар вкушать». А мой любимый Северянин:

И поплыл я, вдыхая сигару, –

Ткя седой и качелящий тюль, –

Погрузиться в твою Ниагару,

Сенокося твой спелый июль…

А вот современник Константин Григорьев:

От Бэкки Тэтчер до Джульетты

Почти хрустальная пора.

Уже потом – огни, поэты

И выпускные вечера…

Но хватит цитат. Можно зацитатиться, увлечь-

ся и закружится. Кстати, и пишу, и читаю много, отсюда иногда возникают дикие ошибки. К примеру, написал о достопамятной встрече Станиславского с Достоевским (вместо Немировича-Данченко), и никто не поправил, все пропустили. А напечатали в газете, — маленький скандальчик и полное недоумение.

6 июня

Я давно понял, что жизнь — борьба и надо бороться. Но рядом со мной слабые люди, люди без сил. И торжествует жестокий дарвинский отбор: выживают сильнейшие. Больно смотреть на списанного инженера Володю Соловьева, да и на многих других. А меня одолевают вдовы знаменитостей. Звонила Александра Петровна Шабарина, просила вставить в мой календарь мужа — Бориса Горбатова. Тут же сообщила, что был момент, когда он ушел от нее к актрисе Архиповой из театра сатиры (нынешняя жена Менглета). Ну, и про целую запутанную историю с детьми и литературным наследством…

Я закапризничал с «Общей газетой» и отказался вести в ней календарь. Рассказал об этом Ще, она: «Все признаки звездной болезни». Для «Магистериума» начал делать материал о негативных делах в период советской цивилизации (с

гендиректором Яковлевым заключили трудовое соглашение на 50 тыс. руб.) с 1917 по 1985 годы. В общем, Хроника тоталитарного режима. Отдал готовую рукопись Костину и сказал ему, что хорошо бы встретиться в следующий раз в каком-нибудь кафе в Париже. Он: «Я думаю, встретимся…»

Ремарка: с Костиным не встретился, а в Париже побывал и не раз»(14 марта 2011).

12 июня

8-го в 11 часов к подъезду подъехал японский белый автобус, и из него вывалилась телебригада в количестве 8 человек, с Витенькой, ведущим программу «Новое поколение выбирает» (в рамках «Детективленда»), режиссер Дима, редактор Яна, оператор Игорь, — все заахали на мой кабинет: как интересно, ярко, богемно захламлено. Записали 30 минут. Я говорил о «Терре» и о Рюрике. От шума и телевизионного гама голова пошла кругом.

А потом еще записывался на радио. Столкнулся с Игорем Фесуненко: «Все еще на вольных хлебах?» Подтекст такой: не надоело? не на дорвался? не собираешься ли застрелиться?.. В «Независимой газете» Тамара Грум Гржмимайло поведала,

что ныне средний писатель и журналист печатает в год примерно 3 авторских листа (немногим более 70 стр.), ну, и соответственно, малая оплата. А я печатаю 12 печатных листов в «ВК», 6 — в Науке и еще где-то. Выходит, передовик творческого цеха!..

19 июня

«Доброжелатели» о нас с Ще: «У них дела идут хорошо: деньги гребут лопатой». Стоящий рядом добавил: «Двумя лопатами!»

16-го к нам в гости пожаловал француз Шарль от издательства «Робер Лаффон» в сопровождении Костина, он выступал в качестве переводчика. Старенький и носатый мсье Шарль, похожий на Помпиду. Спрашивал, как я работаю, где достаю архивные материалы и т.д. Оговаривали сроки, страницы, акценты, оплату (10 тыс. долларов в три приема). Попутно господин Шарль отметил, что «У мадам хорошая улыбка».

После визита мы с Ще долго приходили в себя. Неужели издадут книгу и заплатят?.. А на следующий день — от волнения? — кровоизлияние в левом глазу. А еще что-то вступило в левую коленку. Налог на сияющие надежды?..

Сегодня вышел субботний номер «ВК», там — Андрей Белый и моя колонка. И как ныне звучат

строки Белого:

Просторов простертая рать:
В пространствах таятся пространства.
Россия, куда мне бежать
От голода, мора и пьянства!..

26 июня

Читаю корректуру «От Рюрика до Ельцина»– 349 убористых страниц… Как сказал Костин, француз уехал довольный, с хорошим настроением и с моей главой о Дзержинском. А по Эху разливается Иван Ребров, он же Хансик (отец немец, мать русская): «За мои бублички хочу я рублички…». Все, вроде бы, хорошо, кроме давления, оно 160 на 100. Пью венгерский панагин и американские витамины. Выстраивается цепочка: публикации-гонорары-лекарства…

3 июля

Отвозил первую часть Хроники тоталитарного режима в мастерскую за Тверской. Разговор с Ингой Розовской. Я ей, между прочим: «Тащу неработающую жену уже полтора года, а она в ответ: «Что полтора года! Я 5 лет кормила Марка Розовского!» Ныне они в разводе…

Скандальчик с одной читательницей: «Почему вы написали, что настоящее имя Жорж Санд — Аврора Дюпен; она — не Люпен, а Дюдеван, — это все школьники знают!» Я отвечаю, что Дюдеван она по мужу, а урожденная она — Дюпен. Ретивая читательница не поверила: Дюдеван и все! Дюдеванистая дамочка. Рассказал об этом Стрижеву, он говорит: есть такие читатели, что-то обнаруживают и давай кукарекать: неправильно! И таким образом утверждают себя. А вдова Горбатова восхищенно говорила по телефону: «Как много вы знаете и, наверное, много читали и читаете!..»

А 1 июля появился второй француз — вслед за Шарлем Ронсаком другой эмиссар французского издательства — Пьер Лорен, вполне сносно говорящий по-русски. Лишь отдельные его длинные монологи переводил Костин. «Лаффон» склоняется к изданию моей книги, но все проверяют и проверяют. Обговариваются все детали и нюансы, прежде чем заключить договор и выплатить аванс, и как будет вестись рекламная кампания и как я должен выступать по ТВ и т.д. Гости ушли, а я в изнеможении плюхнулся на диван, сказав «Уф!..»

Ремарка: А в итоге ничем это не кончилось. Получилась книга фон дер Пшик… (15 марта 2011).

За 5-й номер «Науки и жизни»получил гонорар чистыми 3.484, в «Огоньке» за два номера — 8.700. Для сравнения: молодая картошка, кг — 800, огурцы — 800, помидоры — 650, черная смородина — 650 и т.д.

10 июля

Сегодня вышла 50-я колонка в «ВК» и для «Науки» подготовил 33-ю календарную подборку.

18 июля

Опубликована первая часть Маяковского, а в воскресенье 11-го в 13.20 вышла по первому каналу «Останкино» программа «Детективленд» с интервью на дому, где я даже прочитал стихи про Ваську Свиста Веры Инбер:

Васька Свист, хотя и прост,
Но он понимает людей.
Он берет рака за алый хвост
И, как розу, подносит ей…

Кончилась программа — и пошли звонки. Русико: «Смотрело пол-Тбилиси»… «Ты не стареешь,

как огурчик…». Аркадий Болдинский: «Смотрели с восторгом». Не обошлось и без казуса: Наташа-брокер поняла мою реплику буквально («Я приду к вам с экрана телевизора»), начала подготовку к встрече: подняли с постели бабушку, обрядили в новое платье, Катя покрасилась, папа побрился… И нате: с экрана пообещал, а в гости не пришел!..

Теперь о другом. Купил сборник воспоминаний об Александре Галиче и «Русские частушки», собранные Николаем Старшиновым. Времена гласности: открытым текстом про «х» и «п». Самое безобидное: «Сорок раз ей поднимал юбочку с передничком…» Это совсем другое, чем в официальных песнопениях: «Я на свадьбу тебя провожу, а на больше ты не рассчитывай…» А в народе все по-другому: «Мой миленок-озорник: ко мне в форточку проник. Сделал все, что захотел, и обратно улетел». «Я и так, я и сяк, и таким манером. Почему ж не переспать с этим кавалером?..».

Ну, а у меня ныне другая задача. «И так, и сяк, но только по тексту». 14-го закончил Хронику тоталитарного режима — 92 стр., правда, некоторые неполные. Печатал под дождь за окном. В воздухе разлито электричество, еле-еле допечатал в состоянии грогги, плыл, как боксер, после нокдауна. Приходил в себя с помощью шоколада… Вчера

устроили отдых, и с Ще ходили в Пушкинский музей на выставку Анри Матисса…

Дополнение спустя годы. Через 5 с половиной лет, в феврале 1999 года выйдет моя книга «Улыбка Джоконды» и там в главе об Анри Матиссе будет написано:

«…вся Россия кажется погруженной во зло и темноту… Может быть, хватит, господа! Уже изрядно надоел этот вечный стон Ярославны. Сходите-ка лучше в Музей изобразительных искусств имени Пушкина и посмотрите на полотна и рисунки Анри Матисса. Глотните чистого воздуха искусства. Прикоснитесь к красоте. Зарядитесь радостью…»

25 июля

Из письма к Наташе в Германию: «…Выражение «политика — это грязь» наводит подтверждение каждый день. Каждый день следуют заявления, разбирательства, склоки, скандалы, демарши и т д. Ныне все знают политиков, как когда-то раньше популярных киноактеров. Идет жутко-интрижная хасбулатовщина — на ковре и под ковром. Что будет дальше, предсказать невозможно. Ясно только одно: возврата к старому уже

не будет — к тихому, застойному, для кого-то уютному: «Была зарплата… был коллектив…» — как мечтательно вспоминал один наш приятель. Вот это все исчезло.

Что касается моих книг, то они завязли (русская неторопливость, разгильдяйство, а то и жуликоватость), но не теряю надежду на выход к осени. Делаю уже третью «Любовь в Серебряном веке», главы которой печатаю в «Вечернем клубе»…».

Это письмо. А вот некоторые реальности буден. Побывал в апартаментах опального Бурбулиса, в общ. организации «Стратегия». Бурбулиса не застал, сидит секретарша и изучает мой календарь в «Науке». Я говорю: «Уговорите свое начальство купить несколько тысяч книг Рюрика для своего идеологического подкрепления». «Надо, — согласилась она, — но нет денег». Еще заходил на «Эхо Москвы», познакомился с Алексеем Венедиктовым. И удивлялся сам на себя: был некогда застенчивым и робким, а превратился почти в наглого, как танк. А, может, в каждом из нас в разных долях сидят гоголевские типы: Манилов, Ноздрев и Хлестаков?..

В «Современнике» посмотрели спектакль «Трудные люди»– Йосеф Бар-Йосеф в постановке Галины Волчек. О жизни евреев в эмиграции. За-

мечательная игра актеров (Ахеджакова, Кваша, Авангард Леонтьев), но бесподобнее всех Валентин Гафт. Искрометные «еврейские штучки», но удручало то, что в зале очень мало евреев. Побежали родимые из России. Побежали… Мишка Шифман у Высоцкого говорил приятелю: «Побредем, паломники, чувства придавив!.. Хрена ли нам Мневники — Едем в Тель-Авив!». «…Едем, Коля, — море там Израилеванное!..» Море, конечно, есть, но есть ли счастье?..

В нашей библиотеке им. Хикмета распродажа старых и ненужных (?!) книг, накупил кучу: дореволюционное издание писем Пушкина, роскошно изданный фолиант к юбилею Вольтера и др. Потом листал, читал и ловил кайф.

9 декабря 1830 года Пушкин сообщал Плетневу, что написал несколько маленьких трагедий. «Сверх того, написал около тридцати мелких стихотворений. Хорошо? Еще не все… написал я прозою пять повестей, от которых Баратынский ржет и бьется…» Что значит «ржет и бьется»? Завидует? Негодует? Или сопереживает и радуется?..

Пушкин — барону Корфу, 14 окт. 1836 года: «Какое поле — это новейшая русская история. И как подумаешь, что оно вовсе еще не обработано,

и что кроме нас, русских, никто того не может предпринять! — Но история долга, жизнь коротка, а пуще всего человеческая природа ленива (русская природа в особенности)… Сердцем тебе преданный, А.П.».

На Малой Грузинской фотовыставка «так жили поэты…» Поговорил с матерью Высоцкого, Ниной Максимовной. Сказала, что он был нежным сыном…

Хроника тоталитарного режима одобрена и оплачена, да еще пенсию получил, почувствовал себя кандидатом в миллионеры. Вечером 23-го с Ще пошли в магазин на Алабяна что-то купить и купили… две пачки соли. Но это детали. Главное, что моя работа осуществлена в публикациях. И как говорил француз Ален: «Счастлив тот,кто видит в проделанной накануне работе следы своей воли».

Валерий Горкин пригласил меня в свою программу «Радиознакомство» по «Голосу России» (приглашает только знаменитых). Валера (я его знаю с той поры, когда сам работал на Радио) пел дифирамбы: «Ты даже не представляешь, что ты делаешь… не понимаешь значения твоих публикаций… Ты — Просветитель с большой буквы…». Оказывается, Горкин собирает мои подборки.

Очередная акция правительства: изъять из обращения все старые деньги с изображением Ленина и оставить только последние, выпуска 1993 года.

На следующий день после «Голоса России» отметился в прямом эфире «Эхо Москвы» в программе Пилипейко. А еще был у Матронова. Шкабельникова: «Заполонил весь эфир!» Опять зависть!..

1 августа

Ще — 53 года, и по традиции посвящал ей стихи. Вот только некоторые строки:

Все в достатке и даже возраст.
Тут, родимая, нечего сетовать.
Все плывем по этому озеру,
Избежать невозможно всем ЭТОГО.
Если вдуматься, в том ли загвоздка?
Прелесть жизни в любви и согласии.
Хоть сегодня ты – не березка,
Но, как прежде, любимая пассия!

В воскресенье 25-го по приемнику слушали «Голос России» и соловьиные распевы Горкина: «Все, что написано тобой, отличает редкая индивиду-

альность… поднимаешь нашу эрудицию… твои комментарии и оценки — это короткие ракетные залпы… перебрасываешь мостик от прошлому к настоящему…» и т.д. Перепечатываю такое и, кажется, краснею от неловкости…

По поводу «Терры»: Унгерн сбежал с деньгами в Австралию. И что теперь будет с книгой?.. Вышла вторая часть о Маяковском и комментарий с выставки «Так жили поэты…» Все работаю и стараюсь, вот так работал и старался Владимир Лакшин и вот умер (ему в мае было бы 60 лет). Да, все мрачно. Но это не означает, что пора сворачивать паруса и бездеятельно качаться на волнах.

15 августа

Болезненно переживаю скоротечность времени.

— Что это, Бэримор?

— Время летит, сэр.

Смотрю на молодых и завидую им: они не ощущают бремя времени. Им кажется, что впереди — вечность. 10 августа племянница Оля привезла к нам своих подружек — итальянских студенток, будущих славистов: Марьяну Чиприани и Анну Баскирротто. Девочки с восторгом посмотрели мои архивы и публикации, итальянский альбом и сделали на нем надпись по-русски: «Свобода

всем, но не для того, чтобы все были художниками, а для того, чтобы никто не был рабом!»

22 августа

Погибаю от вырезок из газет, все складываю, авось, пригодится какая-нибудь информация. И не я один такой сумасшедший. Были такие собиратели и раньше. К примеру, Михаил Дмитриевич Хмыров (1830–1872). В 31 год оставил службу и занялся «странным увлечением»: собрал за 20 лет 1700 пухлых томов вырезок из газет и журналов, вел более 300 тематических разделов по истории, экономике, культуре. На квартире своей создал справочно-библиографическое бюро. Мечтал создать «Энциклопедию отчизноведения», но не создал. Жил и умер бедняком… Но прожил насыщенно и интересно. Просветитель-подвижник. Мне повезло больше: я не только собираю, но и публикую много и приношу людям знания и радость, что и отмечал по радио Горкин. Но есть и скептики моей работы, в частности, Эмиль заявляет: поденщина!.. А читательница Кудрявцева написала в «ВК», что боится, что Юрий Безелянский уйдет в отпуск, и тогда в колонках будет перерыв — Табашников показал мне ее письмо и сказал: «Ради этого стоит жить».

А публикации выходят и выходят. А еще ка-

кие-то переговоры с издательством «Галактика», голова идет кругом. Чтобы ее стабилизировать, пошли в кинотеатр «Баку» на «Дневную красавицу» Бюнюэля. Она вышла в 1968 году и, вот, спустя 25 лет, дошла до нас. Некая Северина (Катрин Денёв) изживает свои женские комплексы. Снято великолепно.

30 августа

«Заболел» Гумилевым, своим 7-м поэтом для будущей книжки.

Я не буду тебя проклинать,
Я печален печалью разлуки,
Но хочу и теперь целовать
Я твои уходящие руки…
…Ты подаришь мне смертную дрожь,
А не бледную дрожь сладострастья,
И меня навсегда уведешь
К островам совершенного счастья.

Начитывал Гумилева, листал сборники «Минувшее», собирал информацию по крупицам. Книга Лукницкого сделана не очень точно. Делал машинописный вариант. 27 авг. в остервенении принялся за беловик.

Из развлечений — выставка на Крымской, точнее, там несколько выставок. Обратили внимание на картину Машкова «Рыжеволосая натурщица на фоне ковра»(1908), Переплетчиков «Михайловское озеро», Борис Григорьев «Прогулка» — дамочки, подвязки, чулки… сомовский «Фейерверк», эскизы театральных костюмов Экстер и А. Веснина, серия Лентулова «Городской пейзаж», прелестный этюд Куинджи «Зима» с красным солнцем, пробивающим мглу… и т.д. Вышли с Ще — и еще одна выставка под открытым небом — московский Монмартр и первое, что бросилось в глаза — Ленин и Сталин раскачивают качели, на которых получает удовольствие дебелая голая деваха, — полотно-китч.

5 сентября

Прыгаем, суетимся, а потом вдруг… 24 августа «ВК» поместил беседу с Александром Лавриным (в связи с выходом его книги «Хроники Харона») под названием «Книга о смерти помогает мне жить» (он сделал своеобразную энциклопедию из предсмертных высказываний), — и ровно через неделю — в машине погибли замглавного Вечернего клуба Игорь Николаевич Табашников, обозреватель Еремин и водитель… 3 сентября в Театре эстрады было прощание. Три гроба, орган-

ная музыка, речи… Все это ужасно. Табашникову было всего 53 года, и остались сиротами трое детей. Как обычно, после смерти говорят: такой талантливый, хороший, на скрипке играл. Был человек — и нет его. А всем оставшимся завет: мементо мори. Помни о смерти…

У Афанасия Фета есть стихотворение «Смерти»(1884):

Я в жизни обмирал и чувство это знаю,
Где мукам всем конец и сладок томный хмель;
Вот почему я вас без страха ожидаю,
Ночь безрассудная и вечная постель!..
…Еще ты каждый миг моей покорна воле,
Ты тень у ног моих, безличный призрак ты;
Покуда я дышу – ты мысль моя, не боле,
Игрушка шаткая тоскующей мечты.

А во втором четверостишии обращение к смерти: «И ты сотрешь меня со списка бытия». Никто из современных поэтов так и не напишет. Но хватит об этом. Как там у Шолома-Алейхема? Ну,

что вы, пане Шолом-Алейхем, все о грустном и печальном. Как там холера в Одессе?.. (цитирую по памяти).

А холера и не в Одессе, а в Москве поживает и благоденствует. 3 сентября в 10.45 закончил материал «В садах души Николая Гумилева» — 59 страниц, напечатанных за 11 дней. И Ще отличилась: поход к зубному и лечение десен обошлись уже в 32 тысячи. Не слабо…

12 сентября

7-го ходил на 8-ю Международную книжную ярмарку на ВДНХ. К стенду «Лаффона» даже не подошел: все газеты отмечают, что культурные связи между Россией и Францией переживают беспрецедентный кризис. Плюс кризис экономический. Надежд на издание книги в Париже никаких. Черняк познакомил меня с главным редактором «Худлита» Анджапаридзе. Он мне: «Заходите… посмотрим…». В издательство «Кронпресс» предложил «Любовь в Серебряном веке». В «Изобразительном искусстве» сказали: «То, что вы предлагаете, так интересно, что мы с радостью: ищите спонсора, приносите миллионы — и сразу к нам!..». Это называется: издатели шутят. На радио Горкин решил мне помочь, пригласил в программу «Четвертая власть» и напрямую

обратился к бизнесменам: вкладывайте деньги в Юрия Безелянского — в накладе не останетесь!.. Но, увы, пока никто не торопится.

На Пятницкую вернулся на белом коне. Бывший обозреватель без знания языка, ныне писатель, и женский щебет: «Я тебя слышала по радио!.. Я тебя читала в газете!.. Я тебя видела по телевизору!..»

За окном +10, тучи и голубые просветы.

26 сентября

В России затевается новая смута-неразбериха, и уже Хасбулатов кричит в парламенте: «А где войска?!» Руцкой проводит смотры боевых отрядов, ну, и так далее. А народ, тем временем, в тисках бедности, не знает, как заработать рашендеревяшен, не говоря о валюте. Цены растут, все мечутся, негодуют, раздражаются… Умер Юлиан Семенов, отец Штирлица. А Витеньке стукнуло 48 лет. Пришлось его подбадривать: «Нет, Витенька, не будем ни унывать, ни ныть. Мы крепкие же люди, и будем дальше жить. Поймаем мы удачу и будем половчей, и все переиначим, и сделаем о'кей!..».

3 октября

События развиваются стремительно. Белый

дом в самоосаде и в осаде, вооруженный до зубов. Без света и горячей воды. Как кто-то пошутил: канализация и кризис парламентаризма. Люди в ватниках на баррикадах — живые персонажи из «На дне». Но уже не до шуток. Люмпенизированная толпа вышла на улицы с красными знаменами, произошло несколько схваток: есть убитые, раненные, покалеченные. Ельцину, на мой взгляд, надо было раньше принимать меры, как говорил Бисмарк: «Любая политика лучше политики колебаний». Раньше, в советские времена, сажали за анекдоты и чтение запрещенных книг, а тут крики откровенные ««долой» и против, и с протестантами миндальничают. Так демократия может рухнуть в одночасье. Нужна сила, чтобы обуздать беснующуюся массу, тоскующую по прошлому… В Тбилиси дела почище Москвы: Сухуми пал, абхазы (или апсы, как говорит Русико) вытесняют грузин из Абхазии…

Такое ощущение, что ты в центре, а вокруг полыхает. Идти на баррикады уже поздно по возрасту, поэтому сидишь дома и придумываешь новую книгу «Тайны частной жизни». Для начала взял мемуары Сары Бернар и был разочарован: она все скрыла из своей жизни…

Попечатал дневник, поехали с Ще в рощу по-

дышать кислородом, приехали, включили радио: началось! Хасбулатов призвал идти на штурм Кремля, Руцкой — Останкино. Маски сорваны. И эти политические авантюристы, упыри, нелюди, как выразился Аверинцев, прибегли ради своих амбиций к насилию. И пошел помолот… Введено чрезвычайное положение. Вводятся войска. А у Белого дома печатают шаг баркашовцы — молодчики со свастикой. Нет, Ельцин был слишком бархатен в разговорах-уговорах, эта нечисть понимает только язык силы.

По Фрейду люди, лишенные мотивировок на будущее, бессознательно готовы к смерти. Их желание — Танатос. Особенно у авантюристов, люмпенов и психически ненормальных людей есть желание «стоять до конца». Тенденция к социальному самоубийству. Неудачники, изгои, слабые и потерянные люди с искореженными злобой лицами. У них нет ничего, кроме ненависти и злобы к нормальным, успешным людям. Перезванивался с Куриленко, он ложился спать под канонаду около Останкино. Витя попал в горящую точку на Смоленской площади и перепугался. Агамиров по «Эхо» отвлекал слушателей рассказами о Шуберте. Звучала божественная «Авве, Мария!».

А погода роскошная: солнце, голубое небо и желтизна листьев.

События октября 93 года

Дополнения к дневнику. В книгу «От Рюрика до Ельцина. Календарь российской истории» я внес такой пассаж:

«3–4 октября руководители Белого дома — Хасбулатов, Руцкой, Макашов — подняли в Москве вооруженный мятеж. Он был подавлен. Цена — десятки убитых и сотни раненых.

В октябре 1917-го большевики взяли власть. Спустя 76 лет, в октябре 1993-го, коммунисты, сомкнувшиеся с фашистами, ее потеряли. Россия вступила в новый период своей истории». Ну, а в другой своей книге «Огненный век» (Российская панорама XX века, 2001) комментировал такие октябрьские события:

«Верно сказал Сергей Есенин: «Лицом к лицу — лица не увидать. Большое видится на расстояньи…». Все было так и не так. И много тайного осталось за кулисами тех событий. «Кто кого убивал в Останкино»?» — спрашивала «Общая газета». Среди погибших был британский телевизионщик Рори Пек.

И снайперы целятся с кровель.
Мы жмемся к краям мостовой.
Гуманизм не пишется кровью,
В особенности – чужой, –

писал в те дни Андрей Вознесенский. А Игорь Губерман более резко:

Пока мы кричали и спорили,
ключи подбирали к секрету,
трагедия русской истории
легко перешла в оперетту.

В ночь на 4 октября 1993 года милиционеры побежали, подобно зайцам, отдавая Москву на откуп кому угодно… А с утра танки начали стрелять по окнам Белого дома. Пальба, крики, стоны, мат-перемат. Молчаливая толпа зевак на набережной Москвы-реки… и, наконец, мятежники сдаются: бледный Хасбулатов, поникший Руцкой, притихший Макашов и другие «герои» Белого дома. Все кончено. Борис Ельцин одержал верх.

А через год состоялась амнистия и был заключен пакт согласия, и «сидельцы» Белого дома оказались в креслах Госдумы. И «Комсомольская правда» провела опрос среди читателей: «Победу или поражение принес демократам октябрь про-

шлого года?»

Спустя 5 лет, 4 октября 1998 года, «Независимая газета» провела анкету среди творческой интеллигенции по поводу событий 93 года. Леонид Бородин: «События 3–4 октября 1993 года — наша национальная драма. Началась эта драма 70 лет назад, продолжается она и сейчас…» Владимир Войнович: «Октябрьские события 93-го года я считаю фактом национальной глупости…» Александр Гельман: «Не общество возбуждало политиков, сами политики возбуждали, натравливали людей друг на друга…». Андрей Нуйкин: «…все эти «непримиримо враждующие» партии демократов, либералов, социалистов, коммунистов и т.д. — не больше, чем «нанайские мальчики», отвлекающие внимание народа от самого главного, что происходило в стране, — от раздела гигантского имущества богатейшей державы, от бесконтрольного растаскивания, расхапывания, разворовывания его с вывозом за границу».

И та же «Независимая» днем раньше: «Спустя пять лет после кровавых событий 1993 года российская государственность трещит по швам. Порожденная «черным октябрем» безнаказанность и бесконтрольность высшей власти привела страну к катастрофе».

Действительно, что мы, россияне, получили в итоге? Невиданный размах воровства и мздоимства, коррупции и преступности. «В эти дни завершается пятилетка ненависти, гражданского противостояния и чиновничьего беспредела», — отмечал Виталий Третьяков в комментарии «Не множьте октябрь на октябрь».

Оборвем цитаты из «Огненного века». Прошло более 17 лет. И так называемые «лихие 90-е» Ельцина сменились «нулевыми» Путина. И сакраментальный вопрос: и что?! Да Россия успешно двигается к старому испытанному крепостному праву. Произошло дикое расслоение народа на бедных и богатых. В стране — тысячи острейших проблем, а элита устраивает себе разные праздники, типа зимней олимпиады в Сочи. Оппозиция вся раздавлена. «Единая Россия» господствует, как прежняя КПСС. Один из его чиновников Алексей Чадаев (далеко не Чаадаев!) не возмущается, а гордится лозунгом, что «Единая Россия» — партия жуликов и воров». В комментарии в МК (18 марта 2011) Станислав Белковский добавляет: партия жуликов, воров и дураков.

Все это чрезвычайно печально и снова — «в воздухе пахнет грозой».

Революционные потрясения, как считают мно-

гие аналитики, стоят у порога России.

Но вернемся от комментария к дневнику. Из настоящего в прошлое. (19 марта 2011)

10 октября

События последней недели — это трагедия и фарс вперемешку. Мы стояли на грани гражданской войны, и, слава Богу, она миновала Путч-93 подавлен. И, как сказал, Радзиховский в своем радиокомментарии: «Хорошо, что фашисты не победили. И приятно, что меня не повесили…» Что ж, откровенно. Мы в эти дни с Ще метались от радио к телеэкрану в страшном напряжении. Ще пила сердечное, меня прихватывали радикулитные боли в пояснице. Во вторник 5-го поехали вместе с Ще (она как охранник) в «ВК» на Пушкинскую, там разбирают остатки баррикад. Предложил редакции написать хронику событий «Две недели политической агонии», сказали: «Пишите». 6-го отвез готовое в «ВК», Евсеев прочитал и тут же подписал материал в номер. 7-го вышло, с одним лишь добавлением «Две осенние недели…» По ТВ сериал «Просто Мария» — как возвращение к нормальной жизни. Картинные страсти.

8 окт. вышла «Неделя» с моим разворотом «Тайны частной жизни». Там последняя любовь

Бунина, Рихард Зорге, Мамонтов, Мария-Антуанетта, Эйзенхауэр и Александр Галич (за бортом оказались Верди и Сара Бернар). Шикарная полоса…

Делаю много, но планов еще больше и могу повторить слова Эдгара Дега: «В моей голове целый рой замыслов; чтобы их осуществить, нужно десять жизней»(из письма, 27 ноября 1872).

24 октября

По знакомству попал в институт нейрохирургии им. Бурденко в офтальмоневрологическое отделение. Узнал про свои глаза: сетчатка очень истонченная, были внутренние кровоизлияния, остались рубцы. Как все это долго продержится: год, 10, 15 лет?.. — зав. отделением Наталья Константиновна не знает, только удивляется и отмечает, что глаза как-то адаптировались к новым трудным условиям. Нужно пить лекарства, укреплять сосуды и т.д. Н-да…

Более приятный поход 19-го в музей Пушкина на открытие выставки «Видеомы Андрея Вознесенского». С Андреем неожиданно встретились в туалете у умывальников. «Сколько лет не виделись, и надо же, в каком месте!..» — сказал я. Андрей: «А что? место хорошее…». Вышли — поговорить не дали: налетела свора с фото и

киноаппаратами. Но все же Андрей успел подписать каталог выставки: «Анечке и ее великому мужу Юре — от соученика — нежно, Вознесенский». На сборнике «Треугольная груша»: «Юре — (далее неразборчиво, вроде «люблю тебя»). Удалось пообщаться с разными знаменитостями: Марк Захаров, Юлий Гусман и др. После говорений осмотр выставки видеом, а мы еще заодно осмотрели экспозицию картин Фернандо Ботеро (колумбийский художник, мой ровесник — 1932 год).

Приехали домой и я сходу накатал 3,5 стр. про выставку Вознесенского, — долго ли, умеючи?.. «Конечно, все мы воспитаны (и, соответственно, — отравлены) социалистическим реализмом. Его плакатностью, гладкописью и однозначностью. Андрей Вознесенский в своих видеомах предложил нам иное: новый вид организации поэтического пространства, возвращение к знаку, к пра-истокам…». Ну, и т.д. И концовка: «Воскресни, Россия. Возродись. И поверь в своих Мастеров».

21 окт. «Бомонд Вознесенского» опубликовали, и Андрей звонил мне. А я, получив пенсию (35 минут стоял в очереди в компании грязных старух и безумных стариков), отправился в «Олимпийский» — на грандиозный книжный развал. Купил

двухтомник Оскара Уайльда и антологию поэзии. Если бы заимел эти книги лет 20–30 назад, то умер бы, наверное, от счастья, а сегодня и раскрыть некогда. Только и успеваю поворачиваться и сеять свои материалы по разным редакциям. С интересом делаю миниатюрки для «Недели».

Идет поток благодарственных писем. Ветеран Спицын из Челябинска: «…На меня как читателя ваши материалы произвели неизгладимое впечатление… Спасибо вам за такой особенный труд!..» Алла Сергеевна Кудрявцева: «Уважаемый Юрий Николаевич! Наш дорогой друг и экстрасенс! Это не ошибка, ибо ваши изумительные материалы о женщинах и любви великих людей в предпоследней «Неделе» очень облегчили наши души в эти смутные дни! А календарь Ю.Б. в субботу 16 октября довершил все! Ваш маленький, еле заметный комментарий, как птичка-колибри, порхает по календарю, но без него календарь мертв… Получаю в субботу «ВК», начинаю всегда с любимого календаря, он дает настрой на всю неделю…» И в конце: «Да хранит Вас Бог!».

Итак, оказывается, я порхаю «как птичка-колибри», а Наташа Зимянина считает, что я пишу «с очарованием и с интеллигентским прибабахом».

31 октября

Из-за работы дни летят чрезвычайно быстро. Не успеваешь оглянуться — недели нет. Пролетает жизнь — и это горько. Умирают люди: Лакшин, Лотман. Уходят в разгаре работы, не завершив задуманного. И вот я весь в грандиозных замыслах. Успею ли? Сколько времени отпущено Богом? Никто не знает. Пока в противоречивых чувствах: когда работаю, испытываю удовольствие, возникает ощущение какого-то полусчастья. А когда не работаю и задумываюсь о жизни, то мрачнею и ничего хорошего кругом не вижу. Может быть, это естественно?..

Ездил в Худлит, встречался с директором Анджапаридзе. Беседовали при чае, в роскошном кабинете, буквально заваленном книгами. Анджапаридзе колоритен: смесь литературного языка с английскими и французскими словами и отборной русской матерщины. Предложил ему издать «Любовь в Серебряном веке» и «Тайны частной жизни», тут же стал обсчитывать, как и что…

Идет тягучая «свадьба» с «Галактикой». Поехал в который раз к Пышкину, а его срочно вызвали в Совмин, пришлось ждать и разговаривать с секретаршей, которая, оказывается, работала

долгие годы на Старой площади, в ЦК. Сказала, что Брежнева не любила: вечно пьяненький и без мозгов, тупой. Черненко никогда не мог понять, какие бумаги приносили ему на подпись. Пельше все понимал, но был старый и больной, чуть что — сразу ложился… Пономарев был надутый и чванливый, в лифте всегда ездил один. Больше всего секретарше нравился Андропов. И ее вывод: в ЦК все работали много и напряженно. Возможно. Но где результат?!..

Говорил с Вознесенским. Благодарил за мою публикацию: «Прелестно… прелестно…» И жаловался, что в отличие от Нью-Йорка и Парижа, в Москве с выставкой сплошные проблемы. Никто ничего не хочет организовывать и за все надо платить. «Пять миллионов в минусе… я прыгаю, достаю…» Ну, я печатаю-печатаю, как правило, в день по 10 страниц. «Наука», «Вечорка», «ВК», «Неделя»… Устаю и вечером припадаю к экрану. Начался новый сериал «Твин Пикс» («Двойные Вершины») режиссера Дэвида Линча о загадочной гибели Лоры Палмер.

13 ноября

Гороскопы вещают для Рыб: «Ваши мечты и ожидания вот-вот осуществятся». Грубо говоря: ни хрена! Только в «ВК» 6-го вышел Брюсов на це-

лую полосу. Звонил Костину: во Франции вышла книга о Дзержинском и, значит, моя накрылась лаптей. Будем надеяться на другие парижские издательства, — бодро сказал Костин. А я почему-то вспомнил при этом маршаковский перевод «Королевы Элинор»:

– Кайся, кайся! – печально ответил монах.

А другой отозвался: – Аминь!

7-го собирались у Лены Чижовой, и я прочитал стихи:

В который раз опять у Лены.
Но, боже мой, ах, перемены.
Не тот состав. Не те лета.
Но что поделаешь: года.
Они летят за сменой смены
И тащат эти перемены.
Нам – в удивленье… нам – в печаль…
Кому, как прошлого, не жаль…
В который раз опять у Лены.
Тихонько выпьем. И без крена.
Спокойно, Лена. Жизнь идет.
Судьба свершает свой обход.

Все загалдели, и Ильенко сказал, что оставшихся надо заносить в Красную книгу.

10-го — длинный поход: «Огонек», «Неделя», министерство печати (пытался уговорить Сергея Юшенкова закупить партию «Рюрика»), «Москвичка», ВК… Домой вернулся вдрызг «хорошенький».

25 ноября

Помимо печатанья, приходится заниматься рюрикодерганьем, бьюсь за то, чтобы тираж или часть тиража закупили, и звоню в пресс-службу президента — от Шумейко до Цабрии, — и нигде не нахожу понимания. Сыпется гонорарный водопадик, «звенящие возможности», как выразился Бальмонт. Но разбогатеть, даже чуточку, не получается: деньги все время обесцениваются.

Сделал два материла: председатель Мао — 11 стр., Жорж Санд — 14. Мао Дзедуна назвал так: «Одинокий монах под дырявым зонтиком в поисках любви». В юношеские годы Мао написал:

Бороться с небесами – бесконечное удовольствие,

Бороться с землей – бесконечное удовольствие.

Бороться с людьми – бесконечное удо-

вольствие.

И боролся. «Великий кормчий». Жорж Санд тоже была эдакой штучкой. Литература и любовники — два конька, а еще разный эпатаж, и Некрасов: «строго осуждал Жорж Занд, что носит панталоны».

Среди прочего пришлось писать стишки к 70-летию Вечорки. «Семьдесят лет «Вечорки» — Это много, это — да. Это, вроде, даже Зорге — быть на страже и всегда…»

Идут звонки и приглашения, то из Тимирязевского музея («Рады Вас видеть…»), то звонок из театра Хазанова (Хазанов читает и просит дать ряд календарных выборок). Короче, дел невпроворот и совсем некогда заниматься футболом. Когда-то мечтал стать вторым Константином Есениным и скрупулезно занимался футбольной статистикой, но стал не вторым Есениным, а просто Безелянским. Футбол остался в прошлом, и на днях, с некоторой болью в душе, выкинул почти весь свой футбольный архив. Своеобразный удар по своим воротам…

5 декабря

Свой очередной исторический обзор в «ВК» назвал «Стужайло российской истории»… 30-го

ноября удалось побывать на выставке «Щукин и Морозов — русские коллекционеры. От Моне до Пикассо». Ну, и, разумеется, затем написал об увиденном.

За ноябрь получил за вычетом налогов почти 239 тысяч (пенсия — 60), — преуспевающий журналист?..

12 декабря

Только что пришли с избирательного участка. Голосовали за «Выбор России» (Гайдар и компания). Хочется, чтобы страна двигалась к демократии и здравому смыслу. Надоело греться, как выразилась Новодворская, «на могучей груди КПСС в лифчике 13-го размера». Я хочу сам отвечать за себя и за свою судьбу. Без наставлений и подсказок.

19 декабря

А на выборах успешно гарцовал на коне Владимир Жириновский, «сын юриста». «Россия, одумайся! Ты — одурела!» — в сердцах на всю страну воскликнул Юрий Карякин. Да, демократы сплоховали, и мне кажется, что они совершили ошибку, не взяв в свой идеологический багаж книгу «От Рюрика до Ельцина».

Страшные строки Виктора Астафьева привела

«Комсомолка»: «…страдалец за свой народ, Василь Быков еще 8 лет назад сказал мне: «Знаешь, Виктор, я иногда уже и радуюсь тому, что скоро умру». И я, дорогой мой далекий друг, радуюсь тому же».

Журналистов выгоняют из Дома российской прессы на Пушкинской, там хочет расположиться Дума. Около дома пикеты и палатка, и кто-то в ней прилюдно голодает. Я не в штате, я — свободный журналист, мне не нужны помещения. Я — кошка, гуляющая сама по себе. Мяукаю на любой крыше. В приложении «Ночное рандеву» в «Московской правде» вышла моя колонка под названием «Куранты любви», а всего за 3 дня — 4 публикации. Но настроения это почему-то не прибавляет… Даже не поднял настроение комплимент от Ольги Галицкой по «Эху Москвы»: «Замечательный русский журналист…» Ну, замечательный, а голова все равно трещит. Евсеев предложил перейти в штат «ВК» заместителем главного редактора. Я отказался. Свобода! Либерти! Дороже всего…

31 декабря

25-го на ул. Качалова в Доме звукозаписи (в вестибюле стоит арфа и льется музыка) музыкальный редактор Галина Мишта терзала меня

вопросами по интервью для «Радио России», а затем записывали январскую литературно-музыкальную композицию — только текст, а музыку подложат потом. Эфир назначен на 3 января. А еще будут искать спонсора для программы. Без спонсора ныне и шагу не ступишь… А — еще запись по радио на Пятницкой. Живу с голоса? Встретил Горкина: «Ты — гений!» Я: «Валера, ты это брось!..»

Приезжал к нам Аркадий Болдинский и монтировал книжные полки. И из-за этого некогда было поехать в ФИС за сигналом Рюрика. Занимался экспозицией и дизайнированием полок и устал адски. Итак, в новый год с новыми полками и сигналом книги.

1994 – 61/62 года

8 января

Новый 1994 год встретили ликером «Черри-бренди» (или «шерри»?) и соком «Тропикана оранж нектар». Подарил Ще денежку на краску для волос:

Судьбы неясен небосклон
По-прежнему я нищ.
И не могу дарить «мульон»,
А так, каких-то там пять тыщ.

Открыли банку икры — запашок. Тут же выкинули. «Ах, какая смешная потеря. Много в жизни смешных потерь…». Посчитали итоги заработанного за прошлый год: без малого полтора миллиона (гонорары и пенсия). Мало это или много? Для богатых — мизер, для людей моей профессии — это немало, а, может, даже и много.

Ремарочка спустя 17 лет. Сегодня миллион – это одно, а тогда миллион – это совсем другое. Поменялся масштаб и ценность денег.

Подсчитал (ну, статистик!) и творческие достижения. Всего 163 публикации, в том числе 77 в «ВК», плюс пока не опубликованная Хроника тоталитарного режима для «Магистериума» и глава о Дзержинском для «Роббера Лаффера». Трудно подсчитать, сколько это страниц, а еще дневник! Труженик да и только! А в 5-м классе, нет, в 7-м, наверное, классный руководитель Федор Федорович Титов писал в моем школьном дневнике: «Мамаша! Обратите внимание на сына. Очень ленивый мальчик…». Ныне ленью не пахнет. Пахнет трудовым потом.

Из хроники первой недели года. Вышли 2-го в воскресенье на улицу — лед, снег, вода. И направились в магазин, навстречу старуха:

— Вы еще улыбаетесь? А пачка геркулеса уже стоит 450 рублей.

Нам пока это не страшно. Первая работа года: 75-я по счету колонка в «ВК». И первый фильм — потрясающее «Кабаре» Боба Фосса. Лайза Минелли, Майкл Йорк, Хельмут Грим и другие. А какие куплеты «мани-мани» под звон золотых монет!.. А 3-го по Радио России слушал в моем исполнении литературно-музыкальную композицию. Читал стихи неплохим модулированным голосом.

И главное событие: 5 января, в среду, в 12.35 я держал в руках сигнал «От Рюрика до Ельцина» — свою первую изданную книгу. Гарнитура Петербург, офсетная бумага, условно печатных листов — 22, учетно-издательских — 28,9. Тираж 50 тысяч экз. Ярославский полиграфкомбинат.

У этой первой книги длинная предыстория. Свой первый самиздатовский календарь я начал в марте 1977 года, и вот спустя 17 лет календарь воплотился в книгу. Ее делали примерно 13 месяцев. И что — сбылась мечта идиота? Удивительно: но никакой радости я не испытал. В отличие от Витеньки я не клал книгу на столик у постели и не гладил ее постоянно. Если и было удовлетворение, то очень сдержанное. В «Вечорке» вышел кусок из Рюрика с рекламным вступлением. В первом номере «ВК» список и фото «почетных Дам и Кавалеров» газеты. Я там между Никитой Богословским и саратовским филологом Романом Арбитманом. Почетный Кавалер — это красиво, но где деньги? Подорожал бензин и потянул за собой творог: за банку сметаны и 1,5 кг творога на рынке отдали 7.500. И что будет дальше? Ни в какую стабилизацию рынка не верю.

За окном пасмурно, +2, приходится сидеть со светом и это днем.

16 января

Гороскоп на 1994 год для Рыб сулит профессиональные успехи. Я не верю в гороскопы, верю только в себя. Как поработаю — так и полопаю. А пока немного напуган головной болью, объявил день Незастеленной постели и несколько раз ложился, чтобы придти в себя. Нагрузки, черт побери. Бедный Феликс Мендельсон от переутомления сгорел в 36 лет (и вместо Свадебного — траурный марш). Я лично ничего хорошего не жду — время покатилось к старости. Не знаю, сколько мне отмерено судьбой (еще Карамзин писал в далеком 1787 году):

Время всем нам разлучаться
Непременно притечет;
Час настанет, друг увянет,
Яко роза в жаркий день…

Или наш современник Давид Самойлов:

Неужели всю жизнь надо маяться!
А потом от тебя останется –
Не горшок, не гудок, не подкова, –
Может, слово, может, полслова –
Что-то вроде сухого листочка,

Тень взлетевшего с крыши стрижа
И каких-нибудь полглоточка
Эликсира, который – душа.

Так вот. Продолжу. Хорошо бы написать и издать 3–4 книги. Рюрик есть. «Терра» может тоже выйдет. Надо написать Тайны и еще что-нибудь. Программа-минимум…

Вдогонку спустя 17 лет. Вышло 30 книг. И еще лежат пока неизданные 5–6 книг, а с учетом модернизированных переизданий – еще больше (9 апреля 2011).

А пока маюсь головой. Тут прочитал, что в Германии более трети населения страдают головными болями. У головной боли, ученые подсчитали, есть 169 причин. Стресс, страх и т.д., в том числе и изменение погоды. Я стал с годами весьма метеозависимым, меня, если не убивает, то прибивает жуткая осенне-зимняя серость за окном, темные дни без солнца… Но хватит ныть. На днях записывался на радио. Ще пошла к соседке, к нижней Вале, пили кофе и слушали радио, а там выступал я. Валя: «Твой?» — Ще, довольная: «Мой».

Вышла полоса в «ВК», по вертикали написано:

«Страница Юрия Безелянского», там — историческая панорама за январь, календарная колонка и юбиляр месяца — Евгений Замятин (110 лет). Из романа «МЫ»: «Завтра — день ежегодных выборов Благодетеля. Завтра мы снова вручим ключи от незыблемой твердыни нашего счастья…»

Счастье — оно у нас каждый день. Пошли на рынок и угомонили рекордную сумму — 36 тысяч (вырезка — 9 тыс. за кг, творог — 5, сливочное крестьянское масло — 10, клюква — 3 и т.д. Купили домашние китайские тапочки для Ще — 3.600).

23 января

19-го ездил в ФИС и купил 13 Рюриков по издательской цене (800), положил книги в авоську и с ней поехал за гонораром. Общий гонорар за публикации в «Вечорке» и «ВК» — 57 тыс., на руки — 49.659. На полтора рыночных похода…

Выступал на «Эхе», «рулевой» была Оля Северская, а Болтянская пригласила в ночную программу о женщинах. Получил письмо еще от одной поклонницы, которая называет мои исторические колонки аббревиатурой МСЭ (маленькая своеобразная энциклопедия) и написала, по поводу звания Почетного кавалера: «Не сочтите за мелкий подхалимаж, но, мне кажется, Вы его заслуживаете более, чем кто-либо…» Армянка

— Сусанна Нерсесовна Бабаянц.

22-го вышла полоса о Бальмонте — мой 6-й поэт Серебряного века, Константин Дмитриевич однажды сказал: «Я не анатом русского языка; я только любовник русской речи».

Когда луна сверкнет во мгле ночной
Своим серпом, блистательным и нежным,
Моя душа стремится в мир иной,
Пленяясь всем далеким, всем безбрежным…

Ну, и поразившие меня еще в школе строки Бальмонта: «Я вольным ветер, я вечно вею, волную волны, ласкаю ивы, в ветвях вздыхаю, вздохну, немею, лелею травы, лелею нивы…»

А в эмиграции поэт часто вспоминал Россию и, вспоминая, писал совсем не бальмонтовское:

Мне кажется, что я не покидал России
И что не может быть в России перемен.
И голуби в ней есть. И мудрые есть змии.
И множество волков. И ряд тюремных стен.

Грязь «Ревизора» в ней. Весь гоголевский ужас.

И Глеб Успенский жив. И всюду жив Щедрин…

30 января

Книга вышла и начались танцы вокруг нее. В «ВК» обмывал ее вместе с начальством азербайджанским коньяком. Потом пришла идея подарить экземпляр Ельцину и сделал надпись: «Борису Николаевичу не для праздного интереса; может быть, что-то и пригодится… С глубоким уважением и искренней симпатией, Юрий Безелянский». Звоню в администрацию Красикову, тот: «Оставьте в экспедиции в Кутафьевой башне», а я-то по наивности думал: пригласят в Кремль. Отнес. Позвонил Красикову, он сказал, что будет искать подходящий момент, чтобы вручить книгу президенту… Штейнбах ездил в Париж на какую-то книжную ярмарку. Французы к Рюрику остались равнодушными, а поляки категорически против: ничего не хотят читать и знать о России. Утешил звонком Церковер, сказав: «Гениальная книга!..» Гениальная — не гениальная, просто такого исторического календаря в СССР никогда не было, без белых пятен да

и еще с лихим комментарием.

Позвонил Вознесенскому, мол, вышла первая книга. Андрей поздравил и сказал: «Ты сейчас на слуху…» И это почему-то напомнило мне удивление большой и мудрой собаки при виде резвящегося маленького щенка, — ну, чего радуется?

В «Неделе» вышел 4-й разворот: Сергей Эйзенштейн, Эдуар Мане, Менделеев, Шлиман. Становлюсь энциклопедистом…

6 февраля

30 янв. Майя Гаврилова вручила мне первый том сочинений Аркадия, изданных за ее счет: рассказы, переводы, лирические стихи. Из 480 стихов Аркадию удалось при жизни опубликовать лишь 8, в основном в «Неделе». И вот после ухода вышла книга в твердом переплете на хорошей бумаге, — как он порадовался бы! Но не порадовался, ибо книги так и не увидел (и такая судьба не только у Аркадия Гаврилова, а у многих, к горькому сожалению). Приведу одно стихотворение Аркадия, 1975 год, с эпиграфом из Элиота:

> *Что легче: умереть, не зная, что за гробом,*
>
> *Иль жить, как все – безропотно ярмо*

Нести, прислушиваться к жалобам утробы,

Прислуживаться и глотать дерьмо?..

О, Господи, Какой я к черту Гамлет!

Я русский мальчик с выгоревшей челкой.

Мы все такие. Задаваться нам ли

Вопросами? Нам нужно с комсомолкой

В свой срок в подъездах темных обжиматься.

Потом жениться. А потом убраться.

Разумеется, такое в советские времена напечатать не могли. У Аркадия много стихов о гибели и смерти, — он, очевидно, много думал, прикидывал свою судьбу. И как жаль, что я как-то не оценил его и не сблизился с ним. Он этого хотел, а я кочевряжился. Но что об этом говорить сегодня. Сейчас мне остается повторить его слова:

По вечерам смотрю кино,

учусь безропотно стареть…

В «Науку и жизнь» пришло письмо от некой Злобиной из Кировской области, честит меня в хвост и в гриву за то, что я оскорбляю, по ее мне-

нию, родину: «Уважаемый Юрий Безелянский! Скажите, только честно, что лично Вам сделали плохого Маркс, Энгельс и Ленин? Вы с такой ненавистью к ним относитесь, что мне (никогда не состоявшей в КПСС, дочери и племянницы репрессированных) просто не по себе. И далее: «Как вам не стыдно так чернить наш строй, который дал все: жизнь, работу, учебу, квартиру, свободное передвижение по стране — и за все это от вас благодарность: ненависть и ложь…» Ну, и т.д. Нет, еще: «…Зато государство у нас было крепкое, мы не смотрели в рот ни Западу, ни американцам, как сейчас…» И в конце письма: «Россия вся растащена и распродана за границу. Когда же заговорит у Вас совесть и русская гордость?»

Вот такой получил «отлуп» за свои писания. Бедная Злобина! Она негодует и злобствует, ибо вся набита советскими мифами (мы лучшие, мы самые!..) и пропитана имперским патриотизмом. Бедный зомбированный совок, ничего не знающий и не понимающий. Кричит только о том, что ей внушили.

В противовес письму получилась рецензия Михайлова на Рюрика в ВК: «…Вероятно, каждому читателю эта книга будет интересна по-своему. Для библиотекаря и учителя она станет под-

спорьем в работе, для властей предержащих — собранием исторических уроков, для молодежи — чем-то вроде живого и увлекательного учебника истории …События, факты, короткий комментарий, личное отношение к истории умного, тонкого человека. Спасибо Юрию Безелянскому за хорошую книгу». Вот так, хула и хвала. Кому-то я — кость в горле, а кому-то — бархотка по сердцу. Вознесенский по телефону: «Умираю от желания увидеть твою книгу…»

2 февраля — встреча с классиком. Из ЦДЛ на машине (Андрея возит личный шофер?) поехали в Домжур. В ресторан. Посидели за семгой, судаком по-польски (очень вкусно), запивая боржомом и кока-колой. Подсела к нашему столику какая-то Света, Андрей назвал ее пост-модернисткой. Общий литературно-богемный треп: об эротике, любовниках, абортах и т.д. Света с вызовом: 90% писателей ничего не могут! Андрей только усмехался при этом и только подначивал ее на дальнейшие откровения. А я думал, как хорошо, что я далек от этих тусовочных встреч и занимаюсь не трепом, а делом. Потом я подарил Андрею Рюрика («Я кое-кому покажу…» — сказал мэтр), а он в ответ журнал «Дружба народов» со своей поэмой «Россия воскресе» и начертал: «Дорогому

Юре — с радостью выходу его уникального календаря — а наш календарь начинался век назад на Серпуховке…»

На следующий день Андрей позвонил мне, сказал, что пролистал всю книгу, что такой замечательной книги еще не было, и что я — молодец, удивительным образом сплавил историю и поэзию, и что книга уже отправлена в Израиль и просит дать ему еще несколько «штучек» для нужных людей в разные страны. Вознесенский в роли литературного агента? Уже смешно…

Что еще? В «Работнице» вышел материал о К.Р., и пришлось угрохать кучу времени, бегая и собирая гонорар в разных редакциях. Орловский в «Работнице» выдал мне денежку без всякой ведомости и тут же напел: «Уймитесь, волненья и страсти…» А я тем временем для журнала набросал еще одного поэта-романиста — Алексея Будищева. Потом отдыхал у экрана: «Большой вальс» с Милицей Корьюс. Ще рассказывала, что в юности ее кто-то сравнил с героиней «Большого вальса».

13 февраля

Межкнига собрала 250 заявок на Рюрика (Америка просит 100 экз.; скандинавские страны — 30; 25 — Япония; 10 — Франция и т.д.). Может, переве-

дут и заплатят? (Увы, ничего такого не произошло в смысле перевода и оплаты, — примечание, 10 апреля 2011).

Красиков сказал, что книга интересная и полезная, и что Илюшин передал ее Ельцину. Письмо от Спиркиной, она — потомок Телепневых-Овчина-Оболенских, род идет от Рюрика. Пишет: «Я преклоняюсь перед вашим подвигом, иначе эту кропотливую работу назвать не могу…»

В «Известиях» статья Егора Гайдара о «новом курсе». Смысл: реформы закончены, забудьте!.. Новая идеология: «пусть идет, как идет что означает: «пусть валится, как валится». Медленное кружение экономики на месте, не доводя, однако, до коллапса и взрыва… Ходили тут в магазин «придурок» на Соколе. Купили муку, перловку, соль и спички — «фронтовой набор», как пошутил я. Но, правда, есть и дорогие колбасы, конфеты, шоколады, чего не было в эпоху Горбачева-Силаева.

В ФИСе Штейнбах (Соскин зовет его Штейнбахером) жаловался: вбухали в Рюрика 27 миллионов, а продали пока всего одну тысячу, но что удивительно: рекламой книгой я занимаюсь сам, а издательство не хочет и палец о палец ударить. В отделе распространения сидят спокойно, пьют

чай и на все им плевать. И еще по поводу Рюрика. Стриж сказал, что у них в Сельхозиздате все удивляются, как это такую книгу мог написать один человек, это, мол, под силу лишь целому коллективу. А Саша им в ответ словами Живаго: «Ищущий истину одиночка» — только такие могут сделать что угодно.

20 февраля

Все что-то болеют. И Ще температурит. Вот и у Вознесенского Богуславская простудилась. Мне болеть некогда: у меня феерия дел. То печатаю про Мариан де Лорм по старой книге о куртизанках, но сделал лучше — короче, динамичнее и изящнее, так, по крайней мере, мне кажется. То сочинял про Розу Люксембург. То отвозил предисловие «Терры» (Айрик компенсировал украденные миллионы новыми). То с Вознесенским встречался (у него рука в гипсе) и отдал ему новую порцию книг. Он: «Не для себя, для книги и для Бога», у метро «Маяковская» на лотке увидел Рюрика. Продают по цене 3 тысячи. «Берут?» — спрашиваю. «Еще как, ведь интересно!..»

Но это не все. Записывал мартовскую литературно-музыкальную композицию на радио. Для «ВК» выбрал юбиляром месяца Поля Верлена. И — главное! — получил гонорар за Рюрика 867.456

рублей (выписали миллион?).

— Вот я и миллионер! — воскликнул Остап с веселым удивлением.

— Сбылась мечта идиота!

Остап вдруг опечалился. Его поразила обыденность обстановки, ему показалось странным, что мир не переменился сию же секунду и что ничего, решительно ничего не произошло вокруг...»

Абсолютно точные строки Ильфа и Петрова. «Решительно ничего». Поменял 319 тысяч наших на 200 долларов — всего две бумажки вместо рублевой кучи.

— Как идет Рюрик? — спросил Касаточку.

— Плохо.

— А что хорошо?

— «Питание без мяса».

Приехал домой с миллионом в кармане («лимончиком»), а к нам приехала Наташа, подарил ей Рюрика, была в восторге. Рассказывала что Запад по-прежнему боится России (Ельцин болен, а новый фюрер Жириновский пугает всех). Договорились, что Наташа сделает нам вызов и нам надо оформлять загранпаспорта. Из Дортмунда можно съездить в Амстердам и Париж, услышав это, Ще сразу поправилась и отхлынула ее хворь. Мечты, что поедем в Европу, стали греть и меня...

27 февраля

На Кузнецком мосту, на неприятном резком ветру телевизионщики из программы «Книжный двор» снимали меня, а расспрашивала ведущая Земскова. «Почему вы поместили Распутина и Бондарева на правый фланг русской литературы?» — один из вопросов. «Какой путь лучше для развития России?» Ответил: западный…

Как идет Рюрик? В книжном на Тверской 300 экземпляров разлетелись за два дня. Продавали по 900 ре.

22 февраля на радиостанции «Надежда» устроили пресс-конференцию, среди приглашенных Богословский, Эдуард Успенский, Сапгир, Мирошниченко и еще кто-то. Выступал и я и про Бунина, и про Вертинского, и про Шопенгауэра… Сидящий рядом со мной Никита Богословский:

— Откуда вы все это берете?

— Из головы, — пошутил я.

— Она у вас такая большая? — в тон мне спросил Богословский.

Встречался со Стрижевым. Он подарил мне «Календарь русской природы» с надписью: «Маститому повелителю дат, творцу календарей невиданных…»

Рюриковы деньги пошли в дело: купили Ще

костюм за 120 тыс., мне японские часы «Ориент» — 72 тыс., ну, и разные мелочи. И меняем валюту для будущей поездки в Германию.

Из увиденных фильмов по ТВ: «Сладкая жизнь» Феллини (не устарело!) и наш «Анкор, еще анкор» Петра Тодоровского. Советская армия без прикрас: блуд, пьянство, тупость… И совсем ужасное: выход из тюрьмы гадов-смутьянов (Хасбулатов, Руцкой и компания) по амнистии Думы. И что, новый виток противостояния?.. Россия — страна не скуки. Россия — страна для постоянных потрясений.

3 марта

Итак, мне исполнилось 62 и мне это кажется какой-то ошибкой. Когда художнику Сомову исполнился 61 год, он записал в дневнике 20 ноября 1930 года: «…Возмутительно бежит скоро время. Ведь того и гляди будет и 70! и я не могу помириться со старостью. И все мои мысли и чувства не старческие. Не запасся до сих пор никакой философией и, пуще того, религией: чтобы мудро переносить эти годы. Или, может быть, так и надо, насиловать свою старость — и забывать ее и идти вперед…».

Опыт великих и знаменитых, конечно, надо знать, но возраст чувствуешь своей шкурой, хотя

восприятие лет иногда удивительным образом совпадает.

Читаю верстку «Терры». По ТВ показали роскошный фильм «Невинный» (1976) Висконти. 0 взаимоотношении графа Туллио (Джин-Карло Джаннини) и его жены Джулианы (Лаура Антонелли). Тут по телефону донимал читатель, который нашел неточности в книге «От Рюрика до Ельцина»: скульптор Мартос работал над изображением Минина и Пожарского не 7 лет, а больше; Иван Грозный не убил своего сына, а смертельно ранил, и он умер через два дня, ну, и т.д.

А вот другой звонок был приятный: 83-летний журналист и коллекционер автографов Владимир Александрович Светлов сказал, что при нашей общей дремучести я занимаю особое светлое место. И хвалил напропалую. Потом поведал, что неоднократно пытался вырвать тайну гибели Маяковского у Вероники Полонской, но вырвать так и не удалось… Замечательный старикан!

Письмо ветерана Спицына из Челябинска по поводу Рюрика: «Очень драгоценная книга. Читаю ее, не торопясь и вдумываясь в содержание и мне представляется вся наша российская разноликая история… считаю, что сразу же после

выхода ваша книга станет библиографической редкостью… буду вам чрезмерно благодарен всю свою оставшуюся жизнь…» В конце письма: «Ваш читатель и поклонник вашего таланта, Степан Степанович Спицын».

2 марта, в день рождения, вышел февральский номер «Науки и жизни» (37-я публикация!) — цена 1.050. Отмечали втроем — приехала Людочка Лапшина, шампанское и целая коробка любимых трюфелей.

7 марта

Вычитка, печатанье, гонорары — ничего нового. Новое то, что Боря Кузнецов привез выписку из метрической книги о деде и бабке, родителей моей мамы. Свидетельство выдано священником Сергеем Лебедевым из церкви на Большой Дмитровке. Дата 18 мая 1903 года:

Жених: уволенный в запас 1-й армии ефрейтор Новогеоргиевского крепостного полка (? — Ю.Б.), урожденный рязанской губ. Егорьевского уезда Петровской волости деревни Былавиной Алексей Петров Кунецов, православного вероисповедания.

Невеста: крестьянская девица Полтавской губ. Кобелякского уезда Бригадирской волости 2-го Александровского общества Александра

Ивановна Соколовская, православного вероисповедания.

Жениху было 28 лет, невесте — 30, и тем не менее, у них народилось 16 детей, хотя в этих цифрах мама и Маша путались, ведь кто-то умирал во младенчестве… Итак, по материнской линии более или менее что-то известно, а со стороны отца — полнейший туман.

Печальная весть: умер от рака некогда розовощекий Игорь Шмыглевский (он с 33-го или 34-го года). В школе мы симпатизировали друг другу и даже немножко дружили. Светлая голова. Писал стихи, правда, всегда очень мрачные и упаднические, типа:

Коньяки, портвейны, танцы, увлеченья,
И не видно чувства сквозь потухший взор.
Только на инстинкте самосохраненья
Пошлой, скучной жизни держится позор.
Не хватает силы даже застрелиться,
Чтобы окунуться в царство тишины,
Наш удел – безвольной тряпкой волочиться,

Проклиная счастья радужные сны.

Тащат нас по лужам, тащат нас по грязи,

Под горячим солнцем и под лунный свет,

Был ты человеком, станешь – просто мразью,

Выхода иного в нашей жизни нет.

Дата под стихом — 18 янв. 1950. Значит, Игорю было лет 16–17, а какое разочарование или игра в мрачность? — сейчас уже трудно вспомнить. После школы с Шмыглевским я не пересекался, был слух, что он стал знаменитым физиком или математиком, добился успеха, а в юности писал: «И ни одной мечте моей безумной на этом свете сбыться не дано». Пожалуй, мы тогда только трое: Шмыглевский, Тарковский и я, — были упадниками и пессимистами, в душе, по крайней мере, а остальные жизнерадостные оторвы.

13 марта

8 марта отдал дань женщинам. Выступал по «Эху Москвы» у Ольги Галицкой, говорил о женщинах, о любви, читал стихи. А на следующий день уже записывался на Пятницкой. После

прямого эфира запись — семечки. Потом в «ВК» сокращал написанного Гумилева: жахнул 59 страниц, а на полосу входит лишь 18.

В «Книжном обозрении» дан рейтинг «Бестселлеров Москвы»: Рюрик поставлен на 5-е место после Майкла Джексона, книги гороскопов, очерков Лосева по символизму и мифологии и «Тайн кремлевских, смертей»… В книжном на Тверской Рюрик в целофанированной обложке стоит 900, а Бальзак в твердом переплете — 660, но я, увы, далеко не Бальзак!.. А вот Валера Горкин упорно называет меня «Дидро нашего времени».

Ще была у врача, та читает Безелянского в «ВК», а лечит пациентку Беслянскую. Потом, выяснив ошибку, мечтательно произнесла: «Про любовь очень хорошо пишет». А я как раз писал про Казанову…

20 марта

Некогда школьный пессимист разошелся! 19-го был на полосе газеты «ВК», в телеэфире «Книжный двор» и на радио в «Голосе России» во всех масс-медиа. «Дожили!» — сказал попугай… Еще не забываю вести дневник, где записываю излишне подробно, а еще с увлечением читаю дневники Корнея Ивановича Чуковского.

27 марта

Детективная книга требует детективного сюжета, он и раскрутился. Украли одни деньги, потом другие, и пришлось кому-то очень тяжко, как сказала Юля: «Это книга отняла у меня 5 лет жизни». Мы с ней встречались, она отдала верстку: «Делайте с ней, что хотите, хоть ешьте». А когда выйдет из печати «Терра детектива» — еще большой вопрос. Витя талдычит об упущенной выгоде, — есть такой экономический термин.

В ФИСе жалуются, что продали лишь 10 тысяч экземпляров Рюрика, а книга тем временем входит в тройку лучших в рейтинге в разделе «др. литература» (помимо художественной) в «Книжном обозрении». И раздаю книги крупнякам: Голембиовскому («Известия»), Остальскому («Сегодня»), Лошаку («Московские новости»), Лисину («Вечерняя Москва»), Фронину («Комсомольская правда») и т.д. Разношу Рюрика и сочиняю новые пассажи. В материале Фонвизина использовал строки Пушкина из «Тени Фонвизина»: «…Иным житье, другие плачут…»

22 марта в «Олимпик Пента отель» за Олимпийским стадионом на ТВ-съемки «Золотого шлягера». Сумбур полнейший: то не работают микрофоны, то вырубается свет, то еще какие-

то помехи. Режиссер Лариса Маслюк к концу записи потеряла голос. Мне было интересно на новенького, но и утомительно: съемка длилась три с половиною часа. Анисим пригласил меня в «Золотой шлягер» в качестве историка Я не возражал. Познакомился с Лидией Смирновой, со звездой советского экрана. Она во время светской болтовни все время поправляла мой галстук, съезжавший набок. Еще был 79-летний Владимир Зельдин. Я не испытывал никакого чувства робости перед ними и держался на равных. Как у Набокова в «Даре»: «И вот сегодня признан. Признан!» Среди участников были еще Юрий Антонов, Лев Барашков, дирижер Овсянников, Сосо Павлиашвили и еще кто-то. Я сидел за столиком с ведущей Наташей Шиманковой — иностранные бутылки, апельсины, бутерброды. Я отметил красивые глаза Шеманковой: «Говорю это вам, как старый сердцеед». Она зарделась и произнесла «Ах!» — ну, как в старом романе. А потом мне пришлось что-то рассказывать (готовился заранее) о композиторах Фрадкине, Соловьеве-Седом и где-то сбивался, — нет навыка…

На следующий день в Доме звукозаписи на Качалова записывал литературно-музыкальную композицию «Апрель». Рассказывал о поэтах

и приводил отдельные строки: «По карнизу нижет бусы голосистая капель… Синеглазый, кудрерусый, бродит городом Апрель…» (Сергей Обрадович). «Голубенький, чистый подснежник-цветок! А подле сквозистый, последний снежок…» (Аполлон Майков).

Каждый день что-то литературное. В четверг 24-го специально не брился, чтобы не было искушения куда-то поехать, сидел дома и писал про своего любимого Владимира Набокова. Грохнул 8,5 страниц.

Да, забыл: в последнем «Аифе» интервью с Вознесенским, и там у него ссылка на меня: «Вот на столе у меня исторический «Календарь Юрия Безелянского. Там каждый наш день как часть истории — сегодня происходят битвы, революции, написаны стихи Блока и т.д. Случайностей в этом мире не бывает. Нужно только уметь видеть закономерности…». Тираж «Аргументов и Фактов» — 6,5 млн. экз. Небольшой миллионный пустячок, но приятно.

3 апреля

Идет какая-то предельно насыщенная, спрессованная жизнь, не то во времена журнала «СПК» — болотного застоя. Сегодня успевай только поворачиваться. Поддерживают отклики.

Часто звонит ветеран журналистики Светлов: «Теперь таких людей, блистающих такой всесторонностью, нет, вы — единственный на нашей маленькой планете. Как вы все делаете благородно, вдумчиво, непринужденно… И я понимаю: геркулесова работа…»

По приглашению попали в Малый театр на Островского — «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Ушли с полпьесы. Одна часть актеров (Евгений Самойлов, Панкова и другие) играет в традициях Малого театра, а другая — в современной манере Константина Райкина и Татьяны Догилевой. Получается какой-то разнотык. Вышли из театра и обомлели: отреставрированный «Метрополь», подсвеченная фреска Врубеля. Красиво…

Из вихря разнообразных дел выделю Ходасевича, к которому приступил для газеты, а потом и для книги. Печальный Орфей. Читал его стихи, воспоминания о нем, рыскал по томам «Минувшего», собирая материал, как обычно, по крупицам. Ловец жемчужин. Шестилетний Ходасевич на даче подошел к седовласому старику. «Вы поэт Майков?» — и, получив утвердительный ответ, сообщил: «А я Владя Ходасевич. Я очень люблю ваши стихи и даже могу прочесть наизусть «Мой сад с каждым днем увядает…» А

потом трудная жизнь, эмиграция.

Теперь иные дни настали.
Лежат морщинки возле губ,
Мои минуты вздорожали,
Я стал умен, суров и скуп… –

писал Ходасевич в «Сеансах» (1922). После смерти Ходасевича забыли. Затем откопали. Ввели в оборот:

Забавно знать, что триста лет пройдет,
И некий муж, задумчивый ученый,
Мои стихи со словарем прочтет.

Ходасевич ошибся, не через 300, а всего лишь через 55 лет, я, как «некий ученый», изучал его творчество без всякого дополнительного словаря.

2 апреля в Новодевичьем монастыре побывали на выставке «Образы России» из фондов Исторического музея. А еще надгробия, купола, вдохнули воздухом старины, — очень хорошая поездка.

10 апреля

А он все пашет и пашет. Это про меня. А как насчет оплаты? Тут услышал частушку: «Гонора-

ров накоплю — стакан семечек куплю!» Очень злободневно.

Закончил Ходасевича — 28,5 стр. Ездил смотреть на Профсоюзную окончательный вариант оригинал-макета «Терры детективы». Юля говорит: «Ищут 69 миллионов, чтобы отпечатать тираж». В ВК вышел Николай Гумилев, в сокращенном виде, но все равно — полоса.

17 апреля

В «Неделе», получая гонорар, встретил Сагидова. Он: «Ну, вы человек знаменитый, то есть уникальный, такими вещами занимаетесь, сейчас этим никто не занимается». А еще занимаюсь бытом. Тут около «Диеты» остановилась машина из Винницы, продают картошку, купил у них сразу 10 кг по 350 рублей. Спросил их, а как там поживает ваша Жмеринка? Мне тут же рассказали анекдот, как у одного жителя Жмеринки загуляла жена, но он не расстроился: не хай, в городе живет всего несколько тысяч человек.

15 апреля поехали с Ще в Колонный зал на конференцию, посвященную 100-летию Хрущева. Понравился доклад Александра Яковлева, он назвал Хрущева большевистским Александром П. Остальные выступавшие (Лужков, Волкогонов, Бурлацкий, Егор Яковлев, Шатров и другие) были

послабее. Некто Моргун заявил, говоря о положении в нынешнем сельском хозяйстве, что во многих селах «буйно растут бурьяны» и в редком селе «ржет лошадь». Подтекст: довели до ручки!..

Егору Яковлеву подарил своего Рюрика — старшему шестидесятнику от молодого (относительно, конечно). А с Ще раскланялся Махмуд Эсенбаев — и она была счастлива. Одно дело на экране, другое — в жизни.

24 апреля

Многие коллеги жалуются на жизнь. Сергей Бурин: «Физически выживаю, но это очень противно…» Все бултыхаются и еле-еле сводят концы с концами. В книге Жданова «Любовь в жизни Льва Толстого» (репринтное издание) среди прочего прочитал запись Софьи Андреевны: «Левочка совсем заработался, голова все болит, а оторваться не может». (2 февраля 1881). Я — как Лев Толстой — «оторваться» от работы не могу. Только вот одна существенная разница (о разности талантов не говорю): Толстой имел обеспеченный тыл, помещик, громадные гонорары, а у меня тыла никакого. Все заработанное идет на пропитание и никаких излишеств. То есть Лев Николаевич работал ради удовольствия, а я за деньги, но иногда, правда, испытываю и удовольствие. Вот печатал

про Михаила Булгакова — самому интересно…

А чем порадовало ТВ? Понравился фильм «Забыть Венецию» Франко Бузати. Драма из жизни двух пар — геев и лесбиянок. Сделано художественно и тонко…

30 апреля

Два теплых дня — и двор почти весь зеленый. Ласкающая взгляд юная зелень. Листочки «мововоденькие-мововоденькие», как говорил, грассируя, Михаил Козаков в «Соломенной шляпке». Приятная пора. Но радости нет. Работа изнуряет. Давит постоянная усталость: молочу без передыха: «ВК», «Неделя», «Наука и жизнь», радио и далее. Зимянина разговаривала с Борисом Бруновым, и тот сказал, что отмечает мои колонки; «очень тонко, остроумно». А, надо сказать, Брунов на своем веку многих знал и читал.

27 апреля дебют публичного выступления на Покровке в библиотеке им. Михаила Погодина. Собралось около 40 человек. Говорил о себе, о книгах, отвечал на вопросы. Полтора часа и даже получил за выступление гонорар: 35 тысяч, две книги о Дюма и Моцарте и флакон французской туалетной воды, — благодахрю (именно хрю) — не ожидал. А кто-то из слушателей вручил мне свои стихи, неумелые, но сам факт приятен:

Ползет-скрипит История,
Трудна ее дорога.
От Рюрика до Ельцина,
От Ельцина до Бога.

9 мая

Первого мая отправились в Пушкино, к Болдинским. И совершили пеший поход в Новую деревню, где стоит небольшой деревянный храм.

Там вел службу Александр Мень, там он и похоронен — могила простая.

Вот как бывает. Давно собирался встретиться с ним (он учился в нашей 554-й школе, тремя классами ниже) и не встретился с живым.

А приехал к мертвому Меню.

Дополнение к старой дате. В 2008 году вышла книга «Отец Александр Мень отвечает на вопросы». Интересная и глубокая книга. Среди вопросов, которые ему задавали, есть такой: как читать и понимать библию? Мень ответил: «Не надо искать в Библии того, чего там нет и не должно быть. Нам дан свыше разум, чтобы мы познавали мир, узнавали его историю, его прошлого, но не надо стараться это

извлекать из Библии.

В то же время наука не может быть для нас источником нравственности, источником вдохновения – она говорит только о своей сфере, и эти две сферы, научная и духовная, идут рядом, и если они не мешают друг другу, они находятся в гармонии». (13 апреля 2011).

Потом говорил с Колей Алексеевым, он помнит Алика Меня, а я вот нет: не общался, наверное, с ним, считал мелкотой…

3 мая уже работал. Занимался Гончаровым, классиком, сочинял не биографию, а некую концептуальную штучку… 5-го ездил на «Эхо Москвы», встретил там Толю Агамирова — совсем слепой. С «Эха» на Пятницкую, записывался на радиостанции «Москва», а еще вел переговоры с р/с «Надежда». Натолкнулся в Комитете на Горкина: «Читаю тебя постоянно… Нет, ты гений!». А кадровик Кулаковский (ну, и кегэбист, конечно) сказал, что читает меня регулярно, но крайне удивлен моими нападками на КПСС и некоторым комментарийным ехидством.

Еще одна персона, в которой разбирался, как старый часовщик:

Илья Ефимович Репин. Грохнул 20 стр. В сравнении: Григорий Бакланов на вопрос, можно ли сегодня прожить на литературные заработки, ответил: «Я один рассказ писал месяц, а гонорара за него не хватило чтобы как следует угостить обедом французскую издательницу…».

Да, я бы с такими темпами (рассказ в месяц) давно бы умер с голоду. Я печатаю, пеку, долблю, шпарю, только искры летят…

Сегодня показывали записанный заранее «Золотой шлягер», камера часто показывала меня и Зельдина, благо мы сидели рядом, — две сияющие лысины. Ще сказала: очень корреспондируемся. А заключение концерта — «Казачок»: «Казаки! Казаки! Едут-едут по Берлину наши казаки!..» И, о ужас: я размахиваю рукой в такт, как будто дирижирую. Ще зашлась в восторженном смехе.

Такие вот пироги.

15 мая

Добил напряженной работой машинку «Консул» — рухнул валик. И пришлось покупать новую — «Эрику» (ГДР). 10 мая. 290 тыс. Печатаю на ней, с трудом привыкаю, даже какой-то новый звук ударов по клавишам… Я — консерватор и сторонюсь нового, а тут необходимость. Машинка как кормилица.

Любопытный разговор с Ще. Она:

— Как мне все надоело!

— Мне тоже, — ответил я.

— Нет, ты пишешь все время о разных людях, а я стираю одни и те же полотенца.

12 мая был в прямом эфире на «Эхо» у Галицкой — 15 минут. Успел рассказать байку о Жорж Санд, прочитать выдержку из дневника Кафки, вспомнить выступление Есенина в Берлине и прочитать «Мотогонки» Вознесенского:

Завораживая, манежа,
Свищет женщина по манежу!
Краги – красные, как клешни.
Губы крашеные – грешны.
Мчит торпедой горизонтальною,
Хризантему заткнув за талию!..

И концовка: «А она молчит, амазонка. А она головой качает. А ее еще трек качает. А глаза полны такой — горизонтальною тоской!» Ще записала мое выступление на маг, вечером прослушивали — стихи читаю хорошо и, мне кажется, лучше автора.

Амазонку качает трек, а меня раскачивают знания. Ими переполнен, но продолжаю поиск

новых: книга «Наполеон и женщины», дневник Делакруа, две книги о Мусоргском… В «Работнице» вышел небольшой очерк о Якове Полонском, в «Неделе» 8-й по счету разворот: Булгаков, Фрейд, Лариса Рейснер… Выступаю, как настоящий энциклопедист доморощенный Дидро или д'Аламбер. А еще пришлось сочинять сценарии к ТВ-программе «Золотой шлягер».

Успеваю следить за другими. Прекрасная киноработа Антона Кончаловского «Ближний круг». Прекрасно сыграл Берию Боб Хопкинс и Табаков — генерала Власика, а вот Сталин-Збруев неудачен. Но тема о Сталине по-прежнему обжигает… Понравилась публикация Александра Минкина «Нынешнее поколение будет жить при бандитизме».

> Ремарочка. Минкин как в воду глядел, его печальное пророчество сбылось полностью: живем при бандюганах – и высокопоставленных, и уличных (14 апреля 2011).

22 мая

«Жизнь полна импровизаций» — андрюшина фраза материализуется полностью: и хороших, и плохих. Все время что-то болит, у Ще проблема

десен и зубов, и она опустошает наш кошелек. Гонорары — в зубы, но что сетовать по этому поводу!..

На меня вышел Михаил Кураев, он собирается вести в Петербургской газете «Деловой мир» — «Хронограф» и попросил встретиться с ним в редакции «Нового мира». Пошел, отчетливо сознавая, что ныне «Вечерний клуб» популярнее старого «Нового мира». Обменялись книгами; я ему — Рюрика, он мне — сборник «Маленькая семейная тайна». Пообещал что-то выслать в Питер, но когда делать?!.. В один день выступал на Эхе, записывался по р/с «Москва», обсуждал программу»Шлягер» в Останкино, вышел кусок Рюрика в «Вечорке» и получил гонораричик, — все в один день. Может, это не день, а звездный час, о котором на старости лет буду вспоминать. «Были когда-то и мы рысаками…»

Приехал домой, около подъезда кудахчут соседки: в доме появились какие-то кавказцы, и все боятся криминогена. Как написала одна газета: «Москва сегодня — это Чикаго вчера».

30 мая

«Огонек», «Работница», «ВК», «Наука» — магический круг, из которого никак не вырвусь. А Збарский говорит: «Нельзя останавливаться:

два месяца нигде вас не напечатают и забудут тут же».

25 мая телевизионный день, с 9.30 до 17 часов. Съемки «Золотого шлягера» в ресторане «Апропо». Взял с собой Ще и доставил ей громадное удовольствие, она сидела за столиком между режиссером Светланой Дружининой и певцом Жаном Татляном. А еще там были Нина Дорда (до сих пор поет «Мой Вася!»), Маргарита Суворова, Оскар Фельцман, Людмила Сенчина, Арканов и кто-то еще. Съемки велись по моему сценарию с некоторыми отклонениями и тремя ведущими: Шеманкова, я и Юрий Ковеленов. Я шутил: «Апропо — это не сельпо! Это замечательно!» Взял блистательный реванш за долгие годы сидения в сельском журнале «СПК». Да, и по финансам удача: заплатили 400 тыс. и мы сразу заткнули брешь в бюджете от покупки «еврики».

На следующий день записывал свою композицию про июнь на Р-1. И радио, и телевидение, осталось только рожна с маслом. А 27-го уже суровый быт: сдавал 4 смены белья в прачечной. Эдакий творческо-бытовой Фигаро!.. А 29-го участвовал в записи программы «Поле чудес» в Останкино. Подарил Леониду Якубовичу Рюрика, он, говорят, библиофил. Но это не все: наутро

написал заметку «Как я побывал на «Поле чудес». И откуда столько прыти?!..

5 июня

Кручение-верчение на фоне плохого самочувствия. Как говорит Ще, если не понос, то золотуха… Что-то мы стали с Ще вместе разваливаться. По поговорке: старость не радость. А погода все время под стать: мрачная, холодная, дождливая…

Для книги «Тайны семейной (частной) жизни» занимался такими персонами, как князь Вяземский, художник Энгр, Левитан… Предложил будущую книгу в «Слово», главный редактор Диана Теквелян сначала загорелась, потом остыла: «Мы это не потянем…». Денег нет?..

Сунулся в редакцию еженедельника «Собеседник» (замглавного — Руслан Козлов, 30-летний, новая генерация журналистов). Он предложил серию: Дон Жуаны, обжоры и т.д. Я закочевряжился. Да тут в «Известиях» была статья о дикой конкуренции материалов в СМИ и что «наступает совершенно новая эпоха в журналистике».

> Вдогонку. Она и наступила – это новая эпоха, – и удивительно, как я в ней не растворился, а удержался… (14 апреля 2011).

12 июня

Попытался проникнуть в самую популярную газету «МК». Говорил с первым замом Натальей Ефимовой, с Сергеем Рогожкиным, похвалили мои материалы, но сейчас им не до меня: на носу праздник «МК» в Лужниках.

В «Работницу» отнес материал об Апухтине. Орловский: «Все хорошо, а где женщины?» Прямо вариация из «Сильвы»: «Без женщин жить нельзя на свете, нет!..» Но я разве виноват, что Апухтин был мало связан с женщинами. Алексей Николаевич был чрезмерно толстый мужчина, тучный, своих рукописей не хранил, питал отвращение к «типографскому станку» и с вызовом повторял: «Я дилетант, я дилетант». Ну, а «Ночи безумные, ночи бессонные, речи несвязные, взоры усталые…» Так это только так — лирика…

В «ВК» неожиданно дали премию — 100 тыс. Продают молодую картошку из Краснодара по цене 2 тыс. за кг. Значит, премия: 50 кг картофеля.

Все время меня подхваливает Светлов: как энциклопедично!.. как иронично… Кто-то в восторге от моей публикации «В садах души» Николая Гумилева».

Работаю, устаю, отдыхаю за ТВ, показывают

много иностранных фильмов: «Вдова Кудер» (Симона Синьоре и Ален Делон), «Дикая орхидея» (1992 — эротика, фрейдизм, мелодрама, детектив, карнавал в Рио, — чего только в картине нет). И наши: «Сестры либерти» (близняшки швеи-мотористки) и «Патриотическая комедия» Вл. Хотиненко о нашей несуразной родине, в главной роли — Сергей Маковецкий.

19 июня

Прямо напасть: вдвоем с Ще ходим к стоматологам и только успеваем отдавать деньги… Возникла идея сделать материал про гостиницу «Метрополь», разговаривал с руководителем пресс-службы «Метрополя» Шавердовой. В киоске гостиницы увидел «Пештхауз» на английском, не сдержался и купил — 8 долларов или 16.400 наших. Буду на старости лет рассматривать волнительные картинки. На следующий день прикупил наши журналы — «Арион» и «Апокриф», последний прямо для Тайн: Шлегель, Новалис, Вульф времен Пушкина и т.д. По ТВ беседа Бродского с Рейном. Иосиф Бродский: «Для меня самое важное — драйв, напряжение …» И для меня тоже…

26 июня

Три недели нет горячей воды. Нет и лета: пасмурно, холодно, дождливо. Один лишь проблеск на горизонте: начали печатать «Терру».

На меня вышел журнал общественного питания (сокращенно ЖОПА, как говорил Половик), ныне он называется «Питание и общество». Полистал журнал и ужаснулся: материалы, авторы, одна фамилия Мумрикова что стоит! Пахнуло потребительской кооперацией, которую я напрочь забыл. Отказался от «питания».

В «ВК» некролог о Юрии Нагибине. Очень жалко… У меня такое чувство, что я его сменщик, хотя жанры и стиль у нас разные. Только вот мне популярности Нагибина не достичь — время другое!.. Ездил в издательство «Колосс», вел там переговоры. Затем от Красных ворот на проспект маршала Жукова (какие дорожные прыжки и ужимки!) в Роспечать, где расположился новый русско-американский журнал «Космополитэн». Главный редактор Лена Мясникова взяла у меня мои очерки про Софью Ковалевскую и Ларису Рейснер. А дальше будут думать. Все думают, иногда безрезультатно. Посмотрим на этот раз…

Михайлов предложил написать об Илье Глазунове, и я 23 июня отправился в Манеж, отстоял очередь и купил буклет. Побывал на выставке

полтора часа. Доехал домой, пообедал, немного передохнул и помчался на запись радиокомпозиции «Июль». С ул. Качалова в Лит. институт на встречу с известным западным славистом Вольфгангом Козаком (пригласил мой поклонник, доцент института Дмитриенко). Козак составил словарь советских писателей, я показал ему Рюрика с вопросом, нельзя ли издать по-немецки. Он ответил, что сейчас в Германии интересуются Россией только специалисты, а остальным она неинтересна. Бедный Рюрик: котируется только на российских просторах.

3 июля

1 июля вышла «Терра» — «Терра детектива» тиражом в 50 тыс. экз., красивый переплет, 12 шмуцтитулов — гравюры Дюрера, Кранаха, Раймонди и других старых мастеров. Хорошая бумага. Соавтор меланхолично отметил: «Мы уйдем, а книги останутся». Эту фразу Витя произнес, когда мы с ним сидели в баре АПН на Зубовской за рюмкой ликера и чашкой кофе.

А до этого, 26 июня, по ТВ показывали «золотой шлягер». Куча звонков и комплиментов. Соседка Галя заявила Ще по поводу меня: «Сразу видно, что он человек серьезный… передача серьезная, не то, что все эти современные фигли-мигли». А

мне лично понравился показанный по ТВ фильм Фасбиндера «Замужество Марии Браун» — это настоящее…

27-го отвез в ВК отпечатанные 40 страниц для будущих публикаций, оттуда в новое издательство «Инициатор», издательница Виктория Селиванова. Как говорят, восторгов полные штаны. А что дальше? Помимо желания издать («какой у вас тонкий иронический стиль!»), необходимы деньги, а их-то у издательства как раз и нет.

Говорил по телефону с Зоей Богуславской (Андрей в Роттердаме на празднике поэзии). Сказала, что в Париже все издательства горят, никто ничего не читает, и Рюрик вне всякого интереса.

29-го ездил в гости к Светлову. Замечательный старик, встретил меня словами: «Красив, как Бог и Мефистофель!» Мефисто — это хорошо или плохо?.. Владимир Александрович показывал свои уникальные альбомы — это книги в книгах, автографы знаменитых людей (Зощенко, Лиля Брик, Шкловский и т.д.) — собирал в течение 60 лет. Его жена — правнучка Брюллова, и я сидел на продавленном старом кресле, на котором когда-то сидел Пушкин, когда приходил в гости к Карлу Брюллову. Кресло это просит отдать Пушкинский дом, Но Светлов — ни в какую!..

30-го в «ВК» вышла моя публикация «Черная аура Ильи Глазунова». А 2 июля вышла очередная полоса в «ВК», там — Исаак Бабель.

О Глазунове я начал так: «Признаюсь открыто: Глазунов не мой художник…» А концовка такая: «…И что бы кто ни говорил, а в глазуновских призывах: «Россия, проснись!» прорастает не гуманистическая идея возрождения, а «практические» семена ярости и бескомпромиссной борьбы. Будь жив сегодня вождь революции, он бы, наверное, одобрил: «Очень своевременная выставка». Своевременная для кого и для чего?

На выставке были представлены три картины XX века» Глазунова «Мистерия» XX века, «Вечная Россия» и «Великий эксперимент». Куча исторических лиц. Зрители только гадают, а где Шаляпин? а кто в шапочке? Может, академик Зелинский? А кто с ним? Дягилев — это точно… Короче, увлекательная игра «Угадай-ка!» или «Поле чудес».

9 июля

7-го на меня свалилась ТВ-бригада из программы «Времечко». Корреспондент Юрий Клебанов задавал вопросы по календарю и, когда я среди дат, отметил день рождения Нельсона Рокфеллера, он достал бутылку шампанского и сказал,

что за него надо выпить: «Это будет эффектный кадр!» Я поднял бокал и сказал, что желаю всем телезрителям коммерческого успеха, как у Рокфеллера, но при этом не надо забывать духовные ценности, — в этом гармония жизни.

Телевизионщики показали мои книжные полки, а потом пошли звонки, и многие фотоснимок мальчика Андрея Белого, прелестного, с локонами, приняли за моего внука. Короче, был целый переполох.

Продолжается эпопея с «Метрополем». Встречался с профессором Петропавловским, который жил в «Метрополе» более 25 лет. Рассказывал всякие байки, а в конце воскликнул: «Никак не могу смириться, что Женька Петропавловский стал старым!..» Потом меня провели по «Метрополю», по знаменитым номерам гостиницы, в том числе и тому, в котором жил нарком иностранных дел Чичерин, у которого были две страсти: революция и Моцарт. Сел за рояль и тронул клавиши. Короче, вживался в атмосферу «Метрополя».

Вышел «Собеседник» (тираж 217 тыс. экз.) с моей полосой «Знаменитые Дон Жуаны» и с небольшим представлением автора. В «Работнице» в майском номере напечатан материал «Утро туманное...» — о Тургеневе. А я двигаюсь дальше

и дальше: начитывал Щепкину-Куперник. Мало Анны Львовны, так еще Татьяна Львовна. «Я тобой горжусь…» — заявила Ще, и это было приятно во времена, когда большинство мужей не стоят ни полушки.

23 июля

Одно из двух: или надо делать дела, или подробно их описывать. Я пытаюсь делать то и другое, но для будущего детали не нужны. Поэтому выделю лишь главное, что произошло за пролетевшие дни.

10 июля выступал по «Эхо Москвы» в прямом эфире у Татьяны Пилипейко. 30 минут. Для радиослушателей разыграли две «Терры».

11-го из Питера приезжал к нам Михаил Кураев, привез гонорар за даты. Добил материал о «Метрополе» — 15 стр. Разброс цен за «Терру» от 4 до 8 тысяч. Со Львом Новоженовым договаривались о поставке информационных материалов для «Времечка». Витя сообщил, что он встречался с какими-то японскими издателями, они в восторге от «Терры» и хотят ее у себя издать. И, вообще, куча каких-то планов, прожектов, надежд. Большинство из них возникают и тут же гаснут, как искры от костра…

В «Комсомольской правде» встречался с замом

главного, с Владимиром Мамонтовым (комсомольский бодрячок). Прочитал то, что я принес, и тут же решил, что будут давать мои опусы дважды в месяц, по пятницам. Вызвал фотографа, который принялся щелкать меня камерой. А я шел из Комсомолки домой и думал: не много ли я всего нахватал и справлюсь ли?..

Кудрявцева продолжает присылать письма: «Уважаемый наш друг, врачеватель неспокойных душ и народный целитель от культуры, Юрий Николаевич! В нашем доме создан Клуб любителей Календаря Ю.Б. И хотя нас немного, Ваши публикации помогают нам во всем… В комментариях нашего любимого автора мы находим ответы на все вопросы. Благодаря Вам, мы вырабатываем спокойствие, выдержку, оптимизм…».

Еще немного, и можно стать настоящим Гуру… В ВК, кстати, вышла 100-я колонка. В Вечорке 18-го опубликовано интервью Зимяниной со мной. Заголовок «Общая тетрадь и тайны частной жизни», а над ним помещена Фраза, как бы эпиграф: «Ловец жемчуга в океане истории». И врез, в стиле Зимяниной: «Юрий Николаевич Безелянский — человек тихий, незлобивый, на скандальных, напористых изобретателей вечного двигателя не похож… Представляю, как с утра садится наш

новоявленный Нестор за стол и, попивая кофий, лопатит историю стран и народов, людей и курьезов, праздников и открытий».

Получилось забавное интервью с признанием: «Я решил составить календарь одинокого интеллигента». И с признанием, что жена у меня идеальная. Зимянина добавила: «И красавица». И вот это определение возмутило многих знакомых женщин. «Какая же ты красавица?» сказала одна из них.

Звонил Вознесенский, сказал, что два экземпляра Рюрика отвез в Америку и отдал «в хорошие руки» и очень удивился изданию второй книги — «Терры»… Идут звонки, какие-то предложения, — телефон не умолкает. Не дом, а Смольный времен Октября.

Черняк видел по какой-то программе Глазунова, на столе которого лежал Вечерний клуб с моей статьей о нем. Глазунов кричал: «Травят талантливых русских художников, нужен закон, преследующий антируссистов…»

21 июля записывал лит.-муз. композицию «Август».

Здравствуй, Август! венчан хмелем,

Смуглый юноша-сатир!..

(Валерий Брюсов, 1907)

Здравствуй, безумный и зябкий,
август, роняющий лист…

(Елена Ананьева, журнал «Юность», 1981)

Ну, и прочие стихотворные вариации. А на следующий день в «Комсомольской правде» (тираж 1 млн. 905 тыс.) вышел на полосу «Календарь любовных приключений» под заголовком «…И тогда мы поехали смотреть нимфоманку». Эту фразу Мамонтов выделил из приведенного мною дневника Брюсова, запись от 25 февраля 1895 года, а там далее «дошли до «минеток», — вот что особенно прельстило редакцию. А в конце у меня: «Секс — хорошо, но трепет — еще лучше! Об этом говорит весь опыт великих и знаменитых людей».

Одновременно с Комсомолкой — публикация в «Собеседнике», там знаменитые холостяки. Итак, в понедельник — интервью в «Вечорке», в четверг — отрывок из Рюрика, в пятницу — собеседник и Комсомолка, суббота — колонка в «ВК». А еще должны выйти июльские журналы «Науки» и «Работницы», в последнем — «Фарфоровая душа»

о Михаиле Глинке. Плюс радио. Не многовато ли, сэр?!..

30 июля

27-го в «Книжном обозрении» на одной полосе три рецензии — на книгу Джона Барта, Василия Аксенова и Юрия Безелянского — «Российская история — день за днем» («От Рюрика до Ельцина»). Профессор кафедры библиографии Челябинского института культуры — И. Моргенштерн среди прочего написал:

«...Мы привыкли требовать от научной книги объективности. Это качество желательно для любой книги, особенно исторической. Но если бы Ю. Безелянский руководствовался исключительно данным критерием, он неизбежно засушил бы свою книгу, смыл ее индивидуальность В книге отчетливо выражены близкие автору духовные ценности: свобода, демократия, уважение прав личности, сохранение богатств культуры...»

Это о высоком. А вот низкое. Полтора кг творога и банка сметаны обошлась в 13 тыс. Свежие яблоки — 2 тыс; черная смородина — 4; стакан черники — 500 ре. Для сравнения: две последние исторические колонки в ВК стоили без малого 75 тыс.

4 августа

Рад за Ще: у нее в «Сударушке» вышла полоса о церкви на Соколе — грузинская церковь, где ее и крестили. А сегодня в «Москвичке» полоса о Нине Чавчавадзе. Как хорошо, что я заставил Ще вступить на журналистскую стезю. Филолог обязан писать. А вот я не филолог, но я себя сам сделал филологом.

Получил очередное хвалебное письмо от читателя: «И каждую неделю, от субботы до субботы, жду очередного выпуска «ВК», чтобы получить удовольствие от Вашей исторической подборки… Невероятно нравятся (иногда до восторга) подбираемые Вами афоризмы и цитаты исторических персоналий…». О Рюрике: «За книгу Вам отдельное спасибо — высший пилотаж».

14 августа

Надоело все записывать и перечислять, перечислять. Ну, вышла 18-я по счету полоса в «ВК», ну, вышел Репин, ну, и далее везде.

Из нового — идея выставить «Терру» на международном фестивале масс-медиа «Гонг-94», и с Витей рванули в роскошную гостиницу «Рэдиссон-Славянскую». 13-го выступил в Останкино, в программе Анэли Меркуловой «Добрый вечер, Москва!». Пошел в программу с домашней заго-

товкой, строки Леонида Мартынова:

В чем смысл вечерних передач?
В угрюмом мире неудач
Все состоит из злоключений,
За исключеньем исключений.

Говорили о Рюрике, о Терре, о судьбе культуры в России. По откликам, все получилось отлично.

Маленькая Каторжина заявила: «Я тоже хочу к дяде Юре в телевизор».

Анэли Меркулова, как передали мне, сказала: «Наконец-то появился настоящий чеховский интеллигент». А у нее выступали многие: и Питирим, и Шафаревич, и еще много всяких деятелей.

Новые предложения — из газеты «Кто есть кто» от Рыбаса, и от то ли газеты, то ли журнала — «Кот и пес». Словом, мяу-мяу и гав-гав.

Для «Космо» начал писать про Любовь Менделееву — «блочью жену», как выразилась Зинаида Гиппиус. В «ВК» вышли заметки «Все знают Дали, но кто помнит Дельво?» Это я вспомнил об увиденной в Голландии в 1973 году выставке Поля Дельво. Концовка такая: «Дельво и Дали ничего не придумали. Они только отразили наш мир, а краски лишь прояснили его печальную реальность».

28 августа

В дневнике у Владимира Леви (3 окт. 1984) вычитал запись: «Попал в учителя. Конспектируют, подчеркивают, цитируют, носят за пазухой. Живут «по Леви». Поклоняются, ловят, бредят. Сам виноват, дурак, вылез. Потом, как полагается, кумира обосрут…».

Вот и я высунулся и попал в положение Леви, выполняя функции «духовного медбрата какой-то части человечества», а точнее, какой-то прослойки российских читателей. Читают, вырезают, собирают, слушают… А потом забудут — и тишина.

В «Космополитэне» показали мне компьютерный набор про Ларису Рейснер (выйдет в ноябре?). Отдал Менделееву, Мясникова впилась в текст глазами и взвизгнула: «Ой, как хорошо!..» Предложил им дальше Лилю Брик и Зинаиду Райх. Кстати, в киоске журнал стоит 10 тыс. Но Запад — бумага, краски, цвет!..

Умер мой ровесник Роберт Рождественский. Не хочу комментировать.

Ще побывала у Лили и бурчит: у нее два холодильника, две стиральные машины, а у нас?.. А у нас две книги и ворох публикаций.

27 авг. вышла в ВК полоса под названием

«Принцесса Греза, большевик Бухарин и шпион Освальд — обитатели гостиницы «Метрополь». И плюс опубликована очередная колонка. Все выглядит красиво. А вот наше ТВ пичкает зрителям в основном триллерам: «Леди исчезает», «Элис, милая Элис» и наш российский «Гонгофер» — и убийства, убийства без конца. Такое впечатление, что российского телезрителя планомерно приучает к насилию и убийствам, чтобы не удивлялся всему тому, что творится вокруг.

4 сентября

Еще зелено, ни единого желтого листочка. Но уже осень, все заволочено, идет монотонный дождь, мерзнут ноги, Ощущается неуют. Все время что-то болит, и снова хожу с шерстяным платком на пояснице (радикулит или что?), временами что-то дергает в правом глазу и болит зуб под коронкой. Возраст на фоне громадной усталости — 3 года не были в отпуске. А так хочется отдохнуть, а пока барахтаюсь и тону в делах и работе.

Маленький передых в ресторане «Метрополя», где Шавердова устроила мне обед, шведский стол за 36 долларов, но я был аккуратен. Закуски, семга, котлетка из судака, а главное два кусочка тортика (кондитеры «Метрополя» берут призы в

Европе), взбитые сливки, кофе, — и все под мелодичные фонтанные струи и гармоничную игру на рояле. «Киса, — сказал Остап, — наслаждайтесь жизнью! Такое бывает, увы, не часто».

У Игоря Шкляревского есть строки:

А жизнь с изжогой и с отдышкой,
с культей, с неизданною книжкой,
а жизнь, какая б ни была,
до умиления мила…

11 сентября

И чем занят? Ходасевич, Зинаида Райх, Георгий Иванов — текущее и будущее. Все время общаюсь с хорошими людьми… А 6 сентября опять пожаловала ТВ-бригада на микроавтобусе. Вылезли и спросили:

— Это дом двенадцать?

— Вы к Юрию Николаевичу? — уверенно спросила соседка у подъезда.

Тут же возник «смотритель двора» Константин Сергеевич с вопросам к телевизионщикам:

— Когда смотреть?

Прямо развлечение. Становлюсь местной знаменитостью… А в пятницу 9-го пришлось ехать на бывшее ВДНХ на 1-ю Российскую международную книжную ярмарку. ФИС просил постоять у них на

стенде. За час 15 минут подписал более 30 штук Рюриков. Мнение читателей: умная, интересная, полезная, уникальная книга. Винокуров сказал, что был на днях на радиостанции «Свобода», так Рюрик у сотрудников р/с лежит на столе, как справочное пособие.

Подписывал свою книгу, и купил чужие: «Моя жизнь» Шагала, «Историю импрессионизма» и книга Юлия Айхенвальда «Силуэты русских писателей». С выставки возвращался усталый, но довольный: все-таки раскрутил свое имя. А одна почитательница умильно выразилась: «О, наконец-то я вас увидела! А то читаю-читаю и не знаю, как вы выглядите!..» Добавим и телевизионное высказывание Анэли Меркуловой, прозвучавшее на днях: «Слушать историка Безелянского — одно удовольствие!..»

Да, добился некоторого призвания, но еще лучше: от этого не кружится голова. Как пел Вертинский: «Я очень спокоен, но только не надо со мной о любви говорить...»

Да, забыл: сегодня в «Собеседнике» вышла третья публикация «Знаменитые женщины-вамп». И звонил профессор Петропавловский, он прочитал «Метрополь» и отметил, что ему нравится мой стиль — «раскованный, свободный и иронич-

ный, он отличается от всех». Еще звонил какой-то музыкант, он вычитал в «Науке» цитированные мною строки стихотворения Всеволода Рождественского «Бабочка» и написал на них музыку, просит другие строки. Сам искать, конечно, не хочет. Принесите мне на блюдечке строчки…

18 сентября

В Межкниге получил компьютерную распечатку о продаже Рюрика за рубеж: 304 экземпляра — один из лучших показателей нашей международной книжной торговли. По странам. Болгария приобрела 30 книг, Венгрия — 50, Польша — 14, Чехословакия — 4, Югославия — 2, Австрия — 3, Бельгия — 4, Великобритания — 10, Германия — 31, Дания — 4, Италия — 17, Нидерланды — 11, Финляндия — 1, Франция — 30, Швейцария — 5, Китай — 2, Япония — 25, США — 61 (рекорд). Итого 18 стран. Ждут дальнейших заказов и покупок. С Витей забросили идею продажи «Терры», пока она появилась в Доме книге на Калпроспекте по цене 2.600.

Витя узнал, что я начал заниматься Георгием Ивановым, взбрыкнул: зачем тебе это нужно? Это не приносит ни денег, ни славы, нужно заниматься лишь книгами, связанными со скандалами и сенсациями. Ну, а мне люб мой 9-й по счету

«серебрист» Георгий Иванов:

Как туман на рассвете – чужая душа.
И прохожий в нее заглянул не спеша,
Улыбнулся и дальше пошел…
Было утро какого-то летнего дня.
Солнце встало, шиповник расцвел
Для людей, для тебя, для меня…

Эти строки посвящены Ирине Одоевцевой, жене. Ну, а мы с Ще в пятничку 16-го бросили все дела и отправились в дальнюю рощу, благо с утра был роскошный день бабьего лета. Часа полтора погуляли, подышали кислородом. Сквозь листву пробивалось солнце, и в солнечных лучах плясали мириады пылинок. Кормили уток в озерце. Их было много, штук 50, и такой кряк стоял! Кидали одним, а другие с шумом мчались к месту кормежки, и шла настоящая драка за кусочки хлеба, — очень похоже на людей…

А еще начал читать воспоминания Татьяны Лещенко-Сухомлиной «Долгое будущее», — масса интереснейших фактов.

25 сентября

Что я? Я — лошадь на скачках. Сплошные гонки через препятствия. Но Ще, бедная, втянулась в

работу и ведет свои фитюлечки и колонки, Волынец ей в «Москвичке» говорит: «Не старайтесь быть похожей на мужа, вы пишите мягко, нежно, лирично…» А я, действительно, не так: много закрута, приперченного иронией и сарказмом. А еще у Ще, как и у меня, зубные страсти. Надо делать то и то, а это все деньги. Подарила Ларисе Александровне Рюрика, та в восторге и кое-что сделала бесплатно.

Ну, а я 21-го был в ЦДЛ на презентации книги Вронской и Чугуева «Кто есть кто в России и бывшем СССР». Джин Вронская, бывшая наша, уже 20 лет живет в Англии и Франции, рыженькая, невзрачная, но трудяга — родственная душа. Я ей подарил Рюрика, а она свою книгу — нет. Роскошный фолиант, пришлось купить самому — 100 тысяч (средняя зарплата ученых ныне 80 тысяч — «новые нищие», как выразился в прессе академик Прохоров). Дома стал внимательно листать Джин: сухо, академично, справочно. Мой Рюрик (там, где персоналии) на голову выше. Но нет пророка в своем отечестве!..

22 сент. с Витенькой ездили на открытие «Гонга» в « Славянскую». Собралось много всяческих «генералов», от Карякина до Сванидзе.

24 сент. — бенефисный день: в газете (вышел

Ходасевич), по Эхо говорили обо мне и мелькнул у Меркуловой на ТВ в программе «это было, было…»

2 октября

6 сент. был заключительный день на фестивале прессы. Увидели Егора Гайдара. Витя толкает меня: подойди к нему, подари «Терру». Я спокойно подхожу:

— Егор Тимурович, любите ли вы детективы?

— Конечно, — говорит он и весь лучится в улыбках.

Я вынимаю книгу из сумки, как волшебник из мешка, и подписывавю ему. Он мило благодарит. А охранник его хмуро взирает на меня.

Ну, а потом фанфары и торжественное награждение, — очень бледная имитация «Оскара». Наша «Терра» фигурировала в номинации, но никакого приза не получила. То есть нас прокатили. Лучшим журналистом был признан Максим Соколов из «Коммерсанта». Немного расстроился, но не настолько, чтобы рвать на себе волосы. Напротив, в принципе порадовался, что в течение пяти дней немного развлекся, потусовался, попил хорошего немецкого пива.

Записывал Октябрь в какой-то знаменитой 12-й студии. Бодро барабанил. Потом поехал в

Останкино. Все время идут какие-то переговоры, вспыхивают проекты, я уже изнемогаю от них. Зашел в редакции «Намедни», Парфенова не застал, но увидел на книжной полке стоит мой Рюрик. Еще побывал в издательском доме Русановых, предложил Анне Голосовской свой проект «Тайны частной жизни». Загорелась. «Сколько вы хотите?» Я, не моргнув: 10 тысяч долларов. Голосовская и финансист: «Будем думать»…

29-го Наташа Давидовская собрала школьные остатки. Вспоминали Борьку, а потом и других мушкетеров. Коля Алексеев отметил, что я в школе был шустрым, энергичным и драчливым, — а я уже и не помню, каким я был тогда. Мне кажется, что я всю жизнь просидел за пишущей машинкой и никого не трогал.

В газете «Кто есть кто» дали расширенную заметку «Мировая история в календарях Безелянского». Рядом представлены начальник Генштаба и главный редактор «Известий». Компания!..

В ночь на 1-е по ТВ «Последнее танго в Париже», которое я смотрел 21 год назад в Амстердаме…

9 октября

Началась новая эпопея с журналом «Человек и закон». Продолжается «Времечко», «ВК» и «Наука»… Публикации, гонорары, переживания,

ожидания, — и это пенсия? Спокойная старость? А про радио и ТВ забыл? И все это отнимает силы. «Огонек», «Крестьянина», «Работница». И вот новый разворот: журнал «Журналист» — и они что-то хотят… А западный «Космополитэн»? И хочется кричать: братцы, караул!.. А не так уж давно радио, «Могила незнакомого солдата», как говорили на Иновещанин, ну, и «СПК» — кооперативное болото. «Я был империи репейник», как сказанул Вознесенский. И что приходилось редактировать и писать? Голубую муть? А ныне сочиняю про Оскара Уайльда, обложившись книгами. Удивительный писатель. Удивительный парадоксалист.

— Трудно избежать будущего.

— Как легко обратить в свою веру других, и как трудно обратить самого себя.

— У меня непритязательный вкус: мне вполне достаточно самого лучшего.

— Всегда приятно не прийти туда, где тебя ждут.

16 октября

Во вторник 11-го произошел рублевый обвал, рублепад: около 4 тысяч за один доллар. Валютная паника. Как отметил «Век», судороги рубля топят надежду на лучшую жизнь. Вкалываешь

из последних сил, а государство только думает, чтобы ограбить тебя в очередной раз. Государство — грабитель.

Тем временем мечусь и дергаюсь, чтобы заработать. Но вот пауза — 12 октября концерт в театре эстрады в честь 3-летия Вечернего клуба. Приличненький концерт, среди номеров — новый Даймон-балет, отчаянная импровизация канкана на музыку Моцарта (!), мы с Ще сидели на первом ряду: видно отменно. Брунов поблагодарил балерунов и попросил показать зрителям, что у них есть. Девочки дружно задрали свои юбчонки, и Брунов тут же выдал репризу: «И вот этим я заведую». Завпоп — в этом что-то есть. После концерта был фуршет, на котором Врунов вдруг обратился ко мне и назвал мои исторические рубрики феноменальными… Вышли из театра. Кремль освещен. Вокруг тихо. И кажется, что мир пребывает в покое. Ни войн, ни драк, ни валютной паники.

На следующий день отправился на Красную Пресню к Менджерицкому. Он вышел на меня и пригласил к себе. Приехал из Америки с грандиозными планами, сходу предложил мне войти в редколлегию журнала «Новая Америка», который он собирается издавать с января. Предложил в

каждом номере вести рубрику за 75 долларов. Я ему подарил Рюрика и «Терру», он в ответ аж 13 книг, которые он издал где-то: семитомник Лескова, двухтомник рассказов Чехова, двухтомник Абрама Терца, томик Гамсуна и еще одного норвежца, — целое богатство!..

Был Янов из Америки, теперь вот Менджерицкий. Перифраз Бендера: Америка нам поможет!..

23 октября

Как пел на концерте Шифрин: «Солнце светит, ветер веет, много ль надо ли еврею?..» Действительно, удивительный октябрь, вот и сегодня ясное жемчужное небо, лучи освещают почти весь облетевший двор, и главное — сухо, но холодновато и ледяной ветерок. Но опять же без ненастья…

У меня и у Ще дырки во рту и прочие неприятности по здоровью. Словом, «где мои семнадцать лет?!» В совсем старые годы приходится крутиться, как белка в колесе. Звонок из Останкино: дают гонорар. Помчался, ибо сегодня дают, а завтра денег не будет. На метро 16 остановок и 4 пересадки туда и обратно, плюс троллейбус, — о, боже! Везде все набито народом, толкотня, а еще эти сумки-тележки. Неожиданно со злости шуранул одну тележную бабку, а она как завопит: «Хули-

ган старый!..». Деньги получил 200 400 — на зубы пригодятся.

Допечатал Лилю Брик — 18 страниц с хвостиком. И снова поход за гонораром. Всего в октябре 10 получений. Где-то чистыми полтора миллиона. Вот уж и миллионер. А все деньги идут на еду, зубы, газеты и книги.

Главное событие: убийство журналиста «МК» Димы Холодова, который пытался вывести на чистую воду жулье в генеральских лампасах, «Пашу-мерседеса» и его компанию. Газеты полны гневными материалами. Мне, конечно, безопаснее: я пишу о Вольтере и в политику, кроме отдельных острых уколов в колонках, не лезу. А иногда так хочется влезть в драку и по мордам отхлестать всех негодяев и ворюг России.

30 октября

Появился новый термин «экологическая психиатрия», ученые пришли к выводу, что из-за загрязненного воздуха (соединения кадмия, марганца, свинца, ртути и других металлов) человек плохо себя чувствует, развивается неврастения, появляется раздражительность и прочее. И все звереют, особенно это ощущается на транспорте и в магазинах. А сколько вокруг детей-дебилов, мамаш-дебилопроизводительниц, еще немного и

начнешь жить в новой стране — в Дебилоляндии. О, господи!..

На неделе была приятность от «Эха Москвы»: цыганские песни в исполнении Юла Бриннера, «Шаленочка» и прочие. Особенно хороши были «Две гитары» — Юл Бриннер и Алеша Дмитриевич.

> *Две гитары, зазвенев, жалобно заныли…*

Эх, Юра, заныли…

> *С детства памятный напев, – Алеша, это ты ли?..*

Уходит эта старая культура, а, возможно, и уже ушла, — все эти прекрасные романсы с ушедшими словами — «последний раз пацалую руку…» Эх, хочется достать графин с водкой, пить, слушая эти песни-романсы, рвать на груди рубаху и ронять пьяные слезы. Но не могу. Нынче я — ужасный трезвенник. Впадаю и регулярно только в трудовые запои. Трудоголик, а не алкоголик.

По телефону все время нудит Витя: «Мы с тобой не то делаем. Надо что-то позаковыристей, поскандальней… Нужно добиться стипендии Сороса…» и т.д.

24-го впервые держал в руках шикарный

«Космополитэн» (ноябрь-декабрь, № 4) со своим материалом — «Тепло не смея расточать…» о Ларисе Рейснер. Дебют. Следующие персоны уже готовы… И в этот же день приезжал ко мне корреспондент «Журналиста» Олег Чечилов с диктофоном и терзал вопросами о работе, о календарях, о книгах, о школе, о Тарковском…

А я 26 октября отправился на Новый Арбат, 15, в офис Гдляна-Иванова на 15-м этаже, по приглашению знаменитых следователей. Состоялся обмен книгами: я им свою, они мне — «Кремлевское дело» с такой надписью: «Юрию Николаевичу — прекрасному публицисту и человеку с пожеланиями творческих успехов и благополучия, с глубоким уважением, Гдлян, Иванов». Приятный треп, кофе, конфеты (они моложе меня: Гдлян с 1940, Иванов — вообще с 1952-го). Но в них чувствуется и жесткость, наверное, не одного крупняка раскалывали. Тельман Хоренович заинтересовался книгой «Тайнами» и сказал, что вот, если бы раньше, то кого-нибудь прищучил в своем кабинете и выбил бы любые деньги на издание книги. Но, увы, не сейчас…

В Доме книги на Арбате купил трехтомник Георгия Иванова, первую публикацию о котором я хотел пробить в «Отчизне» в советские времена,

но мою «пробу» вернуться Георгию Иванову стихами в Россию тогда зарубили наверху. Прошло не так много времени, — и вышел!

Хорошо, что нет Царя.
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.
Только желтая заря,
Только звезды ледяные,
Только миллионы лет.
Хорошо – что никого,
Хорошо – что ничего,
Так черно и так мертво,
Что мертвее быть не может
И чернее не бывать,
Что никто нам не поможет
И не надо помогать.

Это написано в 1930 году. Отчаянный и какой-то болевой поэт, а его предсмертный стихотворный дневник! Самый страдальческий поэт из всех «серебристов»… А я пока занимаюсь другой «серебристкой» Зинаидой Гиппиус. Да еще печатаю материалы для «Новой Америки».

С четверга на пятницу плохо спал. Ночью за

стеной врубили маг с песнями, потом во дворе долго лаяли бродячие собаки, а в довершение ночи взорвали автомобиль… Весело и криминально стало жить в столице!..

6 ноября

Дни летят, как ласточки, раз — и нет… Ще читает Лескова и считает, что он глубже Тургенева. Я тоже хочу почитать, но мне некогда, завяз в своих писаниях. В ВК вышла полоса про Георгия Иванова. Меджерицкому отдал материалы для его Америки, он, кстати, предложил сделать рабочую визу в Штаты на 3 года. Считает, что профессионал такого уровня, как я, не пропаду: в Америке масса русскоязычных изданий, есть радио, ТВ. Я отнесся к предложению Ивана Ал. прохладно. Америка — не Париж, как-то особо не приманивает…

На днях говорил по телефону с Мариной Тарковской. Ее возмутил где-то помещенный снимок, на котором Андрей на пляже обнимает Малявину. «Ну, и что? — сказал я. — Обнял и обнял, ничего страшного в этом нет», Она: «Так нельзя!.. Мы из шляхетских кровей… Он — великий человек» и т.д. Короче, разошлись во мнениях. Кажется, она греется в лучах великого брата. В Сент-Женевьев-де-Буа открыли надгробный памятник

Андрею. Марину не пригласили. Она говорит: это все происки Ларисы. Но у Ларисы, наверное, были свои счеты и резоны. Родственники, как правило, не дружат.

13 ноября

Закончил маленькое исследование о Гиппиус, 34,5 стр. Ще прочитала и заплакала. Спросил, почему? Она: «Жалко Зинаиду Николаевну, жалко их всех, что с ними сделала революция»… А вот при революции расцвели Брюсов, Маяковский и Демьян Бедный. Они преуспели…

Написал о Вл.Ал. Светлове и отвез ему, как он очень просил на просмотр. Читал въедливо: «Здесь тирешечку надо обязательно…» «Для вас это все проходное, — сказал Светлов, — а для меня ваша публикация — итог всей моей жизни».

Из развлечений — «спектакль Ануя «Четыре строчки для дебютантки» в «Современнике» — прекрасный текст, неплохая игра актеров. Второй ряд и удовольствие.

18 ноября

«ВК» провел анкету, какие материалы читатели считают лучшими. По опросам я впереди всех. «Среди авторов «ВК» Юрий Безелянский — чемпион…» Читают, восхищаются, вырезают

(господи, значит, не зря вкалываю, как галерный раб). «Самыми любимыми являются материалы Юрия Безелянского. Они самые драгоценные, как говорится, жемчужины в короне вашей газеты…» «Склоняю свою седую голову перед вашим талантом…» И совсем коротко, разумеется, от женщины: «Безелянский — просто прелесть».

«Я в восторге от Вашей великолепной статьи об Иванове. Давно душа моя не радовалась поэзии. Спасибо Вам за эту радость… Учителя в школе благодарят вас за статью и приняли ее в качестве учебного пособия по теме «Серебряный век».

> Несколько строк спустя годы. Это только часть восторженных откликов. В начале я не хотел их вообще приводить в дневнике, а потом решил, что надо, хотя бы немножко. Когда-нибудь шумиха вокруг публикаций пройдет, и что останется? Ну, хотя бы мотив «были когда-то и мы рысаками…» Журналистами рысаками. Как скакали! Как писали! Как нас с упоением читали!.. (18 апреля 2011).

Ше сделала «заявление»: «Раньше я была холеная, пушистая, мягкая, а сейчас какая-то драная кошка… Ты меня загнал, я не выдерживаю задан-

ного тобою бешеного ритма…» Да, Ще права. Она создана для неги, лени, комфорта, а я ее заставляю все время что-то дополнительно делать: то писать, то отвозить, то еще что-то… мне сразу по литературной ассоциации вспомнился рассказ Шолом-Алейхема:

«Будь я Ротшильд… — размечтался касриловский меламед однажды в четверг, когда жена потребовала денег, чтоб справить субботу, а у него их не оказалось. — Эх, если бы я был Ротшильдом! Угадайте, что бы я сделал?..»

О, Щекастик купался в золоте и бриллиантах, кутался бы в меха, отдыхала исключительно на Лазурном берегу, потягивала бы дорогущий ликер и говорила бы: «Уф, как хорошо!» А пока — эх, как тяжело! — мы с Ще тащили из ФИСа еще одну пачку Рюриков — 16 штук, и все улетают на подарки…

Делаю декабрьскую полосу. В качестве юбиляра декабря выбрал Анри Матисса (125 лет). Матисс на бумаге, яркий и солнечный, а за окном российский ноябрь: +5, пасмурновато, остатки нерастающего снега, и разлито кругом уныние. Анти-Матисс.

27 ноября

Рабочие будни разбили маленьким походом в

зал Чайковского. Вечер фортепианной музыки, солист Андрей Диев. Первое отделение — Дебюсси, во втором — Рахманинов. Замечательно живой, а не теле-радийный звук. Это было 20 ноября. А на следующий день с Ще отстояли в сберкассе за пенсиями. Какая-то старуха по фамилии Макушечкина жалостливо рассказывала очереди, как приходится довольствоваться «тремя свеколками». Кто-то сладострастно рассказывал, что в Тбилиси мрак, и скоро у нас так будет… Вдруг вышла работница сберкассы и объявила, что деньги кончились, что будут в следующий раз. Вот вам три свеколки и мрак в Тбилиси! Все заохали, запричитали и покорно разошлись…

Еще пикантность. Звонил Коля Алексеев и в разговоре неожиданно всплыло имя Вышинского. Я говорю Коле: он — палач. А Коля в ответ: ты ошибаешься, почитай его прекрасную речь на сессии в ООН.

— При чем тут речь? — вскипел я.

— А может ты и Сталина будешь хаять и отрицать, что он был крупнейшим государственным деятелем? — ехидно спросил Коля.

Тут я завелся, а в итоге шваркнул трубку. Одно поколение, а какое разное миропонимание и отношение к истории. Я — ярый противник

тоталитарной системы, а Коля — романтический поклонник и приверженец сталинизма. Два мира — два Шапиро!..

Из других новостей. По ТВ показывали прекрасный фильм Акиры Куросавы «Расемон». Возник еще один журнал «0на-0н». Главный редактор Татьяна Плотникова: «Удивляюсь, почему вы не пишите для нас, вы человек тонкого вкуса…» Полистал журнал — плохой, явно хуже, чем «Космо», какой-то рыхлый, безадресный. Позвонила некая Оля из «ТВ», пригласила в какую-то программу «Белая ворона». Уж точно я ворона не черная…

4 декабря

Малость приоделся. В центре купили шерстяной испанский костюм густого синего цвета за 100 долларов — 335 тысяч деревянных в пересчете. Могу себе позволить, ибо в «космополитэне» отхватил 250 долларов, но дали по курсу в рублях — 808.500, а курс такой: 3.234 за один доллар. Гонорар за Любовь Дмитриевну Менделееву. Интересно, она маялась в жизни с Блоком, допускала от тоски всякие пируэты, и вот спустя 80–90 лет за описание ее похождений и страданий я получил деньги. А сколько тысяч писак заработало на жизни и смерти Пушкина!..

Снова возник Ветеран войны Спицын, в своем

письме он написал, что «От Рюрика до Ельцина» — «единственное правильное и объективное издание за все время нашей российской истории» (загнул, конечно!). Я ему ответил своим письмом: «Уважаемый Степан Степанович!.. Мне, как автору, особенно ценна ваша оценка, человека старшего поколения, фронтовика (я низко кланяюсь Вам и всем людям, защищавшим Родину) и как хорошо, что принадлежите к той группе людей, которые не кричат «ура!» «славному» прошлому, а пытаются разобраться в нем. Увы, эпоха социализма была сплошной эпохой обмана, и сегодня мы пожинаем горькие плоды той старой политики в любой сфере — от экономики до экологии...».

1 декабря снимался в ТВ-программе «Белая ворона» (а сам — рыба, родившаяся в год обезьяны), а на следующий день пошел в поликлинику писательского фонда на Аэропорте, где снимает офис младший Вайнер — Георгий Александрович, или просто Жора. Он вышел на меня, прочитав «Науку и жизнь», и я ему, как он сказал, очень понравился за стиль и эрудицию. В отличие от другого «американца», Меджерицкого, Жора теплее и юморнее, и мы быстро с ним сдружились. Он хочет заполучить меня как автора в старей-

шую американскую газету «Новое русское слово». В Нью-Йорке, как сказал Вайнер, проживает 500 тысяч русских.

11 декабря

Сегодня утром российские войска вошли в Чечню. Безмозглые политики: вместо того, чтобы действовать тонко и кропотливо и путем переговоров, прибегли к грубой силе. Сила есть — ума не надо?!.. Последствия этого вторжения будут ужасными, возможно, чеченцы ответят нам местью, непредсказуемыми терактами. Воевать и мстить они умеют. И война это надолго. И значит, что Россия свернет реформы и скатится к диктатуре. Ельцина скинут и кто придет вместо него?.. Бедная-бедная Россия, весь XX век — это сплошной кошмар и абсурд: революционное брожение, русско-японская война, Первая мировая, революция, а дальше еще «веселее»… И вот Чечня. Вместо того, чтобы уважительно договорится с советским офицером Дудаевым и дать Чечне хотя бы толику самостоятельности, власть российская пошла напролом и, как выразился на Эхо Андрей Черкизов, полезла «сиськами на амбразуру».

Продолжают поступать письма о моих писаниях. Хвалебные опускаю, а вот один «истинный патриот» задал мне вопрос: «Так с кем вы, г-н Бе-

зелянский? С врагами России или с ее народом?»

Вчера в субботу Вайнер пригласил нас с Ще к себе на квартиру на ул. Усиевича и закатил обильный стол. За светской болтовней просидели ровно 5 часов и выпили вчетвером бутылку коньяка «Белый аист» (была подруга Жоры Нина, врач «по животу» и определила у Ще «плохую вегетатику»). Вайнер подарил нам свою книгу с братом «Евангелие от палача».

18 декабря

Популярность приносит разные приглашения, и вот уже мы побывали на «Декабрьских вечерах» в Пушкинском музее. Рахманинов «Всенощные бдения» — 15 частей разных распевов — «Богородица дево, радуйся!», «Днесь спасение» и другие.

А работа идет своим чередом. Получил вышедшую ноябрьскую «Науку» и отдал напечатанный декабрь. Юра исправно привозит гонорар за материалы для «Времечко» (гонорары на дом! — это высший класс!) В телепрограмме «Утро» Елена Миронова объявила, что день для нее начинается с календаря Безелянского и признаний, какой он (то бишь я) замечательный. Наверняка, кто-то слушал и скрипел зубами. А тут, вдобавок ко всему, на меня вышел босс нового журнала «Баловень удачи» и предложил вести в нем сразу

две рубрики. Еще ездил в новое издательство «ЭКСМО» к главному редактору Сопикову, рассказал ему о своих проектах книг, он: «Подумаем… позвоню…» И второй издательский поход в «Вагриус» на ул. Казакова рядом с Нижне-Сусальным переулком. Главный — Костанян Алексей Львович меня знает и считает интересным писателем. Тоже будет думать и прикидывать издавать или нет. Мои походы очень корреспондировали с французским детективом «В бегах». Бегаю. Договариваюсь. Ловлю издательскую рыбу.

По ТВ роскошный фильм Висконти «Людвиг». В роли Елизаветы, императрицы Прусской, Роми Шнайдер.

25 декабря

В «Космо» выпорхнула «Прекрасная дама в стихах и в жизни» (Люба Менделеева). Это не прежние мои очерки о продавщицах-комсомолках. Ходил к Вайнеру, он костерит советскую жизнь и говорит, что никто не хочет и не умеет работать. «Вот вы, Юра, работаете по-американски, и я также. А остальные?!..»

Работа — это понятно, а оплата? Согласно подсчетам, 81% москвичей получает до 300 тыс. Свыше 600 тыс. (куда попадаю и я) — всего 7 процентов. Среднемесячный доход москвичей в

январе-сентябре — 278,6 тыс. руб. И кто-то пересчитал, что нынешние 100 тысяч — это старые 27 рублей.

В магазине «Прогресс» купил 16-й том «минувшее» и 5-й том «Лица» и углубился в чтение, сколько много интересной информации можно извлечь. В письмах Эриха Голлербаха, искусствоведа, литературоведа и прочее, натолкнулся на следующий горький пассаж:

«…У меня имеется семья. Зарабатываю я один, если свалюсь, все застопорится: болеть мне не полагается, отдыхать тоже не следует, собственно говоря. Так и тянется одно за другим: дача, обувь, пальто, дрова и пр. и пр., а главное, каждодневное — корм, корм, корм…». Это написано в 1940 году, Голлербаху — 45, а умер он в 50 лет. Так жили и бились русские интеллигенты…

Да, мне явно легче, чем бедному Голлербаху. На гонорары купил шерстяные брюки «Сезар» к новому пиджаку — 122.200, и красивый галстук — 18.200.

В газете «Сегодня» рецензия на «Терру» — «Великий сыщик Алишер Навои» Романа Арбитмана, с некоторым ехидством в заголовке. Письмо читательницы о том, что своим календарем дарю «светлые, интересные минуты жизни».

В субботу 24-го сюрприз от ТВ: фильм «Девушка моей мечты» с Мариккой Рокк, любимая картина моей юности.

31 декабря

Никак не разберутся с Дудаевым. Бомбят Грозный. Не президент, а Бомбельцин…

В офисе Вайнера видел развешанный макет газеты «Место встречи изменить нельзя», там и перепечатка моего Брюсова из ВК. Жора улетает в Америку, а тут остается его зам — местоблюститель Даль Константинович Орлов, бывший ведущий «Кинопанорамы». Познакомились. Даль ко мне с большим почтением: еще бы, столько наворотил!.. Тут Светлов благодарил за публикацию о нем, накупил 30 экземпляров газет и курил мне фимиам: «Вы блистательный журналист, лучше Михаила Кольцова и Власа Дорошевича!..» Эко, хватил! Но сам, в глубине души, осознаю: добился немалого. Ще на улице встретила соседку Иру, она угрюмо спросила: «А Юра все пишет?» Пишет и пашет, пашет и пишет. Могу повторить слова Юнны Мориц: «Самая большая удача — осталась вольным художником, не кормлюсь из корыта элиты».

Если брать в целом, то уходящий год был удачным. Надо этот успех не только закрепить, но и

развить дальше. Помимо кучи газетно-журнальных публикаций, вышли две книги. Значит, из журналистов — в писатели. Так держать!..

1995 – 62/63 года

8 января

Новогоднюю ночь провели вдвоем. Немного коньяка и ликера, жареная индейка, орехи, изюм. Смотрели по ТВ разную дребедень, и в который раз умирал от смеха, смотря «В джазе только девушки». А что сулит новый год? Согласно гороскопу, обезьяны будут постоянно заняты делами, их энергия необузданна…

Утром 1 января встали, погода жуть: темнотище, дождь. 2-го звонил Светлов из Мытищ: «Вы добрый волшебник… у вас легкое перо… вы очень умело сцепляете слова… вы пробили 60-летнее молчание вокруг моей коллекции автографов… хотели написать Ираклий Андронников и Татьяна Тэсс, но так и не написали… а вы написали».

В последующие дни меня прихватила простуда (чих, насморк), но, тем не менее, это не помешало сотворить первый материал года — очерк о Маргарэт Тэтчер — 7 стр. А 5 янв. вышла полоса в ВК — юбиляр Альберт Швейцер, детективная панорама, историческая колонка. В «Вечерней Москве» запустились «Тайны частной жизни».

Год начался.

15 января

Читаю дневники Корнея Чуковского. Какие горькие. И возраст поджимал, и угнетало обычное редакционное хамство. Такое же мрачное впечатление от дневников и писем Леонида Андреева.

Запись от 28 февраля 1916г.: «Не знаю, хватит ли охоты вести дневник: не люблю я себя и своей жизни, нет интереса к своим переживаниям, даже к своим мыслям. Думать еще можно, но писать, тратить труд и напряжение, искать слова для себя — это так же скучно, как самому накапывать себе ежедневно 30 капель лекарства. Меня всегда удивляло, как мог Толстой до конца жизни так любить себя, чтобы вести дневник и отмечать мелочи души…».

Запись Андреева в феврале 1918 года о роли интеллигенции в революции: «…дряблость и ничтожность интеллигенции уже полностью сказалась с начала войны — именно в отсутствии воли к войне и победе и дрянных гумастических слезах и охах — и тогда уже можно было видеть, какую жалкую роль сыграет эта интеллигенция и в революции. Но они оказались еще хуже!..».

Ах, Россия, Россия! 13-го по ТВ распинался

Георгий Гачев и сравнивал Россию с большой женщиной, которую никак не может удовлетворить русский народ, ибо он не мужчина, а всего лишь худосочный подросток…

Если говорить о себе, то по-прежнему крутеж-вертеж: «ВК», «Вечорка», «Наука и жизнь», «Космополитэн», материалы для американцев — Вайнера и Межерицкого, на радио запущена новая серия «Крылатые амуры». Какая-то женщина в Доме звукозаписи: «У нас на радио только все говорят: ах, Безелянский!..» Комплиментов много — денег нет. Хотя идут сразу 4 календаря: строго исторический в «Науке и жизни», в «Вечернем клубе» — светски-развлекательньй, в «Вечерней Москве» — семейно-эротический и запустился криминально-детективный в журнале «Человек и закон». Я весь в календаре… Разговаривал днями с Вознесенским, он: ты — новая звезда. Как Станиславский: не верю!..

Продолжает бушевать инфляция. «Известия» «обрадовали»: «Эпоха всеобщего дефицита может вернуться за считанные месяцы». В общем, как-то неуютно. Да и самочувствие неважнец…

29 января

Печатал для «Космо» про Ольгу Глебову-Судейкину. Вместе с Витей участвовал в заседании

Триллер-клуба в «Библио-Глобусе», нас усадили в президиум, но я никак, в отличие от Черняка, не ощущаю себя детективщиком. Только — календарщик. Историк-любитель.

26-го поехал в Останкино — по приглашению — к гендиректору «Новой студии» Анатолию Малкину. При разговоре присутствовала режиссер Елена Фабиановна Шапиро, речь шла о проекте — цикле передач о прошедших годах, но не так, как когда-то делала Галина Шергова, официально-государственно с металлическим пафосом, а приватно — история, быт, юмор… Я планируюсь на основного сценариста, а в помощники мне предложили взять писателя Виктора Славкина. Вдохновленный предложением, тут же накатал две заявки — песня «Арлекино», 1975 год, и вторая: военные годы. Интересно, что выйдет из этой затеи?..

Послесловие, спустя годы: в который раз прав Тютчев: «Нам не дано предугадать…» А это был первый день «строительства» телесериала «Старая квартира», который имел шумный успех – 6 мая 2011 г.

5 февраля

Что выделить из густого потока событий и работы? Брал интервью у Рады Никитичны Аджубей. Очень мило поговорили. Пришло письмо из Пушкинских Гор от Иосифа о подаренной ему книге «От Рюрика до Ельцина»: «Я начал читать Вашу книгу и уже не мог остановиться. Сердечно Вас с ней поздравляю, с новым жанром, который полностью себя оправдал. Важно присутствие личности автора, олицетворяющей духовный опыт целого поколения… Открыл для себя много нового. Изложение истории воспринимал как Мистерию…» Оценка лучшего экскурсовода по Пушкинским местам для меня значима.

Генерал КГБ Питовранов за что-то обиделся на нашу книгу «Терра», а там есть, на что обижаться, и Витя от страха предложил сжечь тираж книги. Я высказался категорически против: мало ли кому что не нравится…

Бальмонт в «Крылатых амурах» звучал под музыку Скрябина и Рахманинова (музыку подкладывает Галя Мишта) и у кого-то, не понял, у кого, возникла идея познакомить меня с американским бальмонтоведом Родни Патерсоном. Я не против. Пришел домой, открыл том бальмонтовского «Избранное» и прочитал:

Когда я был мальчиком, маленьким,

нежным,

Был кроток мой взор и глубок.

Ты знаешь, что утром, пред морем безбрежным,

Горит золотистый песок?..

Или вот: «Я обещаю вам сады, где поселитесь вы навеки, где свежесть утренней звезды, где спят нешепчущие реки…» И сидит где-то в Штатах какой-то американский профессор-славист, переводит бальмонтовские строки и пытается расшифровать таинственную русскую душу. Издает монографии, и человек 10 их читают. Н-да… Чудеса, да и только!..

Получил первый гонорар за публикацию в «Новой Америке» — 140 долларов. Событие. Еще одно: спектакль во МХАте после его реконструкции — «Мишин юбилей». Постановка Ефремова. Играли Любшин, Лаврова, Воскресенская, Добровольская, Селезнева, Жарков, Мягков, Киндинов, Невинный… В целом, весьма ничего. А 3-го ко мне домой приходил Эдик Церковер и брал у меня интервью, предварительно посмотрев мои «бумажки» и альбомы: «Животом чувствую, что интервью будет интересное».

В «Науке» ворчала Елена Васильевна, крити-

ковала мой апрель: «Вы давали новеллы, а тут скороговорка. Вы все печатаетесь в газетах, выступаете по радио, — все это уходит, а «Наука и жизнь» остается…». И там же, в «Науке», дежурная сказала мне, что слышала по радио, как критик Татьяна Иванова хвалила Рюрика: такой книги 100 лет не было… Ну, это явный перехлест.

Тут по телефону разговаривал с самой историей — с 95-летней Надеждой Вольпин, одной из жен Сергея Есенина. Занимаюсь как раз Сергеем Александровичем — грядет его 100-летие.

19 февраля

Церковер нахваливает интервью со мной, мол, замечательное, не то, что с Ярмольником и Аллой Ларионовой, там — пустота… Но пока я его не видел. За материал в «Человеке и законе» мало заплатили, я рассвирепел (от усталости, наверное?) и заявил, что с ними не буду больше сотрудничать. На гонорарные крохи купил воспоминания Давида Бурлюка. Любопытно. «Я был для Маяковского счастливой встречей, «толчком» к развитию цветка его Поэзии. Маяковскому нужен был пример, среда, аудитория, доброжелательная критика и соратник. Все это он нашел во мне».

А вот и сам Бурлюк: «Я презираю идиотов, кото-

рым вязь поэзии чужда…»

Какие еще новости? Ще получила в «Москвичке» диплом — лучший автор 1994 года. Она на седьмом небе, и я очень рад за нее. Чувствую себя профессором Хиггинсом из «Пигмалионо» — мое творение… Наконец-то увидел вышедший номер «Русской Америки». Там список членов редакционного совета: Аркадий Ваксберг, Николай Сванидзе, Юрий Рост, Эльдар Рязанов, Сергей Юрский, Юрий Щекочихин, кто-то еще и Юрий Безелянский (и снова: «Дожили!» — как сказал попугай). Все изживаю из себя комплекс сотрудника журнала «Советская потребительская кооперация», по статусу — ноль, никто…

Три авторские публикации в один день: В «ВК» — интервью с Радой Аджубей, в Москвичке — очередной кусок из Рюрика, в «Вечорке» — 8-й по счету отрывок из хроники Любви и Разлуки. Занимался мартовской полосой, из юбиляров выбрал Леонида Утесова. Для вдохновения слушал пластинки про дядю Эля и «Лимончики»:

Если добрый дядя Эля
В сердце чувствовал веселье,
В сердце чувствовал веселье
Дядя Эля,

Он развязывал шнурочек,
Вытирал он лоб платочком,
Вызывал к себе тогда он трубачей…

Ну, и «трубачи в трубу трубили, дудачи в дуду дудили…» А уж «Лимончики» — «Ой, лимончики, вы, мои лимончики! Вырастете на моем балкончике…». Я обожаю раннего Утесова, его одесские приколы: «Гоп со смыком — это буду я!..». Ну, и, конечно, «С одесского кичмана бежали два уркана…». Кстати, подвыпившие вожди в Кремле всегда просили спеть блатняк. В большинстве, они в прошлом сами уркаганы.

26 февраля

По поводу Л. Странно прожила жизнь, можно сказать, коту под хвост. Ничего путного не сделала, ничего не добилась. Все свалила на постоянные болезни. Но другие и недомогают, и болеют, и впадают в депрессии, но это им не мешает чего-то добиться. А тут ничего. Пустота, вакуум. И отсюда же неприятие других, зависть, злоба и даже агрессия…

Ну, а у меня к прежним работам и метаниям добилась головная боль: обмен долларов и билеты на самолет — два билета туда и обратно в Германию стоит 550 долларов (курс на сегодня

4.280 руб. за доллар). Ще тоже поучаствовала в добывании визы и с криком «Яша, за мной!» (С Яшей познакомилась в очереди) бросилась на штурм заветного окошечка. 26 марта — вылет по приглашению Наташи.

20-го ко мне пожаловали режиссер Татьяна Архипцева и драматург Михаил Богомольный, обсуждали новый телепроект. Приятные, интеллигентные люди и каждый с фонтанчиком идей. Вечером, после ухода гостей, по ТВ показали польский фильм Мареке Котерского «Порно». Молодой человек жаждет любви, а получает одни голые попы. Да, такой бы фильм показали в юности, но, увы, сплошные запреты и табу. «В СССР секса нет». Интересно, в нашем проекте будем касаться этих сторон или обойдем?..

В четверг 23-го в ВК вышло интервью Церковера со мной под заголовком «Чувствую себя уже не человеком, а какой-то печатающей машиной». Во вступлении Эдик обозвал меня «любимцем публики». Внутри интервью помещено мое стихотворение 1951 года, можно сказать, программное:

Я – все одно непостоянство,
Я соткан из противоречий.

Пестро души моей убранство.
Язык мой – перезвон наречий.
В себя вобрал я нежность лани
И в то же время ярость тигра.
Нет для меня других желаний:
разнообразить жизни игры.
Сегодня я в тоске грозовой,
а завтра – смех и безмятежность.
Люблю во взоре бирюзовом
Я пламенеющую нежность…

Большое интервью на целую полосу, где я упоминаю сделанные в стол 6 томов под условным названием «Человек и общество», большое эссе «Моя мечта — Франция», лирическую фантазию «Луна в офсайде» и прочее. И надо же так случиться — вышел и «Журналист» №2 на четырех полосах, еще одно интервью со мной «Число, которое способно стать сенсацией» с подзаголовком «Человек-архив, написавший историю России и 100 футбольных программок, избрал своим жанром календарь». Но это не все: в «Москвичке» — кусок из Рюрика, в «Вечорке» — фрагмент «Хроники Любви и Разлуки». Четыре материала в один день. Когда-нибудь подивлюсь этому факту,

а пока одно чувство: усталость.

На следующий день 24-го ездил в «Космо», там вышла Зинаида Райх. С таким представлением: в редакции «появился Юрий Николаевич Безелянский — наш бессменный автор захватывающих исторических очерков о знаменитых женщинах. На этот раз он предложил рассказ о Зинаиде Райх…».

Странно читать о самом себе, будто это и не я, а какой-то незнаковый человек. Пожилой дядя с седеющими волосами.

25 февраля, — фиксирую по дням. На Кузнецком мосту в Доме художника побывал на выставке «Ню о советском изобразительном искусстве 1920–1980 гг.». Да, советские живописцы далеко не Ренуары и не Модильяни. Вечером сел и накатал ехидные заметки.

> Забегая вперед. 20 марта в Вечерней Москве вышли эти заметки под заголовком «Разглядывая обнаженную натуру – Нет, это не взбитые сливки!» Под конец: «Выставка грустная, нерадостная. Стоят, сидят, лежат около ста женщин. Все какие-то непрорисованные, в грязноватой гамме, невкусные и неароматные и наве-

вают тоску…» (7 мая 2011)

Что тут сказать? Нагота женского тела не в традициях русской живописи. Мораль не та. Менталитет не тот. Что касается вина, мата и разной пугачево-малютовщины, то тут стихия своя. Родная. А вот голая баба, тут, вроде бы, запрет: непристойно…

Звонок от Светлова: прочитал интервью в ВК:

— Какой вы гигант! Как вы все успеваете, — это немыслимо для одного человека. Вы, наверное, схимник.

— Нет, — отвечаю я. — Жизни не чураюсь, только вот не пью и не курю.

— А как насчет женщин?

— Что вы, Владимир Александрович, у меня жена.

— Это не считается. Это — домашнее хозяйство. А для творчества нужны женщины, страсть…

Забавный старик. Мой материал о нем называет «некрологом при жизни». Он снял с него ксерокс и показывает всем знакомым, при этом говорит, что это написал добрый человек из XIX века.

3 марта

Свое 63-летие встретил в работе и новых пла-

нах. Непонятно только одно, что дальше будет в этой стране негодяев и варваров…

Звонил в Межкнигу, там сказали, что на «Терру» пока мало заказов, вот только из Польши хотят закупить 10 экземпляров… На малой сцене МХАТа смотрели пьесу «Новый американец» по мотивам произведений Сергея Довлатова. Потрясно сыграла Ия Саввина майора КГБ Беляеву, якобы, спасительницу родины.

На 2 марта наложилась смерть Влада Листьева, точнее, убийство. Живем в политическом зверинце. А еще ходил на улицу Лавочкина на ярмарку «Книги и все для книг». Пытался пристроить свои «Тайны». Не удалось. Вечером объявилась Людочка, пили шампанское «Сан Марко», но настроение было испорчено: склоненный в знак вины перед гибелью Листьева, президент Ельцин, «недоглядевший»…

Дополнение. В 2001 году вышла моя книга «Огненный век». В хронике лет есть дата – 1 марта 1995 года: «В подъезде собственного дома убит популярнейший телеведущий Влад Листьев. «Убийство Владислава Листьева повергло Россию в шок» («Известия»). «Нам выстрелили в

сердце» («МК»). И сразу возникли вопросы: «КТО же правит страной – Президент, Закон или Мафия?» («Вечерний клуб»), «У нас есть основания бояться полицейского государства» («Известия»), «Нас находят. А их найдут?» («Культура»).

Убийц Листьева так и не нашли… (8 мая 2011).

7 марта

В редакции «ВК» получил три письма. Пенсионерка Скрипник: «Какое наслаждение читать ваш календарь. Неописуемое…». А дальше она сетует, что, читая мной написанное, надо непременно лезть в энциклопедии: а кто такой Эккерман, а кто Делакруа? Когда жили?.. Ще от возмущения зашлась: не знать Эккермана, Делакруа! Но что делать: такие вот малопросвещенные читатели, но они с увлечением читают и хотят знать. Я для них — некий просветитель, вроде Григория Сковороды.

В другом письме от Сусанны Бабаянц стихи:

Ю. Безелянского колонку –
его прекрасный календарь,
Где все продумано так тонко,
Где сам себе он государь,

Всегда читаю с увлеченьем
И нового я жду опять,
Чтоб вместо будней мельтешенья,
Ненужного в них копошенья
Познанья радость испытать!

К дню рождения Марина Болдинская прислала открытку со стихами (писала их, очевидно, ее подруга Лукьянова):

Среди других в «Вечернем клубе»
Он златопер и златоуст:
Раз прочитают – в миг полюбят,
Поняв, что свет без Юры пуст.
Как акванавт, ныряя в лету,
Он нам Историю речет,
Но вот любимая газета
Скупа сегодня на расчет.
Горя к Отечеству любовью,
Читателю – один же черт! –
Придется жертвовать здоровьем
На «Физкультуру» и на «Спорт»,
Чтоб энный раз узнать при этом,
Что с Рюриком до наших лет

С царями, думами, советом
«Порядка не было, как нет».
«Календарями» намекая,
Что все это, как мир, старо,
Пусть юмором не иссякая,
Сверкает Юрино перо!

Да, обильный урожай откликов. Значит, историк-крестьянин трудился не зря. Даже Ильенко из школьной поры при встрече изрек: «В «Вечорке» про баб пишешь — неинтересно, а вот про Рюрика у тебя хорошо. Серьезно…»

А Черняк по телефону все нудит: вот мы ничего не можем, ничего толком не добились… Я так не считаю. Кое-чего я все-таки добился, молю Бога, чтобы дал сил на большее…

19 марта

То ли от усталости, то ли от чего, но на животе беспокоит фурункул (как у Ходасевича?). Пришлось прибегнуть к Вишневскому — ни к драматургу Всеволоду Вишневскому, ни к поэту Владимиру Вишневскому, а к мази Вишневского, — не помогает. Пошел к хирургу. Хирург Бородкин «обколем», и я даже не успел сообразить, что он имеет в виду, вкатил два укола

пенициллина. Я ему: «У меня аллергия». А он: «Ох, уж эта интеллигенция: всего боится». «Мой девиз, — сказал Бородкин, — всегда надо действовать решительно, «только штурм!».

Штурм Жоры Вайнера провалился: денег на новое издание не нашел. Но вышел второй номер «Новой Америки». Пошли переговоры с издательством «Народное образование».

Новые надежды? Боюсь, что получится, как с маленькой Каторжиной, которую уговорили пойти на рентген, а обратно она шла и бурчала: «Обещали фотографию и не дали». Еще отличилась лилина Маша. Испугалась убийства Листьева и решила уехать из России в Германию. Собирает чемоданы. Ще спрашивает: «А ты язык немецкий знаешь?», Маша: «А разве это нужно?»

Умер Коля Меркулов. После сложной операции на сердце прожил с десяток лет. Конец наступил внезапно: шел с рынка, нес бидончик молока. Вдруг взмахнул им и упал — молоко разлилось, мгновенная смерть. Ще поделилась печальными новостями с Лилей. Стала перечислять моих школьных друзей-приятелей, а Лиля задала бестактный вопрос: «А сколько осталось?» Ще так и села…

17-го засел за майскую полосу. Ныла коленка.

Барахлила машинка. Печатал и чертыхался. Все надоело…

За окном пасмурно. Возврат зимы, лежит тонкий слой снега, +2.

25 марта

Сегодня в «Московской правде» символический заголовок «Наши в Дюссельдорфе». Вот и мы туда летим с Ще. Четыре года были «невыездными» (Пушкино-Каллистово не в счет). Последние выезды за границу: Ще в Финляндию, август 1987, я — Италия, декабрь 1989. И вот впервые летим вместе, — новые времена!..

В морге провожали Меркулова. В «Вечорке» вышла рецензия о выставке «ню». Вот она жизнь: от ню до морга! Польский афорист Лешек Кумор: «Жизнь: сделай свое дело и уходи!». Вуди Аллен: «Я не боюсь умереть. Я просто не хочу при этом присутствовать». Но хватит об этом. Впереди Германия. И вступает в силу Шенгенская конвенция о единых правилах въезда в 7 европейских государств из третьих стран. Значит, с немецкой визой можно поехать в Бельгию, Голландию, Францию.

Из интервью Юрия Сенкевича: «С тех пор, как нас пустили по миру, нам только и остается, что путешествовать».

Германия с выездом в Амстердам, Париж и Брюссель

Прежде чем приступить к описанию нашего путешествия, нужны предварительные слова в тему Россия и Германия. Немцы — наши соседи и партнеры. С ними мы дружили, воевали, торговали и разрывали отношения, — всякое было на протяжении истории. А сколько выходцев из Германии служили России! Одна Екатерина II чего стоит! А Остерман, Миних, Нессельроде… А прусские офицеры, аптекари, инженеры, врачи и прочий служилый люд! А промышленники-капиталисты, которые вкладывали деньги в развитие России. Даже в русскую литературу некий вклад сделали немцы: Кюхельбеккер, Лев Мей… Создателя русского словаря Владимира Даля понукали немцем. Немцев и уважали за деловитость, аккуратность, прилежность, а одновременно и не любили, как, впрочем, и других чужаков.

Если прибегнуть к обывательскому ассоциативному ряду, то Франция, — это прежде всего Париж, вино, мушкетеры, женщины, мода. Италия — это Рим и Ватикан, футбол и макароны, красивая одежда и обувь. Ну, а Германия? Сразу вспоминаются фигуры Бисмарка и Гитлера, фа-

шизм, рейх и война…

Но все это устарело. Бисмарк и Гитлер — экспонаты истории, фигуры из музея мадам Тюссо. На месте тоталитарного рейха живет и процветает демократическая страна Германия. Немцы забыли о своем фашистском прошлом и гордятся нынешними достижениями во всех сферах жизни. Высококлассный ученый-экономист Людвиг Эрхардт помог стране сотворить «германское чудо» процветания. Мы не смогли, а немцы смогли. Побежденная страна ныне процветающая, а мы, победители, в роли отстающих и догоняющих. Ходим по миру с протянутой рукой, клянчим займы и никак не можем освободиться от тоталитарного имперского сознания и разобраться в своем богатейшем, но страшно запущенном доме.

Ну, а теперь от общих рассуждений к конкретике. Два часа 45 минут лета и мы приземлились в Дюссельдорфе, оттуда Саша нас домчал красной машине «Опель-Омега» быстренько по прекрасному автобану до Дортмунда, в двухкомнатную квартиру Наташи — нашу новую базу.

Мы прилетели 26 марта, казалось бы, в Европе в разгаре весна, но «фрюлинг» запоздал: такого холода в Германии в этот период года не было 30 лет. Погодный сюрприз. Более того, шел снег. Мы

с Ще вышли на одну из дортмундских улиц, и я пытал жену, как будет снег по-немецки. И вдруг, за нашей спиной, услышал чистую русскую речь: «А вы помните песню про снег?». И, не дождавшись нашего ответа, незнакомец запел: «А снег идет, а снег идет, и все вокруг, вокруг поет…».

Допев куплет, незнакомый певец представился: он приехал в Дортмунд из Житомира, «приехал из страны чудес в страну сказки»:

— Я тут уже пять месяцев. Жену четыре раза прооперировали, сам прооперировался. Прекрасная страна!..

Поговорив «за жизнь», он пожелал нам успехов и двинулся дальше, этот пожилой прооперированный еврей в кожаной куртке. Он уходил от нас быстрым шагом и, кажется, продолжал петь.

В Дортмунде и по всей Германии много евреев из России. Им создают тут прекрасные условия: предоставляют квартиру, учат языку, бесплатно лечат и т.д. И на первой стадии пребывания в Германии у приехавших эмигрантов возникает ощущение счастья, облегчения, эйфорически приподнятое настроение, чувство пребывания на отдыхе и отсутствии всякой ответственности, — такого мнение одного франкфуртского психоаналитика. А потом наступает вторая ста-

дия: депрессия, сомнения в своих силах и прочее. Эта фаза может длиться месяцами и годами. Ну, а третья фаза, но она приходит не ко всем, это — переход к активным формам жизни.

Выходцы из СССР-СНГ-России общаются в основном между собой, горько сетуя на трудности с устройством на работу и в освоении языка. На магазинном уровне освоить немецкий легко, а вот, чтобы общаться по душам, — это практически невозможно. Эмигрант всегда останется эмигрантом. Еще в XVIII веке Николай Языков жаловался:

Я по-прежнему в Ганау
Сижу, мне скучно и тоска
Среди чужого языка…

И все-таки едут и едут в Германию, бегут от трудностей на родине и пытаются интегрироваться на чужбине. Спастись…

А когда-то в Германию приезжали совсем по другим причинам. К примеру, в Гессене, по данным «Русского вестника», в 1860 году побывало 275.582 человека.

Художник Александр Бенуа вспоминал: «…Ездили за границу все, и даже люди с очень скромными достатками, и даже те, кто из патриотизма

готовы были все заграничное хаять. Весьма многие ездили за границу лечиться, но часто и это бывал только предлог, чтобы перевалить за границу и очутиться в одном из таких заведомо приятных мест, как Карлсбад, Мариенбад, Эмс, Баден-Баден или Висбаден, в которых «столько чудесных прогулок» и в которых собиралось такое «избранное общество»…

Кто только не побывал в Германии. Ломоносов был замечен в Марбурге, во Франкфурте побывали Фонвизин и Карамзин, Батюшков и Жуковский, А.К.Толстой и Вяземский. Гоголь жил в Ганау, Станкевич и Бакунин — в Эмсе. В различных городах Гессена жили и развлекались Лев Толстой, Гончаров, Достоевский, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Кони, Блок… В Марбурге Борис Пастернак испытал любовную лихорадку: «Я вздрагивал, я загорался и гас…».

Но от теней прошлого к живым людям, к нам. Первый день 27 марта в Дортмунде, на германской земле. К завтраку Ще вышла в наташином изумрудном халате, как фрау. Немецкая деликатесная колбаса, ноздреватый сыр, кофе и доппел-кекс. Сидим с Ще на кухне, как в Москве, только без радио и газет. Первая прогулка до собора Рейнольдса и по торговой улице. В Дорт-

мунде старины нет (все было разрушено во время войны), но красиво все отстроено «под старину».

В дальнейшие дни бродили по городу, заходили в магазины, покупали всякие вкусности и обязательный дневной «шляффен» (сон). 30 марта отправились от «Рейзен-бюро» на роскошном автобусе фирмы «Граф» в Амстердам. По дороге попали в небольшую «дер пробкен». В городе были 7 часов. Походили, посидели в разных кафе, покатались по амстердамским каналам. На набережной Ахтерьургвал увидели район «живого товара». Подивились магазину сатанистов и вконец устали.

1 апреля отправились на поезде в Кельн. Наконец-то осуществилась мечта Ще — увидеть Кельнский собор. Величественный. Его фундамент заложили в 1248 году, а завершен собор — шедевр готики, — в 1880 году. В то время кафедральный собор высотой 157 м был самым высоким зданием в мире. В соборе много прекрасного, к примеру, 5 «Баварских витражей» — пленительные светящиеся краски. Через витражи струится мягкий свет. Удивительна маиландская Мадонна в южной галерее клироса, впечатляет многофигурный алтарь Агиольфуса и т.д. Посмотрели, поахали, повздыхали и немного

посидели в Сакраменте-капелле — нур цум гебет — только для молитв.

Вышли из собора и двинулись по Хойе штрассе — главной торговой улице, но до Большого Мартина не дошли, как-то быстро сморились и зашли в какое-то кафе. Огромное блюдо с набором колбас и овощей нас повергло в ужас, — неужели все это можно съесть. Съели. Но когда принесли два чудовищных куска торта, я взмолился: «нур аляйн» — только один! Официантка была изумлена, да как это можно отказаться от такой вкуснятины?!.. После такой заправки уже не было желания отправляться на «шоколадном экспрессе» на знаменитую кондитерскую фабрику. Так что с Кельном познакомились очень поверхностно.

2 апреля отправились в столицу земли Северный Рейн-Вестфалия — в Дюссельдорф. Богатый город, а уж Кениг-аллея — истинная улица богачей. Мы продали 5 Рюриков и 5 Терр за 120 марок, но этих денег не хватило бы уютно посидеть в дорогом кафе. Посмотрели на цены и пошли прочь в старый город Алтстадт. Крохотные улочки-переулочки, масса магазинчиков и лавчонок, местные утверждают, что тут «самый длинный прилавок в мире». Но меня не интересовали товары и суве-

ниры, мне было интересно взглянуть на дом, где родился Генрих Гейне, «Гарри из Дюссельдорфа». Однако никто из опрошенных немцев не знал, где расположен дом классика немецкого романтизма. Дядя поэта, Соломон Гейне, открыл для племянника фирму по продаже сукна, но Гейне оказался плохим коммерсантом. Коммерция и поэзия — вещи несовместимые. В мае 1831 года Генрих Гейне выехал из Германии во Францию. Шагая по Дюссельдорфу, я вспоминал строки Гейне:

Удача – резвая плутовка:
Нигде подолгу не сидит;
Тебя потреплет по головке
И, быстро чмокнув, прочь спешит.
Несчастье – дама много строже:
Тебя к груди, любя, прижмет,
Усядется к тебе на ложе
И, не спеша, вязать начнет.

3 апреля — день покупок в магазине Карлштадт, а вечером знакомство с турецким районом Дортмунда. А на 10-й день, 4 апреля, Ще захотелось домой:

Щекастик – товарищ суровый,

Заводит лишь песню «Домой!»
И хмурит устало так брови,
И машет тоскливо рукой.

Как говорили Ильф и Петров, наступил кризис жанра. Побывали в знаменитом каком-то парке. Тишина, озон и аромат экзотических растений. Туда и обратно на метро, пассажиров раз-два и обчелся, так непривычно: никто не толкается, не наступает на ногу, не хамит. Кругом одинокие законопослушники и гулять — «шпацирен» — одно удовольствие.

Париж

В ночь на 6 апреля, в 23.47, отправились в автобусе (за 96 марок на двоих) на экскурсию в Париж, в начале 9-го 6 апреля мы въехали в Париж, а в 8.40 началась обзорная экскурсия.

О, Париж! Париж — это любовь на всю жизнь. «Он часть истории, идея, сказка, бред…» (Валерий Брюсов, «Париж», 1903). «Тебя, Париж, я жду ночами. Как сутенер приходишь ты…», — писал молодой русский парижанин Илья Эренбург. Я тоже мечтал и бредил Парижем и даже написал эссе-исследование «Моя мечта: Франция!» в 100 машинописных страниц, в стол, в советские

времена. Летом 1979-го должен был поехать в составе журналистской группы, но меня тормознули. Стоп-кран и я остался в Москве. Но это не охладило мечтания, Париж не отпускал меня.

В книге «Люди, годы, жизнь» Эренбург вспоминал, как в юности рвался в Париж: «Только в Париж», — сказал я родителям. Мать плакала: ей хотелось, чтобы я поехал в Германию и поступил в школу в Париже много соблазнов, роковых женщин, там мальчик может свихнуться…

Город есть такой Париж,
Про него недаром сказано:
Как заедешь – угоришь…

Кто это сказал? Классик Николай Некрасов. Надо отметить, что мы тоже с Ще «угорели» в столице Франции — от усталости и обилия впечатлений.

Сначала Париж из окна автобуса. Как записано в записной походной книжке: отель Бланже, церковь де Орвис, улица Могодор, Гранд Опера, бульвар Капуцинов, руи ла Пакс, вандомская колонна, Комеди Франсэз, Лувр, дворцы на набережной Сены, ул. Франсиско Мирона, Люксембургский сад, Сите, Нотр Дам в лесах, музеи д'Орсе, мост Александра III, Елисейские поля…

Около Елисейских полей первая остановка, где размяли ноги. И покатили дальше, крутя головой по сторонам. Снова вышли. Море туристов. Яркое солнце. Множество негров, торгующих сувенирами. А вот и Эйфелева башня. Сколько раз видел в кино и на открытках, а тут «живая», натуральная и смотрится по-другому. Снова в автобус и снова остановка, ну, а затем самостоятельное хождение. Десять часов — до упаду. Не сразу вышли в центр, поплутали и мгновенно устали. Появилось даже раздражение, но его быстро уняли в первом же кафе, ну, а дальше уже было полегче. Вышли на бульвар Хаусмана и попали в галерею Лафайетта. Затем осмотрели внимательно Гранд Опера и даже заглянули внутрь. Около Лувра отпивались минеральной водой.

Парк Тюильри ослепил белым песком и защипали глаза. Потом вышли на Итальянский бульвар, и всюду, куда ни попадали, все было интересно до жути, о чем когда-то давно говорил Салтыков-Щедрин: «Прогулка по улицам Парижа, в смысле разнообразия, не уступает прогулке по любой выставке». Ну, а когда попали на площадь Пигаль, в район развлечений и порока, то тут удивлению не было конца: у нас такого еще нет. Ночные клубы, кабаре, стриптиз-бары, «девоч-

ки», «мальчики», порно 100%, соответствующие запахи и ароматы. Сбежали оттуда и где-то в тихом месте приходили в себя, вожделенно ожидая своего автобуса: в Дортмунд, к Наташе!..

В 22.16 автобус двинулся в обратный путь. Нас сопровождали огни вечернего Парижа…

* * *

6 апреля провели в Дортмунде без всякого Плас Пигаля. И 7-го тихий день там же. Прогулки, покупки, удивление немецкому порядку — «орднунгу». В магазине вам порежут, что надо, завернут в белоснежную обертку, положат в пакет, прикрепят чек и, пожалуйте, в кассу — «битте-дритте, фрау мадам!» — как пел Володин в «Свадьбе в Малиновке». Запад загнивает, согласно уверениям наших пропагандистов, но как-то уж очень красиво!..

8 апреля — снова маленькое однодневное путешествие в Бельгию, в Брюссель. В Германию приехала Лика, и мы едем втроем. На грех и на смех водителем оказался какой-то неумеха Клаус, который никак не мог въехать в центр Брюсселя и колесил по окраинам, неожиданно въехал в «розовый район», и обрадованные потенциальным клиентом, жрицы любви в распахнутых

окнах принимали соблазнительные позы и зазывали пальчиком: давай-давай, высаживайся из автобуса и заходи!.. И лишь спустя два часа закончилась эпопея въезда в Брюссель, и мы втроем оттянулись в кафе Рубенса. И тут же отправились на Гранд Пляс, и сразу вспомнился первый визит в 1973 году.

Брюссель — кружевной, барочный город и, разумеется, красивый. Мы ходили и наслаждались. Обедали в итальянском ресторане «Джаннино». От усталости и обильной еды расслабились и безудержно хохотали, — счастливый миг жизни. И снова бродили по городу, и снова восхищались им. Всего в Брюсселе более 7 часов. А дальше автобус, непрофессионал Клаус, опять запутался в развилках дорог, и я на весь автобус гаркнул: «Нахт Штутгарт!» Автобус затрясся от смеха.

9 апреля. Сбор сумок и прощание с Германией, с Наташей, ее двумя чудесными детьми — «шнурками». Из Дортмунда в Дюссельдорф. Аэрофлот, ТУ-154. Лица соотечественников — угрюмые и сосредоточенные. И вечером мы уже дома, в Москве.

16 апреля

В Москве в первую очередь занялся разбором накопившейся прессы, отбирал интересное, ре-

зал, складывал в досье. Затем сбор гонорарного меда. Получил письмо от читательницы, которая встревожена моими контактами с Вайнером: «…не соблазнил бы он Вас уехать в богатую страну. Не делайте этого! Вряд ли вы встретите там такое же взаимопонимание, как в родных местах, пусть и невысказанные. Вы умный человек, смешно писать вам все аргументы «за» и «против». Вы все сами решите, взвесите. Только знайте, на чашке весов «против» и моя песчинка… Сейчас вы в фаворе у читателей, радуйтесь этому, почему-то кажется, что не умеете вы извлекать радость из жизни горстями…».

И поскриптум: «А как у вас блестяще получается сочетание высокого, знакомого, общепринятого с острыми сиюминутными бытовыми даже впечатлениями…».

Да, такое письмо. Нет, я не взвешиваю «за» и «против». На Западе хорошо на короткое время, а жить там я, наверное, не смогу. Мой удел — Россия. Моя языковая стихия здесь… Здесь громадье планов. Жора Вайнер лелеет запустить программу на ТВ «Место встречи изменить нельзя», где видит меня ведущим. Анисим вынашивает программу «Господин ретро» и тоже хотел бы, чтобы я ее вел и т.д. Я не обольщаюсь и только

усмехаюсь: если бы кабы!.. Из нового реальна запущенная рубрика в журнале «Огонек» — «Строки дневников и писем из коллекции Юрия Безелянского».

В «ВК» вместо моих колонок давали подборку агентства «Экстра-пресс» со словами, что замена вынужденная, ибо «Юрий Николаевич отбыл в Европу, где намерен посетить ряд стран. Со дня на день ждем его в редакции… А пока он шлет нам привет с берегов Рейна и твердо обещает: как только прилетит в Москву, тут же засядет за очевидной выпуск «Календаря Ю. Б.» Так что со следующей недели все вернется на круги своя. Ждем!»

Да, ребята из «ВК» — хохмачи. Но приятно… Приехал — и начинай сначала: колонки, «Космо», «Огонек» и прочее мочало.

30 апреля

Насмешила маленькая Каторжина. Гуляли вместе в роще, она с удовольствием прочитала только что выученную басню Крылова про ворону и сыр. А ей говорю: не сыр, а кусочек ветчины. Каторжина надула губки, отошла в сторону, прочитала и проверила слова басни, и взмутилась: «Какая ветчина? Там никакой ветчины нет! Ветчина!..» слово «ветчина» она произнесла с явным

презрением: а это еще что такое?!..

В воскресенье, на Пасху 23-го, ездили в Серебряный бор. После Германии было больно смотреть на загаженные дивные места и видеть массу дурно пахнущих автомобилей. Никакого удовольствия…

25-го — развлечение. В отеле «Лента Олимпик» презентация журнала «Космополитэн». Публика разношерстная: кто в смокинге, а кто в шортах и с рюкзаком за спиной. На пресс-конференции Мясникова с удовлетворением отметила, что тираж журнала скакнул с 60 до 400 тыс. экз. Немного пообщался с Викторией Токаревой (как развело: лицо как блин), потолкался, выпил бокал шампанского и слинял с сумочкой, в которой заложили новый журнал (там Зинаида Гиппиус) и фартук из соломки для Ще.

«Плодоносит» Лариса Рейснер: после «Недели» и «Космо» публикации в Нью-Йорке в «Новом русском слове». В «ВК» вышла 27-я полоса по счету, там — Мария Андреева.

7 мая

С экрана и с эфира тема войны. И жалкие старики и старушки с брякающими медалями. Страна-победитель с нерешенными проблемами ни в одной из сфер жизни. Кто виноват? Власть

или народ, непутевый, безалаберный и глупый? Наташа ругает немцев — «квадратные», ну, а мы — круглые?!..

Был на переговорах в Рен-ТВ (опять пустые хлопоты!), одна редакторша: «Вы человек уникальный, вы занимаетесь делом. Сейчас никто не занимается настоящими делами, только анекдоты травят… Вы, наверное, какие-то премии получали?..» Кто-то получает, но не я. Я получаю только вздохи восторга и тепло комплиментов…

В транспорте Ще остановил контролер:

— Девушка, что у вас?

— У девушки пенсионное удостоверение.

14 мая

Мелкие неприятности: сломалась «Эрика», перешел на сломленный «Консул», западают литеры и приходится от руки дописывать буквы, эфиопская работа. Сломался очередной зуб, значит, опять траты. И так далее. Жаловался и Светлов: «уходят глаза». Господи, все это старческие недуги… В Третьяковке были на выставке «Они унесли с собой Россию…» — из собрания Ренэ Герра (еще один энтузиаст, да какой!..). Великолепна обнаженная — Валентина Мотылева, — кисти Юрия Анненкова, книжные иллюстрации Константина Сомова… Вышли из

Кадашей и попали на новый мостик, а там за ним сразу памятник Репину, — Илья Ефимович, здрастьте!..

9 мая — парад по ТВ неинтересен, а шествие оппозиции по Тверской впечатлило. Демонстранты, в основном с клиническими физиономиями, искореженными ненавистью, с портретами Сталина (видно, мало душил и убивал народ!), с выкриками и надрывами. Какой-то кособокий подскочил к нам: «Вам не страшно, новые русские?!» И почему я — новый русский, я старый русский, родившийся на Арбате. А еще одна ядовитая дамочка игриво предложила мне: «Убей жида!». Словом, поехали посмотреть на шествие — и получили!.. На Арбате группа молодцов в черном сходу разметала все столики с матрешками, к счастью, продавцов не тронули. Увидели и группу поющих молодых евреев. Какой-то ветеран войны пел о том, что он обожает «Костю-моряка» Крохотная девочка, очень похожая на девочку на шаре с картины Пикассо, пиликала на скрипке и просила подаяние. Майский день, голубой и зеленый — это в природе, а на уровне государства — «воинственный дух неодержавности», как написал Юрий Афанасьев в «Известиях».

11 мая ездил в РЦГАЛ, познакомился с директо-

ром Натальей Борисовной Волковой (вдова Ильи Зильберштейна). Мило поговорили. Наверное, когда-нибудь придется сдавать туда свои архивы…

21 мая

Посмотрел грандиозный фильм Спилберга «список Шиндлера» об уничтожении не только евреев, но и человека вообще. Война развязывает самые низменные инстинкты, и это ведет к гибели людей. Вот и сегодня — Югославия, Чечня, Таджикистан. Только масштаб поменьше, чем у нацистов.

На Р-1 записывал программу про Аполлона Григорьева. Мне, оказывается, платят самый высокий артистический гонорар — 20 тыс. Это что — насмешка? За апрельскую «Науку и жизнь» выписали 200 тысяч, в 10 раз больше. Но получил не только гонорар, но и семейную сцену с истерикой. Я заявил Елене Васильевне, что с июля не буду больше вести рубрику. Не могу. Нет сил. А она в крик: «Вы нас бросаете! Всегда так! Вы оказались такой же, как все! Вас вывели в люди, дали вам популярность, а вы, а вы!..» Бытовая сцена: кормила-поила, а он взял и ушел к другой женщине!.. И далее: «А я, дура, всегда давала ваш телефон различным газетам, радио, телевидению, а надо было держать только для себя!..». В

общем, сцена у фонтана. Может быть, я и не прав, но, честно, устал — вести множество рубрик не по силу журналисту-пенсионеру.

Звонила Марина Тарковская. Сообщила, что во Франции вышли дневники Андрея, там несколько строчек обо мне. Ще захлопала в ладоши. Записывался на радио на Пятницкой и зашел на радиостанцию «Надежда», восприняли с распростертыми объятиями: «Интервью у вас возьмем, но хорошо бы, чтобы вы вели у нас рубрику, вот как раньше вел Евгений Рубенович Симонов, теперь эту культурную нишу должны заполнить вы…».

Что я делаю?! Ненасытный! Мне только «Надежды» не хватает!..

В «Огоньке» Андрей Збарский:

— Юрий Николаевич, процветаете на страницах «Огонька»?

— Да? А когда платить будут?

— Это не ко мне! — сказал Збарский и вихляющей опереточной походкой исчез в коридоре.

Отклик знакомых: «Какой журнал не откроешь — всюду ты». А Витя продолжает свою песню: «Мы не туда бредем, не то делаем…». Приезжал на дом фотокорр Юрий Феклистов, снимал на слайды — и это Витя называет «не туда идем»?..

Вышла апрельская «Русская Америка», а я печатал июль. Оплата в долларах, но все равно денег катастрофически не хватает: гонорары не поспевают за жизнью…

Пришло письмо еще от одной читательницы, ей все нравится, что она все написанное мной подшивает в скоросшиватели, но ей очень бы хотелось, чтобы все это было издано в книге… «Уверяю вас, что спонсоры найдутся, и книга будет пользоваться успехом». Ее бы устами да мед пить. Спонсоры, где вы? Ау!..

Вчера вышла в ВК полоса о Германии — «Страна, где порядок превыше всего».

27 мая

Донимают жара и духота. Какие-то погодные прыжки и ужимки. Под 30 градусов. Ну, и экология: выбросы машин, газы, тяжелые металлы, диоксиды и прочие химические прелести. Москва — не Дортмунд. Там из некогда угольного края Рура сделали вполне чистый и процветающий город. Ну, да, они — побежденные, а победители — это мы, барахтывающиеся в грязи и нюхающие миазмы…

А тут еще вечная проблема денег, о которых певец Михаил Гулько сказал: «Я вообще не видел легких денег». Вот и я в поте лица: скинул «Нау-

ку», схватился за «Работницу». А тут еще Анисим фонтанирует идеями для Останкино: «Новости из прошлого» и сватает мне в пару, как ведущему, то Аркадия Буйнова (брата), то Элеонору Беляеву, ведущую «Музыкального киоска». Весь в дыму прожектов!.. Еще разговор с Борисом Ноткиным, он в сомнении: интервью популяризатора с популяризатором, — это скучно… Попытка договориться с издательством «Настя», где главный редактор Андрей Добрынин, один из членов «ордена куртуазных: маньеристов»:

Когда меня мечта гнетет:
Как вашей груди пышный плод
Наполнит ковш моей ладони.
И как корабль другой руки
По волнам сладостного тела
Стремится в нижние пределы,
Умильным стонам вопреки…

Конечно, со стихов кормиться нельзя, и вот Добрынин — в издательстве. Но наши с ним переговоры — пустые хлопоты…

Опять мелькнул на 6 мин. в программе «Утро» у Лены Мироновой, сдуру назвала меня ученым. Выглядел с экрана импозантным, но старым. В

ВК вышла полоса «Эти роковые женщины-вамп», по Эхо о ней говорили дважды. Все хорошо? Нет. Только усталость и депрессион.

4 июня

Допекает жара. Печатаю в одних трусах. И в один из дней рухнул и отлеживался на диване. За Собаньскую в «Космо» получил 250 долларов, забил фонтан в «Огоньке» — 350 долларов. Ну, и что?!..

11 июня

Все время под 30 градусов. Вчера показали картинку из Парижа: ходят чуть ли не в пальто, а в Москве — пекло, как в Рио. Горят торфяники в Подмосковье. Изнывают деревья без влаги. Желтеют и скрючиваются листочки. Дышать трудно, а тут надо работать: труба трубит, рубрики зовут!.. В ЦДРИ было совещание группы Малкина. Сериал получил название «Старая квартира», ведущим, вроде бы, будет Боря Львович. Долго обсуждали, кого приглашать в программу…

В цирке (!) отмечали выход 1000-го номера «Вечернего клуба». Цирковую программу просмотрели, а фуршет проигнорировали, у выхода столкнулись с Кларой Новиковой, Усталый, заявил ей, что хочу уйти из газеты. Она: «А что же

тогда нам читать?»

18 июня

Жара не спадает. Доллар падает, цены растут, инфляция бушует, и кто-то на этом хорошо греет руки… Жуткое событие в Буденновске, — крутой российский триллер. Никакого спокойствия и постоянно какие-то судороги. Сбежать бы! Но куда? Кому мы нужны…

Говорил по телефону с писательницей Таратутой. Жаловалась, что ее воспоминания обкорнали, что у ее подруги Агнии Барто все время вычеркивали мам и бабушек, ибо «дети должны воспитываться в пионерских отрядах», как писал доносы Борис Полевой и т.д. Надо бы с ней встретиться и узнать что-то поподробнее… В Америке умер Савелий Крамаров, в Москве — Лен Карпинский. Ще: «Наши уходят».

Получил письмо от Василия Катаняна — его реакция на публикацию о Лиле Брик в «Космо»: «Я никогда не пропускаю Вашу колонку памятных дат в «Вечернем клубе»…». А далее о Лиле Брик, точнее о том, что о ней написал Вознесенский: «Чистой воды выдумка его не-емного тщеславия». Придется не ссылаться на Андрея.

«Динамо» в финале Кубка России выиграло у «Ротора», рад за старика Бескова (ему 75-й), я и

сам теперь такой. Хотя, несмотря на возраст и пекло, умудрился, помимо прочего, напечатать Аполлинарию Суслову, 16,5 стр. В «Новом русском слове» перепечатан мой Гумилев. Лапшин в журнале «Власть» предложил делать политические портреты и начать с Лужкова. Я сомневаюсь: надо ли мне лезть в политику?..

В «Книжном обозрении» крик писателя Дмитрия Балашова «помогите!». Он переиздал 4 своих романа и ему заплатили смешные деньги — 200 тысяч. У него в семье 6 душ, и семья бедствует. Мне грех жаловаться, только последний гонорар в ВК составил 300 тыс. Но, как отмечал еще Гюстав Флобер: «Литературный труд и заработок — несоизмеримы».

2 июля

Все закрутилось вокруг денег. Как пошутил Никита Богословский:

«Из всех видов искусств для нас самым важнейшим является достать деньги». Или вот Игорь Губерман:

Наследства нет, а мир суров;
что делать бедному еврею?
Я продаю свое перо, и жаль,
что пуха не имею.

Н-да, пух и перо. И еще Губерман: «Себя продать, но подороже готов ровесник, выйдя в зрелость, и в каждом видится по роже, что платят меньше, чем хотелось». Черняк постоянно жалуется: его как он говорит, покупают по дешевке, никого не интересует качество, покупают переплеты!.. Я стараюсь не гундеть, я работаю, пашу, вкалываю, печатаю и бегаю по редакциям. Вот еще возник один журнал «Я» для детей. Попросили — сделал. Приезжал ко мне Виктор Славкин, он теперь основной сценарист, а я вроде консультанта. Никаких амбиций. Больше, чем ТВ, меня занимает пристройство своих «Тайн частной жизни». Звонил в разные издательства — «Олег и Павел», «Миледи», «Престо», — сколько их развелось. 24-го июня приезжала ко мне домой издательница и художница Нина Пескова (»Пенаты») — очень заинтересовалась… (Ремарка: ее интерес и мороченье мне головы растянется на годы, но книгу она так и не издаст — 13 мая 20011).

В «Науке и жизни» — последний гонорар за последний номер (с января 1991 по июнь 1995 вышло 54 номера — 54 календарных дня года). Замглавного Скворень: «Я не вижу журнала без вашего материала…». Но решение принято: хватит «Науки»!.. Вышла 29-я полоса в «ВК». Де-

тективную подборку июля я назвал так: «Беня Крик на фоне Буденновска».

16 июля

Мечты сбываются: за окном осенняя прохлада. А в Америке около 100 человек погибло от жары. Болит правая рука от машинки. Еще радикулит. Наверное, все это последствия рекордов: 7 июля напечатал аж 17 страниц Хроники любви. Пескова торопит. А как назвать книгу: «Куранты любви»?.. А параллельно газетная работа. В «ВК» вышла Зинаида Райх (второй урожай), сделал большого Есенина — 20 стр. И печатаю-печатаю. И куча опечаток. Вместо «умирает» — «усирает», вместо «супруга» — «мудруга» и таких ошибочек — вагон. Вся беда из-за торопливости: скорее-скорее!.. «Ас журналистики», как считает Светлов.

Придумал новый вариант названия будущей книги: «Сад любви во все времена года».

30 июля

По моей просьбе Ще отвозила мои материалы в «ВК», там отличилась Зимянина: в присутствии актрисы Мирошниченко выпалила: «У нас не только мужья знаменитые, но у нас еще жены-красавицы». Словом, ударила Мирошниченко обухом по голове, та так и осталась с разинутым

ртом…

Звонил Светлов: «Вы удивительный человек. Вырезаю ваши колонки Пастернака в книгу Пастернака, Билибина к Билибину…». А я уже написал новых: Сезанна, Стендаля, Байрона… Наташа в Москве и пасет Бусю в больнице и была свидетелем загула: гуляли врачи, сестры, охраняющий больницу ОМОН, и никому не было дела до больных. «Такое в Германии невозможно!» — сказала Наташа.

6 августа

На 55 лет Ще сделал праздничный альбом и написал стихи о том, что годы «словно водопад, шумят, летят…». Были гости, были цветы, были подарки. За столом 1 августа было 7 женщин и один мужчина — я. «Единственный мужчина, и тот седой и с болью…». Посидели очень неплохо, а на утро Ще сказала: «Как хорошо, что это было, и как хорошо, что это прошло».

Что плохо? Опять бешеная работа. Долблю книгу «Сад любви». Воспалились у обоих десны, как-то полночи не давал спать верхний Гена: колотил шкаф.

Гром по шкафу раздавайся,

Веселися вся мордва!

13 августа

Завязал с «Наукой и жизнью» и закончил календарную колонку в «ВК» — 152 выпуска. С 12-го новая рубрика (на разные темы), первая публикация «Лорд Джон скончался». Это фраза Гилберта Кита Честертона: «Журналистика — это фраза типа «Лорд Джон скончался», адресованная людям, никогда не знавшим, что лорд Джон был жив». Короче, о журналистике. И вставил небольшое стихотворение архитектора Геннадия Алексеева:

Хорошо быть обезьяной,
и попугаем хорошо быть,
и крысой, и комаром, и амебой.
Плохо быть человеком:
все понимаешь.
Понимаешь, что обезьяна – кривляка,
попугай – дурак,
крыса – злюка,
комар – кровопиец,
а амеба – полное ничтожество.
Это удручает.

Пескова приобрела переплетный материал, ждет окончания рукописи «Сад любви» и хочет

вести ее на Франкфуртскую книжную ярмарку. Ой, что-то во все это не верится… Неожиданно умер Эдик Церковер, 63 года. Говорят, расстроился из-за смерти собаки, много пил. Способный журналист — и слетел с орбиты…

8-го установил новый, кажется, рекорд: 19 машинописных страниц. 10-го ездил в «Работницу». Орловский: «Голубь мой, где Бунин? Обещали в четверг…». Какой Бунин, я заплутался в сентябрьских аллеях «Сада любви». На следующий день пришлось садиться за Ивана Алексеевича. Печатал, а еще помогал Ще провернуть на мясорубке мясо. Мясо и Бунин! И по странной ассоциации вспомнились бунинские строки:

Мне снилось северное море,
Лесов пустынные края…
Мне снилась даль, мне снилась сказка –
Мне снилась молодость моя.

(1903–1904)

Тут был забавный звонок. Эльвира спросила Ще, чем она занимается, та ответила: Веневитиновьм. «Откуда вы с Юрой все это берете?» Ще шутливо: «Из головы». Эльвира серьезно: «Нет, у вас прямая связь с космосом». Как говорится, и смех, и грех. А писавшая мне уже Елена Ивановна

Кузнецова написала в письме, как она представляет, как я работаю: перебираю карточки длинными пальцами — «что же сегодня приготовить для читателей?.. А, может, у Вас компьютер? Нет… в Ваших календарях не чувствуется машины, ее холодности и расчета…».

Господи, вот ради таких и пишешь — романтических дурочек (но в хорошем смысле).

Купил «Размышления и афоризмы французских моралистов XVIXVIII веков». Раскрыл наугад, и вот Мишель де Монтень:

«Моя книга в такой же мере создана мной, в какой я сам создан моей книгой…».

«Люди никогда не бывают ни безмерно хороши, ни безмерно плохи» (Франсуа де Ларошфуко).

«Угасание любви — вот неопровержимое доказательство того, что человек ограничен и у сердца есть пределы». (Жан де Лабрюйер).

«Люди глупые никогда не поймут умных». (Люк де Клапье де Вовенарг).

«Чтобы жизнь не казалась невыносимой, надо приучить себя к двум вещам: к ранам, которые наносит время, и к несправедливости, которую чинят люди». (Никола-Себастьен де Шамфор).

Французские размышления стоят 15 тыс. рублей, а кг картошки — 2,5 тыс., огурцы, помидоры

и слива в одной цене — по 4 тыс. И ближе к овощам и картошке наш кудрявич — Сергей Есенин, которым занимаюсь.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств…

Ну, и далее: «Я теперь скупее стал в желаньях, жизнь моя, иль ты приснилась мне?..». Жизнь иногда снится, но снам доверять нельзя, там слишком много фантазий и фантасмагорий. Лучше — дневник. Только ему можно доверять, записывая во след событиям… Ну, а про Есенина 17 августа закончил — 91 страница, 4 печатных или авторских листа, — и кандидатскую можно давать. Только никто вот не спешит с присвоением мне ученой степени.

Приезжала ТВ-бригада в рамках «Старой квартиры». Я рассказывал, они снимали (режиссер Михаил Цитриняк), потом Ще поила всю бригаду чаем. Основные съемки в конце сентября.

Наконец-то приобрел трехтомник воспоминаний Эренбурга, то брал в библиотеке, теперь вот Илья Григорьевич у нас дома. Забавно, что Щекастику в «Сударушке» тоже предложили

написать о Есенине, и Сережа Борисов сказал, что ему больше нравится, как пишет Ще — романтический стиль, чем я; я, по мнению Борисова, «слишком много знаю». Вот уже и сравнивают семейно-литературный тандем.

Мы с Ще вместе бьемся на литературно-журнальном фронте, хотя у нас и разное перо, и разный опыт, а вот Юрий Нагибин бился в одиночку, и его дневник, который я сейчас читаю, полон горечи: «Раздражает неполнота успеха… главное — не жить мелкими досадами, не думать о них, не травить душу… Пришла старость, но еще не распад… А завтра настанет мерзость малых забот, ничтожных побед и ничтожных поражений… почти все советские люди — психически больные… Я все время помнил, что мне 66, а тут кончаются шутки…».

Да, Нагибин жил в какой-то зависти к чужим успехам, но и ему изрядно завидовали. Он наотмашь прикладывал коллег — Симонова, Юрия Олешу и других. Я старась никому не завидовать и писать о других более или менее деликатно.

27 августа

Письмо от читательницы Световой: «…Очень жаль, что в субботнем номере «ВК» не будет Вашего грустно-веселого календаря, а ведь Ваш

календарь делал огромное дело — восстанавливал распавшуюся связь времен. Живешь и думаешь, что все беды и горести мира обрушились на голову нынешнего поколения. Прочитаешь календарь и видишь — бывало и прежде!.. Надо жить дальше… Я прожила в коммуналке 15 лет (1920–1935) с вдовой Петра Ивановича Щукина. Тоже были времена скверные, и она говорила: «В такие времена очень важно сохранить лицо». Ваш календарь помогал мне в этом. Спасибо Вам! Да сопутствует Вам удача во всем».

Закончив публиковать календарные подборки, я сменил амплуа, как когда-то Петр Алейников: веселый тракторист — одно, печальный Пушкин — иное. И вот уже на летучке «ВК» обсуждают мои комментарии. Кто-то сказал, что неинтересно, подтекст: и я так могу!.. Другой заявил, что Безелянский бронзовеет и занялся поучениями, короче, вдруг появилась возможность укусить основного конкурента.

С подачи Шавердовой состоялась встреча в «Диалог-Банк» с молодым президентом или председателем правления Петром Дерби (отец — голландец, мать — казачка с Украины). Дерби говорит по-русски с каким-то странным акцентом и выворачивая слова: «По лесу блюдаю…»

Любит ходить… Дерби поддерживает Олега Ефремова, создал фонд Станиславского. Но поддержит ли меня?.. О положении в России, о политике и экономике Петя Дерби сказал так: «Все имеют хорошие намерения, но вместе делают кашу».

Встреча в банке из области высоких фантазий, а практически надо «арбайтен, арбайтен и арбайтен» — работать и работать. В какой-то день квартира содрогалась от стука двух машинок: Ще печатала про Есенина, я про Полину Виардо. В «Вечорку» пришло хулительное письмо от некоего читателя-экономиста, который назвал меня «глав-сплетником по вопросам пола всех времен и народов», — а то все хвалят и хвалят, нате — получите, сэр!.. Возмущенный читатель-экономист написал, что я всех «обгаживаю» подряд: царей, королей, ученых, писателей, залезаю « в чужие дела и постели». Мой критик румяный, наверное, меня спутал с кем-то из желтой прессы, там — да, залезают. А я сохраняю крайнюю деликатность в вопросах Эроса. Но разве на всех угодишь? И разве всем понравишься? Нравится всем только доллар!..

3 сентября

29 авг. в Доме актера первая прикидка «Старой квартиры», обсуждали макет декорации… Там же

на Арбате увидел на лотке продают потрепанного читанного-перечитанного Рюрика. Купил Вульфа «Кумиры, идолы…». Мы с ним пересекаемся по темам, а у меня без ложной скромности текст лучше. Говорить — это одно, писать — совсем другое. Вульф — не писатель…

31 авг. прощались с летом: поехали с Ще в дальнюю рощу. У Константина Случевского есть стихотворение, и оно так и называется «Прощание лета»:

Осень землю золотом одела,
Золотея, лето уходило…

Современник Кушнер: «Уходит лето. Ветер дует так, что, кажется, не лето — жизнь уходит, и ежится, и ускоряет шаг, и плечиком от холода поводит…».

Погуляли в роще. Пришел и сел за Хронику любви, а к 16 часам поехал в «Крон-пресс» на переговоры. Главный редактор Елена Евгеньевна сказала, что они провели маркетинг: меня знают, читают, хвалят; значит, можно издать книгу. Я предложил им книгу «Любовь и судьба» (очерки из «Космо») и поэтов Серебряного века. Директор (явно преуспевающий Роберт Ованесович) сказал: «Берем… а что у вас еще есть?».

По Р-1 звучала моя композиция о Гумилеве с музыкой Римского-Корсакова, Дебюсси и Скрябина. Ще даже прослезилась, слушая, — и читал я вроде неплохо… Звонила внучатая племянница Марии Андреевой, рассказывала интересные факты из жизни Марии Федоровны и жалела, что в ВК нет больше моего календаря…

17 сентября

Жизнь набрала такие сумасшедшие обороты, что некогда засесть за дневник. Какое-то крещендо. Печатаю. Бегаю по редакциям. Читаю (мемуары Кшесинской). Побывал на книжной ярмарке на ВДНХ (тираж Рюрика почти весь распродан). В «Работнице» вышел на двух разворотах Сергей Есенин, в ВК — полоса о Зинаиде Гиппиус. В «Крылатых амурах» читал Есенина по радио. Читка сценария «Старой квартиры». С Борей Львовичем обменялись книгами: я ему Рюрика, он мне — «Актерскую курилку», книгу театральных баек. Ну, и прочая круговерть, к вечеру устаю, читать уже не могу и смотрю по ТВ всякую дрянь, отрывками, правда: «Ночь с вампиром», «Подсматривающий», «Прокол» с Джоном Траволта и т.д. Но лучшее — это «Кто боится Вирджинии Вулф?» (1966) с Элизабет Тейлор и Ричардом Бартоном.

24 сентября

Рабочая рутина. Вот только актер Павел Винник, с которым на Пятницкой я встретился в студии на радио. Я ему приглянулся, и он пригласил на свое 70-летие в Дом Ханжонкова. Я ему подарил Рюрика и написал строки:

Как говорил дружище Пух
(второе имя – Вини):
Один актер он стоит двух,
Коль это – Павел Винник.

В «Золотом теленке» Винник играл, кстати, бухгалтера Берлагу.

У Жоры Вайнера не получилось с ТВ, но он копает новые идеи. Заходил к нему в офис, там Даль Орлов: «Ба! Живой классик пришел!» Такие нынче шутки. А Миша Шлаен предложил в еженедельнике «Твой футбол» вести рубрику «Любовь и футбол». Лет 30 назад я бы заверещал от восторга и согласился. Сейчас отмахнулся: некогда и неинтересно… Допечатал Матильду Кшесинскую — 24,5 стр.

1 октября

Ще упрекнула меня, что я веду дневник как летопись событий, сборник информации, и не

размышляю. Размышлять, увы, некогда. Идет молотьба.

А о вечных вопросах мы говорим с Ще, когда гуляем по роще. И говорим-говорим. А дневник остается сухим, без «размышлизмов».

«Закат должен быть долго и хорош», — написала Вера Инбер в своем дневнике 4 окт. 1938 года. Увы и ах, сегодня у нашей интеллигенции не тихий закат, а нестихаемая буря. Борьба за жизнь, а точнее, за выживание. Борьба за презренный металл. Мы с Ще, благодаря интенсивной работе, кое-что зарабатываем и, соответственно, позволяем себе и мясо покупать на рынке, и конфеты в магазине. А вот другим приходится значительно хуже. Не об этом ли когда-то давно в «Утешите льном романсе» писал Дон Аминадо:

Сколько тягостных колец
Все затягивается туже!
Так уж худо, что конец.
А глядишь… назавтра – хуже.

Звонок из издательства «Кладезь». Поехал на Усачевку, метро «Спортивная». Что им давать? «Сад любви» в «Пенатах», очерки о женщинах — в «Крон-пресс», предложил поэтов и выставил условие: 10 тысяч долларов и аванс — 5. Словом,

обнаглел и распоясался. Они задумчиво: будем думать… А тем временем в «Огоньке» и в других конторах одна и та же болезнь: неплатежи. Нет денег.

В «Крон-пресс» предложили соединить женщин и поэтов, а я-то думал: будут две книги. Звонок от Даля Орлова: отправляют мой материал о Рихарде Зорге в газету в Нью-Йорк, нет ли фотографии японской подруги Зорге? Я говорю: «Жаль, что не успел по времени попасть в группу «Рамзай» и не сфотографировал японочку». Даль юмора не понял.

Пребывая в издательских грезах, не забываю о текущем газетно-журнальном поприще и сочинял про Афанасия Фета. В «ВК» вышла полоса про женщин Есенина (только часть из того, что я написал), многие читают. Один из откликов: «бальзам для души». Звонил Винник, сказал, что ложится спать теперь только с Рюриком, лучшей книги по истории России, якобы, не читал…

8 октября

Постоянно звонит Светлов. Говорит, что с времен Ираклия Андронникова не было такого писателя биографического жанра, как я. Я в ответ говорю, что мне не до Андронникова, устаю, сил нет, а он: «Какие могут быть жалобы? Вы такой

бельведеристый!..» Да, умеет старик загибать красиво. Еще комплимент от Майи Гавриловой: «У тебя по радио голос такой проникновенный, тебе надо озвучивать иностранные фильмы про любовь». Нет, с поклонниками и поклонницами не соскучишься, чего только не наговорят.

Не получается с «Кладезем», они хотят поэтов, а они отданы уже в Крон-пресс. Фокус со «Старой квартирой». Звонил мне Боря Львович: его выкинули из сериала как «нерусское лицо». Он и я — смотрелись бы, конечно, здорово! Оба носатые, бородатые! Съемки откладываются — ищут нового ведущего. Забавно: сколько было телепроектов со мною — и все рухнули на каком-то этапе.

4 окт. отнес в «Крон-пресс» рукопись (сдвоенную) — 600 стр. Так как у меня рукопись была грязноватой, да еще часть в копиях, пришлось отдать перепечатать машинистке и заплатить 374 тыс. И тут же подписали договор на одну тыс. уже долларов и плюс 10% от стоимости первого тиража. Итак, состоялся запуск книги! «Поехали!».

Возвращался без рукописи, но с договором, усталый, но довольный, и уже Вознесенский никак не возбуждал (он — ого-го! а ты что?!) и спокойно отнесся к его перлам: «Искусство — мастурбация души», «Дышала ночь острогом сладострастья»

и т.д. Ну, дышала и дышала, а мне-то что?!.. На следующий день в театре эстрады отмечали 4-летие ВК. И вновь фуршет проигнорировали. Не халявный я человек…

7 окт. вышла в «ВК» октябрьская полоса (32-я). Вечером по ТВ «Основной инстинкт». Шарон Стоун хороша в роли «бешеной суки».

22 октября

Работа и постоянное ожидание каких-то выходов, то бишь публикаций, а Алексей Габрилович уже ничего не ждет: умер, не дожив до 60-ти. 16-го записывал на Качалове программу о Георгии Иванове. Там в редакции страсти-мордасти: хотят всех разогнать. Жизнь давно потеряла устойчивость и стабильность, все теперь по детскому стишку: «Ой, доска качается, сейчас я упаду!..» В «Космо» получил гонорар за Полину Виардо — 1 млн. 149 тыс. рублей (курс доллара — 4.506). Отдал Кшесинскую. Ну, а разведчик Зорге — молодец: был напечатан в Неделе, ВК и вот в Нью-Йорке — 100 тыс. ре за перепечатку. Тоже годится. В «Работнице» вышел Бунин, тираж журнала, кстати, 500 тыс. экз. С гонораров купили шкаф, вертящееся кресло (100 долларов) и пришлось в квартире сделать какой-то передизайн. И продолжил чистку архивов, одного Солженицына выкинул

килограмма два, — не буду я о нем писать, не хочу!.. Многое выкинули, но коробки с досье остались. Информация, которая стоит денег.

28 октября

В среду, 25-го вечером, — явление Ольги Юрьевны после 14 лет отсутствия и молчания. Возвращение дочери. Почти библейский сюжет. В ноябре 1981 года она уехала в Индию (ей было 27 лет), и вот появление (в Индии она проработала 2 или 3 года и жила потом в России, но не подавала о себе вестей, и все мои поиски были напрасны). С собой О. Ю. привезла неотправленное письмо, а там строки:

«…Я очень давно мучаюсь от той разлуки, стараюсь не думать об этом, потому что не знаю, что сделать, придти и повиниться, уж как-то легкомысленно, вроде. И все-таки, прошу тебя, мой дорогой папочка, прости меня, неблагодарную твою дочь, прости ради Бога! Я тебя очень люблю, папулечка, и любила тебя всегда, и никогда, ни на одну минуту, не забывала о тебе, это моя самая тяжелая ноша на сердце…»

Толчком к письму послужили публикации в «ВК», которые попали на глаза Г.В., она передала их Оле, и вот драматический визит к «знаменитому отцу». Не буду ничего комментировать. Жизнь

прожить — не поле перейти.

В «Работнице» заказали написать про Захер-Мазоха (Захер-Махер, по-домашнему) и пришлось читать роман «Венера в мехах». В «Пенатах» набирается рукопись «Сад любви», но для выхода книги Пескова зарабатывает деньги на других изданиях. «Кладезь» никак не решится, какую книгу из двух мной предложенных надо издавать в первую очередь, хотя договор и подписан, правда, без денег…

И, наконец, сегодня в газете «Подмосковье» вышло интервью в рубрике «Автограф» под названием «И так далее…» Во вступлении отмечено: «…Еще Пушкин сказал: «Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь». Так вот, Юрия Николаевича, в отличие от нас, «как-нибудь» не устраивает. И уж повальная необразованность — тем более. Он с ней по-своему борется, и ему это интересно…».

А далее само интервью на полосу. В конце на вопрос о будущем я ответил так: «Увы, время литературы постепенно сходит на нет. Круг читателей будет все больше и больше сужаться. Мир захлестнула эра визуальной культуры. Люди хотят удовольствий и развлечений. Размышлительная философская литература со временем

погибнет. Ею будут заниматься единицы…»

Ремарка спустя 16 лет. Оказался прав. Ну, прямо пророк с плюшевым носом. Гламур и развлекуха победили классическую литературу (17 мая 2011).

3 ноября

Первый покров снега. Палатки со всем банановo-яблочным, шоколадно-кексовым изобилием под угрозой. Сначала продавцам грозит холод, а потом свои угрозы хотят реализовать коммунисты — долой палаточников, частников, торговцев!.. Если коммунисты победят, то снова станет кругом пусто. Останется только любовь к родине…

Никак не запустится «Старая квартира». Вместо бедного Львовича идет выбор из вариантов: Збруев, Маковецкий, Косталевский. Всплыло имя и Григория Гурвича, главного режиссера театра «Летучая мышь». Гриша ко мне с большим почтением, как к патриарху информации.

26 ноября

Конвейер с выходом продукции все время работает, то Бунин, то русские музы, то еще что-то. Под песню «Айн, цвай, полицай, драй, виир,

бригадир…». И идет задымление от разных издательств, вот и новое с таинственными буквами Х.Г.С. появилось. Только вот книг нет. Кто-то привез из Израиля кучу местных газет, обнаружил в ней мою публикацию о Лиле Брик. А где шекели? Пираты, выходит… Чуть не поехали в Австрию с подачи Яновских: сначала была одна цена, потом возникла другая, естественно, повыше, и мы отказались, — ах, Моцарт, ах, Зальцбург, ах, Вена!.. (Правда, позднее все же поехали — 17 мая 2011).

У Гурвича в театре проверялась готовность к съемкам, «Чернобурка? — Лежит. — Театральный бинокль? — Ждет. — Мальчик для конструктора? — Есть конструктор и есть мальчик. — Кулинар? — Существует и с печкой…». Нет только ведущего. «Мрачная невнятка», — заявил Гурвич.

«Старая квартира» стартует, а «Кладезь» рухнул: извинились передо мной, не можем издать, нет денег, рукопись забирайте. Отказ был скрашен купленным сборником «В нашу гавань заходили корабли», там песенки, которые мы еще пели в школе, типа: «В Кейптаунском порту с пробоиной в борту «Жанетта» оправляла такелаж…». И этот такелаж казался верхом романтики. Ну, и всякие пряные песни из Одессы, к примеру, про

учителя танцев:

Кавалеры, приглашайте дамов,
Там, где брошка, там перед,
Шаг налево, две шаги направо,
Шаг вперед и поворот…

2 декабря

Если коротко, то в «Крон-пресс» получил аванс: 1000 долларов. Идет корректура. Сочинял жизнь Веры Комиссаржевской. Отбивался от одной читательницы, которая пыталась читать мне стихи Есенина. Читал календарь по радиостанции «Москва». Были в гостях у Яновских (греческий коньяк, какая-то экзотическая водка «Белый орел»). Побывал на книжной ярмарке на Лавочкине и т.д. Обычная моя пенсионно-кипучая жизнь. А О.Ю. признается: «А мне тебе рассказать нечего». У нее жизнь — тишина. И этого я никак не могу понять…

За окном 0 градусов, лежит снег.

Все это записано с утра, а в середине дня — генеральная репетиция «Старой квартиры» в доме актера. На сцене — натурель тех старых лет: продавленный диван, патефон, настольная лампа и т.д. В качестве ведущего — Гриша Гурвич (все отказались, последним был Ширвиндт). Гриша

параллельно и режиссер. В одной стороне в кресле расположился Славкин, в противоположном я, историк-консультант. Что-то вякал по ходу съемок про план Маршалла. Приглашенный старый Михаил Брохес сыграл и спел на рояле несколько песенок Вертинского, утвердили одну — «Над розовым морем», а «Маленькой балерине» было отказано. Утвердители Малкин и его жена, Кира Прошутинская.

В каком-то эпизоде была задействована Татьяна Окуневская, советская кинозвезда с особой судьбой. В перерыве она неожиданно подходит ко мне: «Вы Безелянский? О, как я хотела с вами познакомиться! Я вас читаю — так интересно. Вы — такая душечка. Последний из знающих людей…». Про себя подумал, что душечка — это из фильма «В джазе только девушки». Окуневской — 76 лет (она родилась 3 марта 1919), но бодра, мужественна (изнасилованная Берия, роман с Тито, арест в 1948-м, любовь Константина Симонова — «Дурную женщину любил…» и т.д. Богатейшая биография, а первая роль в кино — «Пышка»). Держится она прямо, прямо смотрит в глаза, твердо говорит, без всякого старого женского кокетства и сюсюканья, как у Лидии Смирновой.

Встреча с Окуневской стала маленьким подар-

ком: не каждый день общаешься с кинозвездами. Ну, а вечером еще одно развлечение: концерт, посвященный 50-летию Геннадия Хазанова, которому я оказал информационную услугу, и он нас пригласил. Мы сидели на 10-м ряду, и Ще высчитывала рейтинг приглашенных: в 9-м сидел Костя Райкин. Сзади конферансье Лев Шумелов, который комментировал своей спутнице концерт: «Теперь занавес — правильно!». Среди прочих был балетный номер, и Семизорова накрутила 32 фуэте. Ну, и масса поздравителей. Юрий Никулин даже рассказал анекдот: «Муж уехал в командировку и… не вернулся». Винокур и Лещенко — Вовчик и Левчик — спели дуэтом про новых русских. Вячеслав Невинный исполнил песню «Две родины»: «Когда иду я по Подмосковью… когда иду я по Тель-Авиву…». Алла Пугачева в своем выступлении выкрикнула: «Гуляйте, евреи!». Выступали еще Пенкин, «Песняры», Ширвиндт с Державиным и другие представители нашего эстрадного созвездия. Кончился концерт, и официанты стали обносить гостей шампанским. Хазанов-миллионер или спонсоры?..

Кстати, в зале был весь артистический бомонд и много политиков: Сосковец, Шумейко, Гавриил Попов и др. Спокойно подошел к Николаю Сли-

ченко и сказал, что вот детство жены прошло среди цыган. Он очень удивился и лучезарно улыбнулся Ще. Перекинулся словами с Резо Габриадзе. Не стал подходить к Вознесенскому с Богуславской: они стояли какие-то надутые и напыщенные, он какой-то старый, обабленный, а она — молодящаяся старуха. А вот к Белле Ахмадулиной подошел и сказал ей, что не хочу повторить ошибку с Андреем Тарковским, когда не взял у него автограф, и поэтом прошу вас. Белла написала мне дрожащей рукой на пригласительном конверте: «Юрию Безелянскому на память о Белле Ахмадулиной». Реликвия! Приклею в альбом. В антракте очутился рядом с Роланом Быковым. Я достал пачку печенья и предложил ему. Он: «А можно два?» Рядком стояла Елена Санаева. Накоротке поговорили и поругали молодежь: не знает прошлого.

Вот таким оказался насыщенным день 2 декабря.

9 декабря

Ну, а 3-го была уже официальная съемка первого фильма «Старая квартира». Перед началом увидел Бориса Громова и подошел к нему. Без всякого стеснения: «Разрешите пожать вам руку, генерал!». Короткий разговор, назвал себя, и тут

же жена генерала Фаина, услышав фамилию, сказала: «А теперь можно мне пожать вашу руку? Я читаю вас в «Космополитэне». И далее — визг женских восторгов.

Съемка длилась 3,5 часа. В эпизодах выступали Михаил Козаков, Алла Баянова, Татьяна Окуневская, Тихон Хренников, личный водитель маршала Жукова и т.д. Я что-то сказал про план Маршала (программа была посвящена 1947 году) и меня тут же поддержал академик Арбатов. Да, еще успел перекинуться парой слов с Валей Никулиным, ему в Израиле плохо…

В последующие дни — переговоры в газете «Труд», запись программ на радио, начал печатать московский календарь (не за Россию, а за Москву!). Читал корректуры книги «Любовь и судьба». Опять масса ошибок: Брек вместо Брик и т.д. Редактор Фадеева сказала, что часть о поэтах получилась сильнее, чем о женщинах. В «ВК» идут настойчивые звонки: верните историческую колонку Юрия Безелянского!.. И продолжаются уходы: в 49 лет умер Александр Кайдановский (уходят сталкеры), и скончался генерал Дмитрий Волкогонов (я с ним однажды говорил по телефону), и Светлов говорит ужасные вещи: «Я — смертник, стою на краю бездны, а надо еще

столько дел переделать…». Короче, как у классика? «На роковой стою очереди…». Кто это сказал? Фет или Тютчев? Что-то забыл, и это ужасно.

Звонок от Хазанова: 21 декабря Аросевой 70 лет, просил помочь с текстом. Подсказал ему: Аросева и Сталин, вождь на параде в Тушино взял 10-летнюю Аросеву за руку, ну, и т.д. А далее в тексте для Хазанова написал: «Но не будем вспоминать те давние дела. Сегодня времена другие. Не репрессии, а презентации. Не террор, а легкое финансовое удушение. Придушат немного и смотрят: жив еще? Интересно!..».

17 декабря

Вчера в «ВК» на первой полосе, как передовую, дали мой комментарий — календарь «Поможет ли нам святая великомученица Варвара построить в это воскресенье мост в будущее России?». Мой вклад, моя позиция в выборы. Голосовал сам за блок «Демократический выбор России — объединенные демократы» — Гайдар, Сергей Ковалев, Федосеева-Шукшина, за региональную группу — Юшенков, Улюкаев, Радзиховский. А по одному мандату — за Аллу Ярошинскую, за нашего брата, журналиста. Я за новую Россию (рынок, свобода), но многие хотят назад, в привычное прежнее, в социалистический рай: талоны, оче-

реди, блат…

24 декабря

На выборах победили коммунисты, на втором месте — партия Жириновского. Бедные победили богатых, дебилы — интеллектуалов. Одни говорят «ужас», другие — «ничего страшного». Людмила Шевцова в «Известиях»: «Без победителей». Кругом одни проблемы. Но Дума — одно, а президентские выборы — другое. Там решится выбор России: куда идти и что делать?..

Но о политике писать не хочется, лучше о себе, любимом, как говорил Маяковский. Но опять же об издательских проблемах — тошно. И нашел новенькое: написать об Игоре Северянине. Сказал Вите, он: «Все возводишь пирамиды Хеопса!» В Доме дружбы Чиж организовала вечер Торквато Тассо. Прекрасный зал. Спектакль о жизни бедного итальянского поэта, умершего 400 лет назад — в 1595 году. И получили в подарок книгу — пастораль «Аминта» на итальянском и русском. В первой сцене Сильвия говорит Дафне: «Тебя пленяют радости любви, хотя в любви я радостей не вижу, а мне милее радости иные…». Охота на зверей. Добыча… Сам Тассо выступал поборником свободомыслия и гедонизма, за что был преследуем. Впал в безумие и содержался в госпитале

для сумасшедших. Был выпущен на волю, скитался и умер в Риме в возрасте 51 года. В историю Тассо вошел как жертва деспотизма. В русской поэзии Торквато был воспет Батюшковым и Кукольником, имя Тассо неоднократно встречается в стихах Пушкина… Бедные поэты, несчастные сочинители, как правило, им приходится туго во всех веках и странах, а уж в России!..

Пришло письмо еще от одного читателя из Раменского, написал, что недавно стал счастливым обладателем книги «От Рюрика до Ельцина» и очень просит, написал «умоляю редакцию», не бросать календарь, чтобы в новом, 1996 году, продолжалось «плавание вашего «кораблика» по безграничному океану человеческих судеб и страстей. И дай вам Бог выдержки, терпения и удач в вашей огромно-энциклопедической работе…». Ну, что ж, признаюсь: такие письма окрыляют. Приятно приносить людям радость.

Таня Глинка: «Вы создатель совершенно нового жанра». И опять телефонная хвала Светлова, а потом о своей немощи, и такой разговор:

— Я тоже сдаю, Владимир Александрович.

— Как сдаю?! Да, вы — юноша. Ну, юный старец!

— Какой юноша! Ботинки с трудом зашнуровы-

ваю. Сгибаться тяжело.

— Какие ботинки! Вы столько зашнуровываете журнальных строк, как никто. Вы уникальный человек в журналистике. Вы — чемпион…

21 дек. ездил на Качалова и читал на подъеме Северянина. Но на Р-1 никакого подъема: гонорара нет, зарплату задерживают и «в воздухе пахнет грозой». По Северянину: «Вы чаруйную поэму превратили в жалкий бред». Северянина я печатал в далеком 1975 году, вернулся к нему снова и напечатал большой вариант — 33 стр. с хвостиком.

31 декабря

У Анисима новый прожект — «Утренний курьер». Не верю ни в какого курьера. Подбираю стихи про Луну, хочу собрать маленькую книжечку. У Блока, Набокова, Зенкевича, Оцупа и у других — у всех мелькает Луна… А еще занимаюсь Москвой, городскими событиями и датами. 28 декабря Москва запустилась в «Вечерней Москве». И сразу звонки: где купить вашу книгу о Москве?.. На следующий день, 29-го, дар с небес: гонорар за «Старую квартиру»: 500 долларов, но рублями: 2 млн. 20 тыс. 644 рубля. Два миллиона — это примерно 8 моих месячных пенсий или гонорар за 16–18 полос в ВК. Сразу подсчитал. Экономист!

Плехановец!..

Прошедший год был успешным: 178 (!) газетно-журнальных публикаций, да и гонорар немалый: 30 млн. рублей и более 3 тыс. долларов. Для литератора прекрасно. С владельцами бензоколонок себя не сравниваю…

За окном минус 11, ясно.

1996 – 63/64 года

1 января

Весь в мечтах и планах. Жду выхода книги в «Крон-пресс», может быть, разродятся «Пенаты» (мне понравилась фраза Гнедича о «Кавказском пленнике»: «Он уже под станком и в августе пустится по белому свету»). Может, пристрою «Знаки Зодиака» из рухнувшего «Кладезя». А вдруг запустится «Москва». Четыре книги — предел мечтаний. А Ще мечтает о шубе, бытовой технике (стиральная машина, пылесос, а еще бы ковер, лежанку, новый холодильник. Боже, сколько дыр и необходимостей), Так что остро нужны гонорары. По телефону были всякие поздравления. Лена Миронова: «Благодаря вам, вашей книжке, я стала самой интеллектуальной ведущей в Останкино». И одна из новогодних песен: «Вот бьют 12 бьют, а потом пробьют 13. Ча-ча-ча!..» Под ча-ча-ча и полетит новый 1996 год.

7 января

Я в простуде, болит горло. Думаю взять псевдоним: Плювакин или Отхаркин. И Ще не лучше. Дома — тропики, батареи огненные и в квартире

+25. Дышать нечем и форточки не помогают. Где-то жарко, где-то холодно и нигде нет золотой середины.

У нас в гостях была Людочка со своим американским мужем Бобом, Был такой американо-русский «эраунд тэйбл». Плюс шампанское и кусочки ананасов (прямо по Северянину!). А 2-го напечатал первый материал года для «Работницы» — «Весна. Любовь. И выборы сердца». По ТВ показали фильм чешского режиссера Иржи Менцелы «Солдат Иван Чонкин» — едкая сатира. Чехи никогда не простят нам танковой весны 1968 года.

3 янв. ходил на Пятницкую. Наговорился и наэфирился: дал два интервью и записал 6 программ, в том числе в «Четвертой власти» у Горкина на «Голосе России». Звонок из журнала «Воспитание школьников», просят дать им Хронику любви, — школьникам или учителям? Я отказал. Подобных предложений немало, это не Израиль, где, как сказал Михаил Козаков: «Не хватает телефона и трепа...» На «Эхо» пригласили Михайлова. Он начал талдычить что-то о Северянине. Лев Гулько его перебил: «Это тема Юрия Безелянского — известного специалиста по любимым женщинам». Н-да, кажется, прибрел

какую-то странную популярность!.. Запустил в «Вечерней Москве» рубрику «Золотая антология Ю.Б.» (Осип Мандельштам).

Я ненавижу свет
Однообразных звезд.
Здравствуй, мой давний бред –
Башни стрельчатый рост!..

15 января

Ничего кардинально нового, кроме Чечни. Россия в огне. Россия в крови. И мой долг сделать второй вариант Рюрика и не отдавать историю России на откуп иностранцам…

8 янв. ходил на Пятницкую. Прямой эфир у Матронова. Сначала пела Жанна Бичевская: «Господи, помилуй! С музыкой такой хоть иди на смерть…». Вышла она из студии, я ее спрашиваю, а кто автор текста песни? Она: «Автор — Господь Бог!» А сама она отнюдь не духовная, не светящаяся, а вполне земная, лукавая и греховная, со стреляющими глазками на некрасивом лице. Я ей сказал, что вот скоро выйдет моя книга о замечательных русских женщинах, на что получил резкий ответ: «Я читаю только про святых женщин!» Я, как говорится, так и сел. Святая! Нет, не святая, а только одна игра в святость. Заняла эту

нишу и гонит волну популярности. При ней не то охранник, не то водила, не то любовник, а, может, совмещенный вариант. Нет, песни отменные, а сама певица — господи, помилуй, пронеси мимо нее. Как сказал бы Николай Озеров: нам таких Жанн Бичевских не надо.

А потом наступила моя эфирная очередь. Я говорил о Рождестве и религии. Прочитал «Рождественскую звезду» Пастернака:

Стояли в тени, словно в сумраке хлева,

Шептались, едва подбирая слова.

Вдруг кто-то в потемках, немного налево

От яслей рукой отодвинул волхва,

И тот оглянулся: с порога на Деву,

Как гостья, смотрела звезда Рождества.

Только прочитал — звонок в студию. Разгневанная слушательница; «Нам нужен Бог, а не Пастернак!..». Были и другие звонки и, пожалуй, все глупейшие.

И мучают книги, когда выйдут? Тут прочитал о том, что «Занимательная Греция» Гаспарова пролежала в Детгизе, прежде, чем ее издали, аж

16 лет. Так что надо принимать прутковский «терпентин».

22 января

Получил вырезку из «Нового русского слова» — там вышла «Венера в мехах» на площади Ленина» (о Захер-Мазохе). Фотопортрет и представление о том, что «главную известность Юрий Безелянский обрел, пожалуй, в качестве «родителя» беспрецедентного культурологического календаря российской истории...». И это прочитали русские в Нью-Йорке. А американцы? Им мой календарь — до фонаря!.. «Новое русское слово» — газета, в которой печатались Троцкий, Керенский, Бунин, Замятин, Мережковский, Солженицын и другие яркие личности. Начала издаваться с 1910 года. Там вышел Захер-Мазох в полном виде, а в «Работнице» — искореженный вариант, подвергнутый Крыловой цензуре.

Тут возникла некая Ирина Петровна с просьбой написать об ее отце — Петре Савине, актере третьего плана, снимавшегося в «Последнем таборе» и «Тимуре и его команде». Я отказался. Она обиделась: «Как так?! мы вас читаем, и Глузский читает, и Клара Лучко, и другие знакомые знаменитости, а вы отказываете, — не хорошо». Я ей: «Пусть напишут другие». А она: «Нет, у вас такое

замечательное перо!..».

Новация: в доме появился диван-уголок. Старый вынесли. Кто-то тут же схватил: на дачу!.. И в день уголка вышли публикации в «ВК» и в «ВМ» — любовный календарь и московские даты.

«Зимняя вишня» по ТВ не обрадовала, но и американская «черная комедия» — «Сбрось мамочку с поезда» — была не лучше.

За окном: — 7, полуясно, лежит снег.

27 января

Испытываю перманентную усталость. До пенсии никогда не работал так интенсивно, иногда кажется, что из меня валит дым, как из старого паровоза, но другого выхода я не вижу. Сесть на пенсию, значит умереть. Поэтому и приходится крутиться и вертеться: колонки, полосы, календари, заказы разные, радио… В конце прошлого года закончил «Сад любви», а в этом начал долбить Москву, а это не только печатанье, а еще и поиск. Событий и фактов мало, приходится выкручивать мозги и придумывать публицистические выверты. Но, в конце концов, это дает возможность нормально питаться: покупать мясо и творог на рынке, конфеты и йогурты в магазине, уголок-софа, коврик на полу, — маленький налет

зажиточности. Маленький…

25-го Славкин подхватил меня, и мы на машине покатили в Останкино на совещание к Малкину. В машине обменялись книгами: Рюрик в обмен на «Памятник неизвестному стиляге», книжка у него шла 5 лет и оплатили экземплярами. Рассказал, как виделся на днях с Васей Аксеновым, тот улетел в Америку страшно расстроенный: в России вышел его пятитомник и не заплатили ни копейки, издатели — бандиты. А стиляг полистал — весьма вспоминательно: сам был стилягой и еще раньше Славкина. «А я иду, иду и пою «Бэ-самэ мучо», как всякий порядочный пижон». Господи, какими мы были глупыми! «Мы идем по Уругваю. Ночь — хоть выколи глаза…». Но все ушло и испарилось. Как там писал Генрих Гейне: «Юность кончена. Приходит дерзкой зрелости пора…». И горький вздох:

Но в блаженствах наслажденья
Прелесть чувства умерла, –
Где вы, сладкие томленья,
Робость юного осла?

Юность давным-давно пролетела, и вот я, седоватый пенсионер, но не сдающийся журналист, сижу в кабинете ТВ-волка и обсуждаем, что в

последующих съемках надо непременно снять «уходящую натуру» — писателя Рыбакова и Марию Миронову. Как будто мы сами — юные натуралисты.

Потом Витеньке рассказал о своей поездке и о Славкине. Он: «Какой Славкин писатель?! Написал полторы пьесы и какие-то юморески. У него нет никакой товарной массы…». Черняк — в своем репертуаре.

В ночь ловили кайф: фильм Тинто Брасса «Салон Китти» (1975). Еще с некоторой стыдливостью…

11 февраля

Можно описывать дела и события долго и нудно, благо их много. Но ограничусь творческими результатами. В «Новом русском слове» вышел мой Репин, в «ВК» — 36-я полоса, где в качестве юбиляра я представил сталинского сатрапа Андрея Жданова — «Человек из стаи». В «Вечорке» вышла рецензия на книгу Славкина о стилягах, причем, первая рецензия, он был счастлив: «Буду учить наизусть». В «Космо» — Кшесинская, в «Новом книжном обозрении» — литературные юбилеи, ну, и привычные рубрики.

18 февраля

Газета «МК» определила: жизнь тяжелая, экология ужасная, продукты скверные… А мы с Ще собираемся в Италию. И с плохими животами. Ще в страхе: итальяно туалетто. А тут еще началась предвыборная президентская гонка. И что мы имеем? Зюганов с мордой, похожей на задницу. Питекантроп Анпилов. Звероподобный Лебедь. Хитро изворотливый Жириновский. Да и Ельцин какой-то нелепый и смешной, пытающийся жестами объяснить свои мысли: «Понимаешь!..». А дальше — пустота. Все это печально и ужасно. Но опять же времена не выбирают, и в сегодняшней политической колоде нет ни одного приличного умного лица. Смотрим программу Киселева «Итоги» — почище любого триллера наш российский ужастик.

В «Новом времени» старое интервью Иосифа Бродского (1988), в котором он дал свои оценки поэтам, раздел всех: Вознесенский — «лжец по эстетике», Евтушенко — это «дурной человек, негодяй». Прав — не прав, но у него свое видение.

С Черняком каждый день общаемся по телефону. Последний его перл: «Мы с тобой чемпионы по ожиданию, по выращиванию надежд». Не согласен. Я не только мечтатель, но и упорный

практик и вижу плоды своего упорства.

15-го с Ще поехали в какой-то детский музыкальный театрик на Чистых прудах на 5-летие «Москвички». Выступил со стихотворным поздравлением:

Пять лет «Москвичке» – юбилей.
Среди «Работниц» и «Крестьянок»
«Москвичка» выглядит сильней
И будет мысль аж спозаранок.
Она весьма разнообразна.
Читабельна. И без маразма.
Ее приятно в руки взять
И с наслаждением читать…

Ну, и т.д. Поздравление прошло под аплодисменты. А потом был небольшой концерт. Лучший номер — дуэт из «Белой акации»: «В театр мы опоздали, в кино мы не попали, мороженое ели ассорти…». С припевом: «Ах, Коля! Ах, Вася!». Героиня была не Татьяна Шмыга, но вполне ничего. А дальше, во время фуршета был смешной эпизод. Я подошел к симпатичной актрисе театра и стал с ней беседовать. Возмутилась не Ще, а жена Ильи Симанчука, писательница Гордеева (?):

— Что же он, — обратилась она к Ще, — бросил

вас и подошел к артистке.

— Он не с артисткой беседует, а с блондинкой курносой; главное, чтобы она была курносой и блондинкой, а там актриса или уборщица — для него совершенно неважно.

…Продолжается мор знаменитостей: Иосиф Бродский, Юрий Левитанский, Лидия Чуковская, Олег Волков, Владимир Мигуля (50 лет, рак горла) и вот патриарх футбола — Николай Петрович Старостин… Вот и кончился кинематограф, как писал Левитанский, «черно-белое кино» И он же:

– Сезам, – я говорю, – откройся! –

Не открывается Сезам.

У нас новый «сезам» — Италия. Пока вели переговоры о поездке, стоимость путевки возросла с 770 до 845 долларов.

3 марта

Ну, и как новая дата? Нормально, никаких 64-летних изменений не чувствую. Продолжаю работать. Проверил глаза: очки для дали: минус 10 и 11, для чтения — 7 и 8.

Занимаюсь Москвой. Начинает неплохо выкручиваться и самому нравится, хотя делать Москву чрезвычайно трудно. Еще занимаюсь для «Космо» Марией Савиной. А 28 февраля — новый

сезон, журнал «Каприз». Редакция на Плюхище, в доме, где находился в довоенные годы следственный изолятор Бутырок (раньше били, а сейчас «капризничают?»). Главный редактор и издатель Людмила Коваленко приняла меня любезно. Бывшая журналистка, прошла путь: «Молодой коммунист» — бизнес — и вот «Каприз».

А тут уже не каприз, а злобноватый выверт в газете «Завтра». Один из оголтелых критиков — Владимир Бушин, специалист по прикладыванию левой интеллигенции: «сладкий, как свекольная патока, Сагалаев», «нервная, как спаниэль, Сорокина» и т.д. К Бушину «на обед» попала книга «От Рюрика до Ельцина», и он привязался к моему официальному отчеству: Копелевич: «Не родственник ли известного эрудита Льва Копелева, обретающегося ныне в Германии?». О самой книге: «Замечательнейшая книга», — то ли искренне, то ли с сарказмом. А дальше Бушин играет на фамилиях: Гольденвейзер, Лозинский, Мейерхольд, Пастернак, Барто, Бродский и т.д. Подтекст такой: автор выделяет на первый план все не русских, значит, не патриот. Кстати, Наташа сообщила, что в Кельне в магазине русской книги видела моего Рюрика по цене 8 дойч-марок (примерно 30 тыс. наших).

2 марта пошли в театр Гурвича на спектакль «Я стэпую по Москве». Весело, озорно и задорно.

В гороскопе на следующую неделю про Рыб сказано: «С таким избытком энергии и подвижностью РЫБЫ больше похожи на торпедные катера». Ну, что ж, катер так катер.

24 марта

Галина Вишневская о Мстиславе Ростроповиче: «Если Слава останавливается на несколько дней, то я вижу, как он как-то оседает. Он должен все время действовать…». Вот и я все время в состоянии действующей машины — газую. У Николая Заболоцкого совет и призыв:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Эх, если бы только душа. Трудятся и руки, пальцы, ноги, глаза. Тружусь до того, что иногда просто валюсь с ног. А результаты, к сожалению, не соответствуют усилиям.

Один из типичных дней — понедельник 18 марта. Отвез в «Вечернюю Москву» очередные московские даты, далее в Дом звукозаписи на

Качалова, прочитал программу о Тютчеве. Приехал домой уже основательно усталый — звонок из «Огонька»: дают гонорар! Поел, вздохнул и поехал. 100 долларов и еще рублями. В «Огонек» шел по Нижней Масловке по ледяному тротуару, теневая сторона почти не тает. Шел, а мимо мчались машины, жуткий воздух, и думал, сколько надо усилий, дерганья, даже чисто физического, чтобы добиться этого маленького успеха, более или менее сносного благополучия. А К. никак не может успокоиться и откровенно мне завидует. Шел я по Масловке и успокаивал себя, что вот скоро отправимся в Италию. Тяжело в Москве — легко во Флоренции. Эдакий суворизм!.. А еще зашел на ул. Алабяна в контору Инкомбанка и поменял рубли на итальянские лиры. Приехал домой и рухнул, хотя не напечатал ни одной строчки.

19-го в особняке АТВ официальный просмотр «Старой квартиры» для журналистов. Пришли Алла Латынина, Ярослав Голованов, Лариса Пияшева, Сергей Муратов, Виктор Матизен и молодая поросль из различных журналов и газет. Кто-то выразил опасение, не льет ли этот сериал своей ностальгией на мельницу коммунистов? «Нет, отвечал Малкин, — у нас присутствует

«консультант г-н Безелянский», и с историей все в порядке».

Смешной эпизод в РЭУ. Ще отнесла туда заявление о протечке крыши, а ей радостно сообщают:

— А мы вашего мужа слушаем по радио.

— Вот и почините крышу, иначе он о ней по радио всем расскажет, — сурово ответила Ще.

Пришло письмо от Саши Серикова из Мексики: «…увидев твою подпись в одном из журналов, я сразу вспомнил о человеке, никогда не упускавшем возможности что-то записать в свой знаменитый блокнот и при этом лукаво улыбнуться. И сейчас твое хобби служит тебе. И я рад за тебя…».

Для «Космо» сделал Марию Савину, начитываю книги про Александру Коллонтай. В «ВК» вышел замаринованный Северянин. Вовсю выходят московские даты в Вечорке. Зашли в контору «Скай-тур», там поменяли «извозчика» и неясно, когда точно вылет. Наш сервис!.. А Ще готовится к встрече и читает «Образы Италии» Павла Муратова. Но главное, конечно, чтобы не подвело здоровье, чтоб не было этой фразы — «о бизонье ди ун дотторэ» — «мне нужен врач».

Италия дель Арте

Я в Италии второй раз (первый: 7–15 декабря 1989), Ще — первый. Боюсь повторений и буду краток. Небольшая туристическая картинка из итальянских камешков.

Группа 35 человек, собранная из одиноких интеллигентов, «финансистов» (работников финансового института), работяг из Подольска — и нефтяников из Тюмени, которые сорили деньгами направо и налево. Социальный срез нашего общества. Одни дрожали над лирами, другие швыряли их по сторонам. Гид и переводчик — Галина Наринская, с которой мы подружились.

Вылет рано утром 30 марта. ЯК-42. Приземлились в Вероне. И беглая экскурсия на два часа. Что увидели? Пьяцца Бра с величественной Ареной, построенной в первом веке (вторая по масштабу после Колизея), Церковь Сан-Дзено, река Адиджа, пьяцца Данте с башней и часами, дом Джульетты с небольшой скульптуркой, к которой бросаются все и лапают ее медную обнаженную грудь. Сиськолюбы!..

А далее — переезд из Вероны в Венецию, размещение в гостинице, но не в центре города, как обещали при покупке путевок, а на окраине

— «Ил Буркелло», виа Венезия, 19. Буркелло — это лодочка. Первый наш с Ще зарубежный номер отеля — 63. Быстро забросали поклажу, и сходу в Венецию. Автобус, водный трамвайчик — вапаретто, старый, разболтанный, — и Ще тут же окрестила его как дрондулетто. Но это все, конечно, ерунда перед сказочной Венецией. Собор св. Марка золотился в вечернем заходе солнца. И дворцы стояли, как сдвинутые пюпитры, как выразился Иосиф Бродский.

Город выглядит как толчея фарфора
и битого хрусталя.
Шлюпки, моторные лодки, баркасы, барки,
как непарная обувь с ноги Творца,
ревностно топчут шпили, пилястры, арки,
выраженье лица…
…Стынет кофе. Плещет лагуна, сотней
мелких бликов тусклый зрачок казня
за стремленье запомнить пейзаж, способный
обойтись без меня.

Это Бродский, «Венецианские строфы» (1982). Ну, а мы долго гуляли по городу, наслаждаясь его красотами. Ужинали в «Таверне деи Доги» на Кастелло 4250 рядом со св. Марко: какой-то салат из креветок и еще чего-то морского, традиционные макарончики и невыразительный десерт. Еда не понравилась, но все равно Венеция великолепна! Вернулись без ног. В Москве встали в 4.30, а залегли в буркеловском отеле в 24 часа по-московски. Туризм на выживание.

31 марта. Снова Венеция. Пасхальный день. День доменико ди пальме, и многие венецианцы расхаживают с пальмовыми веточками (взамен нашей вербы). Все залито солнцем. Посетили дворец дожей, прошлись по мостику вздохов. Надпись: «Я тут был. Вася». Ох, уж этот наш Вася из Тетюшей или Кимр. Потолкались на площади, походили по узеньким вьющимся улочкам, отметились на мосту Риальто. А, находившись, сели на лавочку в каком-то садике и слушали пение птиц. Отнюдь не рекламная, а отдыхательная пауза. Отдохнув, снова дефилировали по набережной. Канале гранде, дворцы, где жил Байрон; палаццо, где умер Вагнер. Кто только не жил и не побывал в Венеции! В Венеции мы пробыли 9 часов. Наэстетизировались по горло,

и Ще заключила: «Теперь я понимаю, что такое праздник жизни».

1 апреля. Утром отъезд в сторону Пизы. Дорога тоже интересная. Почти каждый дом со скульптуркой — Аполлончик или Диана со спускающими книзу одеждами, голое бедро обязательно. Каждый клочок земли ухожен и прибран, и никакого привычного нам варварства. Миновали реку По. Холмы Тосканы. Сплошные туннели. Все необычно и красиво.

В Пизе я уже был и наклон башни меня уже не привлекал. Часика три побродили, уютно посидели в кафе, и обратно в автобус в Монтекатини-терми, в курортный городок. Отель «Кристаллино», четыре звезды, можно сказать, шикарный (для нас). Немного погуляли под дождем, а ночью была страшная гроза. Кто-то перепугался: землетрясение, но Бог миловал.

2 апреля. Флоренция под дождем. Песенка «Ке саро, ке саро?..». Что случится? А случился всего лишь дождь, и он, конечно, подпортил нам «ирис нежный», как называл Флоренцию Александр Блок. В Уффици не попали, много кружили по площади Синьории у палаццо Веккьо, около копии мраморной статуи Давида, ну, и, конечно, по «золотому мосту», где сплошняком идут ювелир-

ные лавочки. Еще собор Джотто, капелла Медичи, творение Микеланджело, вокруг которой искрились вопросы наших соотечественников, где день, где ночь, где утро?.. «Уста твои встречаются с цветами, когда ты их вплетаешь в волоса…» — так переводил Вознесенский стихотворения «Утро» Микеланджело. Разумеется, посетили и храм Санта Кроче, где упокоились великие: Данте, Галилей, Макиавелли, Россини и другие.

От высокого к низкому: кожаный рынок. Щекастику купили прекрасное пальто из замши-лайки за 240 долларов. С увесистым пакетом в руках продолжали шастать по городу, как какие-нибудь шоптурники. А что делать?.. Из какой-то чужой русской группы ко мне подскочила девушка: «Итальяно?». Пришлось ее разочаровать, я сумрачно ей ответил: «Турка!», и в этом был отблеск истины: я, действительно, затурканный работой.

Устали, промокли, продрогли, и в ресторане «Бобо» за золотым мостом пришлось заказать коньяку. Тюменцы гуляли по полной программе и громко пели разные песни. Когда грянули «Ой, мороз, мороз!..», я не выдержал и спустил на них собаку.

3 апреля

Не погуляв во флорентийских садах Боболи,

заснули беспокойным сном, а утром двинулись в Рим. Вернее, покатили. Сквозь туман и дождь, но в Риме погода смилостивилась. В 13.25 уже обрели 102 номер отеля «Даниэла» на виа Лузатти, 31 — где-то далековато от центра. И без раскачки автобусно-пешеходная экскурсия по древнему городу. Экскурсию ведет улыбчивая Элизабет (венгерка, не итальянка) и говорит: «Мы делаем Ватикан…». Ватикан — так Ватикан, кто против? Далее Колизей, фонтан Треви, площадь Испании…

У фонтана Треви стоит небольшая церковь Винсента и Анастасии, там покоится прах Зинаиды Волконской. Но дверь закрыта. Ще взмолилась к небесам, и — о, чудо! — дверь открылась. Ще обратилась к священнослужителю с вопросом «порке» — почему в неурочное время открылась массивная дверь, он ответил: «Синьора этого очень хотела». Мы вошли в церковь с некоторым волнением, и Ще поставила свечу пред надгробием принцессы — так написали итальянцы — княгини Зинаиды Волконской.

Вечером снова совершили долгую прогулку по Вечному городу. Фонтан Боргезе, площадь Навона, бюсты гарибальдийцев, площадь Испании… Рим в вечерних огнях еще более впечатляет, чем

при солнце.

4 апреля. Продолжение знакомства с Римом. Грандиозное здание — торт в честь Виктора-Эммануила II, площадь Капитолия, древний форум, вновь Ватикан, длинная виа Корсо, кафе Греко и прочие достопримечательности. Сами уже ходим и сами ориентируемся. Все прекрасно, кроме шума: очень много автомобилей и мотоциклистов, и все норовят определить себя звуками, кто громче?..

Описывать музейные богатства Ватикана бесполезно и не нужно: есть роскошные альбомы.

5 апреля. Утром покидаем Рим и провинцию Лацио, едем в Ассизи, в маленький городок, вырубленный в горах. Наверху церковь святого Франциска (Базилика ди Сан Франческо), освященная в 1253 году. В крипте покоится прах Франциска Ассизского. Я не выдержал и обратился с молитвой: «Господи, Франциск Ассизский, помоги мне с изданием книги!..». Там же в базилике чудные фрески Джотто. Сам Ассизи — городок крохотный (25 тыс. жителей), но в отличие, скажем, от Брюгге не бомбаньерочно-красивый, тут красота не шоколадная, а суровая горная.

Два с половиной часа на Ассизи — и снова в путь. По дорогие остановка у магазина и дегу-

стация ликеров. Все накупили бутылки, кроме нас с Ще, мы — не ликеро-водочные люди, мы — культуротрегеры. К вечеру въехали в Феррару, побыли там минут 20, мрачновато, как и судьба жившего здесь Торквато Тассо. А осели мы в Коппаре в маленькой гостиничке «Джузеппе».

6 апреля. Подъем, сборы и покатили в Верону, в аэропорт. В 16.06 приземлились в Шереметьево. Далее рейсовый автобус, троллейбус — и мы дома. Итальянское каприччио закончилось. Конечно, все кратко и бегло, но все же. Видели ангела, парящего в ночном Риме (замок св. Ангела). По следам в газете «Культура» в рубрике «Ветер странствий» вышла моя большая публикация «Страждущий россиянин в стране вечной красоты». Но это я забежал вперед (21 мая 2011).

13 апреля

Италия позади, но аромат воспоминаний не иссякает и его приятно вдыхать. Приехал и окунулся в рабочие будни. В «Работнице» на двух полосах вышел Карамзин, но вернули Тютчева. Крылова просит добавить, почему Тютчева любили женщины? Дура. Любили потому, что он был гением, талантом, а это всегда привлекательно…

Ще встретила Иру Калинину во дворе и спросила, что нового? Она ответвила: «Ничего нового,

вот пенсию прибавили...». А если бы Ще ей сказала, что была в Италии, та наверняка бы упала в обморок. В новом флорентийском пальто Ще отправилась в «Москвичку» — выглядела ярко и эффектно, а в редакции ее спросили: «Что это вы такая скучная и мрачная?». О, женщины!..

Из интереса взял в библиотеке книгу об Италии, изданную в 1960 году неким Прокофьевым, — бред полный. Чиновнику позволили пожить в Италии полгода, а потом написать об этом книгу. Написал и издали. Но таланта ни на грош — скучно и серо. Моя статья для «Культуры» ярче и веселее.

22 апреля

Ну, как период пост-Италия в Нуово Россия? Идет, ковыляя во мгле, — по песенке. По личному приглашению Хазанова были на его концерте. Зашел за кулисы. Хазанов сказал, что не расстается с Рюриком и всюду таскает его с собой, и тут же вытащил книгу из своей сумки.

Людочка приехала из Греции и поведала, что ее Боб выдал в Дельфах «заявление»: «Меня древние камни интересуют больше, чем ты». Н-да. Ну, а я увлекся и делаю вторую полосу «Бандито д'Аморо на дорогах Италии». Развлекаюсь... Но главное — вышел сигнал книги «Любовь и судьба». Си-

неватая газетная бумага и вообще. Ждал чуда, а чуда не вышло, — это произошло 21 апреля. А на утро следующего дня, — очевидно, понервничал, — уже другая серия: бандито де туалетто. Прихватило так, что стал зеленый. Прозаизм? Но что делать. Подобной «прозы» в жизни немало. Желудок тоже живо реагирует на все перипетии жизни. Если живописать, то из уборной еле добрался до дивана и лег. Ще подходит и спрашивает: живой?.. Нос обострился и из-под одеяла голые ноги топориком, — ну, все! — выноси! Потом оказалось, что такие приключения были и у некоторых наших знакомых. То ли лунное затмение подействовало, то ли еще какая мистическая сила, а, может, вульгарный грибной суп, который ел на четвертые сутки?..

2 мая

Пропускаю печатанье, походы по редакциям, вышедшие публикации, полученные гонорары, — все жутко однообразно, но такова моя пенсионная жизнь. Выделю моноспектакль «Грезофарс» Маргариты Сердцевой по стихам Игоря Северянина. Не лучшая композиция, я бы сделал лучше, да и читала она не ахти как, не помогли ни цилиндр, ни фрак, ни тросточка.

Котик милый, деточка! встань скорей на цыпочки,

Ало-губы-цветики жарко протяни…

В грязной репутации хорошенько выпачкай

Имя светозарное гения в тени!..

Еще зрелище — вещевой рынок ЦСКА, царство челноков, которые, как отметил экономист Шмелев, за 3–4 года худо-бедно сумели одеть и обуть чуть ли не всю страну. А в «Известиях» статья Борового «Здравствуй, Зюганов!» о возможной победе ярого коммуниста на президентских выборах 16 июня. И тогда — введение карточек, первые политические процессы, всеобщая мобилизация, голод… Но лично мне кажется, что даже при победе «товарища Зю» ничего радикального, кроме фразеологии, не произойдет: Россию уже не повернуть. Коммуняки могут победить на короткий срок, а потом с треском провалиться.

Был «Кладезь», возник «Олимп» — новое издательство. Преувеличенные восторги по поводу моих заявок и что дальше? Пшик?.. Не пшик опера Верди «Аида» в маленьком зале в бывшем доме медработника на ул. Герцена в особняке Шаховской. «Геликон-опера», худрук Дмитрий Бертман.

Отличные голоса: Наталья Загоринская (Аида) и Екатерина Мельникова (Амнерис). Эффектны массовые сцены с политическими параллелями — с фашизмом, коммунизмом, тоталитаризмом… В фойе встретился и поговорил с Галиной Старовойтовой, пообещал подарить Рюрика, она о нем много слышала…

Первомай прошел тихо и немного в работе. Были два хороших фильма: американский «Однажды в Америке» Серджио Леоне, в главной роли Роберт ди Ниро (гангстер по имени «Лапша») и наш документальный, Алексея Габриловича «Бродвей нашей юности» — про стиляг и, значит, про меня.

10 мая

7 мая у нас в роще познакомился с другом Бродского, Евгением Рейном. Он, оказывается, меня знает и читает. Мило пообщались, а 9 мая он пришел к нам в гости, подарил книгу итальянских стихов, и была хорошая литературная беседа, вдруг он побледнел. Какой-то приступ. Ще перепугалась. Дали ему лекарство, успокоился, потом я пошел его провожать. Н-да. Бывает… То Михаил Кураев мучился у нас в доме с зубами, то вот припадок Рейна, — вот и дружи после этого с писателями!.. Из Евгения Рейна:

Что такое искусство?
Это когда и скучно,
и горько просить гонорара.
И надо стоять до ночи,
глядеть прохожим под ноги
и ждать своего навара.

В другом стихотворении: «…пиши сонеты, играй в бирюльки, бей туза, снимай штаны и лги в глаза, гони монету…».

Вот вам профессия поэта, точнее, призвание… А по ТВ сплошные «Батальоны просят огня».

19 мая

Ко мне приезжала симпатичная корреспондентка «Маяка» Оля Стройнова и взяла обширное интервью о российской истории, от крепостного права до современной Чечни. Главный «надсмотрщик» двора, Константин Сергеевич, при встрече сказал, что я — самый знаменитый человек двора. Первый парень на деревне.

А 13 мая прямой эфир на радиостанции «Надежда» в программе «Час любви» (что совершенно было невозможно представить в советское пуританское время) с ведущей Мариной Скалкиной, которую все называют «укротительницей эфи-

ра». И неизвестно, кто кого укрощал: она меня или я ее. Эфир с 21 до 22 часов. Поехал обратно на метро. Доехал до Аэропорта, поезд встал — и дальше ни метра. Пришлось выходить на улицу и идти пешком. Темень и подозрительные люди кругом.

Узнавал в «Капризе», как им понравились «Бандито де аморо»? Восторгов целое трико. Занимался новой персоной: Исаак Левитан. Был у Песковой. Что-то делается, получается красиво, но дальше эскизов и прикидок дело не идет. Беспокоят не только «Пенаты», но и самочувствие, то у меня, то у Ще, то зубы, то коленка, то еще что-то. Короче, нет нормального здоровья.

А тут возмутил Зюганов, который отказался прокомментировать зверства коммунистов против священнослужителей и стал мямлить: «Ну, это… пятое-десятое…». За что я его укусил в своих датах: привел слова Сергея Булгакова о том, как он предостерегал о возможном коммунистическом будущем и далее написал: «Нет пророка в своем отечестве. Народ не послушал Сергея Булгакова и истово стал поклоняться новым идолам — сначала Ленину, потом Сталину, а ныне кое-кто выбрал себе в качестве идолища бывшего учителя из деревни Мымрино — Геннадия Андреевича.

Дивные дела творятся на бывшей святой Руси!..».

Мой гражданский долг: препятствовать возвращению коммунистов к власти… Выступаю сразу на трех радиостанциях — «Москва», «Надежда» и «Р-l», правда, на последней идут сплошные повторы «Крылатых амуров». 22 мая поехал в Крон-пресс и получил 3 (?!) авторских экземпляра книги «Любовь и судьба». Тираж 15 тыс. экз. Бумага плохая. Остается уповать на текст. За счет гонорара приобрел 120 книг по цене 11 тыс. рублей (в магазинах видел цену: 23.800). И что теперь делать с книгами: дарить, продавать? Витя верен себе: «Нужны стратегические прорывы. А пока мы с тобой в литературном тупике».

24 мая совещание в АТВ у Малкина, разговор о том, как делать фильм о 1948 годе: сессия ВАСХНИЛ, матч Динамо-ЦСКА, фильм «Сказание о земле сибирской» и т.д.

А вечером того же дня в ЦДЛ на вечере Иосифа Бродского. Вел вечер Евгений Рейн, я смотрел на него с опаской, но все было хорошо. Выступающие вспоминали великого рыжего. «Он имел много женщин, стихи, кофе… у него был миллион интересов…», — вспоминала американская издательница Эллен. Анатолий Найман выступил как-то нервно и капризно, чувствовалось, что

он раздосадован, что Иосиф обошел его в славе. Потом были песни под гитару:

Как там Цезарь? чем он занят? Все интриги!

Все интриги, вероятно, да обжорство…

На пленке звучал и голос самого Бродского. Он читал свои стихи глухо и с каким-то канторским завыванием. А еще документальный фильм.

Вечер в ЦДЛ вдруг освятил по-новому талант Бродского и стала отчетливо ясна его интеллектуальная мощь (недаром Нобелевский лауреат), а также ясно то, что потеряла русская литература. На фоне Бродского померкла вся эстрадность, выкрутасничанье Вознесенского, ну, а Евтушенко — просто хороший репортажный поэт о проблемах дня, не более того. Бродский, в отличие от всех наших поэтов, вне национальных рамок, он размышлял о вечности, о любви и смерти, о движущих силах людей и государства. Концовка стихотворения «Посвящается Чехову» (1993):

До станции – тридцать верст; где-то петух поет.

Студент, расстегнув тужурку, упрекает министров в косности.

В Провинции тоже никто никому не дает.

Как в космосе.

Или вот еще: «Жестоковыйные горные племена! Все меню — баранина и конина. Бороды и ковры, гортанные имена, глаза, отродясь не видавшие ни моря, ни пианино…» («К переговорам в Кабуле»).

Ну, а теперь к «Старой квартире». Отказалась сниматься Вера Васильева. А я ее уговорил, редактор ТВ была потрясена. Еще любопытный эпизод. Я встретился с Черняком и его дамой Ирой, и на проспекте Калинина повстречались с Андреем Черкизовым, эпатажным ведущим на «Эхе Москвы». И Вите он, как старому знакомому, на весь проспект стал чистить политиков: «А Явлинский — блядь! Ему только и выступать на конкурсе блядей!». Народ стал собираться вокруг нас.

Ира Черкизову пыталась возражать, он: «Мадам, вы не правы! Они все такие». При этом Черкизов продолжал размахивать руками и кричать. Вулканический темперамент.

31 мая

Руководство «ВК» предложило 12-дневную поездку на пароходе «Леонид Собинов» до Петер-

бурга, я отказался. Сказал об этом Орловскому, он меня поддержал: «Правильно, что отказались, вам там делать нечего. Все будут квасить, а вы?..». Квасить-керосинить-поддавать — это не моя стихия.

Достает меня Светлов: «Когда вы приедете? Важно не после смерти, а до!..». И в мой адрес: «Кончайте со своими календарями… вы уже в литературе…». И еще: «У меня рука все время в клее — приходится подклеивать ваши комментарии… вы делаете славу на дамских панталонах…». Как говорится, хоть стой, хоть падай!..

29 мая выступал в Погодинской библиотеке, которая базируется в саду Баумана. Собралось более 30 человек. Я рассказывал о себе, о книгах, отвечал на вопросы. Успех полный. Публика внимала мне, как дельфийскому оракулу. И заработал: 5 красных роз и 100 тыс. в конверте. Какой-то целитель предложил полечить меня бесплатно. Приехал домой с цветами и деньгами, и Ще объявила: «Наша звезда пришла!..». Ще как-то пожаловалась Лиле, что вот, де, я тоже хочу так везде выступать, как Юра, и чтобы приглашали, на что старая подруга сказала:

— А сколько Юрий Николаевич в журналистике?

— Сорок лет.
— А ты сколько?
— Года два…
— Через 38 лет и тебя будут приглашать.

В ЛГ удивил пассаж Игоря Волгина, что, мол, пребываю в наркотическом перекосе: все время отнимает периодика и ТВ и «постоянно ощущаешь тоску по отложенному тексту». У меня тоже много газет и журналов, ТВ по минимуму — только новости и иногда кино, ну, а с текстами я дружу постоянно.

9 июня

В субботу 1-го июня тракт-прогон-репетиция на Арбате. Антураж: портрет Сталина, бюст Кирова, большой плюшевый медведь, кумачовый лозунг «Жить стало лучше — жить стало веселее». Какие-то частушечники: «На съезде Сталин говорил — не могла наслушаться!..». Театр Шолом, фрагмент из оперы Прокофьева «Повесть о настоящем человеке». Ария о носках. Дуэт врачей: «Резать, непременно резать!..». И прочие нелепости. Когда Маресьев оперу прослушал, он, якобы, сказал: «Ползти было легче». Потом вдруг возник вопрос, а сколько стоила стрижка в 1948 году? Связался со старейшим парикмахером Исааком Даниловичем, и тут пошел второй спектакль: «Это важный

вопрос. Его надо поднять!.. Если вы задели эту деталь — это важно…». И далее минут на сорок.

2 июня снова тракт. И трудности: то свет не тот, то микрофоны не работают. Малкин вне себя, Кира в припадке. Все мучительно и тягуче, но об этом будущие телезрители даже не догадаются. Пообщался с Верой Васильевой и подарил ей «Любовь и судьбу». Поговорил с Николаем Старшиновым, он собирает частушки и фольклор. Еще с Георгием Менглетом и прославленным динамовским крайком — с Василием Трофимовым. Бывший шустрый «Чепчик» (так почему-то его звали болельщики) ныне совсем старый и без финтов. Яркая иллюстрация, что «были когда-то и мы рысаками». Поучаствовал в болтовне трех писателей: Александр Нилин, Анатолий Макаров и Александр Кабаков. К последнему я — «товарищ Кабаков!», — он меня одернул: «Господин…». Поэтесса Лира Ерошевская пялила на меня глаза.

— Кто это за мужчина? — спросила она Ще.

— Мой муж, — холодно ответила Ще.

Поэтесса со мной познакомилась и подарила свою книгу стихов: «Когда б лыжня меня не привела на самый край глубокого обрыва…». Далее последовал обрыв в чтении: не Цветаева. Вымороченные стихи, лучше «Русские частушки»,

собранные Старшиновым (изданы в 1993):

Не хвались, подружка Роза,
Что ходила с милым в лес.
Он все лазил на березы,
На тебя он не полез.

А я раздариваю свою книгу, но при этом помню горькие слова издателя Юрия Кувалдина: «Обычное дело — подаришь книгу, как в колодец бросишь…».

Звездный час и у Ще. Приехала телебригада и интервьюировала Ще, как она живет под одной крышей с писателем и историком. Обснимали все книжные полки и пару наших фото-альбомов.

12 июня

В воскресенье 9-го был в Останкино в программе Игоря Фесуненко и даже гонорар в конверте — полтора миллиона (это 5 моих пенсий). Гонорар платил какой-то предприниматель, которому нужно было обязательно засветиться в телеэфире, ну, я как фон, хотя, как говорун, главный. Программа «Между прошлым и настоящим» — 30 минут. После программы распили теплого заграничного брюта, опять же подаренного бизнесменом. Откликов на программу — хоть пруд

пруди!..

Выступление по ТВ — это частности, а главное: страна затаилась. Все ждут выборов: Ельцин или Зюганов? Тошнит от выкладок и прогнозов.

16 июня

И вот настал этот день, куда идти России: вперед по пути мучительных реформ или откатываться назад, снова отнимать, распределять, делить? В своем комментарии в «ВК» (15 июля) в конце я написал: «Господа! Сограждане! Товарищи! Отправляйтесь к избирательным урнам, подумайте о своем выборе. Нам не нужна ненависть. Нам нужна любовь, Любовь и созидание».

Но что наш голос с Ще, решает провинция, глубинка, тупая и серая масса.

Комментарий Андрея Лапика в «МК», опять же накануне: «…паноптикум отставных аппаратчиков… Какие они марксисты-ленинцы? Просто старые пердуны, не желающие расставаться с властью… неудачники, проигравшие страну в номенклатурный покер. Худшие из худших. Двоечники, второгодники…».

Реплика, спустя 17 лет. Коммунисты тогда проиграли. Победил Ельцин. Но Ельцин оказался всего лишь прикры-

тием, за его спиной уже проглядывала молодая поросль волков из КГБ. Им вскоре достанется власть, и они, эти жадные до власти волки растерзают молодое тело новой России. Поделят ее на две части: Россию богатых и Россию бедных. Продадут и разбазарят. От былой великой коммунистической империи останутся одни осколки и клочья.

Тогда, в 1996 году, это не могло присниться даже в кошмарном сне… (23 мая 2011).

Не дождался результатов выборов и своего 60-летия хороший поэт-пародист Александр Иванов. И дела земные. «Библио-глобус» взял 5 пачек «Любовь и судьба» и торговал книгами на первом этаже — разошлись как горячие пирожки.

30 июня

Про работу не пишу. А вот развлечения. По приглашению Веры Васильевой были в Театре сатиры на спектакле Жана Кокто «Священные чудовища» (пьеса об актерах). Эстер — Вера Васильева, молоденькая актриса-соперница — Наталья Карпунина, муж — Юрий Авшаров и др. В бессловесной роли — легендарная Валентина

Токарская…

> Справка. Она умерла вскоре – 1 окт. 1996 в возрасте 90 лет. В оперетте выступала в амплуа каскадной субретки. В 30-е годы звезда московского Мюзик-холла (знаменитая постановка «Как 13-я дивизия в рай шла»). Во время войны выступала во фронтовой бригаде артистов, далее плен и наш лагерь в Воркуте. Вернулась и успешно играла на сцене.

21 июня поехали с Ще в музей Пушкина на грандиозную выставку Москва-Берлин. Купили каталог весом в 4 кг за 100 тыс. Выставку готовили больше 3 лет, и она охватывает период 1900–1950 годы — реалии, утопии и химеры искусства XX века. Время войны и революции, время диктатур и время второй мировой войны, и время после… Москва и Берлин — две столицы, где отрабатывалась технология убийств.

В том городе дрались и целовались,
любили или гибли ни за что,
и пели: «Дейчланд, Дейчланд юбер аллес» –
все было этим лаком залито.

Эти строки, кажется, принадлежат Евтушенко. Одна диктатура подпевала другой, и немецкий писатель Вилли Бредель провозглашал: «Смерть агентам гестапо — троцкистско-зиновьевской банде!». А соревнование кинофантазий — Лени Рифеншталь «Триумф воли» и Михаил Ромм «Ленин в Октябре». Но и самобытность, и самостильность поэтов, писателей, художников, композиторов!.. Рильке, Цветаева, Пастернак, Кандинский, Георг Гросс, Марк, Дикс, — перечислять можно очень долго. Можно взять каталог и утонуть в нем, как в море…

После музея не успокоился и поехал в сад Баумана подписывать купленные библиотекой книги «Любовь и судьба» — штук 20. А на следующий день вышла полоса в «ВК» о Левитане. Печатал шпаргалку для Якубовича в его программу «Колесо истории». А 25-го отправился на «Эхо Москвы» в новое помещение на проспекте Калинина, небоскреб, 14 этаж.

Все утро крутили рекламный ролик, кто к нам идет в малиновом берете, это не посол испанского короля, а писатель и историк Юрий Безелянский, который нам поможет разобраться в тайнах испанского двора. Выступал в программе «Печатный пряник», которую вели Лев Гулько и Ира

Алексеева. Подарил ведущим по Рюрику, подошел Алексей Венедиктов: «А у меня есть, я сам купил». Прямой эфир с 13 по 14 часов, за минусом новостей и немного рекламы. Вопрос-ответ и еще звонки радиослушателей. Кто-то позвонил и спросил, собираю ли я материалы о Нагибине: «Он к вам относился с нежностью»… Кто-то был недоволен мною за критику Сталина. «О, еще не такое бывает», — утешил меня Гулько.

Реплика вдогонку спустя 15 лет. Да, была популярность и востребованность «в тайнах испанского двора» – интернет еще не заступил на вахту, и я был один из немногих, кто скрупулезно собирал информацию. А сейчас интернет. Он перечеркнул мои знания, и поэтому уже много лет я для «Эхо Москвы» нахожусь в забвении, да и там новая поросль ведущих. Одна из новых реклам рассказывает об убийстве Цезаря, и возмущение: «Какое харакири, какие киборги?! Я вам расскажу, как было на самом деле!..». А далее ссылки на интернет. А что касается доморощенного писателя и историка «в малиновом берете», то – «Вы свободны.

Можете отдыхать». Такая вот се ля ви (25 мая 2011).

27 июня чистил архивы. Достал более 50 расклеенных толстых тетрадей с вырезками по «Динамо» и сборной СССР и договорился отдать их в динамовский клуб. Футбол не в состоянии конкурировать с Серебряным веком. Собирал, хранил и на вынос!..

3 июля

Кафкианский день: президентская схватка Ельцин-Зюганов. Ельцин сказал, что «эти сытые демагоги от партии мне неинтересны», ну, а мне — противны. Свой исторический календарь 2 июля я назвал «Кафкианский день»: 113-я годовщина рождения Франца Кафки и второй тур выборов президента. В конце я привел стихи Юрия Терапиано о гибели — «все проходит, все пройдет»:

Как утешаться – не знаю,
Но зачем-то нам дана
Эта музыка земная,
Эта звонкая весна?
Налетает вдохновенье,

Настигает налегке,
И волна смывает пенье,
Словно надпись на песке.

И закончил словами: «Думая о сегодняшнем, никогда не надо забивать и вечного. Все проходит. В том числе и выборы». Ну, а голосовали мы, естественно, за Ельцина.

А 1 июля на р/с «Надежда» заключил договор. Гендиректор Королева:

— Сколько вы хотите?

— А сколько вы можете дать?

— Сто тысяч за каждую программу.

— Нормально.

— Больше платим только Виталию Вульфу… но вы же не Вульф…

Нет, я не Вульф, но я учусь на Вульфа. Хотя, если отбросить юмор, я пишу лучше, чем он, а он говорит лучше (пока), чем я.

Позвонил Вере Васильевой и поблагодарил за спектакль. А она рассыпалась в комплиментах о моей книге: интереснее и лучше, чем у других — короче, объемнее, информативнее, эмоциональнее… Мнение народной артистки СССР. Для баланса получил «отлуп» от профессора Комиссаренко и доцента Чекуновой в письме в редакцию

журнала «Вопросы истории» на книгу «От Рюрика до Ельцина»: «Историей у нас нередко спешат заниматься люди, дилетантизм которых в познании прошлого прямо пропорционален их самоуверенности…». Подтекст: по исторической поляне должны гулять только историки-профессионалы, а любителям и дилетантам вход запрещен. Табу. Ферботен. А эти историки пишут занудно и вяло, хоть святых выноси!..

7 июля

Как написала «МК»: ЗЮГзаг преодолен! Что дальше? «Россия сыграла в русскую рулетку и выиграла». Короче, пронесло. Коммунистический камбэк не состоялся…

Больше на политику не отвлекаюсь и снова плыву по рабочим волнам. В «Космо» вышла Мария Савина, для «Работницы» сделал Сашу Черного. По радио читал московский календарь и вставил в него стихи Вадима Шефнера:

Не надо, дружок, обижаться,
Не надо сердиться, ей-ей,
На сверстников и домочадцев,
На старых неверных друзей.
Давай лучше жизни дивиться

И в добрые верить дела,
Глядеться в знакомые лица,
Как в праздничные зеркала.
Обиды все – мелочь такая,
Обиды ничтожны стократ
Пред вечными теми веками,
Что всех навсегда разлучат.

Обиды? А зависть? Встретил Виталия Соболева, он сходу заявил, что на телевидении не снимается и книг не пишет. А далее с «доброй» улыбкой: «Я теперь все знаю о тебе. О Льве Николаевиче ничего не знаю, а вот о Юрии Николаевиче все теперь известно, что пишет, что ест, как обстоят дела дома и так далее». И стал изображать пародийного интервьюера: «А что вы скажете об этом?.. А что вы думаете о том?». Я на все это, вроде бы, и не обиделся, но какой-то осадок остался. Ну, а что Виталию Сергеевичу помешало добиться известности? Лень? Отсутствие целеустремленности? Таланта, наконец? В Комитете радиовещания, где мы работали с ним, было много способных ребят, и никто из них почти ничего не добился, так и остались безымянными пропагандистами «советского образа жизни».

14 июля

На Москву нагрянула жуткая жарища, под 35 градусов, пришел знойный воздух из аравийских пустынь. А тут пришлось идти в «Работницу» и «Огонек»:

Это улица Башиловка?

Нет, это улица Шпариловка.

Взорвали два троллейбуса — ответ на действия федералов в Чечне… Фотокор «Нового книжного обозрения» снимал меня в арбатских переулках у маленького памятника Пушкину. Я и Пушкин, — это прямо для Соболя. Лена Сылко пытается пробить мои программы на ТВ. Боюсь, что это всего лишь теле-мираж. А я сам продолжаю печатать и печатать. На кухне. Форма одежды: трусы, тапочки и очки, и ничего более, — жара!.. Материалы продолжают выходить в газетах и журналах. В субботу от жары спасались в Калистово, у Болдинских. Аркадий пересказывал мне содержание газет, которые я давно прочитал.

19 июля

Вместе с Песковой были в прямом эфире на Эхо у Оли Галицкой в программе «Уют-компания». Я даже почитал пару стихотворений Агнивцева, в том числе «Почему обезьяны не могут любить

прекрасных дам»:

«Все, что требует от мужа эротический регламент, все у вас есть! Плюс, к тому же, африканский темперамент» — так говорила дама удивленной обезьяне, а та в ответ:

«Ах, мадам, не е том вопрос-то!» –
Шимпанзе сказал, вздыхая…
«Это все ужасно просто!
И причина здесь иная!
Чтоб доставить даме счастье –
С вашим мужем старым дожем
Потягаться в деле страсти,
Черт возьми, конечно, можно!
Я бы мог быть Арлекином!
(Шимпанзе ведь – не священник!)
Но, что делать? Для любви нам –
Не хватает только – денег!»

Комплимант от Алексея Пьянова: «Вы — уникальный человек, ни у кого сейчас нет такой информации, как у вас». Был в газете «Культура», предлагал свои итальянские заметки. Говорил с главным редактором, Юрием Белявским. Любопытно: в Москве 4 пишущих Ю.Б.: Юрий Бондарев,

Юрий Богомолов, Юрий Белявский и я.

17-го был интересный миг. Ще смотрела по ТВ «Санта-Барбару», я сидел на кухне, пил датское пиво из высокого тяжелого чешского стакана и подумал о том, что вот это, наверное, и есть счастье, точнее, миг счастья. Я всегда мечтал иметь свою квартиру, чтобы в ней было много книг, какой-то минимальный комфорт, и чтобы рядом находилась красивая и умная жена, ну и, конечно, чтобы чего-то добился в жизни. И вот все это есть. К сединам пришла небольшая журналистско-писательская известность, есть денежки, смогли побывать в Германии и Италии. Конечно, нет «Вольво», но, может быть, машина и не нужна (я — гуманитарий и от вида авто не вздрагиваю). Так что прочувствованный миг счастья у меня был.

Неожиданный звонок из Нью-Йорка от Маши Трофимовой (собственный дом, два мерседеса и т.д.), увидела мой материал в «Новом русском слове» и возбудилась: так захотелось в молодость, в Москву, в прежнюю жизнь. Еле нашла мой телефон.

27 июля

На Эхе записал 4 «штучки»: Набоков, Людовик XIV, Бернард Шоу и прочитал поэмку Веры Инбер

«Васька Свист в переплете». Какая-то редакторша подскочила: «Ой, у меня есть досье на вас — я все ваше вырезаю…». А через два дня в программе «Долче вита» услышал, как рассказывал о Бернарде Шоу. На р/с «Надежде» записал программу про Зощенко и Глинку. Объявляют: писатель, журналист, историк… Надо бы еще добавить: сказочник… По «Эху» слушал «Мочалкин-блюз»: «Я — мэн крутой, я круче всех мужчин…». В отличие от этого «мэна», я не предлагаю: «Эй, мать, беги в мою кровать». Время соблазнений было в молодые годы. Сейчас меня соблазняют только гонорары и книги.

На «Эхе» какой-то скандал и выгнали Ольгу Галицкую — любимицу радиослушателей. Только что прозвучал мой Людовик XIV под патронажем Галицкой. Как известно, Людовик погиб на эшафоте, и у меня подозрение, что и моя рубрика без Галицкой погибнет… (так оно и произошло — 25 мая 2011).

Удивило ТВ» показав сразу два фильма «Психо» («Психоз») — Хичкока (1960) и Ричарда Франклина (1933). Хичкок и без цвета Хичкок: леденящий триллер. А у меня свой литературный триллер: большой материал о Федоре Сологубе.

День только к вечеру хорош,

Жизнь тем ясней, чем ближе к смерти…

«Когда меня у входа в Парадиз Суровый Петр, гремя ключами, спросит: «Что сделал ты?» — меня он вниз железным посохом не сбросит…». А пока апостол Петр не гремит ключами, Пескова продолжает делать мою книгу, и «Сад любви» обретает цветовую эффектность. Говорит, что в этот роскошный «кирпич» она вбухивает 100 тыс. долларов и мне, вместо гонорара, даст аж 500 экземпляров. И во всю говорит о презентации в Союзе писателей, композиторов, архитекторов… И идет густой бриллиантовый дым в дворницкой Тихона. Как там в великом романе?

«Ипполит Матвеевич оглянулся. По темным углам зачумленной дворницкой вспыхивал и дрожал изумрудный весенний свет. Брильянтовый дым держался под потолком. Жемчужные бусы катились по столу и прыгали по полу. Драгоценный мираж потрясал комнату…».

Пескова и «пенаты» — это мои «Двенадцать стульев».

3 августа

Сплошной конвейер дел, карусель тревог и забот, печатная фабрика на дому, — вот что такое

моя пенсионная жизнь.

Пачка книг «Любовь и судьба» была увезена в Вытегру на Клюевские чтения и там была продана и раздарена. Сею доброе, разумное, вечное. Одна из книг досталась внуку Есенина (внуку — от кого?). Звонили из Петербургского ТВ: помогите достать книгу о Рюрике, она крайне нужна, а в Питере ее не сыщешь…

На 1 августа сочинил строки Ще:

Опять день рожденья,
опять и опять.
Я, честно, уже
истощился желать.
Желать и здоровья,
и благ, и любви,
И млеть от нахлынувшие чувств
до зари.
Ах, годы, зачем вы несетесь
так вскачь.
Ужели нельзя вас никак
придержать?
годов бы поменьше,
побольше удач, –

Вот это хочу я тебе
пожелать!

Отмечали в Калистово под «Мукузани» и ели холодный борщ. Пришлось подписывать купленные Мариной книги, за одной пришла соседка по даче лично. Был слышан шепот: «Сестра приехала… А муж у нее писатель…». В этом было что-то из чеховского сюжета.

2 авг. еще одна телебригада (Ирина Кленская и Людмила Соловейчик). Потом охи: «Какой у вас светлый, теплый дом, так было приятно с вами общаться…» и т.д. Гуляя в роще, встретили Женю Рейна. Зашел разговор о Вознесенском. Я сказал, что он хотел мне помочь в раскрутке и… На что Рейн: «Вознесенский — человек холодный, он никому не помогает, кроме авангардных поэтов и то, только для того, чтобы утвердиться в качестве отца Авангарда».

4 августа

Вчера утром на «Волге» повезли на Шаболовку (4-й канал, «Российские университеты»). Старое здание ТВ, построенное еще в 30-х годах. Следы запустения и маленьких денег. По студии бродят актеры и кошки. Но вот эфир. Кленская представляет меня как человека-архив и как

человека-календарь. Назвали груздем — полезай в кузов: я рассказываю о датах на 4 августа: королева Маб, Наполеон и Жозефина, читаю строки Шелли:

Безбрежный океан земной печали,

О, время, время, кто тебя постиг?..

Затем следующий гость — режиссер Владимир Андреев и его актеры — и плохо, — сцену из «Марии Стюарт». Потом какой-то исполнитель цыганских песен и в заключении — снова я, сказал, что цыганские песни напомнили мне Бодлера, и вижу, как у Кленской глаза полезли кверху. Однако Бодлера я вплел изящно, и после окончания программы технический персонал студии мне аплодировал. Андреев долго жал мне руку, — понравился?.. Домой меня отвезли в большом 8-местном «Форде». Ассоциативная память тут же подсказала строки Маяковского:

Много ли человеку (даже Форду) надо?

Форд в мильонах фордах, сам же Форд – с аршин.

Мистер Форд, для вашего, для высохшего зада

Разве мало двух просторнейших ма-

шин?..

Ну, а дальше в стиле Владимира Владимировича: «Мистер Форд — отдайте! Даст он — черта с два!». «Мария, дай!..», «Мистер Форд — отдайте!..». Большой проситель был этот Маяковский!..

10 августа

Какое-то лихо в лице Отара Кушанашвили занесло меня в клуб диско «Утопия» на первом этаже к/т «Россия», в программу «Партийная зона». Адский грохот и непривычная молодежная обстановка, — и зачем выступать, что-то говорить? Неожиданно в клуб завалилась группа звездных хоккеистов (Фетисов, Буре и др.) и писатель, к моему огромному удовольствию, оказался не нужным. Причем перо, когда есть клюшка с шайбой! Получил гонорар и распрощался с партийно-хоккейной зоной. Выпивают, танцуют, и я был явно лишний…

Другое дело — визит на следующий день на квартиру к Татьяне Ивановне Лещенко-Сухомлиной. Жутко запущенная квартира: хлам, хаос, картины и книги. Несмотря на свои 92 года, Татьяна Ивановна очень живая, с горящими глазами и великолепной памятью. «Юрочка, сейчас я вам подарю рассказ, но обязательно сделайте ссылку

на меня…». Далее последовал рассказ, как Борис Пронин лично Татьяне Ивановне рассказывал об Идочке Рубинштейн. А еще детали про Лилю Брик…

> Необходимая справка для молодых читателей. Татьяна Ивановна Лещенко (по мужу Сухомлина) – удивительная женщина с удивительной судьбой. Переводчица, певица, актриса. В 1932 году перевела на русский одну из самых знаменитых и читаемых книг XX века «Любовник леди Чаттерлей» Лоренса. В 30-е годы вернулась в Россию из Франции. В 1947 году ее арестовали. После ссылки не сломалась и вернулась к активной жизни.

В «Работнице» вышел Тютчев, в «Капризе» набрали «Бандито д'А Моро на дорогах Италии», идут рубрики в «ВК», «Вечорке» и «Огоньке». Напряжение и труд позволили купить дубленку — первую в жизни — в 64 года (цена: 2.905.000 руб.). Новый русский?.. А тем временем в Грозном идут страшные бои. А что Ельцин? А Ельцин в Барвихе по аналогии: Ленин в Горках.

18 августа

Пропускаю всякие дела и встречи, а отмечаю поездку в Александров 15 августа, по итогам которой написал материал: «Александров, Слобода, Цветаева».

Очередное заявление Витеньки: «Я сижу в засаде и жду». А я, напротив, в поиске, в бою, в труде…

25 августа

Из потока разного выберу: по приглашению Льва Гулько попал на 6-летие «Эха Москвы» в баре-столовой президента в комплексе зданий ЦК. Столы ломились от еды и напитков. Немного посидел и ушел. Совесть заела: перед глазами стояли голодные, не получающие давно зарплату шахтеры Приморья. Одни жируют, другие недоедают. Увы, так было испокон веков. Так было всегда.

Услышал загадочную фразу из уст работника нашей котельной: «До белых мух будете прессовать и никогда не сдадите!». Фраза для мистического романа, но я романов не пишу.

Хлюпаю носом, болит спина, а завтра читать по радио бодрым голосом. В тени за окном +16.

1 сентября

Неделю болел и неделю работал. В январе 1966

года Фаина Георгиевна Раневская записала: «Если бы я вела дневник, я бы каждый день записывала одну Фразу: «Какая смертная тоска…» И все…».

У меня нет смертной тоски. У меня одна работа. Трудоголик, одним словом. И даже когда болею, не расстаюсь с машинкой и печатаю напропалую. И вздрагиваю от криков соседки Светы: «Маша, не ходи!», «Вася, что ты делаешь?!». Звуковая террористка. Руководит детьми. Чтобы заглушить ее голос, включил Эхо, там другое — Алла Баянова поет: «Тихо струится слеза…».

На радио не поехал. Дали повтор Бунина. Занимался Аллой Назимовой. Вышла Аполлинария Суслова в «ВК» — перепечатка из книги. И тут же позвонил Светлов (жив-жив библиофил!): «Достоевский удивляет, Безелянский трогает…». Звонила какая-то женщина и, узнав, что я болею, наказывала Ще: «Вы его берегите, чтобы нам было что читать». Интересный разговор с Людмилой Сараскиной, специалисткой по Достоевскому, она, узнав, что я печатал Суслову в «Космополитэне», почти завопила: «Разве можно было нести бедную девочку в этот желтый бандитский журнал?!». Для нее Суслова — «бедная девочка», — интересно. И еще Сараскина несколько раз с явной неприязнью произнесла слово

«оргазм». Дался ей этот оргазм?!.. Да, Сараскина подвела итог под «Космо»: «Лучше голодать, чем печататься в этих журналах».

В конце недели насморк немного утих, и мы поехали в дальнюю рощу, гуляли с Германами. Если я хочу издать еще 6 книг, то Юра, тезка, хочет сделать еще 300 тысяч слайдов — это его увлечение. Честь и хвала увлеченным труженикам, беспокойным сердцам! Юра Герман — не Витя, который «сидит в засаде», и не О.Ю., которая пассивно ждет неведомо что… Удивил Вознесенский последними стихами в «МК»:

Рухнул дом Левиафана.
Мой последний закидон –
арендую у Литфонда
желтый дом…

Да, Андрей, кажется, заигрался в слова. Сплошное словесное жонглерство. Он — развлекатель, а я стараюсь быть просветителем.

8 сентября

Темнотища, как в погребе. Прохлада, льет дождь, сижу с электрической лампой — кончилось лето. Весь август не было дождя, полное безветрие и над городом висел смог. Теперь хоть

немного освежится. Вот так и живем: переходим из сезона в сезон, из одного возраста — в другой. Стареем. Волосы почему-то начинают расти в ушах, а брови се деть и топорщиться, как усы у тюленя или моржа. Иногда смотришь на себя в зеркало — и противно. Где молодость? Где кудри? Где гладкость кожи?.. Не один я переживаю время старения. Сколько стихов написано на эту тему, можно цитировать и цитировать.

Знай одно: что завтра будешь старой.
Остальное, деточка, – забудь, –

писала Марина Цветаева сестре Але в 1917 году. И ее собственные вздохи: «Господи, как было молодо. Зелено, невиданно!». И отчаянье: «Скоро уж из ласточек — в колдуньи…».

Но оставим эту тему. 4 сентября пошел на открытие 2-й Российской международной книжной ярмарки, пошел не как любитель-книжник, а как полноценный писатель. Купил роскошную книгу «Символизм в русской живописи», держа в голове новую идею: написать мини-энциклопедию по Серебряному веку. Поговорил с некоторыми издательствами — с «Террой», «Вагриусом» и другими. На стенде «Крон-пресс» немного постоял и подписал несколько книг «Любовь и судьба».

15 сентября

9-го, в понедельник с утра, с увлечением читал записки Михаила Козакова о том, как ему жилось в Израиле: «Все было бы бэсэдер (в порядке), если бы не одно маленькое обстоятельство…». Все-таки чужая кругом жизнь, плюс ностальгия, и он вернулся в Москву, к Покровским воротам. А еще слушал радио: по Р-1 какая-то актриса читала мой очерк о Кшесинской (и надо сказать плохо, невыразительно), а по «Надежде» шло повествование о Скрябине, — уже читал я. Ну, а к вечеру на Речном вокзале, на 6-м причале наш ждал не «Александр Пушкин» (что было бы приятнее), а «Георгий Димитров», на котором было запланировано небольшое путешествие и банкет по случаю 5-летия «Вечернего клуба». И, как пел Леонид Осипович:

Ах, не солгали предчувствия мне,
Да, мне глаза не солгали –
Лебедем белым, скользя по воде,
Плавно навстречу идет пароход!..

Пароход не шел, а стоял у причала и далеко не белым лебедем, а слегка потрепанной посудиной, но дареному коню, то бишь, кораблю, в зубы не смотрят, тем более, что досталась каю-

та полулюкс. А вот банкет был отменным. Его вел Борис Брунов. Все пили вдоволь, а мы с Ще весьма осторожно — итальянский «Пьямонт». Познакомились с Александром Михайловичем Борщаговским, старейшим писателем, и молодой звездой, Владимиром Вишневским. Он заявил за столом, что читает и вырезает Безелянского. Подарил свою книгу «Спасибо мне, что есть я у тебя». Ну, а в книге сплошные приколы, типа одностишия: «Нет времени на медленные танцы!..». Подарил свою книгу и Виктор Шендерович (и он, оказывается, читает меня): «...В деревне Гадюкино дожди». На память запишу и строки Шендеровича:

Венца Христа не заслужу
И лавров Сартра,
В программе «Время» погляжу
Прогноз на завтра...

Все мило, почти талантливо, печально и иронично — все мы немножечко Шендеровичи и каждый из нас по-своему Шендерович, — позволю себе перефразировать классика. Россия, русская река Волга, плывет теплоход «Шендерович», — это уже сказал на банкете Брунов. Когда предоставили слово мне, то я сказал, что наде-

юсь, что «Вечерний клуб» останется в истории культуры и российской журналистики.

> Ремарочка. Увы, потонул, сгинул «Вечерний клуб», хотя часто слышу, как вспоминают эту газету и мои публикации в том числе (26 мая 2011).

Была остановка на пристани «Хвойный бор», были запланированы шашлыки на воздухе, но отменены из-за дождя. В Гадюкино дожди?.. Рядом с «Димитровым» стоял в бору «Ленин», и иностранцы с удивлением смотрели на загадочную русскую реку и на нас, аборигенов.

Потом было музицирование в кормовом зале, и Шендерович даже проиграл фрагмент «Порги и Бесс» Гершвина. Кто-то пел:

Жу-жу, жу-жу,
Я, как пчелка, кружу…

На следующий день, 10-го, в 16.15 причалили к Речному вокзалу. Отдых или пауза закончена, и снова жу-жу и кружу.

12-го запись передачи «Старая квартира» — 1949 год. Пригласили писателей Данина и Борщаговского, балерину Лепешинскую, актера Владлена Давыдова (майор Кузьмин в фильме «Встреча

на Эдьбе», 1949 — красавец), Оскар Фельдман, Джуна, Роза Багланова («Ах, Самара-городок, беспокойная я, успокой ты меня…»). Запись прошла более слаженнее и четче, чем предыдущие.

14-го, в субботу, вышла полоса о Федоре Сологубе, и забыли дать фамилию автора. Какого?! Михайлов потом долго извинялся.

22 сентября

Лев Соловейчик, муж Люси, подарил мне изданную им книгу «Князь Палей. Поэзия, проза, дневники» (тираж 1.150 экз.). Открыл книгу: «Не зажигай огня… Останься… Помолчим…». Все замечательно, но не для сегодняшнего дня. Кругом фонтанирование, кружение, визжание. Какие-то сумасшедшие звонки, дикие предложения, миражи и воздушные замки. Реальность была одна: посещение Тютчевского дома в Армянском переулке, 11, где Тютчев жил в молодые годы до отъезда в Германию. Особняк князя Гагарина, в котором разместился Детский фонд. Лиханов прочитал в «Работнице» моего Тютчева, сказал: «Изящно… Кто это написал? Найдите!..». Нашли и пригласили. Показали все комнаты и залы, рассказали об экспонатах и попросили написать о музее. Помощница Лиханова, некая Нелли Константиновна, пообещала: «Я вас возьму в

Мюнхен…». Там должна состояться презентация тютчевского альбома. Мюнхен — это новая Панама?..

Посмешил Сергей Юрский своим самоинтервью: «Материальное положение? — На плаву… Здоровье? — Здоровье поганое… Настроение?– А настроение хорошее…».

21 сентября вышла в эфир «Старая квартира». За счет монтажа кадров программа была динамичной (а съемки были тягучие). Приятно, что остался в программе весь монолог Ще о кукле, да плюс дали на весь экран фотографию маленькой Ще с куклой — две куклы! Ще загордилась и сказала: «Какая я красивая!». А смотревшие в Тбилиси заявили: вылитая Леван Ильич!.. В титрах — крупно: консультант Юрий Безелянский. Так кто я? Консультант или писатель? Надо разбираться…

28 сентября

Если честно, то я устал от многочисленных обещаний. Я за язык никого не дергаю, а ОНИ обещают и обещают, только смущают мой покой. Чиж извела будущим знакомством с итальянским издательством «Мондо-дори». Тютчевский музей обещает поездку в Мюнхен. А тут возникла Гета (Генриэтта) Репинская из Би-би-си-М

(программа «Дом 7, подъезд 4») w сказала, что календарь Рюрика будут широко использовать в своих программах, и пообещала вывести на полезные издательские контакты. Запахло Англией?..

В «Книжном обозрении» познакомился наконец-то с Татьяной Ивановой, литературным критиком. Сказала, что я — единственный спец в календарном деле и бросать это ни в коем случае нельзя. Из разговора с ней понял, что писательское сообщество — это свора собак, никто не дружит и все только тявкают и кусают…

В АТВ критикуют сценарии Славкина, и мне пришлось заняться поисками дополнительной информации по 1950 году. Листал дневники Чуковского и Пришвина, поднял свои. Непутевая жизнь. Отец в лагере, мать ездила к нему, я оставался один, куча друзей, девочки, танцы, футбол, книги, стихи, проблемы в школе, «выделялся, как писал классный руководитель, недостаточные волевым напряжением, размагниченностью…». Из личного, не школьного дневника: «Грусть и тоска. Какая-то злоба на всех…». А винить надо было прежде всего самого себя — за леность, отсутствие целеустремленности, за чрезмерные юношеские удовольствия и т.д.

Но в зрелые годы я искупил все свои грехи, став трудоголиком, фанатиком своих литературных увлечений… И остается подверстать признание Мих. Козакова: «К женщинам поостыл. Глаз ценит — сам спокоен…».

6 октября

Никак не освою итальянскую пишущую машинку «Оливетти» — много загадочных клавиш, — и видно к тому же, что я к технике туповат. Впору подпевать 5-летней девочке, которую услышал в нашей роще:

У меня на фартуке петушок и курочка.
Меня милый не целует, говорит, что дурочка.

30 сент. в «Капризе» участвовал в заседании редакционного совета, куда меня ввели вместе с дизайнером Михаилом Пономаревым, Мариной Коростылевой, президентом какого-то Леди-клуба, и художницей по куклам Юлией Вишневской. Три битых часа, как сделать журнал классным. Я все свои дела решаю сам с собой, а тут дискуссии, споры.

Смешной случай произошел с Ще. Соседка Ира встретила и подивилась новому замшевому пальто:

— Где купила?

— В Италии.

— Ты еще сказала бы: в Париже!..

Подтекст такой: ну, совсем завралась! Какая Италия? Кто туда может поехать из нашей пенсионной братии, все пребывают в нужде. И со мной приключился казус: то ли потерял 50 тысяч одной бумажкой, то ли вытащили. Расстроился, конечно, а потом вспомнил Виктора Шендеровича, его стихи, и успокоился:

Какое счастье: сперли кошелек.

Как нынче я отделался легко-то!

А ведь могли раздеть до босых ног,

Глаз выдавить, пырнуть заточкой в бок, –

Да мало ли чего, была б охота!..

...Могли послать сражаться в Сомали;

Копаться на урановую залежь...

Да мало ли чего еще могли –

У нас на что надеяться, не знаешь:

На службе ли придавит потолок,

В больнице ли пришьют к затылку ногу...

А тут какой-то сраный кошелек –

Да пропади он пропадом, ей-богу!

Известный чтец и лауреат всяких конкурсов Валерий Абрамович Токарев (он с 1922-го) изъявил желание со мной познакомиться, и мы мило поговорили с ним на редакционном диванчике в «ВК», в основном, о положении дел в нашей культуре и о том, что ему нужен импрессарио, а мне — менеджер. И что вообще, сейчас трудно жить и работать творческим людям.

Купил за 390 тысяч «Хронику человечества» (1.198 стр., вес почти 5 кг) и радуюсь ей, балдею от полиграфии и информации, и вношу кое-какие даты в свою мировую историю. Смешной звонок в «Культуру», позвонил туда по поводу гонорара, а в ответ: «Мы вас очень любим, но денег нет…».

В субботу 5-го были на вечере Вознесенского в зале Чайковского. Большого бомонда не было (Эрнст Неизвестный, Белла Ахмадулина и еще кто-то). Цветов было много, но концерт оказался провальным. Начал читать активно, а потом Андрей поплыл, стал забывать слова. Хотя оно и немудрено, к примеру, строки из поэмы «Кара Карфагену»: «Хакамада — интеллигентесса. Хоть дуринда Барбара Стрейзанд, но она — блендамед прогресса!..». Снова словесное выкрутаснича-нье… До выступления зашел к Андрею за кулисы:

дергается, мечется, жалуется: «Приходится делать все самому, никто не помогает». Это — ему. А мне?!.. Вознесенский, как мне кажется, изо всех сил пытается удержаться на волне популярности, и отсюда книга для гадания. В поэтическом соревновании он явно проигрывает Бродскому.

Ну, а я, сердечный, по-московски, сердешный? По-прежнему бьюсь в кругу прессы и радио, иногда и ТВ. В радиокомпании «Москва» записывался у кого-то маститого, не незнакомого мне, режиссера, и он меня часто поправлял: надо выговаривать четче. Я протестовал, а он мне сказал: «Для других это нормально, но не для вас, вы считаетесь одним из лучших, у вас свое эмоциональное лицо, вы — личность, индивидуальность...».

Еще одно приглашение в «Арт-фонарь» — одно из дочерних изданий Аифа. Мясницкая, 42, «Барышников дом», построен Матвеем Казаковым в начале XIX века. П-образный особняк, портик с колоннами коринфского ордера. В 1823–1824 годах здесь жил Грибоедов и писал «Горе от ума». В доме бывали Кюхельбеккер, Денис Давыдов, композитор Алябьев и другие знаменитости. А сейчас огромная зала разбита на маленькие сектора, блоки, где сидят девочки и мальчики и

пальчиками стучат по клавишам. Новое поколение журналистов, «племя молодое, незнакомое»… В «Арт-фонарь» отвез фрагменты культурной панорамы первого десятилетия XX века.

В «ВК» вышел мой любовный календарь и Щекин «Перстень княгини». Встреча на одной полосе супругов — Юрия Безелянского и Анны Харашвили (Ще выступила под своей девичьей фамилией). Ще буквально плакала от нахлынувшего счастья… Ще поехала в редакцию за газетами, а там ее встретили словами: «Это вы?! У Юрия Николаевича жена такая красавица, да еще и пишет!..». И я горжусь, что заставил Ще — филолога! — писать, а ведь ленилась и не хотела…

Не исчезает тема Рюрика. Мать Гали Мишты работает на пароходе и читает отдыхающим из радиорубки фрагменты из «Рюрика» — бешеный успех. А еще «Лева из Могилева» морочил голову: хотел переиздать Рюрика и сулил 15 миллионов. А потом сказал: не получилось… Вот и «Новое книжное обозрение» просуществовало немного и гикнулось. Такие вот времена…

Да, в магазине «Москва» видел свою «Любовь и судьбу», стоит в интересной компании: справа — Козьма Прутков, слева — «Аплодисменты» Людмилы Гурченко.

27 октября

Главное событие: купили дубленку для Ще мышино-голубоватого цвета за 3,5 млн. — гонорар за «Старую квартиру» и за Коллонтай в «Космополитэне». Ще в восторге… А 26 окт. показали «Старую квартиру» — 1948 год, где по поводу, кто изобрел радио — Попов или Маркони, так, я кричал: «Нет, Маркони!..». Но еще смешнее то, что жена, Светлова Вероника (ей 80 лет), смотрела сначала «Старую квартиру», а потом «Королеву Марго» и сказала Владимиру Александровичу: «Смотри, твой Безелянский стал научным консультантом у королевы Марго».

И были на выставке в Химках и дома у Нодара Мануйлова. Любопытные навороченные, синтетические картины и живописные работы по Италии. Он рисует, я пишу. Нормальная пенсионная жизнь…

Время перевели на зимнее. Во всю осень. Сегодня +6, полуясно, полупасмурно, сухо, на березе колышутся последние сморщенные шафранно-желтые листочки. По осени радикулитные боли, обвязываюсь шерстяным платком. Болит правое плечо. Стынут ноги. «Возраст, батенька, возраст!..».

3 ноября

Появились еще одни манящие призраки: приехали ко мне домой две дамы — режиссер Саида и продюсер Татьяна, — уговаривать меня делать программы о женщинах на каком-то региональном канале для стран СНГ. Не только писать сценарии, но и вести программы, как Радзинский. Короче, хотят заиметь своего Радзинского. А еще некая Виктория Подберезко смущала приглашением о сотрудничестве с иллюстрированно-литературным журналом «Салон». А сам я пытался пристроить свою книгу о Москве на книжной ярмарке «Динамо» и вел предварительные разговоры с несколькими издательствами — «Золотой теленок», «Русич», «Присцельс», «Рипол-Глобус». Все дружно кивали головами «да, интересно», но дальше этого «интересно» дело не шло. А еще сотворил 16 страниц про подругу Ленина — Инессу Арманд. По ТВ смотрел легкий французский фильм «Галантные дамы», в одной из ролей — Изабелла Росселлини, дочь великого неореалиста итальянского кино Роберта Росселлини и актрисы Ингрид Бергман. Итало-шведское дитя. Надо сказать, что женская тема ныне заняла доминирующее положение везде — в кино, на ТВ, в газетах и книгах. Раньше патриотизм, а теперь — бабы, грубо говоря.

Да, в этот уголок мы забрели недаром.
Скорей здесь отдохнем под тению куста!..

Это строки Алексея Сниткина. Был такой поэт во времена Полонского и Фета. А вот Бальмонт: «Альков раздвинулся воздушно-кружевной, она не стала мне шептать: «Пусти… Не надо…». Ну, и закончим строчками Владислава Ходасевича:

А день бежит, и доцветают розы
В вечерний, лунный, в безысходный час, –
И, может быть, рассерженные слезы
Готовы хлынуть из огромных глаз.

17 ноября

Еще одно новое знакомство: общество «Мемориал». Подарил им Рюрика — им в самый раз. В Доме дружбы был на презентации книги Валерио Мануччи «Библия — слово Божие». На презентации был импозантный владыко Питирим.

14-го наконец-то завершил книгу «Московские даты» (начал 5 декабря 1995) — примерно 650 страниц. И новость из издательского мира: убили Владимира Вишнякова, замдиректора «Дрофы». Пескова в ужасе и страхе. Вот вам и «черный

нал» — с «живыми деньгами чрезвычайно опасен». Чем больше денег, тем выше риск. Живем ведь в времена бандитские. Лихие 90-е.

24 ноября

Опять же пропускаю кучу дел и событий. Более или менее знаковое. Встречался с директором ЦДЛ, Носковым, и отдал ему заявление о приеме в члены «Клуба ЦДЛ». В Клуб писателей. Он лично отвел меня к Жанне Нуцубидзе (очень милая женщина), чтобы оформить необходимые бумаги. Она сказала, что на фоне рухнувших писателей я — приятное исключение.

И в тот же день, 22 ноября, съемки «Старой квартиры» — 1950 год. Муки со сценарием. Славкин лез на стенку, метались редакторы Кемарская, Триадская и компания. Лишь я — консультант, архивариус, — оставался спокойным. Что было интересного, кроме нервозности и мельтешни? Старушка Ирина Бугримова, былая укротительница тигров, почему-то все время настаивала, что Харьков — это столица Украины. Кто-то из старых артистов исполнил старую песню о ГУЛАГЕ: «По тундре, по железной дороге, где мчится скорый Воркута-Ленинград…». Был вальяжный и омерзительный Сергей Михалков, сталинский гимнюк, автор сценария фильма «У них есть родина»,

фрагмент которого показали, а затем дети-репатрианты рассказали, как они вернулись на любимую родину, и их сразу бросили в лагерь. Гурвич пытался вывести Михалкова на эту трагическую ситуацию, мол, не стыдно вам, Михаил Сергеевич, за кинофальшь? Но Михалков валял ваньку, а потом рассерженно воскликнул: «Ну, что вы от меня хотите? Какой еще правды?!..». Затем достал свою книжку и по ней прочитал: «Чужой и надменный британский полощется флаг...». Конечно, стервец! И никакого покаяния за пресмыкание перед советской властью.

В отличие от Михалкова, искренен был старейший актер Камерного театра Владимир Торстенсен. Рассказывал о Таирове, Коонен, о кулисах театра. Гурвич все время нервничал (время-то ограниченно!), а старик все умильно вспоминал и вспоминал о былом. Затем вступил на сцену маститый журналист Отто Лацис, и сразу возник разговор о колбасе и духовности. Я бросил на сцену реплику: «Духовность — это, конечно, Семен Бабаевский!..». Ну, и вся михалковская братия. Крики, шум. Но всех успокоил старый шлягер «Вишневый сад» в исполнении Капитолины Лазаренко.

Такая, очень вкратце, была съемочка. В пере-

рыве пообщался с Маргаритой Тереховой (она читала что-то из репертуара Алисы Коонен), подарил ей свою книгу и поцеловал в щечку. Как куртуазно: ручка Алисы Фрейндлих, щечка Маргариты Тереховой!.. Еще пообщался с диктором ЦТ, Анной Шатиловой: может, она пробьет «Новости из прошлого»?.. Судя по разговору, не может. Тютя. Не крутая.

Что еще? В «ВК» вышел Оскар Уайльд… Умер Желакявичус (фильм «Никто не хотел умирать»), Зиновий Гердт. Зяма… В «Новом русском слове» напечатана Суслова — «В слепоте страстей»… Чиж сказала, что от моих книг «невозможно оторваться». Евгений Рейн заявил, что мои колонки — это «новый литературный жанр». Лена Сылко носится с идеей претворить «Сад любви» на ТВ и приводит мне фамилии заинтересовавшихся людей: Марк Рудинштейн, Владимир Машков. И мне говорит: «Запасайтесь терпением… Ждите-ждите…».

1 декабря. Семинар деятелей культуры

Черняк пробил или устроил (подробностей не знаю) поездку на какой-то правительственный или полуправительственный семинар по проблемам развития культуры в России в престижном пансионате под Москвой, за Горками-2. Везли

на автобусе от здания бывшего ЦК на Старой площади и в «Лесные дали». Получил люксовый номер или почти люксовый с цветным телевизором. И с места в карьер начался семинар. Открыл его советник президента Сергей Красавченко. Далее «руководитель и дирижер семинара» Вячеслав Епишин, по кличке «Клен», из бывших диссидентов, разбил всех приехавших на группы: разработчики, эксперты и т.д. Мы с Витей не записались ни в одну группу, мы приехали демонстративно отдыхать! — и нас с ним обозвали группой скептиков.

Кормили обильно и вкусно, кто-то сказал, что один день «семинариста» стоит казне 500 тыс. рублей (5 дней — два с половиной миллиона). Потом выяснилось, что нас в список лучших людей российской культуры включил кинематографист Зарий Хуким, витин приятель, а лучшие — это Бакланов, Мариэтта Чудакова, Элина Быстрицкая, Ролан Быков, композитор Владимир Дашкевич, Юрий Карякин, академик Михаил Капустин и т.д. Всего 60–70 человек…

Мы с Витей много гуляли по территории. Зелень, сосны, воздух, — все роскошно, и немного присутствовали на семинарах, где бушевали страсти. И предавались гастрономическому раз-

врату: окорок с хреном, отварная осетрина, чай с ромовой бабой — это, к примеру, ужин, ну а сначала вкусный салатик. Сплошное жирование под разговор о нищей российской культуре. Некоторые упорно считают или делают вид, что их словесное сотрясание воздуха может спасти культуру и в целом отечество. Вечная жажда интеллигентов спасать Россию и русский народ. В выступлениях туманные слова: «переструктурирование культуры… Реанимация вопроса Сократа «Что есть благо?»… Ну, и козыряние именами: Гегель, Кант, баденская школа неокантианства и т.д. Все выступления — водопад слов, и уже не выдерживал «Клен» и кричал: «Держите мысль!..». Но Ролан Быков продолжал распинаться о том, что «уровень нравственного ландшафта в стране размыт».

И всю дорогу шли «метафорические игры» и «модальность работы» «проектировщиков культуры». «Повысим уровень прожектирования!» — призывал Клен. И вовлек в разговор даже Быстрицкую: «Я вчера лежала, думала, маялась…». О чем? О подводных течениях «Тихого Дона»? Короче, все это — краснобайство, витийство, академическая игра в слова. Ну, а бедная Россия, о которой так волнуются интеллигенты?

Она, как написал Тютчев 130 лет назад (в 1866 году):

Все гуще мрак, все пуще горе,
Все неминуемей беда…

Быков кричал, что надо на место идеологии поставить культуру. Кто-то отмечал, что наше государство слишком «прагматично и монетарно». Третий требовал организации немедленного «дискурса» (а почему не диалога?). Четвертому хотелось увидеть хотя бы «положительные зерна» среди общей черноты. И все разом жаждали «повысить нравственную потенцию общества». И еще прозвучало желание поставить во главу угла… самодержавие и православие. Но ведь это мы уже проходили!..

Словом, было много всякой бредятины. «Закорешились» с Элиной Быстрицкой. Один раз за столом довелось пообщаться с хорошим фронтовым писателем, Григорием Баклановым. Еще с худруком театра «Модерн», Светланой Враговой, сценаристкой, Татьяной Калецкой и многими другими. На одном из обедов Евгений Рейн мрачно провозгласил: «Мы — последние евреи России». Хорошо, что некоторые антисемиты-черносотенцы сидели далеко, за другими столами.

Да, «Лесные дали» и дым от «вербальных слов». Устав от них, мы с Витенькой позволяли себе тянуть из бокала «Мартини бланко». И все было бы развлекательно и прекрасно, если бы не плохое самочувствие: донимал насморк, трудно было дышать. 25-го поехали, а вернулись обратно 29 ноября.

Первый день зимы. Ни снежинки. За окном ясно, сухо, тепло, +5.

8 декабря

На радио общался с двумя Игорями — Кудриным и Фесуненко. Оба на меня смотрели, как на корифея (а когда-то они были выше по журналистской значимости, чем я), а у корифея оторвалась подметка на ботинке, а на животе покоилась заплатка после небольшой хирургической операции. Во взглядах обоих читалось удивление: во взлетел! Возможно, и взлетел, но при этом, главное, не потерял голову.

Босс «Крон-пресс», Роберт Ованесович, предложил мне пойти работать в издательство в качестве паблик релейшен, я отказался, естественно, равно и от предложения написать книгу о ночной Москве: рестораны, проститутки, бандиты. Не тот возраст, чтобы шастать по ночному городу и искать приключения на свою попу. Вы-

шел номер «Капризa» — лучше «Работницы», но хуже «Космо», — в нем мои итальянские экзерсизы про бандитов любви. Придумал и начал новую рубрику для «Вечорки» «13 число», раз в месяц.

5-го выступал в нашей библиотеке на Песчаной, имени Хикмета. Собралось человек 30. Слушали очень внимательно. Среди прочего прочитал свое любимое стихотворение Николая Заболоцкого «Последняя любовь»:

Задрожала машина и стала,
Двое вышли в вечерний простор,
И на руль опустился устало
Истомленный работой шофер…

И концовка о выведших в поле влюбленных, в «красоту уходящего лета»:

А машина во мраке стояла,
И мотор трепетал тяжело,
И шофер улыбался устало,
Опуская в кабине стекло.
Он-то знал, что кончается лето,
Что подходят ненастные дни,
Что давно уж их песенка спета, –
То, что, к счастью, не знают они.

Действительно, иногда не надо знать будущего, оно может быть совсем иным, чем предполагаешь. Надо наслаждаться сиюминутным, что есть сейчас, чему мы никак не можем научиться. Нам подавай счастливое будущее. А древние говорили: Carpe diem — «Лови день», то есть пользуйся моментом, каждым днем своей жизни. И это было девизом эпикурейцев.

6-го получил билет члена Клуба писателей ЦДЛ — 30 тысяч за все удовольствие. А когда-то, в молодые годы, проходил по Никитской мимо писательского здания, а зайти в него не имел права. Дом небожителей. А теперь сам писатель, и море по колено…

14 декабря

Рутина литератора: печатал и отвозил материалы для «Вечорки» и «ВК» (тут вышел Оскар Уайльд), в «Космо» — вышла Алла Назимова, гонорар в «Арт-фонаре», ну, и «Старая квартира» — репетиции и запись. Стоит ругань, все недовольны, на взводе, постоянные локальные схватки, режиссер Андрей Челядинов недоволен. Я тоже недоволен: из 10 заготовленных мною реплик остались лишь 5, ну, и т.д.

Записывали 1951 год: дворовые песни, анекдоты, раскуривание козьих ножек, куклы из

образцовского театра, летчики корейской войны, прославленная чемпионка по конькам Мария Исакова — на сцену ее выводили втроем: ноги не ходят — плата за славу… Кукольники показали отрывок из спектакля «Под шорох твоих ресниц», который в тот ж год раскритиковали в пух и прах: все ждали разоблачительной сатиры про Америку, а вы нам показали всего лишь американскую улыбку, так не годится!.. И пришлось автору кукольного шоу, Евгению Сперанскому, переписывать текст и специально лить грязь на Америку, — холодная война! Еще записывали Юрия Борева («Сталиниада»), артиста Сергачева, режиссера Марка Захарова. Потом я с ним пообщался: меня знает и читает, пригласил в театр.

22 декабря

Зашел в магазин «Москва», стоит родимая — «Любовь и судьба». Продавщица: «Не знаю, достоит ли до вечера — раскупают сразу!». В «Новом русском слове» какая-то американка полемизирует со мною, ссылаясь на мою публикацию, и утверждает, что романтическая любовь еще встречается. Где, в штате Аризона?..

18 декабря ходил на Старую площадь, — тоже в прежние годы всегда обходил стороной, — первый подъезд, 400 комната, там обитает Татьяна

Черторицкая, с которой познакомился в «Лесных далях». Она служит в администрации президента — полезный человек? Мне нужно одно: спонсорские деньги на издание книг. Но их нет и нет.

19-го Ленком, пропуск от Захарова — 7 ряд, видно прекрасно. «Королевские игры» — пьеса Андерсона в переложении Горина. В роли Анны Болейн — Амалия Мордвинова, Генриха VIII — Александр Лазарев — сын. Герцог Норфолк — Леонид Броневой и т.д. Шикарный спектакль. Захарову оставил Рюрика: «Замечательному режиссеру Марку Анатольевичу от автора книги, который сделал попытку срежиссировать историю России».

Чем еще занимался? Писал про Наталью Крандиевскую, Тусю. Готовил материалы по 1952 году. И уж совсем не творчество: в ФСБ искал сведения про отца. Перед арестом — младший лейтенант госбезопасности, начальник отдела УНКВД по Калининской области. Первое дело по нему — 1939 год, Р-27481, второе — Р-3341, 1949 год. Арестован был 13 мая «как националист». Освобожден 16 августа 1954 года…

21 декабря — подведение итогов года работы писательского клуба в ЦДЛ. Попал в число избранных: 60–70 человек. Банкет-фуршет в Дубо-

вом зале. Среди крупняков был Сергей Михалков и зыркал на меня глазами: кто такой, как попал сюда?!.. Еще Александр Борщаговский, Евгений Рейн (очередная похвала: «вы прекрасно владеете пером»), Марк Розовский, Марк Дейч… Потом было даже кино, но на него я не остался и, к удивлению Ще, приехал домой рано.

Пришла в голову идея, подробно написать про свой год — 1932-й.

29 декабря. Комиссия по культуре

Добил Крандиевскую, получилась аж 41 страница. «Ах, в общем, грустная история. Жизнь — промах, говоря по-русски…».

Позвонил Стриж с вестью: видел по ТВ вице-мэра Петербурга, у которого на столе лежала книга — «От Рюрика до Ельцина». Лежит и лежит, и какие дивиденды?.. Купил 7-й том «Лица» и 20-й «Минувшее», вот где кладезь интереснейшей информации.

25-го участвовал в заседании палаты по здравоохранению, науке и культуры (10 подъезд Новой площади). И опять удивление, как туда попал. Вел заседание председатель палаты, великий глазник Святослав Федоров. Мы с Быстрицкой сидели в конце зала и, как школьники, шептались и обменивались записочками. Новая

подруга?.. А потом был торжественный прием в новые члены палаты. Приняли Быстрицкую и меня. Такой начальственной прыти я не ожидал, немного растерялся и в ответном слове сказал, что всем нам нужна любовь. Все радостно загалдели. Итак, попал в комиссию по культуре. Знаменитый художник Таир Салахов поздравил меня персонально. В эту палату входят ректор МГУ Садовничий, Вавакин, Церетели, Марк Захаров, Римма Казакова и т.д. Кульбит судьбы: из рядового журналиста с Иновещания («могилы неизвестного солдата») — в структуры при президенте России. Осталось выпятить грудь, надуть щеки, как это делал Киса Воробьянинов по просьбе Остапа Бендера.

Из палаты меня везла на машине Быстрицкая (у нее машина и водитель, а что у меня?), мило болтали, потом я поцеловал ее в щечку и пожелал хорошего Нового года. Да, забыл: была там знаменитая Джуна и пообещала мне вручить грамоту о присвоении дворянского титула. Произведут в «графья»? Да, какой-то Сюр. Дворяне на развалинах России.

Что еще интересного из концовки года? Простуда и насморк, напечатал про Иннокентия Анненского. Прочитал материал Ще, она распла-

калась: «Жалко его!..»

В пустыне мира зыбко-жгучей,
Где мир – мираж, влюбилась ты
В неразрешенность разнозвучий
И в беспокойные мечты.

Строки из сонета «Поэзия».

31 декабря

29-го исполнилось 10 лет со дня смерти Андрея Тарковского. По ТВ показали документальный фильм и среди кадров Андрей на больничной койке… Приведены его слова, что смысл жизни заключается в художественном акте, в создании произведений искусства — бесценных и бескорыстных. Но у многих мастеров это всего лишь поделки, корыстные и фальшивые.

Вечером ходили в театр Гурвича «Летучая мышь» на спектакль «Это — шоу-бизнес». Пение и танцы, отрывки из американских мюзиклов. Много находок, выдумок, пародий. И хорош весь актерский ансамбль, блистала маленькая блондиночка — Екатерина Корабельникова. Хорош был Борис Поволоцкий — Дон-Кихот на велосипеде (!) и он же исполнитель еврейского «Лехаим».

Для апрельского номера «Каприза» писал и

хулиганил про первый поцелуй. И была куча телефонных звонков. Какой-то незнакомый хирург Найденов сказал, что с удовольствием меня читает вперемешку с… Аристотелем. Ну, это ни в какие ворота!.. А как этот перл? Кудрин сообщил, что по «Маяку» после чтения исторических событий за день заявили, что вы прослушали отрывки из британской энциклопедии Юрия Безелянского (?!). Конец света!..

Подводил итоги 1996 года: вышла одна книга «Любовь и судьба», многочисленные выступления по ТВ и разным радиоканалам. В «Огоньке» сначала шли строки из дневников и писем, потом — «календарь мирового зла». Газеты, журналы, только в «ВК» и «Вечорке» — примерно 100 публикаций. А всего, если не ошибся, то 147 напечатанных материалов. Общее количество страниц подсчитать невозможно. «Ленивый мальчик», как когда-то считали в школе.

1997 – 64/65 лет

Маленькое вступление.

В Чеховском «Вишневом саде» старый Фирс вспоминает о вишне – сочной, сладкой, душистой, которую сушили и с успехом продавали. И «способ» знали. Раневская спрашивает Фирса: «А где теперь этот способ?». Фирс отвечает: «Забыли. Никто не вспомнит». В современной постановке «Ленкома» Фирс в исполнении Броневого произносит фразу, которой нет у Чехова: «Я и сам себя не помню». Отсебятина, но очень характерная. Память – штука дырявая. Вот и я не особенно помню, что было в 1997 году, а прошло всего-то 14 лет. Спасает дневник, где все было зафиксировано с излишней тщательностью. Сегодня, готовя дневник к печати, я опускаю многие подробности и детали и делаю некую выжимку из дневника. Экстракт. Оставляю только то, что может быть интересным читателю… (31 мая 2011).

3 января

Один из прогнозов на новый год: для РЫБ этот год благоприятный для индивидуального творчества, изучения новых идей, философии…

В другом прогнозе для Обезьян (1932 и прочие обезьяньи годы) год предстоит, в целом, гладкий, год умеренной удачи… С финансами — не очень радужно, но и не очень плохо…

Как получилось — узнаем в конце 1997 года. А новый год встречали вдвоем с шампанским, а старый провожали — с «Кванчкарой». Из телепрограмм порадовали — и в который раз! — «В джазе только девушки», и страстное заклинание Джека Леммона в поезде: «Я — девушка! Я — девушка!». Во дворе всю ночь взрывали петарды, и гремели какие-то ракеты с фейерверком: народ развлекался.

2 янв. сел за машинку и делал апрельский календарь любовных и галантных дат для «Каприза». И два отличных фильма по ТВ: английский «Бартон Финк» режиссеров братьев Коен. В роли писателя Финка Джо Туртурро. И «Тело как улика» с Мадонной со сценами садо-мазо, что, очевидно, шокировало многих, привыкших к советским пуританским фильмам.

Жизнь полна чудес:

То производственные сцены,
а то горячий секс.

12 января

Как писал Мусоргский в одном из писем: «…купаюсь в сведениях, голова, как котел, знай, подкладывай в него…». Вот и я — активный собиратель сведений и фактов, информационный поглощатель и глотатель: все читаю, узнаю, собираю, записываю и преломляю полетом в своих текстах.

В «Вечерней Москве» запустил новую рубрику «Вблизи Парнаса и Голгофы» — это строки из Юрия Левитанского:

Вот так и живем мы,
и пишем бессмертные строфы –
вблизи от Парнаса,
а также вблизи от Голгофы.
И дуем коньяк под лимоном
и черное кофе –
вблизи от Парнаса
и все-таки ближе – к Голгофе.

Рубрика посвящена литературным юбилеям. А параллельно начал печатать про 1932 год, воз-

можно, потянет на целую книгу. И еще закрутил «Московский календарь Ю.Б. от Юрия Долгорукова до Юрия Лужкова» в «Вечернем клубе». Ну, и прочие работы: Радио, «Работница» и поехали дальше, отчего в один из дней лег в изнеможении на лежанку и глотал лекарства. Творчество — игра с огнем… Лев Новоженов во «Времечко» жаловался на жуткую суету и сказал, что мечтает побыть в тишине и что-то пописать. Н-да, это еще Мефистофель пел: «Люди гибнут за металл!..»

18 января

14-го ездил на Кузнецкий мост, в приемную ФСБ, где мне предоставили возможность познакомиться с «делом» отца. Все липа и абсурд, а в итоге сломленная жизнь семьи — отца, матери и отчасти моя… Из ФСБ вышел в глубокой задумчивости, поехал в «Каприз», отдал материал для апрельского номера, посмотрел на сигнал марта, а далее на «Эхо Москвы» — в «Гостиную Ксении Лариной» (обаятельная простушка с серыми глазами). Сначала в гостиной выступал депутат Владимир Лукин, потом я, минут 25. Все хорошо, но устал очень, на улице жуткая слякоть, троллейбусы встали, и пришлось мне от Сокола идти пешком. С высоты успеха в эфире да в уличную грязь…

«Любовь и судьба» в «Книжном обозрении» попала в рейтинг читаемых книг вместе с «Мастером и Маргаритой», «Бодался теленок с дубом» Солженицына, «Страшным судом» Виктора Ерофеева… Галя Мишта попросила у меня разрешение прокатать мои рассказы на Р-1 на частной радиостанции «Новая волна»… На репетиции «Старой квартиры» поцапался с Челядиновым и Кемарской. Я сказал: «То, что вы делаете — это керогаз, сплошная бытовуха, я вам предлагаю серьезные вещи, а вы их не берете и пытаетесь угодить средненькому телезрителю».

17-го была съемка. В кадре о стилягах, приглашенные Анофриев и Белявский были откровенно скучны, ярок был только Илья Шатуновский, который ни за что не хотел покаяться за свой зубодробительный фельетон в «Правде» — «Плесень». ЧП с «Молодой гвардией»: оклеветанная молодогвардейка в романе, Лядская отказалась приехать на съемки, ибо до сих пор боится, хотя и получила реабилитацию… Инна Макарова попыталась спеть осанну Фадееву — заученные монологи артистки! — но Гриша Гурвич ее оборвал. Художник Борис Ефимов (96 лет!) отчаянно ругал Сталина, ну, и прочее. Кемарской подарил своего Рюрика и сделал такую надпись:

О, милая и деловая Ира,
Весь мир – не «Старая квартира»,
А нечто большее. И в нем
Страдаем. Учимся. Живем
Мы, подмастерья и умельцы, –
«От Рюрика до Ельцина».

Никак не могу сбросить с себя зубные напасти (их не расшифровываю), снимал боль анальгином и эротическим фильмом Тинто Брасса «Паприка». Груди и попы в неимоверном количестве. И как жаль, что в молодые годы не было таких «паприк». Символ был другой: рабочий и колхозница, в экстазе державшие серп и молот.

26 января

Новая дневниковая неделя началась с изучения тома Бодлера. Мой опус о поэте с «несчастным сознанием» (так считал Гегель), написанный в 1976-м, оказался слабоватым и решил написать заново. Прочитал большой очерк Сартра о Бодлере — не понравился, написано скучно и неинтересно. Следовательно, моя задача, как это не смешно, написать лучше, чем Сартр, чтобы было читабельно. Не для высоколобых людей, а для нормальных.

Сам Дьявол нас влечет сетями преступленья,

И, смело шествуя среди зловонной тьмы,

Мы к Аду близимся, но даже в бездне мы

Без дрожи ужаса хватаем наслажденья…

(Бодлер. «Цветы зла», перевод Эллиса)

В «Капризе» вышла моя лирическая импровизация на тему: каприз. Из «Нового русского слова» пришла моя публикация «Балаганчик Саши Черного». Венгерова в шоке: Лесневская перехватила у нее спонсоров и идею рассказов о любви, и, стало быть, и я с носом. В «Крон-пресс» выбивал деньги. Ованесович: как вы не получили? И сделал круглые глаза. Я в ответ тоже круглые: не получил. Тут же он дал распоряжение выплатить. И предложил мне написать роман «Кавказец» о клане бандитов (не он ли из этого клана?). Я, естественно, отказался.

23 января на микроавтобусах члены палаты по науке, здравоохранению и культуры поехали в Федоровский глазной центр. В автобусике ехал вместе с Черторицкой и Тимуром Салаховым

(звезду героя соцтруда он носит постоянно), — они с восторгом говорили о Рюрике и о необходимости его переиздать в улучшенном виде. Салахов стал перебирать имена банкиров, у кого он может попросить денег на переиздание: Алекперов, Виноградов… Я снова весь в миражных огнях.

Всех приехавших «палатников» встретил хозяин — Святослав Николаевич Федоров. С удовольствием показывал свое хозяйство и даже продемонстрировал на экране, как проходят операции. Затем обед — все ресторанное. И снова нескончаемые разговоры о России. Они были, кстати, и до обеда в кабинете Федорова. Он говорил пламенно: «Мы — распадающаяся Золотая Орда… Наемный работник — замаскированный раб, задача которого увильнуть от работы… Русский человек — нерентабельный человек: он потребляет больше, чем производит». Федорову никто не возражал.

Разговор по телефону с вдовой поэта Александра Соболева (вообще-то он не Александр, а Исаак) — Татьяной Михайловной. Она жаловалась на судьбу своего покойного мужа, которого в большую литературу так и не пустили литературные генералы, а вся слава от «Бухенвальдского набата» (слова Соболева) досталась композитору

Вано Мурадели, Соболеву не заплатили ни копейки. Человек-изгой…

Люди мира, на минуту встаньте!
Слушайте, слушайте: гудит со всех сторон –
Это раздается в Бухенвальде
Колокольный звон, колокольный звон…

Жертвы Бухенвальда, Майданека, Дахау и других лагерей смерти. А в СССР были свои лагеря и тоже жертвы, жертвы… А сколько их в литературе: и не только Мандельштам, Клюев, Клычков, Нарбут, Павел Васильев, Борис Корнилов и другие. А еще жертвы непризнания, конкурентных схваток, зависти, доносов и т.д. Когда-то я записал пронзительные строки из какого-то романа Айрис Мердок. Вот они:

«Мы все в аду. Жизнь — это мука, мука, которую осознаешь. И все наши маленькие уловки — это только дозы морфия, чтобы не кричать… Каждый из нас кричит, надрывается в своей отдельной, обитой войлоком, звуконепроницаемой камере…»

Вот так все лучезарно. Оптимистично и живенько…

На Радио повстречался с Толей Трусовым (ку-

бинская редакция). Он давно пишет стихи и неплохие, я ему сказал, что пора и книжку выпустить. Он:

— Ну, это надо ходить по редакциям, просить, убеждать, — я не могу.

— А как же я хожу…

— У тебя есть воля. А у меня ее нет… Я чувствую себя чужим в этом мире. Пусть рукопись лежит, может, после смерти найдут ее, и кто-нибудь опубликует.

Да, Толя замечательный человек, добрый, отзывчивый, но не боец.

В субботу к нам в гости приходили Токаревы. Кулебяка с капустой и пирог с яблоками в исполнении Ще были великолепны. Под стать были и разговоры: об Италии, о Данте, Петрарке, де Бюлле, Верлене и т.д. Дорвались интеллектуалы!.. А потом Валерий Абрамович звонил: ах, донна Анна, ах, кулебяка. И по поводу моего очерка о Собаньской сказал, что что-то вставит в свою программу «Пушкин и Мицкевич».

Заезжал тут в магазин «Москва». «Любовь и судьба» вся распродана. Купил двухтомник Вячеслава Иванова. Одно из ранних стихотворений — 1890 год:

Своеначальный, жадный ум, –

Как пламень, русский ум опасен:
Так он неудержим, так ясен,
Так весел он и так угрюм…

И вот, в вынужденной эмиграции в Италии (1944):

Вы,чей резец, палитра, мира,
Согласных Муз одна семья,
Вы нас уводите из мира
В соседство инобытия…

В этом «инобытии» я порой и пребываю… После Нью-Йорка уже в Москве, в «Сударушке» вышел мой Саша Черный. В «ВК» переименовали рубрику «От Юрия Долгорукого до Юрия Лужкова» в более нейтральную: «Московский календарь Ю.Е.». А читатели все тоскуют о закончившемся «очаровательном любовном календаре».

28-го уютно сидел дома, работал, звонок: срочно надо ехать во «Времечко» получать деньги. Это не вызвало никакого энтузиазма: опять ехать! Поехал, отвалили полмиллиона… Во «Времечко» подкидываю им разные информационные шпаргалочки.

1 февраля смотрели по ТВ повтор «Старой квартиры» — 1948 год, и снова крик Гриши Гурвича:

«Славянофил Славкин против западника Безелянского!»

9 февраля

Я, конечно, весь в своих делах, но все же успеваю по газетам и ТВ следить, что происходит в любимой России. Генерал Александр Лебедь дал сердитое интервью французскому «Экспрессу», которое перепечатали «Известия»: «Мне надоел хаос в России». «Не проводятся реформы, «царят несправедливые законы». И еще отметил Лебедь: «Народ, к которому я имею честь принадлежать, отличается ослиным терпением… Люди научились только выживать, а не жить. Я хочу им вернуть вкус к жизни». На вопрос корреспондента: «Вас иногда сравнивают с Пиночетом. Что вы об этом думаете?», генерал ответил: «Ровным счетом ничего. Моя фамилия — Лебедь».

Вот так афористично и коротко. И хлестко, и вот на этом фоне я, если выражаться по-старомосковски, кручусь как рыжик в уксусе. В «Крон-пресс» выплатили лишь часть гонорара, и надо клещами вытаскивать другую. Пескова продолжает водить меня за нос и говорит, что ведет переговоры с Михаилом Шемякиным о рисунках в «Сад любви». Мол, 150 тысяч долларов уже достала на книгу. С подачи Черторицкой

ведутся переговоры об интервью с Рыбкиным, нынешним секретарем Совета безопасности. В «Работнице» вышел материал об Игоре Северянине, неплохо иллюстрированный. «Арт-фонарь» потух, гикнулся, закрылся, ну, и т.д.

Из увиденных фильмов следует отметить «Колено Клер» Эрика Ромера (1970) — мечта дотронуться до молодого колена… и экранизация «Мелкого беса» Сологуба. Вечные российские бесы — политические или бытовые, мелкие, похотливые, завистливые…

16 февраля

11 февраля поход на Ильинку и часовой разговор с Иваном Петровичем Рыбкиным, который я начал так: «Я не представляю никакие официальные СМИ, я работаю только на себя. И поэтому, в данном случае, не выполняю ни чей социальный заказ, а просто хочу поговорить, как творческая личность, с Вами, человеком, который взошел на российский Олимп. Интересно, что у Вас на душе. Талейран говорил, что слова нам нужны для того, чтобы все скрывать, но давайте приоткроем немного завесу… И сразу первый вопрос. У боксеров есть такой термин — держать удар. Вы когда читаете о себе критику, держите удар?..».

Отвечал Рыбкин малоинтересно с обилием

слов, в которых тонул смысл. В середине интервью позвонил Черномырдин, и я стал невольным свидетелем разговора двух высших лиц государства. Присутствующий пресс-секретарь Игнатьев сфотографировал Рыбкина и меня на фоне Кремля, нет, Кремля не было видно, но казалось, что державные башни где-то рядом и молча стоят на страже России.

13-го в «Вечорке» вышло «13 февраля», в «ВК» — Московский календарь, а сам поехал в журнал «Родина» отдавать Борисенку «1932 год». Редакция помещается в доме на Моховой, где когда-то была приемная «дедушки Калинина». Далее ВК, Домжур…

На следующий день ездил в издательство «Вагриус». Костанян с грустью сообщил, что никак не может уговорить «главных лиц» издать мои книги, но вывел на какого-то Романа, который сбирается издавать красочные однодневные календарики.

Печатал интервью с Рыбкиным, в газете «Мир печати» вышел «Сан Луи — город нашей юности». В эфире шла «Старая квартира» (1950), но в показе уже нет новизны, хотя кто видел, все ахают. Кассирша в «Диете»: «А я вас видела по телевизору!..» Боже, какое счастье!.. Хотя для нее,

возможно, это запоминающийся момент среди ее скучной и нудной работы. Шепот на улице: «Смотри! «Старая квартира» пошла!..».

22 Февраля

Немного политики. Комсомолка отмечает, что «купить значки и сувениры со свастикой, фашистскую униформу не сложнее, чем блок сигарет или шоколадку...». Море фашиствующих газет, от «Штурмовика» до «Завтра», где площадными словами выруганы все, от премьера Черномырдина до журналиста Сванидзе. Вот стиль прохановского «Завтра»: «...Ну, а где народ? Где мученики за него и страдальцы? Где вожди забастовок, народных походов и маршей? Где русские Мартины Лютеры Кинги? Радованы Караджичи? Махатмы Ганди? Они ушли из замерзающих городов и селений и в Думе упрямо и важно добиваются поправок к Конституции. К той самой, которая, по народному поверью, является женой Константина Борового...»

И как все это комментировать? Полная разнузданность и, конечно, явная провокация против власти. Но власть почему-то все «кушала» и молчала. Свобода слова?.. (Последние фразы не из дневника 1997 года, а из книги «Огненный век», изданной в 2001 году).

От общественного к личному. Жуткий замот, усталость, нет продыха от дел, побаливает сердце и отдает в левую руку… Но кручусь, в том числе в двух глянцевых журналах, причем в «Космо» ругают «Каприз» и говорят, что скоро загнется, а в «Капризе» утверждают, что «Космо» — это дрек и скоро растворится. Я печатаюсь и там, и здесь.

18-го отвез интервью с Рыбкиным в «Профиль», а оттуда с Таганки на Арбат на запись «Старой квартиры» — 1953 год. Лучший номер — ансамбль Локтева и юные «зернышки», которыми руководила Тамара Синявская. Ну, а похороны Сталина — мрачная сцена, Хорошевцев читал под Левитана, и у всех в зале под кожу полез липкий страх…

У меня, как у архивариуса, был небольшой текст на вопрос: «О чем мы не сказали в нашей программе?» После съемок ко мне подошел какой-то чин из Западной префектуры и пригласил выступить у них.

— Я — человек камерный, — сказал я устало.

— Мы сделаем Вам маленький зал, — отпарировал он.

Реакция на мое интервью в «Профиле»: очень «нежное», необходимо вставить какой-то резкий компромат. Я отказался: «Компроматами не занимаюсь, не мой профиль». Я — не Минкин,

я другой…

Задумал две книги: «Злая любовь-1» (о женщинах) и «Злая любовь-2» (о мужчинах). Подбирал рукописи… Опять засор в ванне, и пришлось вызывать водопроводчика. Сделал свою работу, получил деньги и уже на выходе, в дверях, решил на-равных пообщаться с писателем, завел разговор о Гумилеве, Дягилеве и других персонах русской культуры. Уверен: таких водопроводчиков ни в США, ни в Европе точно нет, только в России.

1 марта

Первый день официальной весны, «улыбкой ясною природа сквозь сон встречает утро года», — говорил классик, который «наше все».

Боже, как они мелькают
Эти весны, эти зимы!
Снова вьюжит, снова тает,
Снова мимо, мимо, мимо…

Так писала Ирина Снегова 30 лет назад — в 1966-м.

Приехал Костин из Франции, моя «Любовь и судьба» там не пойдет, во Франции только что издали аналогичную. Но зато есть новый проект:

том словаря-энциклопедии о России. Костин считает, что если издатели дадут «добро», то это прекрасная работа на 3 года и плюс солидные деньги. Опять обещания, надежды, иллюзии… В Крон-пресс повез рукописи двух «злых любовей», но у них нет наборщика, ищите, мол, сами, и пришлось тяжесть тащить обратно. А тут еще зубы-десны, уже впадал в уныние, как вспомнил 4-е спасительное правило Дейла Карнеги: «Считайте благодати, а не свои несчастья!» А благодати, действительно, есть, что уж прибедняться. В «ВК» вышел Московский календарь с поздравлением от редакции: «…нашему любимому автору — 65 лет. А, глядя на него, и не скажешь: настолько он энергичен, плодотворен и, как говорили в старину, неизменно жовиален и обаятелен. Так держать, Юрий Николаевич!». В «Вечерке» вышел «мой 32-й» на полполосы с поздравлением, поздравила и «Москвичка». Ну, и что жаловаться на судьбу?!..

Вчера неожиданно накатило и набросал белые стихи:

Я разучился писать стихи,
Хотя, если честно, кому это надо?
Когда страна вся погрязла в грехи

И давно перешла через ворота Ада.
Когда кругом все тонет в дерьме,
Когда люди подобны собакам злобным,
Когда все мы бродим словно во тьме
И светится лишь одно место
Лобное…
Что толку в лирике? В звуках услад?
В изысканности рифм и изощренном ритме?
Песни остались там, где вырублен сад,
Где еще вчера по утрам читались молитвы…
Поэзия вымерла, ушла, как вода.
И перед нами одна пустыня.
И только в памяти осталась та,
Чей голос лелеял душу…
как ее имя?..

Взял и написал. Хотел одно, вышло другое. Муза — женщина непредсказуемая.

3 марта

Ну, вот и стукнуло… Утешаюсь выражением, популярным у французов: если человек молод, то

он им будет до конца.

В день рождения с утра выпили кофе с бельгийскими трюфелями, ныне их можно купить, не выезжая в Брюссель. И начал трезвонить телефон: около 40 звонков. Николай Николаевич был высокопарен: «Хорошо, что время от времени рождаются такие люди, как вы, — это украшает жизнь». Кипснис: «По тому, как вы грандиозно много делаете, вам надо дать медаль…». Если дадут, то только по шее!.. Племянник знаменитой Валерии Барсовой: «Пишите как можно больше: я читаю вас с наслаждением…». Болдинская зачитала стихи Светланы Лукьяновой — длинный панегирик, вот только часть:

И, может быть, от Рюрика
До нового ханурика
Стило провяжет нить!
Наш автор не из нытиков –
С пиитов и пиитиков
Добрался до политиков,
Чтоб славить иль хулить…

Когда-то я специализировался на том, чтобы писать поздравительные, с шутливым отливом, стихи — теперь пишут мне.

2 марта в воскресенье в 15.30 сели за стол, Нодар Мануйлов взял на себя функцию тамады, и началось питье, возлияние (от водки «Смирнофф» до Мартини), шум, гам, тарарам, и вдруг в 17.30 звонок в дверь, гости мои в изумлении, ибо вваливается бригада ТВ из «Времечко» (я-то об этом был предупрежден). Интервью с бокалом вина в руке — для телевидения самое оно! Интервью брала юная Марина Ермолаева (интересно, суждено ли ей стать телезвездочкой?). На следующее утро на экране было показано интервью. Вот так эмоционально звонко прошло 65-летие. Анисим: «На таком интересном застолье никогда не был…».

Погода. С утра серо-пасмурно, шел дождь, потом разголубелось, появилось солнце. Островками лежит грязный снег, +6.

17 марта

Ну, а после праздника — суровые будни. Пишущая машинка, развоз материалов, выбивание денег, переговоры, еще одно издательство выплыло — «Континент-пресс». А параллельно — зубы, коленка, простуда… Вышли «Капризы любви» с рисунками Павла Бунина, не очень удачными. Во всю занимался Зинаидой Волконской. А для разнообразия жизни что-то произошло с трубой

в ванной. Пришли два водопроводчика. Водопроизводство и лит. творчество.

В программе «Русский дом» Крутов пытался вывести Валентина Распутина на разговор о правых и левых, евреях и русских, отталкиваясь от книги «От Рюрика до Ельцина» и педалируя мое паспортное отчество: Копелевич. Но Распутин его не поддержал и ушел от опасной темы. Словом, по знаменитому рассказу про Мелик-Пашаева (зав.спортивным отделом Гостелерадио): «Пока я сидел в ресторане, меня…». А далее ненормативная лексика. Но я сидел не в ресторане, а дома и сражался исключительно не с шашлыком, а с текстом. Закончил Волконскую (с нее можно начинать книгу о женщинах), а потом стал модернизировать и обновлять некогда написанного Шарля Бодлера. А в итоге грохнул 67 страниц на двоих.

30 марта

В «Трейд-сервис» внес 9 млн. 417 тыс. — две трети этой суммы — вызванный гонорар за «Любовь и судьбу». Еще поменял рубли на австрийские шиллинги, — и впереди Австрия и Вена! Хватит работать, надо и красиво отдохнуть.

26 марта «ВК» и Геликон организовали «Бал у князя Орловского». Принимали новых кавалеров

и дам «ВК», а я один из первых. Новые: Вульф, Шендерович и др. концертные номера. «Улица, улица, ты, брат, пьяна!..». Всем в зале по бокалу шампанского, потом по стопочке водки, а затем на подносе — свежий номер «ВК». И мощный фуршет. Пообщался с массой людей: Бэлза (мой поклонник), Борщаговский, Жуховицкий, Курляндский, композитор Малежик и т.д. Светлане Варгузовой подарил свою книгу. А на следующий день засел за материал о Джеймсе Бонде, агенте 007.

Не позволяйте остывать перу.
Перо остынет – это не к добру.
Перо накалено – какое благо,
Другого слова я не подберу, –

так писал Лев Озеров.

Кажется, опасно печататься в конкурентных изданиях: «Космо» и «Каприз». В «Космо» Матрусенко с кислой рожей вернула мне Крандиевскую. Я: «Не нравится? Напечатаю в другом месте». Такая же история с «Вечерним клубом» и «Вечоркой», — нельзя быть «Фигаро здесь, Фигаро там!..». Был в АТВ, где меня познакомили с Добрыниным, бывшим секретарем ЦК и послом СССР в США. «Я вас читаю, вы мне нравитесь...», было приятно

услышать от него. Почему-то Добрынин с грустью мне поведал, что он теперь не посол. Я его утешал: «Посол — это состояние души», — по-моему, я обнаглел, никакой робости перед большими людьми!..

6 апреля

На заседании Палаты на Старой (Новой-?) площади познакомился с Машей Арбатовой, обменялись книгами и договорились, написать что-нибудь вместе. Главная феминистка страны и известный «амуровед». А 3 апреля в Геликон-опере — «Евгений Онегин». Онегин — Игорь Тарасов, Татьяна — Наталья Загоринская, Ленский — Герман Апайкин, Ольга — Лариса Костюк, Гремин — Николай Галин и др. Новая трактовка и старая божественная музыка Петра Ильича.

13 апреля

9 апреля выступал на канале СТС в программе «Час совы» у Бориса Львовича (съемки в каком-то НИИ у клуба «Парижская коммуна»). «У вас хорошее лицо, — пудрю только нос», — сказала гримерша. Вышел в зал под туш, Львович усадил меня у стойки бара, налил рюмку ликера, — и понеслось! Что было интересного в истории в день 9 апреля. «О!» — сказал я и открыл шлюзы: Бодлер,

Мэри Пикфорд, Бельмондо и поехали дальше. Забил Борю напрочь. Он сидел и слушал с отвисшей челюстью, он ведь, в основном, специалист по артистическим байкам. Ще встретила меня словами: «Артист пришел!» и накормила вкусной поджаренной рыбой, а я ел, облизывался, как кот после мартовских серенад на крыше.

Фокусы с «Континет-пресс». Хозяйка издательства: «Мы на пороге договора». И снова сомнение: перешагнем ли порог или так и останемся у закрытой двери, как герой Кафки в романе «Замок»?.. От издателя к стоматологу, — разлет жизни!.. Выстраивал биографии артистов для книги: Чак Норрис, Ван Дамм, де Ниро…

По ТВ Ноткин пытал Лебедя. Армейский сапог со своими безапеляционньми казарменными истинами. А зоотехник Лукашенко, а коммунистическое исчадие Зюганов и прочие, выплывшие на первый план! Еще Селезнев. Мне симпатичные, молодые и умненькие, Чубайс и Немцов.

17 апреля

Погодные аномалии: в Красноярске +20, в Турции выпал снег, а как в Вене? Скоро ехать…

Из интересненького: по ТВ был фильм Квентино Тарантино «Криминальное чтиво» — сделано крепко, но с каким-то странным юмором. Купил

книгу «Аркадий Северный. Две грани одной жизни». Когда-то я эти песенки слушал и напевал сам. Записывал слова. «Раз гляжу я между — дамочка вразрез. Я имел надежду, а теперь я без!..»; «Всюду деньги, деньги, деньги, всюду деньги, господа. А без денег жизнь плохая — не годится никуда!..»; «Лежали на нарах два рыла, по воле грустили друзья — один был по кличке Бацилла, другой был по кличке Чума…». А одесские песни?

Ужасно шумно в доме Шнеерзона,
Из окон прямо дым идет.
Там женят сына Соломона,
Который служит в «Капремонт»…

«Мясоедовская улица моя», «Зачем, товарищи, чужая Аргентина?..», «На Дерибасовской открылася пивная…», ну, и про «Арончика, который «все ж дополз до Розанели».

Удивительно, как интеллигентных мальчиков, почитателей Блока и Маяковского, тянуло в 40–50 годах на блатняк, на Аркадия Северного, раннего Утесова: «Гоп со смыком — это буду я! Вы, друзья, послушайте меня. Ремеслом избрал я кражу, из тюрьмы я не вылажу, исправдом тоскует без меня…».

Вряд ли ошибусь, если я скажу, что это было

подсознательным вызовом режиму, в котором мы жили, пропаганде и официальным широко тиражированным песням, всем этим — «Сталин — наша слава боевая, Сталин — нашей юности полет! С песнями, борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идет» (слова Алексея Суркова). И все эти призывы — «Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход…». Нет, ни в какой поход не хотелось. Хотелось личного, приватного, интимного. Напевать совсем иное: «Ох, эти черные глаза меня пленили. Их позабыть никак нельзя — они горят передо мной…».

Ну, ладно, хватит. Отвлекся на песенки. 15 апреля подписал два договора в «Континет-пресс» на книги: «Роковые женщины» и «Знаменитые мужчины», но аванс не получил (добавление: все рухнуло и не состоялось — 11 июня 2011). Еще Ованесович из «Крон-пресс» смутил: напишите книжку о знаменитых евреях. По песне: «Раз пошли на дело я и Рабинович…». Отказался. «Рабинович стрельнул — и попал в меня!..».

А еще Кленская грозится с осени запустить новый культурно-образовательный телевизионный канал и гарантирует: «Вы обязательно там будете… Вы умный, вы легкий, вы телевизионный…». Эх, ее устами да мед пить… (И, разумеется,

ничего не вышло — 11 июня 2011).

16 апреля были съемки «Старой квартиры» — 1954 год. В тот год родились политики Сергей Станкевич и Геннадий Бурбулис, музыканты Андрей Макаревич и Сергей Курехин. Из приглашенных был трогателен поэт Анатолий Жигулин, он даже спел «Колымский романс». Любопытен был Лев Альтшуллер, один из творцов советской атомной бомбы. По поводу своих наград поправил: лауреат трижды Сталинской и одной — Ленинской. Встал со стула и тут же повалился на него обратно, — очень старенький… На вопрос о радиации ответил: «Вопрос о радиации проходил мимо нашего сознания». Когда его спросили об испытаниях в Тоцке на людях, он ответил: «Нами двигала идея: перехаритонить Оппенгеймера».

> Справка: Юлий Харитон – физик, один из создателей ядерного оружия и ядерной энергетики в СССР. Роберт Оппенгеймер – американский физик. Руководил созданием американской атомной бомбы.

Старый утесовец, Юрий Копецкий, рассказывал о съемках «Веселых ребят», о том, как музыканты с удовольствием дрались и замазывали потом

полученные синяки. Ну, и удивила 70-летняя пионервожатая Муза, которая до сих пор чтит Красное знамя, пионерский горн и барабанную дробь. «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодой!..».

«Очаровательная Вена»

(7 дней – 6 ночей – 19 апреля – 25 апреля)

Первый день. ТУ-154 М. Прилетели в Вену в аэропорт «Швехат» по-венски — в 12.06, по-московски — в 14.06. Часы, как обычно, не переводил и жил по привычному времени. Отель «Меркури», Бухарест-рум, 222 номер. Решили не бежать сразу осматривать город, а передохнуть и вышли к вечеру. Длинная Марияхилфер штрассе длиной в 1,5 км ведет прямо к центру. Крутим головы и заходим в первое же кафе и отхватываем по куску торта с кофе-меланжем. Первое фото у скульптуры Гайдна. Дошли до памятника императрицы Марии-Терезии — очень внушительный. Мария-Терезия правила 40 лет и провела многочисленные реформы, австрийская Екатерина Великая. Памятник Марии-Терезии стоит в центре небольшого парка, а по обе стороны музеи-близнецы: художественно-исторический и природно-ис-

торический, возведенные в стиле итальянского возрождения. Обратно возвращались по той же Мариихилфер. Устали. Дорвались до кровати. Легли, и вдруг крик Ще: «Кровать большая, а спать негде!». Это означало, что я лег по диагонали и мешал подруге отдыхать. Залегли в 22.30.

Прежде, чем продолжить краткое описание знакомства с Веной, немного сведений из путеводителей. До нашей эры территорию нынешней Вены заселяли кельты. Потом пришли римляне. 881 год — первое упоминание города «Вениам». 1237 — Вена приобрела статус свободного города. Ныне в Вене проживает 1,6 млн. жителей. Вена — сердце Европы. Если говорить об архитектуре, то на рубеже XVI и XVIII столетий, в эпоху барокко, в Вене царила оргия пышности. Великий зодчий этого периода — Иоганн Берхардт Фишер фон Эрлах, одно из его творений — дворец Шенбрунн. Город переживал различные стили от эпохи «бидермайер» до «югендстиль», ну, и, конечно, модерн. Одним из лучших архитекторов столицы Австрии был Отто Вагнер.

Среди знаменитых австрийцев — художники Густав Климт (всемирно известный «Поцелуй». Работал в стиле модерна с его декоративностью и символизмом форм), Оскар Кокошко, художник-

экспрессионист, по поводу творчества которого император Франц-Иосиф сказал: «Этот человек заслуживает того, чтобы ему переломали кости». Эгон Шиле. Любил изображать гримасничащих обнаженных женщин. После того, как женился, демоны оставили его творчество… Эрнст Фукс — «фантастический реалист»…

Музыка. Тут имена мирового значения. Венская классическая школа: Гайдн, Моцарт и Бетховен. Реформатор оперного искусства Глюк. Романтический Франц Шуберт. Вальсы Ланнера, Штрауса и сына Штрауса. Новая волна гениев: Иоганнес Брамс, Антон Брукнер и Густав Малер. Композитор и исполнитель Георг Крайслер…

Литература Стефан Цвейг и Франц Кафка. Артур Шницлер, Роберт Музиль, Йозеф Рот… А Рильке?..

Но вернемся к прогулкам по Вене. День второй, 20 апреля. Проснулись, подошли к окну — батюшки светы! Натуральная снежная метель. Летают крупные хлопья. Погодный феномен.

— А как же пешеходная экскурсия? — жалобно спросила Ще.

— Будет лыжная, — ответил я мрачно.

— Безобразие! — возмущалась Ще. — Я приехала в Вену не на Рождество, а на весну!..

На завтрак — шведский стол, все очень вкусно и сытно, что сразу успокоило нервы. Гид — Светлана Вакер (родом с Украины, окончила Львовскую консерваторию). Экскурсия шла в темпе аллегро, я не успевал записывать. Примерный перечень осмотра: Ам Хоф, площадь героев, Грабен с обелиском в память умерших от чумы, собор св. Стефана, дом-музей Фигаро (здесь написана «Свадьба Фигаро»), а всего Моцарт поменял в Вене 18 квартир. Улица крови, дом с зеркальной поверхностью, в которой отражается собор Штефана (проект Ганса Холляйна) и что-то еще. Далее — в музей. Много Рубенса. В том числе, автопортрет, где изображен усталым от жизни, со взглядом, пронизанным иронией. Картины Рембрандта, Иорданса, Брейгеля, Тициана, Веронезе, Тинторетто. Вакер обратила внимание группы на «Данаю»: «Посмотрите на ее позу, выражение глаз… что все это означает? Волнение, наслаждение и еще чего-то непонятное… Это и есть маньеризм…».

Надо отметить: чрезмерно вольная трактовка. Маньеризм — это острое восприятие жизни, представление о неустойчивости мира, шаткости человеческой судьбы, находящегося во власти иррациональных сил. Маньеризм как течение

закончился с появления Караваджо и уступил место барокко…

Вышли из музея в парк, к сидящему Гёте, обошли классика и двинули в ресторан Розенбергер. Подходишь к раздаче, набираешь еду и несешь сам экспрессом к столику. 280 шиллингов, но какое удовольствие: протертый супчик, кусман мяса, кофе, торт, вода… Вышли довольные и веселые, и никакого снега нет и в помине, все растаяло и сухо: Вена не Москва.

Вечером самостоятельная прогулка (на метро до центра, а метро, в отличие от нашего, малолюдное, тихое, комфортное). Пошли сразу в собор св. Стефана («Стефи»). Его строили несколько столетий. Шпиль южной башни, высотой в 137 м. Все строение — вершина венской готики. Любопытно, что в прошлые века женщины в собор входили через «Елископские врата», а мужчины — через «Певческие». На смотровую башню по 343 ступеням подняться не рискнули. Осмотрели внутренний интерьер, подивились на декор и скульптуры. Ще поставила свечу… От Стефи двинулись дальше. Кольмаркт и Грабен. Множество магазинчиков и зданий с причудливыми деталями. «Колонна чумы» — напоминание об ужасной чуме, которая в 1679 году унесла жизни

100 тысяч венцев. Бургтеатр — одна из парадных построек на Рингштрассе. В «Бург» не зашли и, соответственно, не увидели лестницу, вестибюль и фойе, украшенные фресками Климта. Но зато оглядели новую ратушу с медной фигурой городского ратника в панцире и со знаменем, венчающую башню высотой 98 м. Вернулись в гостиницу без ног. Стал рыскать ТВ-каналы. 38-й и 39-й там эротические. Никакого стыда и стеснения, но каналы, разумеется, платные. «Выключай!» — завопила Ще. «От Бэкки Тэчер до Джульетты — почти хрустальная пора» (Конст. Григорьев) — какая хрустальная? Разнузданно эротическая. Без тормозов.

21 апреля. День 3-й. Утром включил 38-й канал. Идет процесс. Что, без перерыва?!.. Однако! Посмотрели в окно: голубое небо, все сухо, никаких снежных хлопьев, весна! И отправились на самостоятельную экскурсию. Бегло осмотрели вокзал — «вестбанхоф» и двинули вниз к центру. На одной из улиц увидели памятную доску в честь президента Украины — Михаила Грушевского 1919–1920. Политик не заинтересовал, а вот «Сецессион: манифест движения протеста» — дом художников с золотым шаром на крыше, заинтересовал очень. Под куполом надпись в переводе

на русский: «Каждой эпохе — свое искусство, искусству — свободу». Свободу экс-советского туриста обсуждали в кафе Бортолотти. Ще пила чай, а я тянул пиво из узкого длинного бокала. И оба мы чувствовали некую негу и блаженство. И напрочь забыли московский замот и заботы.

Днем — автобусная экскурсия. Шенбрунн — 13-й район Вены. Громадный парк и громадный роскошный дворец. Тут «резидировали», как выразилась гид, различные Габсбурги. Беглый осмотр: спальня Марии-Терезии, фарфоровая комната, гобеленовая, комната «миллион гульденов» (ну, очень роскошная!), комната Марии-Антуанетты, которая, по словам Светланы Вакер, потом «побывает на гильотине». Такая небольшая прогулка с роковым концом. «Она поправила прическу и прошептала: «Вот и все!» (это уже Ник.Агнивцев). Еще осмотрели комнату «Орленка» — несчастного сына Наполеона Бонапарта. А всего во дворце Шенбрунн 1.441 комнат и залов, 390 жилых помещений, 139 кухонь. В одном из залов играл для услады гостей императорского дворца 6-летний Моцарт. Были концерты, приемы, балы, кипела светская жизнь, — какие женщины, какие туалеты!.. И все прошло, и все смолкло. На былое великолепие смотрят, в ос-

новном, иностранные туристы из разных стран мира. Вздыхают. Восхищаются. Цокают языком…

Парк в Шенбрунне во французском стиле. На холме возвышается фонтан «Нептун» и барочный павильон «Глориетт». Габсбурги хотели иметь свой Версаль, и они его получили. Все могут короли!..

Едем обратно. По дороге гид обратила внимание группы на скромненький желтенький домик с барельефом. Здесь жил Сталин в 1913 году (не жил, а скрывался) и писал в Россию: «Сижу в Вене, скучаю и валяю дурака».

Еще один замечательный дворец — Бельведер, летняя резиденция принца Евгения Савойского, о котором рассказывают, что он приехал в Австрию с большим титулом и с пустыми карманами, но был удачен в сражениях и стал богатым человеком, отсюда и Бельведер. Его построил Лукас фон Хильденбрандт. В нем жил позднее эрцгерцог Франц Фердинадт, убитый в Сараево в 1914 году. А 15 мая 1955 года в Бельведере был подписан договор о прекращении оккупации Австрии, и Австрия стала свободной республикой!..

Арсенал. Собрание старых орудий, одно время тут даже экспонировалась «катюша» — подарок Сталина, но потом ее убрали от глаз подальше.

«Памятник советскому солдату»: за освобождение Австрии погибли 37 тыс. советских воинов, в том числе 9 тыс. — за освобождение Вены.

Автобус катит мимо знаменитого парка Пратер и видно 64-метровое колесо обозрения. Дунайский канал. Попутно нам сообщают, что в Вене прекрасная питьевая вода, поступает из альпийских источников — «хлерка есть минимальная».

И еще гвоздь экскурсии — оригинальный дом художника Фриденсрайха Хундертвассера, построенный на Левенгассе в 1983–1985 годах. Какой-то кривой, скособоченный, ярко раскрашенный, с растущими на балконах и крыше деревьями, некое строительное дитя природы». Фамилия художника-строителя переводится как «сто вод», и впрямь, в доме воплощено сто идей и причуд, явно сумасбродных. Окна и фасады выкрашены в разные краски. И все в доме вызывает удивление, но это удивление и привлекает сюда массу туристов. Тут же небольшой торговый центр с безбрежным морем сувениров.

22 апреля. День 4-й. Подруга с утра хнычет: «Мне не хватает респекта… Я рождена для неги…». Грузинская княжна, — что тут поделаешь. Но княжна — туристка, и надо ехать, тем более, что обещают Баден, город «с особым флером». Го-

род-курорт, прославленный своими лечебными водами. Здесь, в Бадене, долгое время жил Бетховен. Городочек красивый со своими музеями, казино и ресторанами. Покрутились по Бадену, поохали, повздыхали, выпили по бокалу вина, сфотографировались у фонтана «Ундина», — и ауфвидэрзеен, без чао и без какао…

Обратно ехали через знаменитый венский лес: дуб, бук, ель. Совершенно не похож на наш лес, какой-то воздушный, прозрачный, изысканный, в нем по проложенной дороге хорошо ехать в коляске с лошадьми и распевать вальсы Штрауса. Кстати, в автобусе и звучала кассета с записью оркестра фон Караяна. Лес, вальсы и эйфория. Ще даже дирижировала невидимым оркестром…

Охотничий замок Майерлинг. 29 января 1889 года здесь произошла трагедия. 30-летний кронпринц Рудольф, наследник австрийского престола, покончил жизнь самоубийством вместе с баронессой Марией Вечора. Утром следующего дня вошедший камердинер обнаружил два трупа, револьвер, в бокале коньяк и серебряный канделябр, в котором еще горели 5 свечей… Чтобы избежать скандала, была принята официальная версия: Рудольф умер от сердечного приступа.

Забегая вперед. Об этой трагической истории я написал в книге «Жизнь и гибель принцесс» (2003) в главе «Самая красивая женщина на троне» (Елизавета Австрийская), которую близкие звали просто Сисси (13 июня 2011).

После самоубийства сына император Франце Иосиф перестроил замок Майерлинг в монастырь кармелиток, которые денно и нощно молятся за душу Рудольфа.

Завершив экскурсию, пообедали в Розенбергере: удовольствие за 165 шиллингов. А в завершении кофе «Кайзер» со взбитыми сливками и кусочками шоколада, — чуть язык не прикусил от удовольствия. Передых и гуляние снова: по Вене можно гулять бесконечно. Снова Ам Хоф — центр придворно-рыцарской культуры, когда-то Фридрих Барбаросса устроил здесь грандиозный праздник. Площадь Ам Хоф до сих пор сохраняет свою феодальную ауру. Здесь же Церковь девяти ангелов. В 1806 году с ее балкона, поверженный Наполеоном, император Франц II объявил об упразднении Священной Римской империи… Снова собор св. Стефана… Дом Хааза с ультрасовременным стеклянным фасадом… Хофбург…

Склеп капуцинов — усыпальница Дома Габсбургов. Тут покоится 138 членов императорской фамилии, металлические саркофаги с фигурами ангелов и плачущих женщин. 1 апреля 1989 года состоялось церемония захоронения последней австрийской императрицы Зиты…

Роскошно барочная церковь св. Петра (Петерскирхе), ее начал строить в 792 году еще Карл Великий. Чтобы сбалансировать дух и плоть в магазине «Моцарт» купили ликер в форме скрипки (75 шиллингов) и еще картинку Климта…

23 апреля. День 5-й. Поездка в Зальцбург — дополнительно с человека по 110 долларов, но Зальцбург этого стоит. Четыре часа дороги с 20-минутной остановкой на перекус и туалет. Дорога, ласкающая взгляд: поля, леса, селения — и все поражает гобеленовой красотой. Уютно и чуть дремотно в мягких креслах, и вдруг вопрос к гиду: «А почему никто на полях не работает?». Они работают, но рано и незаметно, и не просто работают, а вкалывают. Узнав, как вкалывают австрийцы, наши горе-фермеры заявили: «Нет, это тяжело, когда же отдыхать?!». Вакер объявила, что ей довелось возить многих наших знаменитых персон, в том числе Лужкова и Собчака, «а вот теперь с нами едет г-н Безелянский,

замечательный писатель» (это Светлана успела полистать мои три книги, которые я ей продал за 400 шиллингов). Все завертели головами в сторону писателя. Но что писатель, вот Зальцбург — это да.

Крохотный Зальцбург (население около 150 тыс. человек) расположен на берегах реки Зальцах, небольшой речушки, по обе стороны возвышаются холмы — Мехсберг. Улицы узенькие и прижатые к этим холмам. Далеко не все (до крепости Хоензальцбург не дошли), но кое-что увидели и побывали, к примеру, в Кафедральном соборе (итальянский архитектор Сантино Солари). Собор богато украшен лепкой и росписью художников. В октябре 1944 года пострадал во время американского авианалета, но быстро был восстановлен. В этом соборе трудились отец и сын Моцарты, исполняя обязанности придворных музыкантов. Собор вмещает более 10 тыс. человек.

Монастырь св. Петра, для которого Моцарт написал знаменитую реминорную мессу. Собор был заложен епископом Рупертом около 700 года (Москвы еще в помине не было). Собор сочетает в себе романский стиль и барокко. Рядом монастырское кладбище. Тихая обитель, которую все

время тревожат неугомонные туристы.

Резидентская площадь с фонтаном, созданным Томазо ди Героном в середине XVII века. Все удивительно красиво и изящно. И, наконец, всемирно известная Гетрайдегассе — самая дорогая миля Зальцбурга с магазинчиками и ресторанами. Покупаем бюстик Моцарта — 221 шиллинг, и деревянного солдатика за 99. Обед в итальянском ресторанчике.

Хочется еще побродить по Зальцбургу, посетить дворец Мирабель, барочный парк Мирабель, многочисленные храмы и просто где-то посидеть, вдыхая аромат этого удивительного города, послушать музыку, но пора в автобус…

24 апреля. День 6-й. Утром вышли на «свою» Мариахильф, и все удивительно: как открывают магазины, как моют витрины, как чистят свой кусок улицы, как все делают это умело и тщательно, без нашего тяп-ляп. Посидели в кафе. Венское кафе — это часть жизни венцев. Сидят, болтают, читают, сосредоточенно молчат, — каждому свое.

В 14.40 в автобус, «заключительный апофеоз». Лучший водитель, «пилот» Ганс, везет нас в Мельк, это примерно 60 км от Вены. Удивительно красивый собор, вознесенный над зелеными

полями, а внизу плещется Дунай. Немного погуляли по замку. Меня лично поразила библиотека. Множество книг или, лучше сказать, фолиантов. И девиз Oka et labora («работать и учиться»). И еще один: «Без борьбы нет победы». В магазине меня приняли за «профессора» с ударением на последнем слоге, однако, «профессору» все было не по карману.

Далее — по изумительной дороге: с одной стороны — горы, с другой — голубые воды Дуная. Очень красиво. И кругом виноградники. Район Вахау. Замок Ричарда Львиное сердце. Пункт назначения: Кремс, город-гавань. Здесь же расположен Дунайский университет. Немного покрутились, выпили пива — и дальше в путь, обратно в Вену, в предместье Гринциг, где сосредоточены погребки, рестораны и ресторанчики. В одном из них «гуляем». Нежнейшая свинина, помидорчики, красное вино. Все устали, разморились и загудели. Еще бы: скрипач и аккордеонист стали заводить русскую группу: то Катюшу исполнят, то «Малинку-калинку», то позовут в «Дорогу длинную». Скрипач венгр, тощий, как сморчок, но, по всему чувствуется, половой террорист, подносил скрипку к самому уху сидящего за столом и пиликал до изнеможения, при этом умудрялся

подпрыгивать и кричать: «Оп-па!». Две наши тетюхи не выдержали и пошли в пляс. Груди, задницы, руки — все пошли ходуном. Скрипач аж замлел. За нашими потянулись немцы, и все завертелось в шуме и сумбуре. Обратно возвращались на трамвае и без билетов, умирая от страха: какого-то нашего туриста оштрафовали на 50 долларов. На этот раз обошлось без «черного человека» — так назвала Вакер контролера в черной фуражке. Короче, русские «зайцы» в Вене!..

25 апреля. День 7-й. Жалко расставаться с Мариейхиль — она за короткое время стала для нас улицей Куусинена. Но пришло время расставаться. Последний кофе-меланж, последний кусок торта. Что-то, конечно, не увидели, куда-то, разумеется, не дошли. До следующего раза. В 16.15 самолет взмыл в небо, а в 19.40 мы были уже дома. Приехали и стали мечтать… о Франции.

28 апреля

От Австрии и Вены к нашим баранам. Накопился пук газет, с которыми я еле разобрался. Взрывы сотрясают Россию. На складах Дальневосточного военного округа взрывались снаряды, на вокзале рванула бомба. «После Армавира — Пятигорск. Люди гибнут. Власти бессильны. Террористы неуязвимы», — написали «Известия».

24-го в «Вечорке» вышла публикация о Джеймсе Бонде. Удалось посмотреть «Старую квартиру» — 1952 год. Во весь экран школьная фотография: я и Боря Каменецкий. Были в гостях у Людочки. Она заявила, что не терпит американцев (а зачем живет в Штатах?), Светлане Вакер не любит австрийцев, Наташа Давидовская — немцев. Интересное кино!..

2 мая

На Австрию истратили 4 пленки и получили 120 фотоснимков, сделал альбом — и вот теперь воспоминания. Откроешь альбом — и снова путешествуешь… И первое огорчение после приезда: «Родина» не хочет печатать мой 1932 год. Можно утешаться судьбой Уильяма Сарояна, который получил, в общей сложности, 7 тысяч отказов из разных редакций, прежде чем стал знаменитым, Такова уж писательская судьба: тут отказали, там напечатали. Поехал в «Континет-пресс» за авансом: нет денег, издательницу кто-то кинул, — время кидал!..

1 мая провел по-пролетарски: напечатал 10 стр. материала под названием «Глоток моцартианства». Потом принял душ и выпил бутылку чешского пива под крабовые палочки. Вечером — старый фильм «Трактористы» с белозубыми

Крючковым и Ладыниной, а после Киркоров с Пугачевой. Две жизни: советская и капиталистическая. Труд и развлекаловка с выпендрежем.

11 мая

Позвонил Челядинов и сказал, что хотят попробовать в качестве архивариуса какого-то известинца. Я не расстроился, а даже почувствовал облегчение: наверное, 8 съемок вполне достаточно. Огорчает обилие отказов: «Космо», «Родина», «Работница», «Старая квартира». Рухнули «Неделя», «Новое книжное обозрение». Не состоялся теледебют у Венгеровой. Черная полоса?.. С горя (мое любимое выражение) напечатал материал «Горячие трусики» про Джулию Робертс. Получился роскошный салат-оливье, явно лучше, чем в книге «Звезды Голливуда» — там энциклопедическая справка, а у меня чтиво. Затем взялся за Ким Бэсинджер…

Был у Песковой, смотрел, как она сканирует картинки для «Сада любви»: Сомов, Бердслей,, Фрагонар — дама на качелях, Буше, Боннар. Говорит, что под книгу заложила квартиру — правда или нет? — очень хочет издать роскошную книгу. Лично я так устал от надежд и обещаний, что для меня этот мифический «Сад любви», как фильм «Кошмар на улице Вязов», который показывали

на неделе…

25 мая

19-го ездил в издательство «Присцельс», арендует помещение в больнице на Яузкой улице. Издательница — Елизавета Михайловна Нестерова («безумная Лиза», как она себя называет из-за того, что все делает фанатично упорно, преодолевая трудности»).

Показала книги, которые издала: Экклезиаст, «Портрет Бориса Пастернака» и другие. Небольшие книжки, но сделанные со вкусом. Мою «Любовь и судьба» брезгливо взяла двумя пальчиками, мол, фи! Как плохо издано!.. Идея предложенной мной книги «Разбитое сердце» (где есть и хроника 1932 года) ей понравилась, через неделю даст ответ…

Встречался с Жорой. Получил гонорар за публикации в Нью-Йорке «Бывают радужные сны…» о доме Тютчева (28 марта) и «Слабый сын больного поколения» об Иннокентии Анненском (2 мая). В какой-то день искал портрет Мендельсона для «Сада любви» и не нашел: где-то погребен в архивах. Сделал блок своих стихов (1949–1997) для «Разбитого сердца». Сорок лет назад — 29 сент. 1957 года:

Я не помню спокойного дня,
Чтоб смотреть, как закат пламенеет,
Чтобы слушать, как воздух, звеня,
Ароматом тягучим пьянеет.
Я не помню, чтоб кротко шагал
По траве с васильковым узором,
Чтоб кузнечикам чутко внимал,
Чтоб смотрел, как синеют озера.
Нет, не помню подобных я дней.
Нет, не знал тишины и покоя.
Только знаю: скорей и скорей,
А нет то ведь другие обгонят.
В сумасшедшем разгоне сил,
Каждый день на последнем дыханьи,
Я упрямо надежду таил,
Что когда-то не будет страданья…

Ну, и т.д. «И в заботах вертясь, как волчок, я не видел летящее время…». Это я тогда, 40 лет назад, крутился, как волчок? То что же сказать о сегодняшнем дне? О метаниях и блужданиях в редакциях? О печатном конвейере? Только за начало этого года я напечатал 5 крупных материалов: 1932 год (44 стр.), Зинаида Волконская(34),

Шарль Бодлер (34), Джеймс Бонд (29), Иоганн Штраус — отец и сын (24). Итого — 165 страниц, помимо прочей «мелочовки». Волчок крутится!..

22 мая в «ВК» вышла полоса: московский календарь и «Семейное счастье Натальи Крандиевской». Полоса смотрится!.. Начал читать: материал сокращен и исчез куда-то аромат. Надеюсь, когда-нибудь в книге выйдет полный вариант… Звонил Светлов — неугомонный мой хвалитель: «Продолжаю с удовольствием читать «ЮБешки». И хороша Крандиевская! Где вы все это нашли?..».

А тем временем все буйно цветет: яблони, вишни, все в белом цвете да еще лиловая, невесть откуда взявшаяся сакура. Да, наш Сокол — неплохой зеленый уголок.

1 июня

Какое наслаждение давать «отлуп» самому. Позвонил Челядинов, я отказался от съемок в «Старой квартире». Лучше уйти самому, а не дожидаться указующего пальца на дверь. Финансовый крах потерпел «Континет-пресс» и пришлось забирать рукопись обратно, а я только закончил Сильвестра Сталлоне в главку «Планета кино». Пришлось, как бедному литературному коробейнику, переть две тяжелые сумки из издательства.

Тяжелая доля литератора! Поэтесса Ника Турбина — дебютировала в 8 лет, а в 21 год выбросилась с 5-го этажа. Разбилась. Сейчас в больнице. По этому поводу Евгений Евтушенко сказал: «У человека бывает два испытания в жизни: непризнание и признание. Надо уметь проходить оба». Лично у меня то и другое в разных долях.

Из прокуратуры пришлая официальная бумага с печатью, в которой я признан жертвой политических репрессий (как сын репрессированного отца). Я пошутил Щекастику: «Я теперь дважды жертва: политических репрессий и издательского произвола».

27 мая отмечали 5-летие московского филиала «Нового русского слова». Была вся редакция во главе с Жорой Вайнером и Далем, и «семь золотых перьев России», как выразился Даль Орлов: детективщик Сергей Устинов, трио из «Литературки» (Рубинов, Добровольский и Игорь Гамаюнов), Леонид Радзиховский, Вадим Дубнов из «Нового времени» и Ю.Б. Отличный стол и всякие литературные истории, как Вадим Кожевников оставил в завещание двум дочерям 800 тысяч, но разрешил пользоваться лишь процентами с них, а в 1992 году все деньги обесценились. И про одну актрису свердловской оперетты, которая на пик-

нике встала в ворота и двусмысленно заявила: «Приму любой 11-метровый…».

Звонил Анисим, жаловался, что рухнула газета, что вот оно, еврейское счастье! А Гришу уволили из «Времечко», это — армянское счастье?.. Согласно еврейской мудрости: от счастья до несчастья — шаг, от несчастья до счастья — вечность.

8 июня

Меня накрыл вал неплатежей и утопаю в миражах. Лиза из «Присцельса» загорелась моей рукописью и говорит, что из нее сделает «книгу-спектакль» (?!), хочет поручить ее оформить Леониду Рабичеву, но ему 71 год и сейчас он в больнице, главное, чтобы он «загорелся»… Продолжает мучить Пескова, сделала энное количество пробных листов в цвете, — ну, прямо, барокко! — и мечтает вслух за оформление «Сада любви» получить премию во Франкфурте…

Коваленко из «Каприза» пригласила на какую-то тусовку: «Будут банкиры!..». Банкиров не заметил, а общался с некоей Аленой Кожевниковой, эмигранткой из 3-й волны, работала на Би-би-си и знала легендарного Александра Максимовича Гольдберга. Он, прежде чем читать у микрофона, расстегивал ворот рубашки, а заодно расстегивал ширинку на брюках, — пикантная

подробность аса радиожурналистики.

14 июня

Печальная дата: 45 лет, как умерла мама…

«Живите в грезах, как все живут», — последний призыв Вознесенского из подборки в МК. Оседлал когда-то лошадку популярности и гонит ее, гонит… И все время кто-то сходит с дистанции. Смерть с косой стоит и косит людей: певец Женя Белоусов — 30 лет, красавица Ирина Метлицкая — 36. И старшее поколение уходит: диктор радио Герциг (я был маленький, а он читал), поэт Межелайтис, актер Евгений Лебедев («Холстомер»), драматург Вадим Коростылев и, вот, Булат Окуджава — 12 июня в Париже, — 73 года… «Дураком быть выгодно, да не очень хочется. Умным — очень хочется, да кончится битьем…». Вот и закончился Булат, и «шарик улетел». Жутко жалко Булата, с его уходом закончилась целая душевно-песенная эпоха. «Возьмемся за руки, друзья!». Хрен кто теперь возьмется. Все по одиночке и все только за себя. «Что ж вы дремлете, ребята? Больше нет у нас Арбата! А какая улица была…».

Ще говорит: напиши об Окуджаве. Возможно, напишу, но не сейчас, а потом.

Закрыли московское отделение «Нового русского слова»: все свободны. На улицу и без пособий.

Лично мне жалко публикации. Немного поддержало письмо, пришедшее в «Крон-пресс» от читателя Кулагина, среди прочего он написал: «У вас грустный вид на портрете. Когда Есенин производил такое же впечатление на кого-нибудь и его спрашивали о причине невеселости, он отвечал: «Такова Русь!». В этом ответе что-то есть, и к вам подходит. Или нет? Приятно знать, что такой человек, как вы, живет на свете и даже где-то рядом…».

Увлекся Луной и стал сочинять некую лирическую импровизацию про ночное светило. «В небе вон луна такая молодая, что ее без спутников и выпускать рискованно…» (конечно, Маяковский).

Купил 21-й том «Минувшего» (а тираж-то всего 2 тыс.экз.!) — как обычно, там масса интересного: и дневники, и письма. Георгий Адамович писал Ирине Одоевцевой 6 января 1956 года: «…и хочу изложить это на бумаге, а то помрешь, и ничего не останется. Но если бы я изложил, то негде печатать…». Вот и у серебристов были проблемы!..

22 июня

Еще одна утрата: в Кельне умер Лев Копелев… Ну, а я в жару (под 30 градусов) пишу о холодной Луне. Позвонил Кипснис: «Я на вас удивляюсь:

работаете, как угольщик, все выдаете на-гора, и никаких забастовок!..».

20-го закончил Луну. Если в первом варианте, в 1987 году, было 40 стр., то теперь 91! Через 10 лет вернулся к написанному в стол и теперь уже переиначил и увеличил в коммерческих целях: торговля Луной! Это вам ни сигареты, ни пиво, ни ботинки!.. Случайно по ТВ увидели «Старую квартиру» (1954), показали Ще крупно — красавица! Так что ушел я оттуда красиво…

3 июля

Продолжаю поиски «своего» издательства. Ищу, нахожу, разговариваю: «Интердиалект +», «Стелс», «Дом Русановых», фонд Сытина, и ни у кого нет денег, все хотят и не могут. В фонде Сытина Владимир Ильич (но не Ленин, а Десятирик): «Ищите спонсора и приходите ко мне… Издадим — пальчики оближете!..». Но где взять этого спонсора?.. А «Присцельс»? Тоже эпопея. Пришлось поехать в Боткинскую больницу к больному художнику. Нейрохирургическое отделение, все ходят с забинтованными головами — сюр да и только! Еле нашел Рабичева. Рядом с ним в палате сидит его жена и читает мою рукопись, а он соображает, как ее лучше смакетировать. И вслух фантазирует, на какой бумаге

издать, с чего открыть титул, первую часть о 1932 годе непременно дать на цветной бумаге и т.д. Художник, поэт и дизайнер. Простой вопрос: а сколько будете стоить эта книга-сенсация, как он выразился? Пошел к Лизе, она в задумчивости: «Надо подумать… с этим надо переспать…». Такое впечатление, что это второй вариант «Сада любви»: хотят супер, а выходит пшик… Меня эти фантазеры и фантазерки раздавливают. Проще надо, проще. И не надо три пирожных, которые выпекает Пескова. Лучше реальный сухарик… «Утешил» Черняк: он уже два года не получает с книг ни одного рубля.

6 июля

Издательские страдания перебила поездка в Клин, к матери Аркадия. Приехали, на мосту-переходе нас ждал Аркаша и двинулись по улице Карла Маркса (какой Клин без Маркса?!). А далее — дальняя улица Чапаева, где живет мама — Татьяна Васильевна, приятная и обходительная старушка. Никакой суеты, держится спокойно и даже величаво. Сходу хотели попасть в дом-музей Чайковского, но там цены в 3 раза дороже московских. Я возмутился: «Хотел написать о Чайковском, придется писать о Шнитке!..». Пошли осматривать Клин: церковь, Советская площадь

(бывшая Соборная), магазин «Европа», гастроном «Кремлевский», кафе «Парадиз», — замах-то какой! Знай клинцев!.. Девочки дефилируют в шортиках и почти с открытой грудью, — вези хоть сейчас в Москву или Париж. А мужики все старообразные, замусоленные, провинциальные. Много пьяненьких. И обилие страшноватых грязных старух. И глаз ни на чем не отдыхает…

Хороша была лишь вечерняя прогулка в лесок. Холмисто и живописно, подмосковная Швейцария, народа никого, тишина, благодать. Нашли даже несколько земляничек. И все забыл — Пескову, Лизу, книги… В поезде в Клин забавлял бело-серый кот по кличке Маркиз. Принимал всякие позы и показывал розовый язычок. А вот у мамы Аркадия живет другой кот — матерый Кеша, который пропадает неделями, а когда бывает дома, то к нему приходят кошечки.

В Клину побыли денек, заночевали и с радостью вернулись домой, и сладкий голос Аркадия Погодина (другого Аркадия) нам сообщил по Эху: «В парке Чаир распускаются розы…».

11 июля

Последний гонорар на АТВ за «Старую квартиру»: Малкин отомстил мне за самовольный побег со «Старой квартиры» и перечеркнул в ведомости

положенную сумму и написал свою мизерную. Первая реакция: пойти и поругаться. Но затем плюнул на ситуацию: Бог ему судья!.. Такая же ситуация произошла в Комсомолке: я им принес кусок Луны, они хотели напечатать, но Мамонтов закричал: «Он не захотел вести рубрику, и поэтому его печатать не будем!». Прошло 3 года, а Мамонтов не забыл. Памятливые эти мамонты!..

В одном из корпусов дома на Набережной, где сгруппировалась некая группа изданий, неожиданно вышел на журнал «Элле», там они, оказываются, меня знают по «Космо» и по книге «Любовь и судьба». Я предложил идею: сделать двойное интервью с седым писателем и молодой актрисой. Они загорелись… «Элле» — журнал покрасочнее и пошикарнее, чем «Космополитэн», чувствуется парижский шик.

19 июля

Главный редактор «Элле» — Елена Юдина подбирает собеседницу для интервью: Рената Литвинова, Елена Корюкова и, наконец, Наташа Петрова… А пока идет подбор, я кручу свои дела и, в частности, пишу биографию с эссеистическим уклоном об Иване Николаевиче Крамском. Тоже мучился, бедняжка, коли молил Третьякова: «Купите меня, пока я не испортился; может быть, я

даже доходная машинка…». Я вот тоже доходная машинка, только вот мало покупают. Где мой Третьяков?..

Сунулся в редакцию ТВ-журнала «7 дней», еще в «Новую Юность», но у них маленький тираж, и не стал дергаться. Был в «Итогах», понравился висящий плакатик: суровый фэйс Зюганова и подпись: «Купи еды в последний раз». В банке «Менатеп» говорил с некоей Ирен Нильсен на предмет написания брошюры об истории дома, где они находятся. Еще один призрачный шанс заработать. Но между разговором и оплатой — дистанция огромная и часто непреодолимая… Даже в «Экране» побывал (бывший «Советский экран»). Борис Пинский очень загорелся, но, опять же, они в финансовой пропасти…

Мотаясь по Москве, видишь, как город лихорадочно готовится к своему 850-летию. В центре пыль столбом, все гудит и стучит. В Столешникове переулке появилась часовенка, будет пешеходная улица, как на Западе. На Пятницкой возник ресторан «Амстердам», ну, и прочие новации. Неужели Москва станет европейским городом?..

«Новый мир» — это мечта Ще: «Вот бы тебе там напечататься!..». По дороге заглянул и туда в один

из дней, попал на Руслана Киреева, коллега или соперник по теме любви? Он сказал, что так, как я — всеохватно и энциклопедически — писать не может. Договорились, что я принесу в журнал Волконскую и Северянина, а он почитает. Вся редакция в портретах классиков. Александр Твардовский смотрел на меня не очень одобрительно: куда лезу?..

26 июля

Неделя-ураган. И в этом урагане я завихрен целиком. А Витенька блаженствует от безделья, и его, на субботу-воскресенье, дама, как он выражается, увозит на пленэр. Ему там хорошо. «Но вот дама утомляет…»; «Вот, если бы мы были вместе с тобой, и поговорили, и в шахматы сыграли…», — мечтательно вздыхает Черняк.

Под утро 21-го, в понедельник, приснился кошмар: председатель колхоза Борис Немцов ставит в повестку собрания мой отчет о посевной кампании, а я не знаю, что и как, житель-то городской. В ужасе проснулся. Бред?!.. К сну или нет вышел в «Вечорке» мой материал об Окуджаве? Отнес Кирееву Волконскую и Северянина, он подарил свою книгу «Музы любви» с надписью: «Юрию Николаевичу — соратнику и сотоварищу, которого давно и внимательно читаю». Из «Нового

мира» в «Арион». Показал кусочек Луны главному редактору, Алексею Алехину, он: «Сделайте подводку и приносите»…

22 июля у к/т «Ленинград» долго ждали с фотографом Владимиром Вяткиным кинозвезду Наташу Петрову (род. 23 авг. 1970; снялась в 12 фильмах, в том числе, у Валерия Тодоровского в картине «Любовь») — у нее сломалась машина. О, эти кинозвезды, одна морока с ними!..

Пришли к нам. И я пытал Наташу вопросами, и все писалось на маг. Тема: «Любовь вчера и сегодня». И пили чай. Звезда съела 7 шоколадных конфет — одни убытки! В ходе беседы я придумал «поцелуй поколений» (разрыв в 38 лет), и Наташа с радостью потянула свои губки (ни грамма стеснения, вот что значит актриса!), и Вяткин, урча, защелкал затвором фотоаппарата.

> Вспоминательная ремарка. Я подарил Петровой свою книгу и журнал «Каприз», она обещала в ответ подвезти «Плейбой», где ее сняли, но так и не подвезла. И больше мы с ней никогда не виделись Остались лишь фотографии в «Элле» (5 июня, 2011).

3 августа

Перечислять все деяния и дела нет сил. Навскидку, выборочно. В «7 днях» поворотили нос от Орнеллы Мути: слишком литературно. Предложили мне что-то придумать сенсационное про ее жизнь, я отказался: реальность и никаких придумок… По ТВ посмотрели хороший фильм Режи Варнье «Французская женщина» (1994). В главной роли — светловолосая и голубоглазая Эммануэль Беар. Лента о женской сути: шлюха или не шлюха? В картине женщина просто хотела любви…

30 июля Яна Зубцова из Аифа пытала меня: москвич я или не москвич? А, узнав, что коренной да еще в 3-ем поколении, прикатила к нам домой, потом подъехал ее муж Юра, и они вдвоем засыпали меня вопросами о Москве и моей жизни, смотрели фотоальбомы и сказали, что делают материал на полосу. Яна — хваткая, деловая, с задатками лидера, а муж так — мальчик, на побегушках. Современная семья?.. Еще одна попытка найти издательство — «Музыка». Директор, Ирина Моисеевна, меня знает, читает, и, к тому же, она с Волхонки, прожила там 40 лет. Беседа длилась ровно 45 минут («первый тайм мы уже проболтали!..»). Все замечательно, но что будет дальше?..

Первое августа провели в Калистово и даже с

костерком.

9 августа

Бесконечные записи в дневнике. И, как сказано в книге пророка Иезикииля: сказал — и облегчил тем душу.

Ну, а 6 августа вышел номер Аифа (тираж 3 млн. 145 тыс. экз.) с полосой в рубрике «Жизнь на фоне Москвы» — «Два кило мишек из ресторана «Савой». В заголовок Яна Зубцова взяла рассказанную мной историю, как отмечали день рождения одной богатенькой девушки из нашего двора в Арсентьевском переулке в «Савой», где мы с ней «гуляли» вдвоем, как купчики. Яна все это пересказала молодежным языком полу-стеба: «А мама Юрия Безелянского вышла замуж за парнишку с Балтфлота…». Причем тут парнишка? Ну, да ладно — так написала, не мой текст. Главное: отличная реклама и много фотоснимков: я с мамой, еще маленький за рулем автомобиля, в пионерлагере, на субботнике в Останкино. Полоса получилась яркая… Позвонил на радости Вите. Он: «Не радуйся, разве это изменит твою жизнь?». Конечно, не изменит. Может быть, пустяк, но весьма приятный: не каждому журналисту (а их тысячи!) посвящают полосу в тиражном еженедельнике. Была реакция звонков. И даже позвонил Боря

Ширяев: «Ты, наверное, не слышал мой голос лет 50?..». Да, когда-то в школе была знаменитая драка между нами в течение школьного дня: драка на переменке — урок — снова драка — и вновь урок — и продолжение кулачного боя. Так и хочется запеть: «Как молоды мы были…». Молодые и глупые.

На следующий день звонок от Бориса Брунова, подошла Ще: «Вы меня не знаете: я — Борис Брунов. Где ваш всемирно известный муж?». Потом я ему перезвонил. Он предложил мне быть сценаристом его новой программы на ТВ «На чашке чая со старым москвичом».

17 августа

Где-то прорыв, а где-то обрыв. Звонил Кирееву: «Это все не наше. Чистое просветительство… не обессудьте…». И «Новый мир» отгородился от меня стеной. Конечно, расстроился, а Ще: «Пойми, ты для них чужой, у них свой сложившийся литературный клан, и в него они тебя никогда не пустят…». А потом добавила: «Филологи такие снобы!..».

Ну, а я в ответ рыжего Мотэле:

– Так что же?

Прикажете плакать?

Нет так нет! –
И он ставил десять заплаток
На один жилет.

Маленький рыжий Мотэле в поэме Иосифа Уткина работал портным. «И под каждой слабенькой крышей, как она ни слаба, — свое счастье, свои мыши, своя судьба…». Я не рыжий и не портной, я седеющий брюнет и журналист. И поэтому не крутил жилет, а вертел так и сяк эссе о Рудольфе Нуриеве, — интересная судьба!..

Ну, а как писатель ходил в издательство «Терра», разговаривал с главным редактором Шурыгиной. Предложил свои рукописи. Она: «Вы — эссеист, а нам нужны романисты, народ обожает читать длинные романы…». Лично я сомневаюсь в этом. Время длинных романов Диккенса и Бальзака прошло. Время требует краткости, сжатости и динамики, Далее с Озерковской набережной перешел на Садовническую и мимо вонючего отводного канала отправился к Балчугу, в «Каприз».

…А еще запись на радио, звонки с ТВ, газетные публикации — интенсивная пенсионная жизнь. И все это «на фоне Пушкина», то бишь России. Куда, кстати, катится отчизна? Василий Аксенов

в одном из интервью сказал так: «В шизофрению… Некоторый общий приветик чувствуется во всем».

За окном дождь, +11, и — бррр!..

24 августа

Звонил после долгого перерыва Светлов.

— Как вы себя чувствуете, Владимир Александрович?

— Как нормально умирающий, — ответил он.

Жалко старика. Ну, а я, пока печатающий и бегающий, выступающий и договаривающийся. А тут еще Ще заставила меня писать открытое письмо Лужкову по поводу протечки в комнате. Новый жанр…

Еще освоил одно издательство: Эллис-Лак. Самое примечательное из похода, что издательство недалеко от зоопарка. Уже смешно. Антилопа-гну. И еще одно — издательство «Илби». Игра в иностранные названия, лучше бы просто по-русски: издательство «Денег нет», издательство «Пустые хлопоты», или «Напрасные надежды». Или, более красиво: «Утраченные иллюзии».

В журнале «Она» обнаружил небольшую рецензию на книгу «Любовь и судьба», где, среди прочего, отмечено, что «автору счастливо удалось избежать скандальности, «жарености». Люди, о

которых он рассказывает, жили нестандартно, по собственным правилам и законам, которые иногда восхищают, а иногда шокируют, но в авторской позиции явственно проглядывается сочувствие, стремление понять своего героя, мудрая, человеческая беспристрастность. Этим книга «Любовь и судьба» выгодно отличается от многих сочинений на эту же тему». Автор рецензии — Галина Лихачева.

31 августа

Только что радио принесло известие: погибла принцесса Диана. Красивая молодая женщина. На вершине славы. И вот финал…

27 авг. — у меня «вершина»: в мэрии наградили медалью в честь 850-летия Москвы, попал в группу избранных журналистов. Каждому по медали и по трем красным гвоздичкам. Еще один «подарок»: проиграл ненавистный «Спартак» и не попал в Лигу чемпионов (кому — лига, а кому — фига!). Маслаченко надрывался в эфире: «Фу, кошмар какой-то!..»

Добил Рудика Нуриева — 62 стр. В «Вечорке» вышел «Штраус и его жены». Был в редакции журнала «Она», и вдруг открылась истина: что новая журналистика побеждает старую, для новой даже Виктория Токарева «совершенно

беспомощно пишет», у нового поколения свой примитивно-вульгарный стиль, свое понимание юмора, свои «приколы». Для них я — какой-то реликт, осколок прошлого. Меня печатают там, где есть представители моего или среднего поколения, а где молодое — извините, места все заняты, и радостный крик «вау!».

И остается воспользоваться советом Иосифа Бродского, который советовал студентам Мичиганского университета:

«Старайтесь не обращать внимание на тех, кто пытается сделать вашу жизнь несчастной. Таких будет много — как в официальной должности, так и самоназначенных… Всячески избегайте приписывать себе статус жертвы… Каким бы отвратительным не было ваше положение, старайтесь не винить в этом внешние силы, историю, государство, начальство, расу, родителей, фазы луны, детство, несвоевременную посадку на горшок и т.д.».

Иосиф — умница. И он же: «Я часто думаю, насколько все бессмысленно — за двумя-тремя исключениями: писать, слушать музыку, пытаться думать. А остальное… Сколько бессмыслицы всю жизнь приходится делать: платить налоги, подсчитывать какие-то цифры, писать рекомен-

дации, пылесосить квартиру…».

Боюсь, что бегать по редакциям — это тоже глупость. Но тут вступает в права необходимость кушать… Беспокоит левая рука — не проходят боли. Плюс что-то с носоглоткой. Букет «болячек» и у Ще. И очень жалко леди Ди…

11 сентября

Звонил в «Терру». «Ну, как надумали?» — «Еще думаем». За такие грошовые деньги, и еще долго думают.

2 сент. Жара сменилась холодрыгой. Никаких переходов и полутонов: бац — и все!.. Утром сообщили по радио: умер Борис Брунов. Предложил мне писать сценарии для своей программы — и ушел. Не повезло мне, а как не повезло Борису Сергеевичу!

На следующий день отправился на 10-ю международную книжную ярмарку. Куча контактов, десятки обещаний и ничего реального. Лариса Ивановна из Дома Сабашниковых кокетливо мне сказала: «Вы замечательный автор, но не наш… Нельзя печатать других — вторгается чужая аура…». Это что-то новенькое в списке отказов.

4 сент. Бенефисный день: вышел московский календарь в ВК, Литературные юбилеи в «Вечорке» и там же (сначала даже не заметил) мой

материал о Дзержинском — «Святой палач»… А у Ще в «Москвичке» — Анна Керн. «Семейный концерн действует!» — как сказал Павел Гусев, с которым повстречался в «Вечерней Москве». Но к себе, в МК, не приглашает…

С утра напечатал маленький комментарий для «Элле» — «Одиночество — это индивидуальный выбор», и днем поехал на генеральную репетицию в Геликон-оперу: «Царская невеста» Римского-Корсакова. На сцене дремучая Русь, с завистью, интригами, амбициями и заговорами и, конечно, во всем «немец» виноват. В целом, опера понравилась и не понравилась — такое двоякое впечатление.

6 сент. С Ще поехали в Центр смотреть карнавал в честь юбилея Москвы. Непривычное для Москвы красочное шествие, но, увы, это не Рио-де-Жанейро — мало музыки, танцев, и холодрыга. На одной из платформ увидел Светлану Варгузову в газовом платье и с обнаженной ножкой, с бокалом шампанского в руке. Как закричу: «Светлана!». А она увидела меня и помахала в ответ. Стоящие рядом в толпе, с большим интересом посмотрели на меня, — мне стало смешно… Хотели поехать на вечернюю иллюминацию, но уставшая Ще спросила: «А нужны ли нам

эти лампочки?». «Не нужны», — согласился я. И пошли в нашу рощу, там гулянка и музыка, по микрофону кто-то пел: «Наш Борька — бабник!..». Танцы-шманцы, шашлыки, пиво шли под транспорантом «Дорогие хорошевцы!..». Значит, мы вышли за пределы нашего Сокола… Вспоминал, как 15-летним пареньком «праздновал» 800-летие Москвы в 1947 году. Небо в прожекторах. Над городом висел портрет Сталина. Толкался на Болотной площади и покупал какую-то дешевую карамель…

В журнале «Каприз» вышли три материала: «Моя Москва», Любовный календарь и очередная главка из сериала «Капризы любви». А вот у матери Гали Мишты не капризы, а беда: на пароходе украли книгу «От Рюрика до Ельцина», по которой она читали исторические сведения в радиорубке…

20 сентября

Сделал новые заявки. У меня на руках 4 рукописи: «Лабиринты чувств» (женская тема), «В одном флаконе» (герои — мужчины), «Разбитое сердце» (сборная) и Луна. Четыре рукописи — четыре книги, и никак! Тут «порадовал» товарищ по несчастью, поэт Эдуард Асадов: «Раньше я писал стихи, собирал сборник, приходил в издатель-

ство, клал книгу на стол, ее читали, издавали. Больше я не знал никаких проблем. Я получал гонорар, авторские экземпляры и — все». «А сейчас? — спросил Асадова корреспондент. «Чудовищно!.. Мне предлагают издавать книги на свои деньги…».

Прочитал я асадовские возмущения и почему-то вспомнил строки Есенина из поэмы «Сорокоуст»:

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну, куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?..

Время изменилось. Интересы людей. Литература упала в цене, а стихи и тем более. И напрасно сочинители льют слезы, хотя я и сам такой, пишущий, сочиняющий и льющий слезы… Что касается Асадова (1923), то это не мой поэт. Он недостаточно поэтичен и глубок, излишне оптимистичен, один его сборник даже называется «Компас счастья» (какое счастье?! Где он его видел?!). И еще он лжеромантичен, задавая дурацкие вопросы: «Зачем на свете люди лгут?». Нет, не мой, не мой!..

Вот, в магазине «Гилея» я купил том Георгия

Шенгели «Иноходец» (за 45 тыс.), он — настоящий поэт, в свое время свергнувший с пьедестала Маяковского. У Шенгели есть стихотворение «Портрет Дориана Грея»:

Я – тот портрет…
…Но пусть пылюсь я, пусть хладею,
Лишь он носил бы орхидею
На фраке девственном своем.

В стихотворении 1928 года Шенгели обращался к Поэту: «Не верь — и не люби стихов…». А далее, почему. И в конце:

Но если очень уж свербит,
Зудит, гудит, поет и ноет, –
Прими еще пяток обид
И сядь к столу, стих успокоит.

То же и дневник: успокаивает… Хотя, на какой-то маленький отрезок времени, а в остальное время — «Я затерян среди равнодушно висящей вселенной…» (Г. Шенгели, ноябрь 1941).

Для будущей книги допечатал Версаче — 30 стр. И схватился за Элвиса Пресли. Звезды со сложной судьбой… Людмила Телень в «Московских новостях» обещала помочь выйти на Владимира

Гусинского — он улавливает идеи в воздухе, — а у меня идея продолжить Рюрика и написать книгу «Россия. XX век». Ну, а те, кто не олигарх Гусинский, говорят: «Все, что вы предлагаете, интересно, но нет денег», — так сказали мне в издательстве «Раритет».

Витеньке на 52-летие написал строки:

В России суета и мания, –
Сбежать так хочется, сбежать!
Ведь есть страна еще Германия,
Вот там бы жить и поживать.
Там нет «Дрофы» и нет «ЭКСМО» –
Сиди и кушай эскимо.
И ощущай, как дует норд,
Вдали от всех российских морд.
Вот это жизнь! Все вижу грани я.
Я весь в экстазе, о, Германия!..

Витя, тем временем, оформляет бумаги на переезд в Германию, ну, а мы с Ще отправились в подмосковное Болшево, в филиал библиотеки им. Крупской на Школьной улице, куда меня пригласил поэт Сергей Белов. Было человек 20, сидели за столом с чаем и яблочным пирогом. Говорили о поэзии, читали стихи. Я рассказывал

о своих книгах, одна из слушательниц сказала, что от них, «как от хорошего вина, остается послевкусие…». И далее Маргарита Крылова сказала: «После вас читать других уже не хочется…». Н-да. Лично я так не считаю.

28 сентября

У меня идут провалы, а Светлов мне говорит: «Вы из всех удачников — самый удачливый». Даль Орлов утверждает, что я «открыл целое направление» — имеются в виду мои очерки-эссе о знаменитых людях. Не «открыл», а сфокусировал на них читательский интерес. Звонила продюсер с ТВ, говорит, что «наш проект лежал на столе у Лысенко, и, казалось, вот-вот запустится», — и сорвалось! А Светлов говорит об удачливости. Нет, фортуна явно отвернулась от меня. И ТВ-студия «Пигмалион» что-то хочет, и не получается. И опять нахожу утешение в книгах.

В книге «Братство» (1937) Елена Рерих советует: «Нужно привыкать к мысли о сложности достижения. Нужно полюбить все препятствия, ибо камни на пути — лишь ступени восхождения. Давно сказано, что по гладкому камню не взойти…».

Были в гостях у астролога, дочери одних знакомых. Она верит в реинкарнацию и заявила,

что Ще в прошлой жизни была мужчиной и участвовала в крестовых походах, ну, а мой «случай» сложный (по включенному компьютеру): не просто Рыба, а Нептун в Деве и еще что-то. В прошлой жизни был создателем религиозных систем (может быть, поэтому я стремлюсь в своих исторических портретах создавать некие концепции?). Ну, и прочие астрологические выверты, которые и приводить не хочется. Но что странно: во время разговоров чашки летали (или казалось?), и била какая-то мощная энергетика…

24 сент. ездил в издательство «Аграф» к Андрею Ильницкому. Я ему заявки на книги, а он в ответ «Письма» Оскара Уайльда… В «Терре» Кондратов (он — главный) сказал «нет».

Что еще из особого? Землетрясение в Ассизи. Пострадал храм и фрески Джотто. У меня сжалось сердце от боли — мы ведь были в Ассизи.

4 октября

Еще одно издательство «Современник»… И ездил на переговоры на студию им. Горького, в «Пигмалион». Продюссер Хрекин, режиссер Коган. Женские судьбы. Решили делать «пилот» с Анной Керн. А потом разговор с финансистом: «что отсмечиваем?». И стал щелкать, кому сколько платить? Музыкальная заставка композитору

за минуту звучания — 500 долларов.

— Хочу быть композитором, — говорю я.

— А поучится в консерватории не возражаете? — ехидно спрашивает Коган. Короче, за мной сценарий…

3 октября с подачи Телень попал в «Рипол-классик» (Б. Андроньевская ул.). Первый разговор — сплошные улыбки… Вышел «Элле», там интервью с Петровой и фотоснимки. Еще ФИС, «Изобразительное искусство», журнал «Весь мир» — хотят Любовь Орлову… В «Космо» не понравилась Мирра Лохвицкая: «Про розы — это для 50-летних, а для наших женщин что-то поострее, подинамичнее…». И вдруг заинтересовались Блаватской. Я тут же полез в досье…

18 октября

В «Риполе» заключил договор на книгу «Капризы любви», которую предложили переназвать: «Лабиринт чувств». И аванс — 500 тыс. И плюс подарок: два тома Шекспира. В «Элле» за поцелуй с Наташей Петровой получил гонорар: 458 долларов — четыре сотенные бумажки с Франклиным и нашими по курсу 340.500, — это ни «Вечорка», ни ВК, ни прочие наши худосочники. А в «Капризе» вместо денег одно целование.

Побывал на Пятницкой на юбилейном сбори-

ще латиноамериканской редакции. Все было ностальгически мило. Кудрин и Сперский в два голоса: «Молодец, что пришел, писатель — мог и зазнаться…». Принимал дома некоего Андрея Сотникова, представителя издательства «Водолей» из Томска: хотят что-то по Серебряному веку.

Интересный разговор с Лидой Николаевой, соседкой по Арсентьевскому переулку (ей уже 67), когда-то она учила меня танцевать. Вспоминала прошлое: «К тебе как не придешь, ты все пишешь и пишешь мелким почерком…». И вот, дописался!.. А развернулся по-настоящему только на пенсии, впрочем, не я один. Михаил Глузский признался в интервью: «Главные и любимые роли сыграл после 60-ти… Время, на которое пришла моя старость, мне интересно…». Да, многим творческим людям советские времена были противопоказаны.

26 октября

Пасмурно, лежит снег, +1. Сижу за машинкой и перебираю минувшие дни.

«Водолей» не хочет перепечатывать что-то из книг, хочет эксклюзив. А рожна они не хотят в своем Томске?! За гроши, тем более. Позвонил Андрей Вознесенский и попросил меня (и это очень смешно), чтобы я пригласил его в программу

«Старая квартира», он считает, что я там главный. «Понимаешь, там выступает все бывшие знаменитости, которые сегодня в ауте…». И что, Андрей считает, что он тоже в ауте, вне игры?.. А я расстался со «Старой квартирой» и мечусь в поисках издательств, перебираю их, как четки: «Изограф», «Гном-пресс»… «Изограф» оказался в Мароновском переулке, где когда-то жила (какой это был год, 1951 или 1952?..) Аля Тарасова, с которой был у меня роман и она звала меня коротко: «Ю». Был решающий эпизод: я ее целовал, а она решительно говорила: «Не надо». «Не надо» — и расстались…

22 окт., по приглашению человека «из аута», то бишь Вознесенского, были с Ще в зале Чайковского на презентации его книги «Казино «Россия». Хотел пробиться к бенефицианту за кулисы, не смог: плотный заслон телевизионщиков. Пообщался только с органистом Гарри Гродбергом, он доверительно сказал мне: «Сорок лет выступаю здесь,в зале Чайковского… Уже устал». В фойе куча знаменитостей. Обменялся телефонами со Святославом Бэлзой. Поговорил с Виталием Третьяковым:

— Никогда не писал в «Независимую газету».

— А почему? — удивился Третьяков. Договори-

лись, что зайду к нему в редакцию.

Подарил Ирине Хакамаде книгу «Любовь и судьба», она обещала поспособствовать переизданию Рюрика. Хакамада была со своим последним молодым мужем. Красивая, богатая, счастливая… Что ж, и такие есть в современной России.

А вот на Андрея на сцене было больно смотреть: старый, больной, плохо координированный человек, то и дело забывал текст. И мне непонятно, зачем? Я лезу на вершину, хочу забраться повыше, ну, а он-то давно на вершине. И вполне можно почить на лаврах. Нет, не хочет успокоиться…

Полистал книгу «Казино». Не Бродский, но есть удачные отдельные строки:

Адрес точен, как жетон:
Россия. Желтый дом.

Или: «Только выдох. Только дых без закуски. Лишь волшебный вечный стих, вечно русский». Но, в целом, Вознесенский — это Хлебников на новом витке. Если Бродский — мысль, раздумье, то Вознесенский — звукопись, словесная эквилибристика и эпатаж: «Живите с Иветтой, с женою Мобуту, используйте мужа вместо вибраторов…».

Еще в фойе перебросился словами с Володей

Вишневским. На его вопрос, как дела, ответил, что мучаюсь с издательствами. А он: «А мне кажется, что издательства за вами должны охотиться — у вас такой интересный материал…». Но не охотятся. Охочусь я…

23 окт. Новый адрес: Сивцев Вражек, «Радуга». Генеральный директор — Нина Сергеевна Литвинец, зам. генерального — Татьяна Сергеевна Зимина. Дал им список 24 женщин. Тут же принято решение об издании, и несите рукопись! Я обомлел от суворовской быстроты и натиска. Заинтересовались Луной. Неужели прорыв?.. Ночью снились книги…

1 ноября

В «Радуге» подписан договор со второго захода в издательство. Очень реактивно. Допечатал Блаватскую, получилось 40 стр. Звонил Суглобов из «Современника»: «Где рукопись о женщинах?». Я: «Женщин уже нет: подписан договор». Он философски: «Рынок есть рынок. Кто успел, тот и съел».

31 окт. выступал по радио у Матронова. Начал с того, что сказал, что есть такой фильм» «Человек дождя», так, по аналогии, я — человек календаря. Передо мной выступал певец Юлиан, а после меня — Александр Градский. Да, в прямой эфир

шли звонки от радиослушателей: три благожелательные, один критический. Какой-то дядя прокурорским голосом сказал, что давно следил за мной — и я, по его мнению, постоянно черню советское время. Очернитель.

8 ноября

Фесуненко пригласил в Останкино. Как нужен, то ласковое обращение «Старина». На ОРТ Игорь руководит одной из групп, в кадре у него ведущая — Лариса Вербицкая, холодная и красивая женщина. Она спрашивала — я отвечал, записали два «выхода», вспомнилось, как 20 лет назад ездил в Останкино на партийно-хозяйственные активы, и очень интересовался тем, что «дают» там в буфете. А в стол, для себя, писал о Вознесенском, Луне и о прочем.

3 ноября нам с Ще исполнилось 30 лет. Написал длинное стихотворение. «Тридцать пролетело, как планер, тридцать прошмыгнуло, как мышь…» И среди прочего:

Мы удачу поймаем и скрутим,
Из жар-птицы добудем перо.
Мы пробьемся сквозь дымы и мути
И из меди скуем серебро…

Днем с Ще поехали на Арбат. В «Радуге» получил подписанный договор, Ще восхитилась особняком, где жил когда-то художник Михаил Нестеров, и где ныне «Радуга». Погуляли, попили кофе с тортом, сфотографировались у золотой Турандот, купили цветочки и вернулись домой. Коньяком отметили семейный юбилей… А 4-го по ТВ посмотрели программу «Доброе утро» — Ю.Б. на экране, что-то вещает.

Сорвалось в ФИСе:

Хотел издать меня Штейнбах.

Не получилось. Ох и ах!

Зато «Современник» явно жаждет. 5 ноября у директора (писателя Леонида Фролова) прошло совещание с приглашением многих персон, как во времена развитого социализма — сидят с серьезными лицами и серьезно обсуждают, что делать с новым автором. Фролов: «Как жалко, что женщины прошли мимо «Современника»… Ох, уж эта «Радуга». Ну, а дальше Фролов меня вообще потряс своей мечтательной фразой — ну, вылитый Манилов: «Хорошо бы издать пятитомник Безелянского!».

Пятитомник не пятитомник, но востребованность и, соответственно, популярность ощуща-

ются: иногда узнают на улице, тут попросили поучаствовать в программе «Про ЭТО», то консультировались по поводу Льва Гумилева…

8 ноября приехала ТВ-бригада, и я излагал им на тему «Открытый брак». В подражание Вознесенскому был в шарфике.

16 ноября

«Кучеряво живете», — так определила нашу жизнь соседка Ира К. Со стороны всё кажется иначе и диковиннее…

По Москве ходят троллейбусы с написанными вопросами на боку: «Сколько можно?», «Где жена?», «Фильтруешь?». Последний вопрос мне нравится, я тоже фильтрую, какой-то телевизионщик предложил вести «Беседы под солнцем любви» (считает меня специалистом?), а я отказался, отфильтровал. А меня отфильтровали в «Элле»: мои комментарии об одиночестве им не подошли. А вот в «Народной газете» пришелся по двору, дал им интервью, и они повизгивали от удовольствия. Появились поклонницы на Ленинградском рынке: одна бесплатно дала печенку, другая — баночку меда. Материализованная популярность.

Вдруг, среди вороха бумаг обнаружил строки, написанные еще 24 октября:

Как трудно жить в стране обманов,
В стране огромной супер-лжи,
Где злоба брызжит, как Зюганов,
А дела нет. Лишь миражи.

21 ноября

Родственница Клава занимается челночным бизнесом, Ще у нее что-то покупала и услышала оценку своего мужа: «Энергичный, деловой добытчик…» А я-то думал, что идеалист-романтик…

30 ноября

Выступал в каком-то арт-клубе на Кутузовском проспекте по теме «Календарь столетий». Цесарская собрала человек 20. Все прошло хорошо. Любопытно, что когда-то давно я не только не любил выступать публично, но был даже некий страх (социофобия?). А теперь выступаю легко и свободно.

Задумал рубрику «Строки из дневников и писем» для «Вечорки» на следующий год. Погрузился в тексты братьев Гонкуров, Гофмана, Бабеля, Оскара Уайльда, Кафки, Александра Сергеевича… Допогружался до адской головной боли.

В «Радуге» получил аванс. В «Народной газе-

те» вышло интервью «Счастье — это свобода выбора». Как мне сказали, что все женщины в редакции всполошились: какой интересный человек, какой насыщенной жизнью живет (и сразу вспомнилось словечко «кучеряво»).

Пришло письмо от Наташи из Дортмунда: «Утром встаю, направляюсь в ванну, слышу знакомый голос, подхожу к включенному телевизору и вижу Юру Безелянского, эдак вальяжно устроившегося в кресле в светлом сером пиджаке под цвет волос, чуть-чуть высокомерно объясняющего молоденькой ведущей, что именно произошло в это день в разные годы. «Привет, Юрок!» — говорю. Эмма удивленно на меня смотрит. Объясняю, что вот, повидались. Анюта, очень тебя не хватало там где-нибудь, на другом диванчике…».

«И кому это телевидение интересно?» — говорит постоянно Витенька, отлученный от него. Вот Наташа во время своего пребывания в Израиле получила удовольствие…

«Глоток моцартианства» не вышел в «ВК», так вышел в «Москвичке» с фотоснимком: Моцарт и я. А «Вечерний клуб», кажется, надо закрывать, Все начинается и когда-то кончается. В «Риполклассике» меня уговаривали отдать им «Сад любви», но я связан с Песковой, которая меня

отчаянно динамит.

В интервью Станислава Лема вычитал признание о том, что примерно четвертую часть из собранных книг (а их всего 8 тыс.), он — «так ни разу и не раскрыл. Когда покупал, думал, что найду время для чтения, но это самообман. Просто у человека существует ненасыщенный инстинкт обладания. Книги — предмет, который хочется иметь в своей собственности». Лично я отчаянно пытаюсь прочитать-пролистать все, что покупаю: мне ведь надо выискивать новые факты для календаря и своих будущих книг.

7 декабря

В воскресенье спонтанно решили поехать на кладбище. Положили зеленый веночек, красные гвоздички, в снегу зажгли свечку… Ще, как обычно на Ваганьково, положила денежку в шапку трубача, который извлекает из своей трубы скорбные мелодии. Не знаю, как это объяснить, но с кладбища уходишь просветленным. Может, укрепляешься в сознании, что надо жить, надо работать, надо чего-то добиваться, пока тебя не поглотили воды забвения…

Из дневника Алексея Суворина, 11 ноября 1907 года: «Сегодня мне 73 года, ужасно много, зато осталось мало…».

Как говорят в народе: а сам-то как? Был у врача. Давление 150 на 80… По ЭКГ — изменение миокарда гипертрофированного левого желудочка. И диагноз: остеохондроз. Выписали кучу лекарств. Остеохондроз — не инфаркт, уже хорошо!.. Но медицина — это побочное, а вот работа — главное. Трансформировал рукопись из названия «В одном флаконе» — в «Поцелуй от Версаче», так поприкольнее. Юрий Кублановский жалуется: «Почти невозможно сейчас выпустить книгу, если это не коммерческая книга».

Но, несмотря ни на что, я вынашиваю идею дальнейших книг: написать о принцессе Диане, книгу о национальных корнях знаменитых россиян и еще кое-что. А пока добавил к женщинам, отданным в «Радугу», Иду Рубинштейн. Да, вышел новый журнал «Рейс» для самолетов (тираж 100 тыс. экз., печатают в Австрии). Там — моя Любовь Орлова. И гонорар — 170 долларов, и тут же часть денег прошли на стоматологические проблемы. Такое впечатление, что работаю исключительно на зубы.

25 декабря

Католическое Рождество. Сижу за дневником и тихо, про себя напеваю «Желтого ангела» Вертинского:

Звенят, гудят джасс-баны,
Танцуют обезьяны
И бешено встречают рождество.
А я, кривой и пьяный,
Заснул у фортепьяно
Под этот дикий вой и торжество…

По Эху слушал как-то беседу знаменитого Юрия Рюрикова, «амуроведа», автора многочисленных книг. Как занудливо и неинтересно. У меня «Капризы любви» явно поинтереснее и посовременнее, чем его «дорога сексуальности», мол, женщине трудней, чем мужчине. А потом по странному совпадению по ТВ был французский фильм «Возбуждение». «Это дело!» — как говорит рекламный кот Борис.

В «Вечорке» вышла последняя «страшилка» про 13-е число: 13 декабря. Итак, за год 12 «страшилок» и 12 литературных юбилеев. Реанимировался Жора Вайнер — новый офис на ул.Гиляровского. Задумана серия фильмов под эгидой Интерпола. Жора хочет меня видеть в качестве консультанта и автора нескольких сценариев, меня эти постоянно возникающие проекты не вдохновляют, а, напротив, утомляют и гнетут, ибо все, как правило, лопается, как мыльный пузырь. Об этом

я сказал при встрече Наташе Зимяниной, а она накинулась на меня, аки тигра: «Юрочка, как вам не стыдно: вы принадлежите к тонкой прослойке настоящих интеллигентов, да к тому же умеете хорошо писать, вас печатают, вы живете такой интересной духовной жизнью, сотни тысяч людей об этом только мечтают, а вы унываете!..».

Уныние? Согласно словарю — безнадежная печаль, гнетущая скука. Нет, это не про меня. Никакой безнадежной печали во мне нет, тем более, меня не гнетет скука. Мне интересно жить и работать. Меня мучит дисбаланс затрат и результата. Недостаточно высокий, на мой взгляд, КПД творчества, не очень большая реализация: я чувствую, что могу сделать много, но это много часто невостребованно в силу нынешнего времени. Американо-канадский педагог и литератор Лоренс Питер выдал афоризм: «Успех ударяет в голову, неудача ранит сердце». От успеха у меня голова никогда не кружится (я отношусь к себе предельно самокритично), а вот неудачи, действительно, отражаются на сердце, отсюда и уныние, но совсем в другом смысле.

Одна из последних работ года: закончил художника Серова — 25 стр. Из «Радуги» пришла верстка книги, много ошибок наборщицы. Вме-

сто «женщина-вамп» набрано «женщина-вам» (что такое «вамп» никогда не слышала). Прочитал 313 стр. за два дня и один вечер, — темпы!.. В «Радуге» протестуют против моего названия «Злая любовь», требуют чего-то помягче.

За окном мглисто, снежно, –3.

27 декабря

В «Радуге» битва за заголовок. «Злая любовь» отвергнута. Я предложил другие: «Вера и Любовь в отсутствии Надежды» (среди героинь нет Надежды) и «Вера, Матильда, Любовь» (Матильда — это Кшесинская). И, наконец, утвердили: «Вера, Надежда, Любовь», — спокойно и красиво, главное: обнадеживает…

С Ще были в Доме архитектора на открытии выставки Нодара Мануйлова. Было много знакомых. Дал какому-то каналу интервью по поводу выставленных картин. Когда шли на выставку, какая-то всполошенная женщина остановила меня: «Это Гранатный переулок, а куда он идет дальше?». Я ответил в своей манере: «А дальше Пулеметная улица». Женщина оценила шутку и рассмеялась.

А на следующий день — Дом ученых (разразилась светская жизнь). Сбор газеты «Москвичка». Познакомился там с артисткой Натальей Арин-

басаровой.

Перед окончанием года — закрытие долгов. На р/с «Надежда» откинули около двух миллионов деревянных (по курсу долларов 300). Купили пылесос «Паносоник», сковородку «Тифаль», чайник со свистком, коврик, — где-то миллион с хвостиком.

31 декабря

В понедельник 29-го записывался на радио. Оператор Неля: «До чего аппетитно вы сегодня читаете!..». А до меня записывался Потапов, политический обозреватель, долго сидевший корром в Париже, — ну, до чего неаппетитно: жалкие, истрепанные слова-стереотипы. Реликт социалистического пропагандизма, рупор партии. Так и остались все эти потаповы в своем славном прошлом, а мы с Горкиным — соловьи нынешней свободы и раскованности, руладим вовсю!..

За один вечер проглотил книгу Владимира Книппера «Пора галлюцинаций» — меня интересует его сестра, Ольга Книппер. Любимица Гитлера и Сталина. Она же, Ольга Чехова.

Год финиширует. «Независимая газета»: «1997-й настолько плох, что этим и хорош». Валерия Новодворская: «Для России год прошел абсолютно бесполезно и недостойно...». Эдуард Лимонов:

«Россия прожила год фигово! Хотя власть старается делать вид, что все отлично…». (ВМ). Что ж, у каждого свое восприятие и своя оценка. Если не говорить о России, а только о себе, то год был достаточно продуктивным, хотя и не вышло ни одной книги, но была куча контактов. Шли газетные рубрики, публикации в журналах, записи на радио, выступления по ТВ. Если цифры, то публикации в 95 номерах газет, в 11 журналах, около 60 выступлений по радио. Сделан задел на 1998 год. Ну, и заключу шокирующей строчкой Вознесенского из книги «Казино «Россия»:

Друг мой, товарищ, читающий брат!
Заполни на себя компромат.

Небольшое раздумье, спустя годы:

Делая эту дневниковую книгу, хронику прожитых лет, я все время испытываю сомнение; правильно ли я поступаю, выбрасывая в свет некий компромат на самого себя и совершая некий душевный стриптиз… Но тут же утешаю себя: может быть, кому-то это будет интересно и поучительно, кто-то намотает себе на ус: вот это хорошо, а это откровенно плохо. Но – нам не дано предугадать, как наше

слово отзовется. Тем более, слово мемуарное, воспоминательное… (19 июня 2011)

1998 – 65/66 лет

6 января

Новый год (год Тигра) отмечали у Людочки на Первомайской. Пили шампанское и коньяк «Мартелль». Тосты, разговоры, байки, истории. Некий член астрологического общества прогнозировал: «Наверное, больше всех в наступающем году должно повезти Рыбам. Они полны замыслов и, что самое главное, чувствуют в себе силы реализовать их…». Что ж, я — Рыба и полон замыслов. Осталось за малым.

2 января — первый шаг (взмах плавниками и хвостом?). Китайский ресторан «Панда» на Тверском бульваре, разговор и, исключительно для печати, о проблемах журналистики. Я представлял старую, Дима Быков молодую новую. В присутствии жен — Ще и Ира Лукьянова, она тоже пишущая. Вино не пили, пили воду и ели мясо по-сычуански, ну, и прочее. Дима все записал на диктофон. Подарил мне книгу стихов (он начинал как поэт). Вот его строки:

А все-таки – выпьем за вечер,
родной, городской, на Тверской,

Который, по счастью, не вечен,
поскольку настанет другой…

Ремарка спустя годы. И настал другой. И наши пути с Быковым разошлись: он прямиком шагнул в классики и стал, пожалуй, лучшим современным прозаиком и публицистом. Ну, а я – в силу разных причин, – съехал со своего пика популярности (даже Хазанов относился ко мне «с пиететом», как он выразился). Книг выпустил много, но национальной премии не удостоился. За Димой так и не угнался. Он – молодой и прыткий, несмотря на избыточный вес, а я старый-старый… (29 июня, 2011)

4 января в «Вечерней Москве» вышла первая публикация — новая рубрика — «Частный взгляд в контексте истории» и подзаголовок — «Листая дневники и письма». Стрижев сказал: «Интересно, раскованно, свободно».

Вышел справочник «На пороге XX века». Впервые попал в писатели.

Первая книга года: Константин Сомов «Письма. Дневники. Суждения современников». Жаль:

дневники кастрированные… Новое знакомство: мой ровесник — Леонид Гуревич, сценарист, критик, преподаватель ВГИКа. Очень удивился, узнав, что я делаю и в каких объемах…

11 января

6-го вышла «Москвичка» с моей рубрикой «Лабиринты чувств. Третья запущенная рубрика. Дочитал том дневников и писем Сомова. «О Сомов-чародей! — как восклицал Вячеслав Иванов. — И граций больше нет, нет милого разврата… Играет в куклы жизнь…».

Как интересно читать чужие дневники и письма и находить совпадения со своими мыслями и чувствами. Проводить параллели и видеть разницу. «В этом году мне стукнет 60, — писал Сомов сестре, — а мне кажется, что я и не жил, так пролетело время, так мало им воспользовался. Может быть, это кажется. Если бы можно было начать жизнь снова, я бы лучше ею воспользовался, больше бы работал, большему бы научился. А теперь я только знаю, что ничего не знаю…». (1 сентября 1929).

«А мне на днях, старик, увы, стукнет 61. Возмутительно скоро бежит время. Ведь того и гляди, будет и 70! Не могу помириться со старостью. И все мои мысли и чувства не старческие. Не запас-

ся до сих пор никакой философией и, пуще того, религией, чтобы мудро переносить эти годы…» (21 ноября 1930).

«Все эти дни я без устали работал… А работаешь, и вдруг все мысли сосредоточиваются на ней — легче…» (3 апреля 1932). Таких записей в дневнике Константина Андреевича Сомова много. Работа, как палочка-выручалочка от бремени возраста и от гнета времени. Я поступаю так же, оглушая себя работой. Очнулся — и остается только вздыхать вместе с Георгием Адамовичем:

Пора печали, юность – вечный бред…

Ну, а Сомов вместе с уже написанными Репиным, Левитаном, Крамским и Серовым, надеюсь, когда-нибудь составят книжечку.

18 января

Печатал про Сомова и про Голландию. По приглашению Хазанова были в театре эстрады на «Летучей мыши» (Хазанов в роли Иоганна Штрауса) с концертными номерами. Пародист Жигалкин пел под Зыкину, Войнаровский — под Лучано Паваротти. Угощали шампанским. А потом был банкет, но мы с Ще ушли — не захотели быть рядом с Коржаковым, Язовым и прочими «деятелями». Подарил свою книгу Злате, жене

Хазанова, она: «А мы ее купили и прочитали с удовольствием». Мне осталось только сказать: «А теперь будет с автографом».

Вышло двойное интервью с Быковым — «Счет? Пожалуйста». В преамбуле Дима написал: «Вальяжный, жирный Быков и высохший Безелянский… Известный матершинник Быков и, покрытый архивной пылью, Безелянский, сделавший своей профессией перелопачивание чужого постельного белья столетней несвежести…». И что обижаться? Я бы, конечно, что-то поправил, но Дима не показал мне предварительно интервью: писал сам. Ну, а далее все по серьезу. Вот маленький кусочек:

Ю.Б. — …Пишу, как вы знаете, заметки о великих страстях, великих заблуждениях и разных исторических курьезах. Но и такая ниша перестает спасать! Вообразите, недавно приношу в один журнал заметку, а меня спрашивают, кто такая Комиссаржевская?!

Д.Б. — По идее, мне полагается воскликнуть: «Да что вы! Быть не может». Но я отвечу: эк, чем вздумали удивить! Мне недавно один такой же мальчик говорит: «Напишите нам, пожалуйста, о Некрасове. Но только ни слова о стихах! Главное, акцент: на охоте, картах и отношениях с

Панаевой.

Ю.Б. — Написали?

Д.Б. — Выкрутился… Нам со всех сторон говорят, что мерзость и желтизна как раз востребованы читателем…

Ю.Б. — Клевета! Не верьте!.. Наглые элитные мальчики полагают, что читателя в эпоху рынка надо закармливать светской хроникой, эротикой, хамским тоном, идиотскими интимностями, кровью, грязью… Не поддавайтесь, Дима! Читатель у нас самый умный, самый честный, на наш век хватит! Мы не имеем права его бросать…

Но хватит цитировать. Интервью получилось большое. И в этот же день, 15 января, когда оно вышло, напечатаны — в «Вечерней Москве» моя полоса «Жизнь и смерть кумира» о Джанни Версаче, и в «Москвичке» — «Лабиринты чувств». Ще сказала: «Бенефис!..».

5 января

Издательские войны. Забрал рукописи из «Континент-пресс». Мироненко: «Я надеюсь, что мы когда-нибудь встретимся еще». «Никогда!» — ответил я. Nevermore, как ворон. Так же попрощался с «Присцельсом». Только вот с Песковой никак: «Потерпите еще немного…». Но расстраиваться некогда: я погрузился в новые

персоны и, соответственно, в поиски материалов — Шаляпин, Бертольт Брехт. В «Рипол-классике» редактор Гера попросила вставить в «Лабиринт чувств» несколько строчек ее подруги Вероники Долиной:

И не всегда ж я буду молодой –

С горящим взором, с поступью победной…

Звонок из журнала «Рейс», просят Фаину Раневскую. Тут же начал начитывать досье.

«Я родилась недоношенной и ухожу из жизни недопоказанной и недоявленной. Я недоеб…, милый мой! И в этом творческом смысле тоже», — сказала Фаина Георгиевна Андрею Зоркому, не стесняясь ненормативной лексики.

1 февраля

Когда-то тщательно следил, как пребывает время, сколько минут прибавилось к светлому дню, а сейчас некогда за этим следить. Уже февраль грянул — январь пролетел. Время спрессовано. «Дни летят, как экспресс», как написал Сомов.

На Татьянин день к Татьяне Лариной за Сокольнический вал. Обратно возвращались с Асей. Лебель сострила: «Бальзак и леди Винтер, она же Миледи…». В обществе «Мемориал» оформлял

членский билет. Наслушался рассказов о том, как «жертвы репрессий» просят бесплатные макароны, билеты в театр и т.д. Между жертвами идут споры, кто больше пострадал. Непонимание, распри. Никто никак не успокоится.

Отдыхал душой на «Севильском цирюльнике» — генеральная репетиция для журналистов в Геликон-опере. Дирижировал итальянец Энрике Маццола. Пели по-итальянски, и все было замечательно. Только вот духота… В «Вечорке» выходят дневники, в «Сударушке» — Энгр, напечатал материал об Ольге Чеховой.

8 февраля

Читаю риполовский макет «Капризы любви» (девичье название — «Лабиринт чувств») — и ошибки, ошибки… Утешило вычитанное в «Минувшем» письмо Алданова Амфитеатрову (6 дек. 1927): «Нет ничего неприятнее и досаднее для автора, чем ошибки в языке. Сам Флобер, говорят, рвал на себе волосы, когда ему указали на 11 ошибок в «Madame Bovary» — увы, это, кажется, общая участь писателей: всего не заметишь, а при чтении корректур тупеешь и ничего вообще больше не видишь…».

Вышла февральская «Работница», там моя Луна, текст на черной подложке, в диске Луны

— женщина кисти Альфонса Мухи. Разворот выглядит красиво. Когда-то лазил по поэтическим книгам и собирал лунные метафоры, и вот первое явление в свет: «Медовая Луна», «Луна как женщина», «Царица Савская — Луна»… «Луна восходит на ночное небо, и, светлая, покоится влюбленно…». (Николай Гумилев). Но и строки из «Евгения Онегина»: «Кругла, красна лицом она, как эта глупая луна на этом глупом небосклоне». Ну, и, конечно, Маяковский:

В небе вон луна такая молодая,
Что ее без спутников
и выпускать рискованно…

Короче, маленький филологический этюд.

Закончил печатать Сомова — 45 стр. На очереди — Максим Горький.

14 февраля

9-го записывался в Останкино в «Утре» у Ларисы Вербицкой, два выхода, говорил о Пушкине, Пастернаке и Брехте… В гардеробе неожиданная встреча с Игорем Г. Я пытался с ним пообщаться с милой улыбкой, а он, буквально опрометью, бросился от меня, лепеча: «Я спешу… я спешу…». Вот тебе и бывший друг! Оба писали стихи, клеи-

ли девочек и мечтали стать писателями. У меня получилось, у Игоря нет, поэтому и побежал от меня: на руках нет ни одного козыря! И это было для него невыносимо. Он подавал надежды, у него была карьера, а я так — ходил в младшеньких. На Радио он был мэтром, а я — начинающий автор… Ну, да ладно: все уже в прошлом! Хотел поговорить о минувших временах, а натолкнулся не только на нежелание, но и позорное бегство…

10-го, по приглашению Хазанова, ходили на антрепризу Михаила Козакова «Паола и львы» Альдо Де Бенедетти. Депутат парламента — Олег Басилашвили, молодая «птичка» — Амалия Мордвинова, молодой драматург, пьесы которого не ставят — Игорь Золотовицкий. Яркий, бурлескный спектакль. Амалия — в блеске. Хуже всех был Басилашвили, как пыльный мешок.

В фойе встретились с Быстрицкой, я ей представил Ше: «Она вас обожает с детства!». Сказал и тут же понял, что прозвучало это бестактно.

Записывался на Радио. В библиотеке мне сказали, что по книге «Любовь и судьба» разные редакции делают свои композиции.

12-го белая «Волга» отвезла меня в Останкино. Сначала записывали министра здравоохранения, Татьяну Дмитриеву, потом меня. Неприлично

молодой ведущий Андрей Малахов спрашивал меня про пятницу 13-го февраля, насколько она страшная. Я отвечал как профессор: ничего страшного, не надо бояться… Малахов после эфира признался, что очень рад, что ему подарили такую полезную книгу, как Рюрик.

Предложил Элине Быстрицкой вместе вести ТВ-программу. Она: «О, я давно хотела вести театральную гостиную, но я в конфликтах с начальством, договоритесь сами со Швыдким!..». А я-то думал, что пробьет программу она, а я, увы, не пушкарь. Идея сорвалась…

22 февраля

Запустилась рукопись в издательстве «Современник», с Фроловым обговорили финансовые вопросы, теперь — редактор Марина Михайловна сказала, что редактировала книги Распутина и Битова, теперь, мол, вы (гордитесь?). Затем сказала, что мою рукопись прочитала взахлеб — очень эмоционально, стильно, хорошо. Но при этом предложила отсечь тему 1932 года. Полным ходом идет книга в «Радуге», а вот с Луной Литвинец никак не определится.

Пригласила к себе в гости Люда Варламова, художница из «Каприза». Показала мне много своих работ: акварель, масло, монотипии, лако-

вые миниатюры. Многие ее вещи напоминают Сомова и Борисова-Мусатова: дамы, веера, маски… Какой-то светлый романтизм. От художницы — в редакцию журнала «Лица» — очень хочется, чтобы взяли интервью, но насторожила фамилия главного редактора: Григорий Нехорошев. Далее, на следующий день, были походы в «Вечерний клуб», «Вечернюю Москву», отдавал материалы, получал гонорары, — это уже рутина.

А вот 20-го было что-то новенькое: в Экспоцентре, в зале конгрессов, в рамках ярмарки-продажи «Свадьба-98» был круглый стол, на котором я выступил с докладом «Ретроспективный взгляд на отношения между мужчиной и женщиной», — крупный специалист! В качестве гонорара получил большой букет цветов.

Да, забыл написать про «Современник»: я, оказывается, попал в оплот правых литературных сил (Куняев и компания), но редактор меня успокоила: вас читают, любят, читает даже… жена Зюганова. Тут я чуть не упал в обморок. И еще один прикол. Ще рассказывала Манане о своих хозяйственных подвигах: как пришлось вызывать мастера, чинить кран, а в ответ услышала:

— Как жалко Юру.

— А почему Юру? Он ничего не делал.

— Ну, он такой нежный цветочек… Ему чужие люди в доме в тягость…

От упоминания «нежного цветочка» Ще озверела, а я смеялся от души. Любопытно, как порой нас воспринимают люди, и это восприятие ложное. Я — не нежный цветочек, а,скорее, колючий репейник. Злюсь и огрызаюсь…

На солнечной стороне за окном +8, во дворе лед-вода, но пахнет весной.

27 февраля

24-го по ТВ показывали юбилей Вячеслава Тихонова, 70 лет. От былого красавца ничего не осталось («У него в любой деревне две-три дуры точно есть!..» — как кто-то сказал), и совсем не сосредоточенный хладнокровный Штирлиц: все время умилялся чужим словам и вытирал слезы. Почти маразм…

Ну, а у меня свои маленькие достижения: допечатал материал про «Шакала» (террориста Карлоса) и умилялся разворотом «Сударушки» (тираж 40 тыс. экз.), а еще на первой полосе дали монтаж двух фотоснимков — молодые Ю.Б. и Ще, — Дина Дурбин и Кларк Гейбл из «Унесенные ветром». Очень забавно. Материал Изабеллы Вербовой называется «Дом для двоих» и, если говорить откровенно, получился какой-то сен-

тиментально-сюсюкающийся. С врезом: «Анну Львовну и Юрия Николаевича Безелянских знают миллионы — по их книгам, статьям, телепередачам. Сегодня они рассказывают о своей жизни». Рассказывают — и рассказывают. Но для меня ценна была подборка стихов из «лирической тетради» — впервые стихи в газете.

На остров Цитеру отплыть бы хотел,

Подальше отсюда, от всех этих дел.

Здесь зависть и подлость, измена и ложь.

От гнусности этой бросает так в дрожь.

Отплыть бы на остров, где милый Ватто

Искал утешенье когда-то давно…

У Ще был стресс: свои фотографии впервые увидела в прессе.

Вышла Елена Блаватская в «Космо», 18-я по счету персона в престижном гламурном журнале. Отдал Ольгу Чехову…

2 марта

Итак, 66 лет!.. И сколько осталось? Честно, даже не знаю, сколько бы я хотел прожить. Тут все

упирается в самочувствие. Пока молод душой и ясен головой, то все вполне терпимо, несмотря на цифры. Дальше обрываю и ставлю три точки…

Кое-что купили из одежды, и Ще придумала новые слова: транжирики, транжиризм. Нет, это просто смена гардероба. И не транжиры. Мы не вещисты.

8 марта

«Современник» смущает мое название «Поцелуй от Версаче», поэтому предложил другие, на выбор: «Над розовым морем», «Внезапный излом», «Под знаком золотого тельца»… 5-го в «Вечернем клубе» на первой полосе вышел материал о поцелуях. Многострадальный поцелуй, отвергнутый в журналах «Она», «Крестьянка» и отодвинутый в «Работнице». Журналистская доля: приходится лезть всюду. И вышла мартовская полоса с Максимом Горьким — «Буревестник, пойманный в сети». Когда-то в юности с увлечением читал «Жизнь Клима Самгина», но сама биография писателя не интересовала, и вот пробил час!..

В былые времена и очень давние раз в неделю или в месяц ходили в кинотеатры, а теперь кино дома. К вечеру устаешь и невольно смотришь фильмы чуть ли не каждый день. Попадаются

прекрасные: «Кабаре», «Арлетт» (толстая официантка Жозиан Баласко и, поставленный «на счетчик», Кристофер Ламбер) и, совсем старая (трофейное кино!) — «Девушка моей мечты».

«Фильм — не кусок жизни, а кусок пирога», — говорил Алфред Хичкок.

«Люди приходят в кино, чтобы разделить одну и ту же мечту». (Бернардо Бертолуччи).

И, пожалуй, можно вспомнись бесподобную Фуфу (Раневскую): «Четвертый раз смотрю этот фильм и должна вам сказать, что сегодня актеры играли как никогда».

15 марта

Записывался на Радио на Пятницкой. Кудрин: «Надоело писать… Прихожу домой и читаю Врангеля, Краснова…». Н-да, я тоже хочу читать мемуары белых генералов, но не могу себе позволить: тылы не обеспечены, надо писать и зарабатывать… В библиотеке взял книгу о Леонардо да Винчи: есть идея написать о Джоконде… Звонок с ТВ из программы «Кредо» (5 канал) — просят даты, связанные с религией. Очевидно, слух идет, что у меня собрано все и я все могу.

А что могу? Вот собрали денежки и собираемся в Париж. Кстати, тут в газетах был опрос, сколько нужно денег, чтобы прожить. Многие считают не

менее тысячи долларов на одного человека в месяц. Нас двое, — значит, две? Лучше всех ответил кто-то: «Жить нормально, в моем понимании, — это когда денег хватает на еду».

19 марта

16-го прихватило: насморк, озноб, ломота в костях. Но взял себя в руки и печатал про Вольтера (220 лет со дня смерти) для майской полосы. Позвонили с ТВ, попросили заменить какого-то думца в эфире. Отказался. Смерил температуру — 38,5. Ночью бредил и в бреду читал верстки двух своих книг. Утром пришлось пить всякие лекарства и сбивать температуру. О Париже не думалось. Главное — здоровье. Умер футболист-динамовец Геннадий Еврюжихин (он с 1944), когда-то мне нравился: быстробегущий, прорывной — и вот…

26 марта

Никак не могу поправиться окончательно. Распух нос и дергает. Выкинул номер Ельцин, отправив в отставку правительство во главе с Черномырдиным. И.О. назначен Кириенко. Все в шоке. СМИ гудят. Веселая страна Россия!..

Прочитал книгу Дживелегова «Леонардо да Винчи» (1969). Добротная, академическая, но

занудная и скучная до невероятия, с тысячью ненужных отвлекающих деталей. Так я писать не буду!..

Витенька получил «добро» на выезд в Германию. Тут его давно не печатают, и он забыт. А что будет там?.. Мы с Ще снова принялись обсуждать: уезжать или нет? Уезжать, чтобы сидеть на лавочке и читать книжки, как хочет Черняк, — мне не улыбается. Я заряжен на борьбу, хочу биться за успех.

30 марта

Вышел «Советский экран», там «Мой одноклассник Андрей Тарковский», материал задержали на 3 месяца.

«Ну, а кто из режиссеров, на твой взгляд, самый-самый?» — спросил я Андрея.

Он откинул голову и задумался:

«Параджанов… Иоселиани… Герман… И вот совсем молодой Саша Сокуров из документального кино. Он еще ничего не поставил, но запомни это имя: чертовски талантливый парень… Четыре режиссера на страну — не так-то плохо. В Италии есть два, во Франции один, два в Японии…».

5 апреля

Четыре книги в работе в издательствах — и ни

одна не выходит. Меня это не останавливает. Я весь в планах:

1. Сделать Джоконду как часть книги о художниках.

2. Написать книгу о национальных корнях российских знаменитостей.

3. Еще книгу под условным названием «Любовь королей, президентов и премьеров».

4. Дополнить и исправить Рюрика или сделать иной вариант «Россия. XX век».

Это книги. И кое-что по мелочи: расширить и дополнить исследование о поцелуях: написать историю краж и подделок картин; написать портреты еще двух серебристов: Волошина и Кузмина; составить кинокалендарь… Неплохо бы сделать большой исторический очерк о всех руководителях ВЧК-ФСБ, от Дзержинского (он уже есть) до нынешнего Ковалева. Еще привлекают персоны: Мадонна, Вуди Аллен, принцесса Диана (хорошо бы посоревноваться с английским биографом Мортоном).

Ремарка спустя годы, оглядываясь назад. Почти все задуманное написал и опубликовал: книги «Улыбка Джоконды», «За кулисами шедевров», «Огненный

век», «В садах любви», «Жизнь и гибель принцесс» и множество статей о волновавших тогда персонах… (6 июля 2011)

10 апреля

Сегодняшняя «Независимая газета» сообщила: «Массовые акции протеста против политики и курса властей прокатилась по всей стране. Екатеринбуржцы ходили под транспарантом: «Рабам не платили, но кормили. Мы не видим ни того, ни другого».

Грешно сказать, но мы с Ще летим в Париж 9 мая: все оформлено. Поездка заработана интенсивным интеллектуальным трудом… Записывался на радио и зашел во французскую редакцию, там мне сказали: «Французы — ксенофобы, Россия им до лампочки; глаза загораются только тогда, когда могут заработать на тебе, а так ты им совсем не нужен».

Выходят материалы: в «Капризе» — Голландия, в «Сударушке» — Тулуз-Лотрек, в «ВК» — Делакруа, в «Женщинах России» (издание под Лаховой) — полоса «Мужчина и женщина: так вместе или поврозь?», дневники и письма и еще что-то. А я, тем временем, начал печатать черновик о Джоконде…

Тут натолкнулся на любопытную фразу Льва

Новоженова: «Я устаю не от работы, а от неудач». А тут и мой ровесник Василий Белов печалился: «У меня сейчас сразу три книги в Москве не вышли…». У Белова! У советского классика! И стоит ли мне плакаться по своим поводам?..

15 апреля

Сюрпризирует погода. 13-го был жуткий снегопад. И не верилось, что будет когда-нибудь тепло, зелень, цветы и Париж. Пришлось идти на Балтийскую в редакцию «Рейса» — вышла Фаина Раневская с отличными фотоснимками, но, увы, гонорар не получил: ведомость не готова, и, значит, надо приходить опять и терять время. О, господи!..

Добил Джоконду (эта Мона Лиза меня затрахала) в черновике, теперь надо печатать беловик, а концовку придется писать после Лувра, где надеюсь встретиться с Джокондой…

18 апреля

За Раневскую полупил 180 долларов. Потом в банке менял рубли на франки. Обменял по курсу 1.02 более 1 млн. 600 тыс. на три 500-франковых билета с изображением Марии и Пьера Кюри. Интересно, что на них можно купить в Париже?.. А пока листаю огромный пудовый том Акима Во-

лынского о Джоконде, изданный до революции.

26 апреля

Борюсь с нездоровьем и параллельно делаю дела: пришла в голову идея, и тут же ее осуществил — написал об Эммануэле (Сильвии Кристель) — «Обнаженная № 1». А в России свои Эммануэли. Стал свидетелем, как в вагон метро ввалилась сумасшедшая, и сразу в крик: «Допрыгались, уроды?!». А далее начала рассказывать, что где в России происходит и, главное, что Курилы отдают японцам (интересно, а зачем ей лично нужны Курилы? Кусочек империи в кармане?..) Далее мат-перемат в адрес Америки. Никто не возражал и не отвечал. Все в вагоне сидели молча. Таких сумасшедших, сдвинутых, с поехавшей крышей сейчас в стране немало. Шизофрения разлита в воздухе. По ТВ показывали съезды КПРФ и ЛДПР — зюгановцев и жириновцев, — сплошная клиника. Никакого здравомыслия. Прямо по народной шутке:

Милая Маруся,
Ты меня не бойся,
Я тебя зарежу,
Ты не беспокойся!

Это из тома «Самиздат века», который я приобрел (190 тыс.). Анекдот: по улицам Гамбурга шел Штирлиц. Что-то выдавало в нем советского разведчика: то ли сосредоточенный взгляд, то ли волочившийся за ним парашют.

Строки из стихов Александра Кушнера: «Что страшней забитой двери, драпированной ковром? Кто за нею? Ангел Мери иль двурушник с топором?.. Отойду. Глаза прищурю. Эту дверь не отворю. — На другой литературе я воспитан, — говорю» (1964).

30 апреля

Завтра 1 мая — раньше было состояние предвкушения праздника. Несколько дней не ходить на работу. Пожить для себя. Куда-то сходить, с кем-то встретиться или посидеть дома — почитать, пописать. А теперь… Что будни, что праздники — все едино, одна перманентная работа. Сочинить, а потом гадать и ожидать: где выйдет, сколько заплатят?..

Записывался в Останкино в программе Ларисы Вербицкой. До записи она жаловалась, что ей надоело выступать в эфире, я сетовал, что приходится много работать. Редактор Галя Куренная доверительно сообщила, что не высыпается. Все жалуются. Все жалобщики!..

27-го завершил беловик Джоконды — 51,5 стр.

По ТВ показывали Париж ночью — речные трамваи по Сене, Елисейские поля в огнях… Ще, чуть ли не со слезами: «Неужели это все я увижу?!..».

Как изменилась жизнь! Лет 20–25 назад я работал на Радио и писал чудовищные вещи, типа радиооткрытка «Ленин в гостях у рабочих-путиловцев». А сейчас про Джоконду, Сильвию Кристель и Джеймса Бонда. И, кстати, первая попытка попасть в Париж была именно на Радио, весною 1979 года. И вот, скоро Париж! Оба чувствуем себя неважно. Ще даже меня попросила, чтобы я в дневнике обязательно записал, как у нее кружится голова. «Запиши, а то забудем!». Важная деталь. Туристы-пенсионеры-журналисты-колумнисты!..

8 мая

Какая-то хренотель: чих, насморк, из носа льет. Сопливыми в Париж!.. Лучшее лечение — работа. Достал свое старое исследование «Западный ветер в восточную сторону» и стал дополнять новыми собранными данными. И сразу стал лучше себя чувствовать!..

Разлил чай на скатерти. Ще:

— Витаешь в облаках?

— Нет, в гонорарах.

И еще про Ще. В четверг 7-го вышла на улицу, а, вернувшись, сказала: «Тепло, хорошо, парижно». Ездили к Речному вокзалу смотреть расписание автобусов до Шереметьево. У метро книжный развал. Лежит «Любовь и судьба». Спрашиваю, как продается? Лучше всех спрашивают мою книгу и «Курсив» Берберовой. Цена — 29 тыс. Повстречал Диму Быкова. Он:

— Вы будете на Онегинском балу в Геликоне?

— Нет, я буду в Париже.

— А нельзя ли поменяться: я поеду в Париж, а вы — на бал?..

— Нет, Дима, — говорю я.

> Ремарочка. Прошли годы. И вот, Дима Быков в фаворе. Везде выступает и везде ездит. А я, как поется в песенке, «один синдю на плинтуаре». Вышел в запас. В тираж. В круг забвения… Ни тени сожаления и горечи. Такова жизнь. Смена поколений… (7 июля 2011).

Перед поездкой приводили себя в порядок и, в частности, ноги. Париж требует хороших крепких ног.

Париж. 9–16 мая

Первый день. Пришлось вставать в 5.30. Аэробус ИЛ-86 взлетел в 10.40, полет длился 3 часа 30 минут. Высадились в аэропорту «Руасси-Шарль де Голль». Далее оказалось, что наша туристическая группа рассеяна по разным гостиницам и начался развоз: «Арена» на выход!.. Следующий отель «Акварель»… «Кто в Белере — выходите!..». Короче, на выход с вещами! Из советской тюрьмы да в Париж!..

Мы с Ще оказались в Парротеле на улице Пьера Семара (какой-то деятель французской компартии), в крохотном 29-м номере. Жить можно, получать удовольствие от комфорта — нет. Со стены мрачно выглядел пейзаж Ван Гога, в коридоре почему-то хихикала негритянка, скаля зубы.

В 20 часов по-московски началась обзорная экскурсия по Парижу. Бульвар барона Османа, улицы, площади — и ныряем в туннель. Гид кричит в микрофон: «Смотрите-смотрите, отсчитайте 13-й столбик и замрите от счастья — там погибла принцесса Диана!..». Ничего себе счастье — увидеть место гибели леди Ди… Далее Эйфелева башня, на ней горят цифры: 602. Это столько дней осталось до начала XXI века. Поражает обилие

зелени и каштанов, некоторые с гроздями малинового отлива. По программе — круиз по Сене на пароходе-пароме. Всего один час на нижней палубе. Сена переполнена плавающими судами, все они в огнях, а на небе отчетливо вырисовывается Луна. На набережных — масса народа: сидят, жуют, пьют, целуются. Каждый пароход встречают радостными криками, словно увидели знакомых. И во всей вечерней атмосфере ощущается праздник жизни. Избитая фраза: Париж — это праздник, который всегда с тобой.

10 мая. С утра индивидуальный проход до площади Франца Листа. Завтрак. И снова хождение, на этот раз, по улице маркиза де Лафайета. Ну, а потом в автобус и на кладбище Сент-Женевьев де Буа (примерно 30 км от города). По дороге гид Саша Браиловский иронично-саркастически (мой стиль) рассказывал об улицах и домах, мимо которых проезжали. Бастилия, директором которой предложил быть д'Артаньяну Людовик XIV, на что доблестный мушкетер ответил: «Не хочу быть первым тюремщиком, я остаюсь рядовым солдатом!». В Бастилию дважды заключался Вольтер. Сидел тут и маркиз де Сад, который, по словам гида, «эротическую сказку сделал былью». Когда народ штурмом взял Бастилию, в ней оказа-

лось всего лишь 7 узников, да не политических, а сумасшедших и фальшимонетчиков. Ну, а здание Новой оперы — это «бегемот в ванне» и т.д.

Но вот кладбище. Открытое, без наших излюбленных загородок и оград. Первая могила у входа — Владимир Максимов. Проходим дальше и все время вздрагиваешь: за каждым именем тянется история… Вика Оболенская… Общая могила Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус (оформлял надгробие Александр Бенуа)… Общая могила Шереметовых-Юсуповых. Здесь же покоятся останки Феликса Юсупова, губителя Григория Распутина… Княгиня Вера Кирилловна Мещерская, основательница Дома престарелых русских эмигрантов и этого кладбища (даты ее жизни: 2 февраля 1876 — 17 декабря 1949)… Могила моего любимого Бунина. Массивный крест. Цветочница с синими цветочками и одним красным. Тарелочка с монетками (на содержание и уход?). Еще будучи относительно молодым, Иван Алексеевич писал (июль 1918):

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,

И лазурь, и полуденный зной…

Срок настанет – господь сына блудного спросит:

«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

В Сент-Женевьев де Буа захоронено около 10 тысяч человек. Корниловцы… Руководители Белого движения. Благородные воины, сражавшиеся за Россию, за старую Россию, проигравшие красным и вынужденные покинуть родину и умереть на чужбине.

Но пусто в мире – кто спасет?
Но бога нет – кому карать? –

бунинские строки (июль 1916).

Наши современники. Виктор Некрасов. К доске прикреплен сталинградский осколок… Александр Галич. «Когда-нибудь дошлый историк возьмет и напишет про нас…». Мой одноклассник Андрей Тарковский. Немного претенциозное надгробие. Лавочка. Ставила Лариса, сама же рядом с Андреем и успокоилась. «Раньше был простой крест, — рассказывает Саша Браиловский, — и лежало зеркало. Теперь его нет». И еще раз Галич:

А что же я вспомню?
Усмешку
На гадком чиновном лице,
Мою неуклюжую спешку
И жалкую ярость в конце…

Со сложными чувствами покидали Сент-Женевьев де Буа.

В автобус — и обратно в Париж. Булонский лес. Богатель. Завтраки на траве по Моне, игра в футбол. Буржуа отдыхают. Хотя кто такие буржуа? Обычные горожане. А мы скользим дальше. Дефанс с удивительными башнями. Площадь Гюго. Снова Эйфелева башня — уже 601 день. Площадь Согласия (Place de la Concorde). Когда-то здесь стояла конная статуя Людовика XV, во время революции вместо нее поставили гильотину, а в 1836 году обрел постоянное место египетский обелиск из Луксорского храма высотою 23 м. По мысли тогдашней власти, обелиск не должен был никого «политически обидеть». Но вокруг него что-то постоянно происходит: так, в прошлом году, на обелиск натянули большой розовый презерватив в знак борьбы против СПИДа…

Нотр-Дам. Саша поет соловьем: это — каменная энциклопедия, витражи — это библия в картинках, готика — это целая философия и т.д. Никакой симметрии: Бог никогда не создает двух одинаковых экземпляров. Внутренний интерьер поражает, опять же статуи, капеллы, мозаика витражей. Но и фасад собора Парижской Богоматери, законченный в 1200 году, потрясает.

Созданный Виолле-ле-Люком ирреальный мир химер — демонов, смотрящих задумчиво и иронично на раскинувшийся внизу город…

Здесь слышала стоны и звяканье шпаги
Холодная ночь над угрюмою Сеной
Смотрела на подвиг любви и отваги.
И месяц, блестящий в раздробленной влаге,
Дрожал, негодуя, пред низкой изменой…
И слышались стоны, и звякали шпаги…
–

писал Валерий Брюсов («В старом Париже», авг. 1895).

Экскурсия продолжается. Площадь Пигаль, кабаре «Мулен Руж» с мельницей на фасаде. Тулуз-Лотрек здесь писал этюд с Жанны Авриль, лихо отплясывающий канкан. В 1896 году в «Мулен Руже» на бале Парижской школы искусств произошел скандал: одна из учениц полностью обнажилась во время танца. За нарушения нравственности ее арестовали и посадили в тюрьму, однако, студенты в Латинском квартале вышли на ее защиту с лозунгами: «Да здравствует эсте-

тическая нагота!».

Но это прошлое, а ныне «Фуникулер вознес нас вверх к громаде собора Сакре-Кер, воздвигнутого «во искупление грехов коммуны» (1873–1919). А рядом Монмартр. Тесный мир художников с мольбертами, тут же магазинчики, кафе. Все прекрасно, кроме одного: гид ходит стремительно, и мы все еле поспеваем за ним и бежим, как собачки: как бы не отстать, не потеряться! Это минус группового туризма…

Но длинный день на этом не закончился. Вечером в отель за нами приезжает наш дальний родственник Эдуард и везет в дом сына на улицу Мориса Береза (16-й округ Парижа). Квартира роскошная. У Миши свой бизнес, но, увы, не книжный, но, тем не менее, он во все глаза смотрит на дядю-интеллектуала. Зверь из другой клетки человеческого зоопарка…

11 мая. До экскурсии гуляли сами. Шумная улица Манжента, Страсбургский бульвар, Севастопольский… Недалеко от башни Сен-Жак зашли в кафе Сары Бернар (увы, не Бертийон, не Прокоп и не Флор) и оттянулись за пивом. С любопытством наблюдаем за окружающими. Парижане в кафе сидят часами. Можно даже сказать, что они живут на улице. За столиками они обсуждают все

жизненные проблемы.

А с экскурсией мы отправляемся в Лувр. Лувр — это бесконечные коридоры, залы, лестницы, галереи, знаменитые полотна, скульптуры, шедевры, так что рябит в глазах и быстро устаешь. Но у нас была одна цель: Джоконда. Мона Лиза висит в специальном зале под номером 503. Сначала я о ней писал, а вот теперь — натурэль. Действительно, загадочная, многосмысленная улыбка Джоконды…

После Лувра гуляли одни. Дошли до острова Сите. Посетили знаменитую часовню Сент-Шапель. Красоты, виды, исторические достопримечательности, — об этом надо писать книги, но, кажется, они все уже написаны и ничего нового прибавить невозможно.

Вечером гуляние по Елисейским полям. (Champs-Elysees). И странно думать, что до 1616 года здесь было болото, а потом Мария Медичи распорядилась проложить дорогу, ну, а теперь все здесь блестит и сияет, тысячные толпы гуляющих со всех стран мира. Разноязычная речь, смех, улыбки, упоение жизнью. Услада общества потребления: магазины, кафе, рестораны, театры…

12 мая. Утром проснулись — проблемы с животами и ногами. Но расслабляться и хандрить

нельзя. Париж диктует железное «Надо!». Надо идти, надо ехать, надо наслаждаться… Поездка в Версаль. И снова сбор всех по гостиницам. Автобус без кондиционера — то ли Майданек, то ли Дахау. Солнце шпарит вовсю. Температура не меньше 30 градусов. Все раскалено и все пышет, из за чего часовая прогулка по Версальскому парку была смазана. А затем дворец. Нас ведут на второй этаж в Большие королевские покои (Салон Изобилия, Салон Венеры, Салон Дианы и т.д.) и далее Покои Королевы, покои мадам де Ментенон, Покои Короля, покои и упокои. Все изысканно, красиво, но особый восторг вызывает спальня королевы, начинается давка: все хотят посмотреть на кровать королевы, где первые дамы Франции рожали детей в присутствии всего королевского двора. Лично меня потрясла Зеркальная галерея, где устраивались празднества, балы и маскарады.

Это было в белом зале
У гранитных колоннад…
Это было все в Версале
Двести лет тому назад!..

Можно согласится с Николаем Агнивцевым, но с поправкой: не 200, а уже 300 лет тому назад.

Вечером вновь прогулка. Одни, без гида. Дошли до Гранд Опера. Потом вышли на какую-то Фобур и забрели в еврейскую кофейню Зои-Зои. Кофе было плохое, кондитерские изделия тоже. Пришлось утешаться словами из справочника: «Если кофе ужасный, не огорчайтесь — такое случается во все времена. Еще Казанова высказывал недовольство парижским кофе. Главное: вдыхайте воздух Парижа и наблюдайте…».

Вернулись на своего Семара — улица длинная, как труба, и очень гулкая. Было жарко, липко и… противно. И мы оба отчаянно ругали Париж. Реприза Марии Мироновой: «Зачем ты меня привез на этот пароход?!..».

А ведь был Лувр. Был Версаль. Неблагодарные люди! Фу!..

13 мая. День свободный от экскурсий. На метро добрались до «Одеона» и ознакомились сразу с двумя бульварами: Сен-Жермен и Сен-Мишель. Дошли до Сорбонны, а вот и Люксембургский сад, воспетый Джо Дассеном. По песням я представлял его иначе. Справочник утверждает, что «даже такие известные страдальцы, как Бодлер и Верлен, находили здесь отдохновение». Мы, к сожалению, московские страдальцы, не нашли. Не впечатлил Люксембургский сад.

Что еще? Посетили Пантеон. Здесь покоится прах Вольтера и Руссо. Виктор Гюго и другие знаменитости. Сзади Пантеона богато украшенная церковь Сент-Этьенн-дю-Мон. Здесь захоронена святая Женевьева, спасшая Париж в 451 году от орд гуннов… Магазин русской книги. Продавец сказал, что был у них Рюрик и весь распродан. Пообедали в ресторане и вышли к набережной Сены в книжно-аль-бомно-открыточные развалы, где можно копаться часами. Снова Нотр-Дам, и даже доплелись до Центра Помпиду.

После сна-передыха снова к Сакре-Керу и на Монмартр. На одной из террас представление «Медеи». Далее бульвар Клиши. Площадь Пигаль. И от станции «Бланш» отправились к своей «Кодэ». И, разумеется, без ног.

14 мая. Весь день провели с Эдиком в Булонском лесу. А точнее, в Багателе — в замечательном парке, который вырос вокруг небольшого замка, возведенного графом Артуанским на пари с Марией Антуанеттой за 3 месяца. Багатель — в переводе безделица, пустячок, но какой замечательный, в одной из оранжерей благоухают 8 тысяч роз… Все окультурено, подстрижено, оформлено и радует глаз своей красотой. Далее обед у Эдика. В итоге получился сказочно-ше-

херезадный день. В Москве такое может только сниться!..

15 мая. Не избежали соблазна шопинга и поехали в Дефанс, попали в огромный торговый центр, где очень легко можно заблудиться. Кое-что прикупили. А к вечеру отправились на Елисейские поля прощаться с Парижем. Улица Риволи. Набережная Сены. Торговый центр Лез-Аль, какой-то парк и оригинальное скульптурное изображение гигантской головы и сложенная в пригоршню ладонь — творение скульптора Анри де Миллера. Готическая церковь Сент-Эсташ. Аллея Андре Бретона. Уличные мексиканские ансамбли. Монеты бросают в огромное сомбреро…

16 мая. Утром с вещами в автобус. Проехали мимо Эйфелевой башни, — и прощай, Париж! В аэропорту суета. Грузятся чиновники из Подмосковья, горы чемоданов, кажется, вывозят половину Франции. Смешной вопрос: откуда деньги?.. Вечером мы уже в Москве. Толпа встречающих.

— Откуда прилетели?

— Из Мадраса, — говорю я, почему-то раздраженный.

Но вот уже дома. Квартира цела, не обокрали

— и вздох облегчения. А далее покатилось московское житье.

19 мая

Первые дни — сплошная суета хозяйственная и творческая. И все время возвращение к Парижу, увиденному и прочувствованному, сочинил даже строчки:

Ты помнишь, Анюта, аллеи Парижчанины,
Каштаны, платаны – все в белом цвету…
И эту изысканно чуждую пищу,
Что млела и таяла быстро во рту…

В один из дней по ТВ показали французский фильм «Провинциалка», в главной роли Натали Бай. Показали парижские улочки, — боже, как все знакомо. Доведется ли увидеть тебя еще, замечательный Париж?..

24 мая

Писал о Париже, делал альбом о Париже — 5 пленок фотографий. И еще неожиданнее занятие: по просьбе Ше подрезал ее длинные волосы. Потом Ще пошла к своей парикмахерше. По странному совпадению: она только что прочита-

ла мою Блаватскую в «Космо» и говорит: «Пишет он явно лучше, чем стрижет». Кто бы спорил!..

31 мая

Ще посетовала Лиле, что вот вместо ремонта поехали в Париж. На что Лиля неожиданно сказала: «Надо ездить!.. А что ремонт? Сделала — и надо опять…». Сама Лиля так не может, но хотела бы жить именно так. Ну, а мы с Ще, наверное, безалаберные люди, не практичные. Ремонт — он подождет, а вот Париж надо непременно!.. Кажется, Достоевский говорил: «Надо любить жизнь больше, чем смысл жизни». «Сапоги лучше Шекспира», — утверждал Писарев. Нет, Париж лучше ремонта собственной квартиры.

Из кучи новостей можно выбрать: пришла верстка из «Современника» и все же название «Поцелуй от Версаче». «Радуга» испросила разрешение на тираж 3 тысяч вместо 5-ти: у них есть мелованная бумага именно на трехтысячный тираж. В «Сударушке» вышла публикация о Казанове. Написал о Фрэнке Синатре. Судя по ТВ, в стране идет рельсовая война. Прошел съезд журналистов, на котором отмечено, что журналистский цех — нищий, голодный, 60 процентов журналистов получают зарплату меньше 100 долларов. И еще — «непрофессионализм стал

практически профессией». Приехали…

5 июня

Жуткая проблема — экология. Комсомолка 1 июня выдала заголовок: «Из Москвы уже пора эвакуировать жителей». И это мы чувствуем по себе: зубы, десны, какие-то прыщики… А что внутри?.. Но, тем не менее, работа не останавливается. На неделе вышло 5 материалов, среди которых: «Париж — это нечто» в «Народной газете».

Разговоры с издательствами. «Стэлс» хотел переиздать Рюрика, но сейчас они, по выражению издательницы, «сидим в заднем проходе», то бишь нет денег. А «Караван» меня не хочет: видите ли, я не в их формате. И последнее: умер Эмиль Брагинский, 76 лет («Ирония судьбы», «Служебный роман», «Берегись автомобиля» и другие сценарии). Ездил с женой во Францию и Бельгию, вернулся, сошел с трапа самолета и отдал концы. «Свободу Юрию Деточкину!» А что Эмилю Брагинскому? Райская жизнь?..

13 июня

И все-таки ремонт. Ще загорелась, и я не могу ей перечить: надо, Федя, надо! Кухня, коридор, ванная, уборная — четыре ремонтных объекта. Бригада азербайджанцев, старший Исмаил. При

встрече с Ще: «Я по телефону думал: ты — девушка». И это только первый перл. Дом мгновенно превратился в ад, а мы — в положении беженцев или заложников в собственном доме. Стуки, запахи, незнакомые люди. Плюс жара, как в Версале, плюс тополиный пух, а еще надо работать, печатать. Испытание ремонтным адом.

В газете «Кумиры» (бывшее ЛГ-досье) вышел мой материал о Джеймсе Бонде. Главный редактор Горбунов ко мне явно благоволит, бывший ответственный секретарь «Литературки».

Любопытный был звонок от некоего Шполянского Михаила Аркадьевича, ему 86 лет, он родственник двух «серебристов» — Акима Волынского и Дона Аминадо. Часть архива Волынского погибла в годы войны: рукописи пошли «на топливо».

20 июня

Это Арсений Тарковский, папа, мог сказать: «После меня — хоть ремонт!». Я дал слабину, а теперь расхлебываю (хотя, конечно, я понимаю рвение Ще). Тут один из азербайджанцев — Видади (если не ошибаюсь) проник в мою комнату и схватил первую попавшуюся ему страницу. Как туземец из племени Бумбо-Юмбо стал крутить и вертеть страницу, а потом спросил меня: «Ты

пишешь?!». Писать — это не ремонт делать, это все равно что на Эльбрус лезть. Интересно, но страшно…

Кругом в доме раскирдаш и бардак. Я в тихой истерике, Ще — в громкой. А азербайджанцам хорошо: они немного работают, немного поют, немного отдыхают. И торопиться не хотят.

23 июня

Наконец-то выкатились. Тринадцать дней (10–22 июня) стихийного бедствия.

Я в кошмаре, я в досаде –
Надоел мне так Видади,
И до чертиков, до вил
Опостылел Исмаил.

Финансы. Ремонт стоил 11.200 по-новому, а старыми деньгами — 11 миллионов. Два финансовых удара: Париж и ремонт. Воистину, Сант-Ремонт.

28 июня

То донимал ремонт, теперь отвлекает, но и доставляет удовольствие чемпионат мира из Франции. И при ремонте, и при чемпионате пытаюсь спасти книгу: кардинально переделываю отдельные главы, дополняю, углубляю. Это — Карамзин, Байрон, Томас Манн. Сижу и долб-

лю на машинке, а во дворе свой долбеж — визг пил, целая лесопилка, после урагана расчищают завалы из упавших деревьев и отколовшихся ветвей. Уже идет разговор о каре небесной. Аналитики утверждают, что мы вновь пришли к ситуации 1991 года, страна в тупике и надо что-то революционно менять. В обвале экономика и финансы, идут забастовки, крик об импичменте президенту. Один Витенька радуется: он линяет из России.

6 июля

2-го вышла полоса в «ВК» «У самовара я и Чернышевский» с оригинальным фотомонтажем: Чернышевский, самовар и моя фотография в букве «Я». На полосе сплавлены юбиляры: Чернышевский и Петр Лещенко. И продолжаю модернизировать старые писания и создавать новые: Бернард Шоу, Гете, Фрейд, Аполлон Григорьев и др. Ба, а Казанова? Это под 150 машинописных страниц. Литературный экстримал!.. Творение на подножке уходящего поезда…

12 июля

Как автора или сочинителя меня бросает из стороны в сторону: Мадонна для книги, Татьяна Самойлова — для журнала. А Виталий Вульф,

наверное, пишет по одной «штучке» в год. А пока я барахтаюсь в литературном океане (если исходить из разнообразных имен), шахтеры с подачи оппозиции заваривают политическую кашу, и страна на пороге нового путча. Подозрительная гибель генерала Рохлина. Загнанное в угол правительство звереет и готово обобрать всех граждан налогами и задушить. Как написал Ал. Ципко в «Независимой»: «Раньше мы боялись, что к власти придут коммунисты, будет гражданская война. Сейчас борются за свой карман и свою семью. За приватную жизнь, приватное пространство...». И снова борьба, борьба, борьба — вечная российская стихия. С царем, с белыми, с кулаками, с немцами, с собственными чиновниками-бюрократами, с мафией, с коррупцией и т.д. Все время враг. И некогда расслабиться, отдохнуть. Как прав Блок: покой нам только снится!.. И вот сегодня мы снова все в борьбе. Глеб Горбовский в 1992 году писал (и это не было напечатано):

Что же будет потом?
По прошествии нового времени?
Славный будет дурдом.
Ни России, ни роду, ни племени.

И придут комиссары опять.
И начнут заниматься ошибками.
Те же, к свету способные звать.
Только форма – с другими нашивками.

Борису Ельцину пора уходить. Свою историческую разрушительную функцию он выполнил. Сейчас он — тормоз. Нужны радикальные реформы, нужны обновление и очищение от скверн прошлого. Кириенко — хороший мальчик, но ему, я думаю, эта миссия не по плечу. Что будет? Жгучий вопрос.

17 июля

Франция обыграла Бразилию, и на Шансэлизе, то бишь на Елисейские поля, вылилась восторженная людская волна. Люди ликовали, танцевали, кричали… «Праздник на чужой улице» — так я назвал свой комментарий.

В «Современнике» готовится вторая книжка, и я все время подношу новые главки: Борис Пастернак, Иоганн Штраус… С последним вышел небольшой национальный конфликт. В послесловии я написал, что «Летучую мышь» исполнили такие мастера, как Малер и фон Караян, и что недавно в Геликон-опере Бертман поставил бессмертную оперетту Штрауса. По этому поводу

Мария Михайловна пристально посмотрела на меня и спросила: «Вы чувствуете специфический подбор: Малер, Караян, Бертман?..». А почему не Сидоров, не Петров, не Морковкин с Редискиным? У меня удивленные глаза, а редактор продолжает: «А вас не смущает фраза «Наш Исаак Левитан»?». Н-да. Попал в логово русских националистов, где наш может быть только Шишкин, а Левитан — это уже не наш и совсем не важно, что он воспел именно русские пейзажи, русскую тоску, главное, он еврей — и этим сказано все!

И сразу вспоминается Исаак Бабель: «Я не выбирал себе национальность. Я еврей, жид. Временами мне кажется, что я могу понять все. Но одного я никогда не пойму — причину той черной подлости, которую так скучно зовут антисемитизмом».

25 июля

Златоуст Черномырдин выдал в народ сочетание «Задумки и хотелки». Можно продолжить новояз: выполнялки. 21 июля в 13.17 я держал в руках свою 4-ю книгу «Поцелуй от Версаче» (литературно-художественное издание. Гарнитура таймс, печать высокая, бумага офсетная, усл. печ. л. 21,84. Тираж 10 тыс. экз. Тверской полиграфкомбинат). Не могу сказать, что я в

восторге от издания, но эта книга выглядит лучше, чем «Любовь и судьба». Хотя обложка… Но искупает текст: Нуриев, Пресли, Джеймс Бонд, Тарковский, Бодлер — вторая часть «В стране поэзии» — Анненский, Бунин, Гумилев, Георгий Иванов, Игорь Северянин… Да, и Ольга Чехова: «хотелка» с ТВ не получилась. Внучка Вера Чехова категорически возражала против фильма о своей бабушке в образе шпионки Москвы. На ТВ не получилось, но вышло в книге и выйдет еще в «Космо». Листал свою книгу и удивлялся этому странному коктейлю массовой и художественной литературы, маскульта и элитности. Потряс Павел Копнин. Позвонил пьяненький и сказал: «Твою книгу прочитал… ты не думай… знаешь, что я тебе скажу… ты — очень умный… хотя я там многое не понял…».

30 июля

26-го возили, как кота, в Останкино. Запись у Вербицкой. Редактор бухтела про Ларису: деревянная, не умеет поддержать диалог, не способна импровизировать и т.д. Но это их дела. Я отбарабанил и уехал. Хотел показать «Поцелуй от Версаче» на камеру — нельзя: реклама, а за нее надо платить… Во дворе меня поймал Константин Андреевич и высказался по поводу увиденного

в «Добром утре»: «Видел!.. Во!.. А у Баха было 13 детей!.. О!..». Очень интересное мнение: «во!» и поднятый палец кверху, — угодил, значит, народу.

Черняк устроил прощание перед Германией — под кофейный ликер, чай и пряники (не густо!). Опять соблазнил, сватал, уговаривал отвалить тоже. Мы с Ще держимся стойко, как Брестская крепость. Тем более, что я востребован здесь под завязку. Пока востребован, а что будет потом, — один Бог знает!..

Погода. За окном +25, некий пасмур, марево, духота…

9 августа

31 июля отмечали 70-летие Иды Давыдовны в «Праге»,в так называемом большом кремлевском зале на массивных стульях-тронах, — с места не сдвинешь, только с помощью официантов. Людочка все прекрасно организовала, и стол был отменный. Я подготовил специально тост-поздравление со словами Роберта Бернса:

Забота иль радость заглянет в мой дом, –

Войдите! – скажу я, – авось, проживем!

А первого августа утром, пока Ще спала, я в

одних трусах уже писал строки на день рождения Ще:

Ничего не надо спрашивать,
Сколько лет и сколько сил?
Ни хулить, ни приукрашивать,
Что нам возраст подарил.
Жизнь есть жизнь. И не обманешь
Ни ее и ни себя.
Только словом можешь ранить
И спалить все без огня.
Ныне все не до речений,
Выступлений и т.д.
Все теперь в другом значеньи
В мире, в доме и везде.
Не скажу, что очень плохо,
Но иначе стало жить:
Меньше ахов, больше охов,
Но желание – любить!..
Все осталось. Только нежность
Вместо страсти к нам пришла.
И теперь живем с надеждой, –
Вот такие, брат, дела…

В ожидании удачи.
В ожидании побед.
Наша жизнь еще не кляча.
Нам еще не много лет!..

Все подбадриваем себя. Гладим по головке… 3 авг. записывался на Радио, читал свой календарь и сказал, что вот, 3 августа 1994 года, к горькому сожалению, ушли из жизни Евгений Симонов и Иннокентий Смоктуновский. А ведущий Павел Морозов радостно добавляет, обращаясь ко мне в прямом эфире: «А вот агентства сообщили, что сегодня умер Альфред Шнитке, запишите в свой календарь…». Н-да. И еще печальная новость: закончил свое существование журнал «Каприз».

Немного для улыбки. Внук Наташи Борис-младший заявил: «Их бин дойч» (я — немец). Наташа: «Ты немец?». Внук поправился: «Унд русиш аух» (и русский тоже).

В «Сударушке» вышла Ида Рубинштейн: «История картины и женщины». В «ВК» вышла Мадонна. Это культурологические писания, а что пишут другие? В стране забастовки, пикеты, акции протеста, короче., «прогрессирующий паралич России» (»Общая газета», 6 авг.). Даниил Дундурей в «Известиях» пишет о том, что созна-

тельно вдалбливается в умы россиян концепция катастрофизма. Большинство русских, отмечает немецкий еженедельник «Цайт», согласно опросам, потеряли доверие к президенту, правительству, парламенту и партиям, вместо этого большинство уповает на армию и церковь… Лично я не верю ни в армию, ни в церковь, только в образование, просвещение народа и в культуру. Только образованные и умные люди могут спасти Россию, вытащить ее за волосы из советского болота и из постсоветской грязи.

14 августа

Донимает Витенька с Германией. Главный аргумент отъезда: хочу умереть на чистых простынях. Нет, а я хочу печататься, я еще не насытился. Занимаюсь Сальвадором Дали, параллельно академиком Лысенко и Джорджем Гершвиным (обоим в сентябре по 100 лет). От сюрреализма — к биологии и генетике, а дальше музыка и джаз. Такие вот прыжки и литературные ужимки. В газете «Кумиры и антикумиры» перепечали кучу моих материалов: Казанова, Горький, Михаил Кольцов, Вивьен Ли, ББ, Софи Лорен и еще что-то.

На теплоходе в Тверь

14 августа в 17.35 теплоход «Георгий Димитров» (на нем плавали в сентябре 1996) отплыл от Речного вокзала. Компания из «ВК»: Феклушин с женой, Женя Некрасов с женой и мы с Ще. За ужином Феклу-шин достал «Беловежскую» и провозгласил тост: «За газету «Вечерний клуб» — за кормилицу и возилицу!..». Утром вышли на палубу: вода, леса-зеленя и никаких промышленных гигантов. Сонные деревушки по берегам, все в белом тумане. В 15 часов прибыли в Тверь (231 км по воде, 167 по ж.д.) и под дождичек отправились на экскурсию. Сохранилось много старины. Главная площадь изуродована гигантским памятником Калинина, на постаменте вложена брошюра «Октябрь и современность». Далее прошествовали по Советской улице (бывшая Миллионная, а до этого Екатерининская). Еще одна старая площадь, испорченная громадой Ленина, сколько же этих истуканов в кепке поставили по всей стране! Как говорил Маяковский (правда, не по поводу вождей):

Понастроили страшилищей,
сволочи, Микел Анжелычи.

В целом, Тверь — небольшой приятный провинциальный городочек. 16-го в воскресенье возвращались в Москву, плыли и шлюзовались. Трехчасовая стоянка в «Хвойном бору». Пришвартавались три парохода кряду, и сразу куча-мала, песни, шашлыки и даже лошади (гулял банк с «Феликса Дзержинского»). Не Багатель, вся трава в бутылках, банках, бумагах и пакетах. Где-то в 8 часов вечера начался долгий процесс причаливания.

Сплавали. Отдохнули. Вернулись…

20 августа

Газеты нагнетают ужасы: деньги обесцениваются, надо срочно куда-то их вкладывать. И мы аванс за «Причуды сердца» вложили в итальянскую стиральную машину «Канди» (3.480). Плюс купили чай и кофе. К нам в гости приезжали Сериковы. В Мехико ликвидирован корпункт Московского радио, и Алехандро не знает, что делать дальше, но осесть в Москве категорически не хочет.

По странному совпадению читал о Владимире Печорине (1807–1885), Фаусте и Дон Кихоте, который уехал из России в Дублин: «…А ведь кажется, ни в каком уголке земли я не мог бы жить спокойнее, независимее, чем здесь. Но ведь

это безвыходная жизнь. Что сегодня, то и завтра, жизнь без ума и без борьбы. Мне не с кем поменяться мыслями…».

Как это точно: «Не с кем поменяться мыслями»!

30 августа

Доллар неимоверно взмыл вверх, рубль, соответственно, упал. Дефолт. Кризис. И новая бездна. Можно только тихо радоваться, что проскочили в Париж, сделали ремонт и купили стиральную машину… Сохраняю привычный утренний ритуал: выношу мусор, покупаю газеты, режу, читаю, раскладываю по досье. Ну, разумеется, пью кофе, два бутербродика или творог. А потом уже работа за машинкой. Однообразно, скучно, неинтересно. А как другие? В одной из газет вычитал, как начинают день звезды на Западе:

Тина Тернер, еще не умывшись, читает тибетские молитвы.

Мартин Скорсезе каждое утро, едва открыв глаза, произносит крепкое матерное ругательство.

Аль Пачино бегает трусцой вокруг своего загородного дома вместе с тремя псами.

Мелани Гриффит терзает Антонио Бандерасса «предрассветным сексом», так как считает, что это благотворно влияет на цвет ее лица.

Шон Пенн выпивает банку пива и выкуривает две сигареты.

Джордж Клуни гоняет мяч во дворе своего дома в Голливуде…

Нет, я не Клуни, я другой, да и мяч гонять уже невмоготу. Другое дело — перекладывать бумажки с места на места. Поперекладывал и пошел на круглый стол в Университет Российской академии образования, где разговор шел, — только не надо падать в обморок! — о том, как готовить правительственных чиновников и какими качествами должен обладать будущий президент России. Выступали ректор академии, забавный Борис Михайлович Бим-Бад (ему бы клоуном быть со своим сладким голоском), академик Карлов, Бестужев-Лада и кто-то еще. Бим-Бад возносил идею просвещенного монарха, сладко и умиротворенно, ну, а я, когда очередь дошла до меня, бросился как в атаку — по коням! и с шашкой вперед. Говорил очень эмоционально и поразил всех. О чем? О наступившем времени «нового феодализма» — о новом сюзерене и послушных вассалах, о том, что никакой демократии в России, увы, не будет!..

На сегодняшний день мы имеем обвал рубля. «Обвал, совершенно преднамеренный, произво-

дит впечатление хорошо продуманной, четко спланированной акции…» (Известия, 28 авг.). Армия чиновников во главе с властью в который раз набивает свои карманы и втаптывает страну и народ в грязь и нищету. Утешаться Пастернаком?

Напрасно в годы хаоса
Искать конца благого…

Но ужас в тон, что в России хаос постоянный, перманентный. Порядок нам и не снился.

2 сентября

Вчера получил 10 авторских экземпляров «Веры, Надежды, Любви» с посвящением: «Любимому Щекастику посвящается…». Пока это лучшая моя книга в полиграфическом смысле. Тираж 3 тыс. экз. Замечательная плотная бумага в легкую желтизну. 5-я книга!..

31 августа на европейскую часть России напал «матерый циклон» с холодным осенним дождем. Все сразу: циклон, кризис, дядька Черномырдин. И как спасаться?.. Косноязычный, размахивающий руками Черномырдин и маразматический, мало чего понимающий Ельцин, — тягостная картина. И эти двое управляют страной?!..

1 сентября Витя улетел в Германию — для

спокойной жизни, для отдыха, для сидения на лавочке. А я в этот день бешено крутился по своим делам. «Вечорке» отдал очередную порцию дневников и писем, в Кумиры — Чаплина и что-то еще, Ветрову — «Парижские кафе», а уж потом поехал в «Радугу» на встречу с Верой, Надеждой и Любовью. Десять книг, тяжелые, еле дотащил до дома. Приехал, передохнул — и вновь в дорогу — в «Работницу», в «Огонек». И никакой лавочки, на которой можно было бы отдохнуть.

6 сентября

За считанные дни повалился рубль, а цены на импортные товары взлетели до небес. Английская помада, которую Ще покупала за 33 рубля, подскочила до 92, а на ВДНХ она же перевалила за 140. Это и есть гиперинфляция. Ученый народ бросился скупать продукты. Ще стояла в очереди за рисом и гречкой, но не только стояла, но и выступала с монологом: «Ну, что же, надо радоваться: во-первых, мы помолодели на 6 лет, вернулись в 1992 год, а, во-вторых, круг общения расширился — в очередях можно поговорить, а то совсем одичали без общения на Канарах…». Но не все поняли Ще.

2 сент. Записывался в Останкино, но не у Вербицкой, а у Кривцовой, тоже Ларисы. Милый,

спокойный разговор минут на 25. ну, а на следующий день поехали с Ще на Международную книжную ярмарку на ВДНХ (ВВЦ), павильон 57, линия Д, стенд 12 — «Радуга». Пришли, а там объявление «Презентация новой книги известного писателя и публициста Юрия Безелянского: «Вера. Надежда. Любовь». Приехало много знакомых, в том числе Бердичевские с цветами. Подписал более 60 книг (продавалась по 25 ре). Многие говорили, что давно меня знают, читают, вырезают и собирают мои публикации и т.д. Было очень трогательно. После «Радуги» прошелся по ярмарке и поговорил с другими издательствами. Общее уныние у всех: никаких перспектив в будущем. «Россия летит в пропасть» (Костанян).

4 сент. в каком-то банкетном зале на Малой Лубянке юбилей Татьяны Черторицкой. Пришло много ее знакомых из Администрации президента и из Совета безопасности. Меня и Женю Поплавскую (председателя движения «Мир каждой семье») Черторицкая определила в ведущие юбилея. Пришлось отдуваться в качестве тамады. Столы ломились, еще одна вариация «Пира во время чумы». Был там и академик Шмидт, который, как признался сам, меня читает.

— А вам-то зачем, Сигурд Оттович? — спро-

сил я.

— А мне интересно! — ответил он.

Особенно ему нравятся мои исторические колонки. Ну да понятно: академики так раскованно не пишут.

А пресса, тем временем, кипит. Одни только заголовки: «России больше нет, Россия сегодня горит синим пламенем. Вновь наступила эпоха возрождения упадка, Мидлл кончился, прощай, дольче вита!.. и т.д. Плач и стенания. С 1 авг. рубль обесценился в 3 раза. Кофе «Черная карта» стоило 45 ре, ныне 215, подсолнечное масло «Олейна» с 11 ре подскочило до 40 и т.д. «Мы снова уползаем из баров и кафе со своими задушевными беседами на кухни…», — плачет журналистка Яна Жиляева. Странная страна Россия — и правители ее, и народ, — какая-то во всех есть ущербность. И что впереди?

А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам,
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

Неужели прав был Сергей Есенин? В моей собранной антологии столько горьких стихов о России. Приведу хотя еще такие строки Георгия

Иванова:

Все мы герои и все мы изменники,
Всем, одинаково, верим словам.
Что ж, дорогие мои современники,
Весело вам?

13 сентября

У руля страны новое руководство: премьер — Примаков, главный по экономике — Маслюков, банкир — Геращенко. У власти старые партийные бонзы. Капитализм с коммунистическим лицом? Пресса перешла на сдвоенные номера, заморожены гонорары. Народ замер и со страхом смотрит на новые ценники.

— Что же это такое?! — недоумевала увиденная нами девочка.

— Привыкай, доченька, в России живешь, — мудро отвечала ей бабушка. Все ахают и почти ничего не покупают. Хит недели: соль и спички. В «Вечорке» сокращена моя рубрика «Дневники и письма» — не до истории! Черномырдин в истерике: «Никто не может объяснить, что же произошло? Что у нас, война? Катастрофа? Катаклизмы?..». Сергей Ветров определил так: «Полная дурь». Ну, а я отвлекался от всего этого и печатал материал об Александре Галиче. В итоге

накатал 19 стр. «Как живете, караси? — Хорошо живем, мерси!». И еще Галич:

А я стреляный! А я с опытом!

А враз понял – пропал пропадом!..

Александру Аркадьевичу было тяжелее, чем мне. Подумаешь, рубрику закрыли. Да, пропади она пропадом!.. Был на Народном радио с Валерой Горкиным, прямой эфир, 55 минут. Зашел на «Надежду»: авторских программ нет, звучит одна музыка.

Эдуард Тополь: «Ну, что мне Монте-Карло? Там скучно. Как можно сейчас уехать из России? Все равно как прервать интимный процесс!». Действительно, мы все в этом процессе. И сплошные стоны…

27 сентября

Кризис продолжается. Цены чуть отползли назад, но все еще кусаются и непонятно, что произошло в стране. Такое впечатление, что какая-то группа авантюристов провернула экономическую операцию и сильно обогатилась, ну, а народ, естественно, кинули в очередной раз.

Куда пропало мыло?

Кому оно мешало?

Его навалом было –
И вдруг его не стало.
Мне надо вымыть руки
И ноги тоже надо.
Верните мыло, суки!
Верните мыло, гады!

Вот в такой простенькой сатирической форме выразил Игорь Иртеньев отношение народа к власти и его финансовым манипуляциям. Конечно, можно бухтеть, кричать, размахивать руками (народ до революции и баррикад еще не созрел), но я выбираю другое: погружение в работу с головой. Закончил эссе-биографию Сальвадора Дали — 58 стр. И сделал новые заявки на книги: «Улыбка Джоконда» и «Луна над Парижем» (Луна плюс путешествия). Дергаюсь по поводу презентаций. В «Библио-Глобусе» меня встретили радостно: «Вы Незнанский?» Нет, говорю, не Фридрих Незнанский и живу не в Германии, а обретаюсь здесь, прошу любить и жаловать… В «Русской книге» мне сказали: надо затаиться и посмотреть, что будет. Новый шеф ЛГ Боднарук (из «Известий») восхитился моими книгами, но при этом добавил, что к сотрудничеству со мной — «мы пока не готовы». И еще обошел различные

редакции. Удочку и сеть закидывал, но рыбку так и не поймал… Плюнул и с увлечением принялся читать и писать о Венечке Ерофееве.

Как сказал мой ровесник, коммунист Ивашко, ныне покойный: «Будем держаться, пока морды хватит».

Посмотрел несколько хороших фильмов: «Лолита» Эдриана Лайна (Гумберт — Джереми Айронс, Лолита — Доминик Суэйн, мать — Мелани Гриффит), «Смерть и дева» Романа Полански. Жгучая тема: палачи и жертвы, насилие под музыку Шуберта (в главной роли Сигурни Уивер). Еще побывали на Пушкинском вечере. Читал стихи Михаил Козаков, что-то хорошо, что-то не очень, и сильно размахивал руками. Певицы не впечатлили, прекрасно пел лишь Зураб Соткилава…

Выступал в нашей библиотеке на Песчаной. Было 20 человек, не больше, один юноша-гуманитарий приехал даже из Хабаровска. Все получилось мило и по-домашнему. Был в ударе. Награда: аплодисменты и букет осенних астр.

30 сентября

Живем в кризисе. «Сознание людей возвращается к старым страхам, — пишет Даниил Гранин. — Кризис — он не только вовне, я ощущаю его как личный кризис…». Вся пресса в стенаньях,

грустях и слезах. И извечные русские вопросы. В «Письмах тетеньке» Салтыков-Щедрин писал: «Ах, тетенька, тетенька! Как это мы живем! И земли у нас довольно, и под землей неведомо что лежит, и леса у нас, а в лесах звери, и воды, а в водах рыбы — и все-таки нам нечего есть.»

Парадокс?!

А вот из рассказа «Остров любви» (о Третьяковском) Юрия Нагибина: «В России люди, как трава растут, без заботы, без солнца и тепла, а все равно вытягиваются из тощей почвы одним лишь упорством — жить, жить, жить вопреки всему…».

А теперь от общего к частному. К себе, родимому. Закончил Венедикта Ерофеева, в ЦДЛ договорился о вечере. Ну, а 29-го презентация моих книг в «Библио-Глобусе». Подписал не менее 100 книг. Товароведы сказали, что по рейтингу «Вера, Надежда, Любовь» входит в десятку самых раскупаемых книг. Первая книга, которую я подписал, была куплена педагогом балетной звезды — Николая Цискаридзе, «для любимого Николая». Подошел ко мне модный писатель Валентин Лавров и подарил свою книгу с надписью: «Талантливому и любимому Юрию Николаевичу. Валентин Лавров 29.09.98 на Лубянке». Все хорошо, но резануло слово «Лубянка». Пришли

бывшие коллеги по журналу «СПК» и смотрели на меня во все глаза. Они и не предполагали, что работали вместе с птицей такого полета! Фима Фишер долго смотрел, как я подписываю книги, и подвел итог: «Ты — победитель!». Нет, я не победитель, никакой не Александр Македонский, просто я частично реализовал себя, упорно шел к тому, к чему был предназначен Судьбою.

Пока я стоял «за прилавком», многие рассказывали о себе. Одна дама призналась, что она на распутье: старая любовь рухнула, она в ожидании новой… Другая требовала деталей отношений между Любовью Менделеевой и Евгением Ивановым: «Скажите, что у них было на самом деле?..». Я ответил цитатой из Владислава Ходасевича: «Если женщина приходит шуршать платьем и сиять очами — что ж? Я порой готов полюбоваться прельстительным и нежным микрокосмосом…».

Дама захлопала ресницами и, кажется, ничего не поняла: какой микрокосмос?..

4 октября

За «Библио-Глобусом» презентация в магазине «Москва» на Тверской. В 16–18 лет я дефилировал по улице Горького, изображая из себя стилягу, абсолютно не зная своего будущего. Легкомысленный, романтический юноша, увлеченный

поэзией, танцами и девочками. И вот, уже седой дядечка, глубокомысленный, ироничный и немного циничный, сочиняющий книги и любящий гонорары. Но все на той же главной улице Москвы…

В душе я, конечно, статистик: за час 45 минут подписал более 60 книг. И наговорили кучу приятных слов: «Это классическая русская литература», «0черк о Есенине — это шедевр» и прочее. Должны были приехать телевизионщики, не приехали — дождь, но и без них я остался довольным презентацией. Вышел из тени Иновещания, а из «СПК» — выскочил, как пробка из шампанского. С грохотом…

1 октября вышли сразу три материала: «Возвращение Галича» в «ВК», «Листая дневники и письма», перенесенные из «Вечорки» в «Московскую правду», и в «Вечерней Москве» интервью, которое провела Дарья Акимова со мной под игривым названием «Он любит женщин и архивы». В интервью отмечен энциклопедический склад ума и отсюда некий жанр литературы — человекография. Интервьюер отметил, что я «начал работать тогда, когда ничего не было». Что верно, то верно.

А для интервью в «Московской правде» при-

ходил ко мне писатель Владимир Приходько и определил меня как «писателя 90-х годов». Дотошно меня обо всем выпытывал, но что войдет в короткое интервью… Содержательным был разговор с мужиком, привезшим нам во двор липецкую картошку. Спрашиваю:

— Сухая картошка? А то хозяйка сказала, чтобы мокрую не приносил. Очень ругается.

На мою стилизацию под народ мужик спросил:

— А ты что — не спишь с ней?..

Вот, не картошка — главное в семье. Хотя, когда в стране кризис, без картошки туго. Как кто-то написал: «Еще один такой кризис, и мы останемся без евреев» (эмиграция увеличилась в 10 раз!). «Нью-Йорк таймс» определила русский капитализм как «олигархию воров». Воры и бандиты распоряжаются в стране.

11 октября

Никто не платит. Все заморожено. Живем на пенсию. Надежды еще не облетели, но трепещут, как осенние листочки, на ветру.

В телевизионной программе «Итоги» Киселева — шествие красных знамен, портреты Сталина, искаженные злобой физиономии, крики генерала Макашова и угрозы в адрес «жидов». И тут же юный бунтарь Витя Анпилов, не состоявшийся

журналист. Вечно потеющий, с блудливыми глазками Зюганов. Перевел на программу «Культура», там славист Жорж Нива беседует с сыном писателем — Дмитрием Набоковым об отце. Ведущий программы — Игорь Золотусский. Золотусский и Макашов — два лика России, одна часть интеллектуальная, живая, другая — дикая, невежественная, ксенофобская. И кто победит?..

От политики к быту. Ще прознала, что привезут тверскую сметану и встала в очередь, при этом стояла весьма нервно, на что ей сказали: «Что вы, дамочка, все дергаетесь, подумаешь час постоять в очереди, а что дома делать-то?..». Советские люди, совок, вся жизнь в очередях. Внутри гулкий вакуум…

Согласно «Книжному обозрению» первая пятерка бестселлеров в номинации «Иная литература»:

1. Расшифрованный Нострадамус.

2. Вера, Надежда, Любовь.

3. Дневник актрисы (Доронина), книга Юрия Никулина и мемуары главы штази Вольфа Маркуса…

В «Вечорке» вышли «200 женщин лорда Байрона». Именно о Байроне, еще в школе — в 17 лет! — была написана моя первая «литерату-

роведческая» работа (подарил возлюбленной, на тот момент студентке МГУ из «Дома на набережной». Копии, увы, не осталось…). Занимался Тургеневым, — какие люди!.. Ездили в Сокольники в гости к Сериковым. Алехандро — еще один прожектер! — выступил с идеей организовать кафе «Серебряный век» и крутить там мои книги, «продавать твой имидж», как выразился омексиканившийся Саша. Стихи и шампанское!..

Очередное футбольное разочарование: в рамках отборочного турнира на чемпионате Европы Россия проиграла Франции 2:3, причем в Лужниках. И по делу. Как выразился комментатор: «10 минут играют, а 10 минут стоят и заворачивают рыбу». Все у нас плохо: экономика финансы, банковское дело, футбол…

18 октября

Первая половина осени закончилась, покатилась вторая. Подверстаем строки забытого поэта Владимира Панаева (1792–1865) из его стихотворения «Осень»:

Мрачно октябрьское небо
Печален природы отцветшия вид;
Ни взору, ни слуху отрады:
Душа унывает, и сердце невольно гру-

стит…

А за осенью спешит зима. Наши прогнозисты-катастрофисты предрекают голод. И, вообще, что будет? Ныне все переходят на жизнь одним днем. Прожили — и слава Богу. Как написал в «Культуре» академик Артур Петровский, один из отцов отечественной психологии: «За свою жизнь, а прожито немало — мне скоро уже 75, я наблюдал несопоставимо более трудные периоды. Каждый раз мы сравниваем «сегодня» и «вчера». И выясняется, что вчера как раз было еще ничего, хотя мы тогда говорили, что хуже нельзя. Поэтому я достаточно философски отношусь к происходящему… Началась эпоха, которую мы сейчас доживаем, переживаем и переживем…».

Очень помогает работа. Творческая. С напряжением мозговых извилин. 12 окт. отвез в «Радугу» рукопись книги «Улыбка Джоконды». Записывался на радио (радиокомпания «Москва»). После записи ко мне подошел солист Большого театра Владимир Красов и сказал, что с удовольствием меня читает и в знак благодарности подарил кассету с записью песен и романсов (в том числе «Эльдорадо» на слова Брюсова)… «Вера, Надежда, Любовь» попала в рецензию Татьяны Блажновой «Дамское счастье»: «…Юрий Безелянский всегда

отлично умел собирать «читабельную» информацию, что еще раз доказал… Автор знает о своих героинях, даже описанных сто раз, прелестные подробности…».

Не вышел в «ВК» Париж, но напечатан Чарли Чаплин в «Кумирах». В «ВК» заметка «У Юрия Безелянского дуплет» по поводу вышедших книг. То есть жизнь продолжается, только вот… интересно: то, что сейчас испытываю, вычитал в дневнике Леонида Андреева (ноябрь 1918): «…Правильнее сказать: я не столько мучаюсь старостью своею, сколько всем телом и душою хочу молодости. Хочу ее неистово, до страсти детского каприза, когда требуют луну, до зависти ко всем молодым и краснощеким, до меланхолии. И нужна она не для пустяков. Конечно, хочу и Маргариты… Но не это центр моих желаний. Творчество — вот что…».

И маленькая разница: Леониду Андрееву, когда он это записывал, было 47 лет, а мне — 66, но жажда молодости одинакова, для творчества, для битвы с редакциями. Про Маргариту умолчу…

А если оторваться от собственной персоны, то что происходит в стране? В России три беды, считает МК: президент, рубль и сборная по футболу. «Независимая» опубликовала рейтинг ведущих

политиков России в сентябре: Примаков, Ельцин, Лужков, Валентин Юмашев и Татьяна Дьяченко, — это первая пятерка. На 6-м месте — Зюганов, на 32-м — Владимир Путин (кто тогда знал, как высоко взлетит данный товарищ-господин-чекист, наверное, никто не предполагал его взлета — 15 июля 2011).

И еще немного про политику. 16 окт. в «Известиях» Александр Бовин с горечью отметил, что «мы — народ, именуемый теперь электоратом и превращенный в объект «избирательных технологий». Какова наша роль? Мы зрители или актеры?..».

«Наше место в буфете», — говорил Шмага в пьесе Островского.

24 октября

По телевизору показали Ельцина: «Пока еще обстановка тяжелая, но сейчас начинаем немного выползать...». И Борис Николаевич показал руками, как мы тихонечко куда-то начинаем двигаться...

Бедная Россия! Ну, не везет ей на правителей. Слабовольный и очень домашний Николай II. Параноик Ленин. Кровавый палач Сталин. Реформатор-фантазер Хрущев. Гедонист-застойщик Брежнев. Крепкий перестройщик Андропов. Ды-

шащий на ладан Черненко. Шустрик Горбачев, уверенный, что «процесс пошел». Непоследовательный и рыкающий Ельцин, разрушитель по натуре…

Правители, конечно, задают тон, но вертят всей страной чиновники. В царской России в 1913 году насчитывалось 250 тысяч чиновников. Сегодня их счет пошел на миллионы. И каждый норовит урвать и украсть что-то для себя, а народу что-то обязательно запретить, скрутить, повязать и т.д. Вот так и живем. А еще «кроем НАТО», как пел Галич.

Вернусь к свом делам. Отвозил материал Горбунову в «Кумиры» и зашел в «Литературную Россию», благо рядом. Предложил замглавному Владимиру Огрызко свои материалы, он: «Не надо… неинтересно!..». И остался со своими литературными огрызками и объедками. Я для них чужак. Человек из другого лагеря.

В «Рейсе» напечатана Татьяна Самойлова, в «Москвичке» — Мирра Лохвицкая. «Розой бледной, чайной воплоти меня, поэт!» — и воплотил спустя почти 100 лет. А 23 октября в «ВК» — Венечка Ерофеев. «Душою надо полнеть, девки, а не телесами», — наставлял Веничка. «Мне с вами не о чем выпить». 24-го Ерофееву исполнилось бы 60

лет. Не дожил. И как хорошо, что я о нем написал. Может быть, там, на небесах, ему было приятно, что его не забыли…

Была презентация в Доме книги на Калпроспекте. Магнитная буря сдержала народ. Продали моих книг то ли 30, то 40 штук — сбился со счета. И вновь букеты похвал: в газетах читают только материалы, любят слушать меня по радио, счастливы видеть и т.д. Остается только надувать щеки, но этого я не делаю. Я скромный… В «Неделе» вспомнили ушедшего Эдика Церковера: «Неистовый талантливейший репортер советской печати». Эх, лучше сказали бы ему это при жизни. Нет, ушел, оплеванный…

1 ноября

Вознесенский идет в ногу со временем:

Кто упер надежд кристалл?

Жуткий Крайзис Супер Стар.

Ну, а я все по прошлому, по старине. Напечатал материал об Адаме Мицкевиче. Для новой газеты «Алфавит» — про Екатерину Дашкову. В газете нет рубрик, а есть буквы, поэтому свой материал я назвал так: «Дашкова — двойная звезда, дама, директор, динамо-машина, девятый вал, добро и зло, драма, депрессия…». Напечатал. Устал — и в

ванную смывать «потный вал вдохновения».

По ТВ показывали 100-летие МХАТа. Жуткое противостояние двух театров — Олега Ефремова и Татьяны Дорониной (медведь и медведица не ужились в одной берлоге):

Враги сожгли единство МХАТа,

Разбили всю его семью…

В театре Ефремова, по случаю юбилея, шла пьянка, а у Дорониной крепчал патриотизм, в основном выспренные речи.

6 ноября

Чистил досье. Выкидывал своих коллег журналистов: Лысенко, Доренко, Малашенко, Якубович… Последний в каком-то интервью признался: «На юморине в Одессе красивая женщина попросила расписаться на заднице, мог ли я отказать!..». И о таких героях писать? Мой круг общения иной: Гете, Мицкевич, Александр Сергеевич, Бальмонт, Северянин…

Побывали с Ще в Третьяковке. Школьные каникулы: там, тарарам. Румяная девочка не спрашивает, а кричит: «А где девочка с абрикосами?!..». Прелестно… Много картин вытащено из запасников: Лансере «Выход Елизаветы», Бакст «Нос», Добужинский «Вильно. Ночной мотив»

с красными отсветами. Бенуа «Пир во время чумы». Снова Бенуа «Купание маркизы». Сомов «Арлекин и дамы» и «Поэты» — поэт читает стихи даме, сидящей на траве, и оба они утопают в зелени, деревья до неба… Может, поэт читает Северянина:

Все девы издали прелестны,
И поэтичны, и милы –
Вблизи скучны, неинтересны,
И меркантильны, и пошлы…

Нет, наверное, что-то другое. Возможно, строки Михаила Кузмина;

И вольно я вздыхаю вновь,
По-детски вижу совершенство:
Быть может, это – не любовь,
Но так похоже на блаженство!

Замечательная выставка. Сомовские обложки, виньетки, книжная графика… «Душное Кащеево царство» Головина (1910) — узорчатое, затейливое, бисерное… Судейкин, Сапунов, Кустодиев… Какое богатство! И все было скрыто в запасниках? Висели советские шедевры Герасимова, Налбандяна, Шурпина и всякие «Допросы коммунистов»

Иогансона. Тьфу!..

Записывался в Останкино на день 7 ноября. До меня выступал Вячеслав Никонов. Я подошел к нему и подольстил:

— С удовольствием читаю вашу аналитику. А меня вы читаете?

— Я читаю все, — ответил внук Молотова.

Внук сталинского подвижника читает все, а я — говорю все, ну, и разошелся. После записи Фесуненко сделал шутливый втык Кривцовой: не надо подпадать под обаяние Безелянского и так уж откровенно купаться в его интеллекте…

Интеллект не интеллект, а знания переплавляю в тексты: подряд вышли дневники, колонка в «Москвичке», полоса в «ВК» «Жизнь и любовь Ивана Тургенева» и интервью в «Московской правде», с вынесенными моими словами в заголовок: «Я балансирую на грани…». В преддверии разговора Владимир Приходько написал:

«…Мы жаждем знаний, а довольствуемся полузнаниями: ловим осколки фактов, фактиков, особенно с душком, с клубничкой. И тут натыкаемся на Безелянского. То, что надо. Он, как мы, историк-любитель, психолог-любитель. Литературовед-любитель. Любитель поэзии. Он библиоман и коллекционер. Он всеяден…».

Ну, а далее мои ответы на вопросы. В том числе и о том, что будет дальше: «…мы живем на пороховой бочке. И на пороге экологических бедствий. Если человечество не договорится, не объединится, грянет катастрофа».

9 ноября

6-го выступал в «Мемориале» Северного округа. Собралось человек 200, а может и больше. Говорил об исторической памяти, о репрессиях, о Сталине и Дзержинском, о деле отца, немного о себе… Слушали хорошо. После меня выступал отец Георгий…

7 ноября утром проспали программу из Останкино, вернее, проспали мое выступление, а далее шли генерал Громов, Вячеслав Никонов, Юрий Любимов и Лев Лещенко (какая компания!). Не увидел себя, зато прочитал и закончил всю верстку из «Современника».

22 ноября

Кругом аномалии — в природе, в политике, в жизни… Вдарила ранняя зима, с утра сегодня минус 18, мерзну… Убита Галина Старовойтова (52 года, социолог, депутат, была советником президента по делам национальностей), активный критик власти. Один раз с ней разговаривал…

Ее расстреляли в подъезде ее дома в Петербурге. 20 ноября «Новая газета» вышла с заголовком «Передел власти. В черных подъездах России». «Независимая»: «Убийство Галины Старовойтовой потрясло Россию психологически и политически». Плакаты в Петербурге: «Стреляли в Старовойтову — попали в Россию!». Григорий Явлинский: «Невозможно это терпеть больше! Невозможно чувствовать себя бессильным перед наглеющей сволочью и продолжать жить, как будто все идет обычным путем…». Она презирала коммунистическую идеологию. Боролась и не сдавалась. Была опасна, поэтому и уничтожили…

Интересное кино получается. Революционеры и террористы боролись с царской властью, убивали министров и чиновников, а власть только оборонялась. Ныне до высоких людей не добраться, власть в безопасности, но зато сама превентивно убивает и убирает с дороги своих политических противников и оппонентов. Зачищает политическое пространство…

> Ремарка. Так зачистили, что никого и не осталось. Кого убили, кого убрали, кого отправили в маргиналы, – красота, властвуй спокойно. А список убитых после

Старовойтовой довольно внушительный: Анна Политковская, Юшенков, Юрий Щекочихин и скорбное и т.д. (17 июля 2011).

Это грязная политика. А еще есть социальная сфера. Быт. И… сошлюсь на маститого Даниила Гранина: «Посмотрите, как мы живем!

Туберкулез, венерическая заболевания, наркомания… посмотрите на наши деревни в Новгородчине, Псковщине, Карелии: гнилые заборы, избушки, бездорожье и та же грязь, что и сотни лет назад… О каком превосходстве нашей духовной жизни может идти речь, если мы не в состоянии иметь чистые сортиры?!..» (ЛГ, 18 ноября).

Ну, ладно, что кипеть — мы с Граниным одинаково смотрим на беды России. Переведем стрелки на себя. Тут как-то в какой-то редакции остановил меня старикан (а он, выяснилось, моложе меня — с 1937 года) и сказал, что начал читать мои публикации о дневниках и письмах знаменитых людей с возмущением, «а что он себе позволяет комментировать рядом с великими именами. А потом вчитался, и оказалось, что все уместно и прелестно, более того, на уровне тех, о ком вы пишите. И постепенно в вас влюбился…».

Да, не всякий подобное может услышать в свой адрес. На днях и Элина Быстрицкая в телефонном разговоре сказала (естественно, шутя): «Ну, вы такой умный!..». Умный, но почему-то небогатый. Вот ведь в чем парадокс жизни. Ум и деньги не ходят под ручку. Деньги любят наглых и пронырливых. А мне остается утешаться афоризмом от миллионера Владимира Брынцалова: «Лучше лезть в карман за словом, чем за деньгами». О, этих слов у меня «мульон»!..

И, кстати, упомянутый выше Виноградов пригласил меня в Томилино, где «дивные места», и при прощании сказал: «У меня сегодня счастливый день: я вас встретил». И это дорогого стоит…

Что еще? Продолжаю курсировать по редакциям: «Московские новости», журнал «Ах» и прочие. Брожу в садах обещаний и надежд. Неугомонный литературный пешеход. В паузах смотрю футбол. Наши опять сдули в Бразилии, и тут же появился анекдот. У Бышовца спрашивают, почему проиграли, он ответил: «Ну, мы начали, как обычно, спокойно с центра поля, а они как ломануться…».

29 ноября

Подписан договор в «Радуге» на книгу «Улыбка Джоконды». Вдогонку закончил два этюда: Гойя

и Матисс. А у «Веры, надежды…» — второй тирах, на этот раз 5 тыс. экз. И подписал более 30 книг в магазине «Молодая гвардия» на Полянке. Самое интересное, что тут, в снесенных ныне домах, начинался мой трудовой путь в районной конторе Мосхлебторга. От хлебобулочных изделий до Блаватской и Лили Брик, — этапы странной судьбы… В «Молодой Гвардии» «Веру, Надежду…» покупали для себя, для друзей, чтобы отослать в Берлин, какой-то маленькой девочке «на вырост» (на вычит) и т.д.

Встречался с Элиной Быстрицкой. Она боится возможных волнений, разборок, погромов и тут же утешает себя: «А мне сказали: ну что вы, Элина Авраамовна, боитесь: вас казаки защитят, они вас любят». Ну да, специально приедут с тихого Дона, чтобы защитить любимую артистку. Если начнется помолот, то им будет не до этого… Быстрицкой подарил «Поцелуй от Версаче», а она в ответ приглашение в театр Ермоловой на премьеру спектакля Зорина «Перекресток» («Варшавская велодия-98»). Пьеса на двоих: Быстрицкая и Владимир Андреев. Играли так себе…

Еще одна развлекаловка: в музее Маяковского встреча с редакцией книжного приложения в НГ «Экслибрис». Сотрудники хвалили себя и

вовсю курили фимиам. Эту благость разрушил Владимир Глоцер: «Да, что вы пишите?!» И далее: «Вы всего лишь ученики, цыплята, вы даже не представляете себе, что такое рецензия?». Далее Глоцер закатил глаза: «Рецензия на книгу — это сонет. А что у вас?!..».

6 декабря

После морозов оттепель, ноль градусов. Настроение отвратительное, как говорили в латиноамериканской редакции на Радио: «эстамос охуендес». На 10-е назначен «Творческий вечер Юрия Безелянского. Представление новых книг. Начало в 19 часов. Малый зал», — так напечатано в книжечке ЦДЛ. Первый серьезный творческий вечер.

Звонил даже Хазанову, как лучше построить вечер? Хазанов сказал, что ни в коем случае не надо волноваться, у вас все получится, что вообще «вы уникальный человек». И подсказал, как можно начать свое выступление: «Я не рассказываю анекдоты, не пою, не танцую, а пишу книги…». С выступлением я, конечно, справлюсь, а вот с явкой? И пришлось садиться на телефон и приглашать знакомых в ЦДЛ. Кто-то обещал придти «с радостью», «железно», «обязательно», а кто-то не может, болит голова, а одна «подруга» заявила:

не может придти, ибо «темно и холодно».

А, тем временем, в «ВК» вышел очередной календарь культуры и публикация «Мицкевич и Пушкин: дружба или легенда?». В журнале «Ресторанные новости» прекрасно лег мой материал «Ароматы парижских кафе» на 8 страницах и с красивыми иллюстрациями. Начало у меня такое:

«Нет, уж дудки! Никаких ресторанов! Только кафе! Посидеть в оттяжку. Поразмыслить. Помечтать. Погрезить. Атмосфера парижских кафе весьма к этому располагает. Заказать что-то легкое — «Шабли» или «Монтраше», а можно и «Сансер» из долины Луары. А, может быть, даже и не вина, а просто пива. И потягивать, потягивать до бесконечности, смотря, как исчезает белая пена…».

И еще пассаж: «…В «Де Маго» заходил Жан-Поль Сартр. «Закажет один бокал вина и целый день сидит, пишет, пишет!» — говорил хозяин кафе. И что писал? Свой роман «Тошнота»?..».

Сартр писал свои романы, а что пишу я? Всякую всячину. К примеру, в «Кумирах» вышло еще одно мое писание «Праздник св. Йоргена на экране и в жизни». О режиссере Якове Протазанове и об актерах, занятых в фильме: Кторов, Ильинский…

11 декабря

Вот и вечер в ЦДЛ прошел (господи, все проходит!..). Почти полный зал, человек 80, не меньше. Приглашенные и пришедшие сами по себе. Подрулил даже Андрей Вознесенский (в роли свадебного генерала?). Выглядел Андрей как Будда, важный и всезнающий. Сказал несколько слов о том, что в школе я был широко известен и что меня звали Безой, что очень выделялся, выглядел, как аристократ (?) и уже обладал сексуальным опытом (?!) — наверное, так ему казалось, он-то был тогда маленьким и незаметным заморышем. Зал загудел. Вознесенский величественно поднялся со стула и покинул ЦДЛ, и тут же появился Владимир Вишневский, второй модный поэт. Наговорил кучу любезностей в мой адрес и сказал, что его мама, когда была жива, собирала мои вырезки и говорила Володе, чтобы он учился писать, как Безелянский. «Мамы нет, а вырезки остались…» — заключил Вишневский.

Но Вишневский пошел другой дорогой, не мемуарной, исторической, а смехаческой, юмористической. И преуспел в коротких звонких строках: «Был отвергаем, но зато — какими!..», «И вновь я не замечен с Мавзолея!..», «Полжизни выживаешь, полжизни доживаешь…», «Она

сопротивлялась мило: «А почему такая срочность?..». Ну, и т.д.

Мой творческий вечер обернулся каким-то концертом (виноват: перестарался в приглашениях, и потом многие говорили: «А Безелянского было мало!..». Некогда звезда, Маргарита Суворова, спела «Голубку», четыре романса спел Надир Ширинский, еще был какой-то гитарист-виртуоз, Маргарита Сердцева читала Северянина… Все это длилось часа два и закончилось большими букетами. Все-таки, кое-что удалось рассказать и даже прочитать несколько своих стихотворений. Дома Ще подвела итог: артист!..

13 декабря

Вечер прошел, а потом были долгие отклики. Журналист Басков сказал, что в ЦДЛ редки такие вечера, где было много теплоты и сердечности, «а у вас это было».

На следующий день пошел в Горбачев-фонд на заседание «Клуба Раисы Максимовны». Тема: женщины в современной России. Говорили многие долго и нудно, с налетом академизма. Эту нудятину я немного взорвал своим эмоциональным выступлением и прочитал стихотворение Саши Черного к женскому съезду (декабрь 1908):

Не спорьте о мужских правах, –
Все объяснимо в двух словах:
Нет прав у нас,
Как и у вас…

Раиса Максимовна смотрела на меня большими распахнутыми глазами: а это кто такой?! Потом мы познакомились лично — с ней и ее прелестной дочерью Ириной Вирганской (маленький носик и очки), во время разговора подошел Михаил Сергеевич. «Святое семейство» Горбачевых. Тут же мне сказали, что в Горбачев-фонде недоумевают по поводу имени Ельцина в названии моей книги «От Рюрика до Ельцина». Понятно, почему нет Горбачева в названии?!..

20 декабря

Вечер в ЦДЛ означал подъем, душевный всплеск, а теперь — спуск, упадок. Все закономерно. И очень страдаю из-за темноты. Печатаю при электрическом свете, а это как-то раздавливает. И, вообще, хочется весны и куда-нибудь поехать: Париж, Лондон. Но цены вновь пустились вскачь, и поездка проблематична…

13 декабря исполнилось 8 лет со дня журналистского старта (и культурологического, прежняя советская журналистика не в счет)

13 декабря 1990, «Мегаполис-экспресс», первая календарная публикация «Дневник судеб». И судьба покатилась, как колесо. В среду 15-го в «Москве» на Тверской в рамках «Радуги» подписал примерно 25 своих книг. И опять россыпь комплиментов: легкое перо, талантливое письмо, страницы содержат добро и т.д.

Звонок из журнала «Women»: срочно нужна любовная история. Сел и тут же сочинил «лав стори» про Нину Петровскую, за которой приехал водитель из изд. «Бурда моден»… Сделан альбом со своими вырезками, и получилось наглядно — материлизованный труд. И вспомнил слова Алена (Эмиль Огюст Шартье, французский литературный критик и философ, 1868–1951): «Счастлив тот, кто видит в проделанной накануне работе следы своей воли».

18-го еще одна автограф-сессия, на этот раз в «Библио-Глобусе». Подписал около 40 книг. И опять море благодарственных слов, и по магазинному радиоузлу: «У нас сегодня замечательной писатель Юрий Безелянский…». Вот работал в радиокомитете, в «Могиле неизвестного солдата», никому был неведом, а теперь вырвался на простор публичности. Что скрывать: конечно, приятно. Пришла открытка из Вены, от Натальи,

подруги гида Светланы: «Очень часто вас вспоминаю и с огромным удовольствием читаю ваши книги…».

А что в стране? Как пишет экономист Андрей Илларионов: «Вот уже в течение восьми десятилетий страна не может вырваться из плена социалистического помешательства…».

Ремарочка. А потом из социалистического помешательства да в капиталистическое безумие… (18 июля 2011)

27 декабря

Только задружил с «Алфавитом», как все и кончилось. Какие-то временные, спорадические связи. Получил аванс за «Улыбку Джоконды» и отказался ехать в Питер вместе с «Радугой» (две ночи в поезде — бррр!..). Приезжал в гости Эдик с бутылкой французского «Клико» и коробкой конфет «История шоколада». Наш француз!.. Обещал организовать поездку в Париж.

23-го подписывал книги в «Доме книги» на Арбате, а 14-го отправился в Горбачев-фонд на встречу с экс-президентом СССР. Пока у Михаила Сергеевича шло совещание, «мозговая атака», мило болтал с дочерью Ириной. Рассказывала о себе, об отце, как он обещал домашним, что когда

выйдет в отставку, будет заниматься огородом и жарить картошку. Но не вышло: навалилась новые дела и проекты…

В 15.30 меня пригласили в кабинет Горбачева. Он встал и пошел мне навстречу, а я иду и думаю, с чего бы начать разговор с некогда первым лицом страны.

— Михаил Сергеевич, а вы знаете: мы с вами родились в один день, 2 марта.

— Да? — удивился Горбачев, — и вы тоже?!

Из этого можно было сделать вывод, что Михаил Сергеевич был уверен, что 2 марта родился он один на свете.

— Да, но в разные годы, — продолжил я, — вы в 1931 году, а я в 1932-м.

Мы проговорили с ним минут 30, и я успел задать ему много вопросов. Он подарил мне свою книгу «Размышления о прошлом и будущем» с такой надписью: «Юрию Николаевичу — от автора. Думаю, Вам, как ровеснику, будет интересным мое последнее творение…». А потом фото на память — щелкнул кто-то из охранников.

Из фонда помчался на Пятницкую и записал исторические события и факты 4 дней: 4, 7, 22 и 28 января. А следующий день был вообще сумасшедшим: гонорар за Шона Коннери в «Московской

торговле» на Мясницкой, далее журнал «Витрина», «Библио-Глобус», Сбербанк на Никитском бульваре — гонорар за «Алфавит» и домой, по дороге прикупив 2 кг сахара и две пачки стирального порошка «Ариэль» (наш вклад в хозяйство!). А суммарный полученный гонорар составил всего 677 рублей, а если переводит в доллары, то 32. Играю мизер…

31 декабря

Французский писатель Робер Мерль рассказывал, как он пишет: одну машинописную страничку в день, если две — то это уже достижение, ну, а если случается три, тогда на следующий день он лежит на диване и отдыхает. Потом запирает написанное в ящик стола на целый год и уже затем, как роман отлежался, перечитывает его и переписывает заново…

Что можно сказать по этому поводу? Живут же люди! И пишут не торопясь. Я так не могу. Я живу и пишу под прессом заработка, как рабочий в «Новых временах» Чарли Чаплина, на конвейере завинчивающий гайки. Одна, вторая, десятая, тысячная…

Цены бешеные, а тут еще перманентная починка зубов. Наша домашняя улыбка Джоконды. Кстати, книга готовится. Редактор Людмила Пет-

ровна отмечает, что все хорошо, только «много фривольностей». Это все отрыжка старого соц-редактирования. Татьяна Сергеевна выразила сожаление, что я не поехал в Питер: там меня очень ждали… Да, по моей просьбе из Петербурга привезли мне выпущенную там книгу «Странник нечаянный» о Николае Агнивцеве.

Солнце вдруг покрылось Флером!..
Как-то грустно!.. Как-то странно!.. –
Джим, пошлите за мотором
И сложите чемоданы!..
Положите сверку фраки,
Не забудьте также пледа;
Я поеду в Нагасаки,
В Нагасаки я поеду!..

Ну, и так далее. Сплошная куртуазщина. Насмешливая Фривольность. Но Агнивцев не был чужд и общественным проблемам:

Министры приходят,
Министры уходят,
А дело – стоит!

Мне Агнивцев попал в руки еще в студенческие годы. Очень нравился. Давно хочу написать о

нем, но вот руки никак не доходят.

Вчера засел за полосу для «ВК»: решили дать 10-летние отрезки XX века — история России, первый кусок 1901–1910 годы. Выступаю, как историк, даю оценки, кто-то наверняка взвоет от возмущения. Но мне самому интересно. И пришлось ворошить весь свой исторический архив: систематизировать и что-то выкидывать. Настроение непраздничное, сгибаюсь под тяжестью разнообразных работ. И жду новых книг. На сегодняшний день в работе аж 4 (в том числе у Песковой, но это вариант самый безнадежный). На этом и финиширует 1998 год, если мне можно дать желтую майку победителя, то она обязательно будет вся пропотевшая от напряжения и усталости.

Это был год дефолта, год трех премьер-министров, «год великого облома», как выразился Максим Соколов в «Известиях». Год, который унес такие замечательные имена, как Галина Уланова, Георгий Свиридов, Альфред Шнитке, Ролан Быков, Анатолий Рыбаков, Владимир Дудинцев… Фильм года, как отмечают «Известия» — «Сибирский цирюльник» Никиты Михалкова. Не уверен.

И еще одна цитатка вдогонку: «Мы живем

во время распоясавшихся посредственностей во власти. Мы живем во время поразительных посредственностей», — так в конце года сформулировал нашу жизнь старый писатель Эдлис.

Личные итоги года: вышли две книги — «Поцелуй от Версаче» и «Вера, Надежда, Любовь». Напечатано в различных газетах и журналах 150 материалов, да еще написанные и неопубликованные. 6 выступлений на ТВ в «В добром утре», плюс многочисленные выступления по радио и 8 презентаций в книжных магазинах. И творческий вечер в ЦДЛ. Бурная жизнь московского пенсионера.

> Резюме. Оглядываясь спустя годы назад, я могу только удивляться своему мужеству и трудолюбию: столько пахать, столько бегать… Сегодня так я бы не смог. Хотя и пашу, и бегаю, но уже в других объемах и при других скоростях… (19 июля 2011).

1999 – 66/67 лет

7 января

Когда-то казалось, что 2000-й год — это так далеко, а вот он и почти рядом. Время неумолимо летит, и мы неумолимо стареем. И ничего с этим не поделаешь.

31 декабря — телефонные разговоры, поздравления, пожелания. Кудрин в унынии: «Тебе легче, у тебя есть имя». А что делать с этим именем?.. Поехали в центр, на Манеж и Красную площадь. Жуткая стрельба из петард и сплошные фейерверки, аж уши лопаются, — мальчишки развлекаются. Прошлись, а праздника не чувствуется, хотя вроде бы огни реклам, украшения, елки. И все же не Запад. «Нет праздника в душе», — сказала Ще. В новогоднюю ночь по ТВ в основном кривлянье, Лолита и Саша Цекало — противно…

С утра 1-го — голова ясная и за работу, полоса для ВК — «Лица десятилетия» — Азеф, Гапон, Витте, Дягилев и Лев Толстой — начало XX века. 2-го продолжил работу, но и посмотрел два фильма по ТВ: «Пятый элемент» с Брюсом Уиллисом

и Милой Йолович (5-й элемент — это любовь), лента шикарная, но какая-то детско-наивная. И фильм с Вуди Алленом «Великая Афродита». 4-го ездил в Останкино и уже сам выступал по ТВ, но без куража, хотя говорил о Пушкине, об Истоминой, о Набокове. На следующее утро мои рассказики дали очень рано — в 6.45, мы с Ще, конечно, проспали…

5-го отнес в газету «Век» Далю Орлову напечатанную Истомину. Это странно или нет? Когда-то ей восхищался Пушкин: «Толпою нимф окружена, стоит Истомина; она, одной ногой касаясь пола, другою медленно кружит, и вдруг прыжок, и вдруг летит». И вот я вослед многим другим пишу о судьбе Истоминой, — все пьем из одного источника?..

А из «Века» с улицы Правды на Пятницкую, на Радио, запись программы. Мельтешение, суета, работа, и новый год продолжает предыдущие: жизнь в погоне за заработком. Купил томик Надсона и Фофанова (их совместили), и можно утешатся строками Фофанова:

Покуда я живу, вселенная сияет,

Умру – со мной умрет бестрепетно она;

Мой дух ее живит, живит и согревает,
И без него она ничтожна и темна.

Вчера по ТВ показывали похороны Анатолия Рыбакова. Пришли «Дети Арбата» — все страшно постаревшие, а на Вознесенского больно было смотреть: не человек, а мумия… Странно: я родился на Арбате у Грауэрмана, но ребенком Арбата себя не считаю. Скорее, я замоскворецкий.

14 января

Весь в новой книге «5-й пункт, или Коктейль Россия», реализации давней задумки о национальных корнях знаменитых людей страны. Начал печатать про архитекторов и скульпторов. Начало такое:

«Конечно, Россия может гордиться именами русских гениев — Василия Баженова, Матвея Казакова, Андрияна Захарова, но сколько великолепных иностранных мастеров строили и ваяли в разные времена во славу русского зодчества…».

Ну, а далее про Растрелли — старший и младший, — и мрачная шутка Берия:

— Лаврентий Павлович, кто из петербургских зодчих вам ближе всего по духу? Монферран, Кваренги?..

— Растрелли, — отвечает Берия.

Пришлось рыскать по книгам, вырезкам и записям и находить какие-то интересные детали и вкусности про Бове, Жилярди, Кавоса, Клодта и прочих иностранных пришельцев, ну, и проводить некоторые параллели с нашими. «Пусть русский стиль в архитектуре подобен розе в лопухах» (Петр Вегин).

8-го состоялся первый визит к Аркадию Вайнеру на предмет теле-сотрудничества. В доме в Астраханском переулке (за проспектом Мира) у него кабинет-музей: весь в книгах, картинах и развешанных карикатурах. Принимал меня Аркадий Александрович в халате и тюбетейке, как какой-то восточный бай.

— Ваши финансовые претензии? — спросил меня Вайнер.

— Тысяча долларов в месяц.

— Ну, это будет больше!..

11 янв. было продолжение переговоров в офисе Натальи Дарьяловой на Цветном бульваре. Дочь Вайнера инвестирует деньги в новый телевизионный «Дарьял-канал», а рулить им будет папа-писатель. Приглашена некая группа людей, в том числе известный Дмитрий Дибров. Я предложил вести на канале любовный календарь, и все заахали, как это здорово, нет, гениально!..

Итак, наметилось телевидение, но главное — книги: в «Радуге» во всю готовится «Улыбка Джоконды», а в «Современнике» идет другая. А еще возник журнал «Women» на Гончарной улице, — добираться туда неудобно. И в ВК запущена новая колонка «Россия. XX век». Попытки пробиться в «Московские новости» и «Огонек» (Лошак на предложенные мной материалы никак не гугукает). То есть я в полном закруте.

23 января

В еженедельнике «Век» (тираж 79.400 экз.) вышли «Вечно юные ножки» про Истомину. Начальству материал понравился, и мне предложили вести рубрику «Секреты от Безелянского». Секреты — так секреты и отнес им Николая Глазкова «Первый «сам-себя-издат».

Да здравствуют мои читатели,
Они умны и справедливы!
На словоблудье не растратили
Души прекрасные порывы.

Ремарочка. Эти строки Глазкова позднее я часто цитировал, выступая перед читателями (23 августа 2011).

Начались вайнеровские совещания, Как у нас все любят обсуждать — хлебом не корми, дай поговорить!.. Лишь Дибров из всей группы норовит проманкировать посиделки, мы должны были с ним что-то обсудить — не пришел. Я его укорил, он в ответ: «Ну, сделайте мне ауто-да-фе!». О, какие слова знает. Уважаю!..

А, тем временем, я в «Коктейле» занялся кино. Опять поднял досье, лазил по книгам и журналам. Сколько среди наших звезд людей с нерусскими корнями! К примеру, Елена Соловей, несравненная «Раба любви»: «Я всегда была еврейкой, и я всегда была русской». Анатолий Солоницын. Русский? Но его настоящее имя Отто. Выходит, из немцев… Отважная Любка из «Молодой гвардии» — Инна Макарова — уж наверняка чистокровная русачка. Ан нет, дед подкачал — Иоганн Арман, поляк, сосланный в Сибирь и переименованный в более понятного Ивана Германа. Ну, а режиссеры почти совсем нерусских кровей — Сергей Эйзенштейн, Фридрих Эрмлер, Михаил Роом, Рошаль, Трауберги и т.д. Даже у Сергея Герасимова мама была еврейка, что, естественно, всегда скрывалось. Короче, веселый национальный коктейль!..

Регулярно выходят мои публикации: в журнале

« Бьюти» — Ольга Чехова, в «Women» — Нина Петровская. Бедная, забытая поэтесса времен Серебряного века. Она отчаянно любила Валерия Брюсова, при этом легко переходила от любви к ненависти. Иногда в ярости ломала мебель, била предметы, бросая их «подобно ядрам баллисты», как сказано в романе Брюсова «Огненный Ангел» при описании подобной сцены. Она стала морфинисткой и сделала морфинистом Брюсова. Нина Петровская уехала в Париж и там окончила жизнь самоубийством. 23 февраля 1928 года, совсем немного не дожив до 49 лет. Ходасевич написал, что ее жизнь — «одна из самых тяжелых драм в нашей эмиграции… одинокая и забытая, — она не выдержала этой жизни, сложившейся для нее особо несчастно».

Мне всегда жалко аутсайдеров, неудачников. И всегда подозрительны удачники и счастливчики. Я ведь сам из аутсайдеров, бросившийся в погоню за лидерами — Вознесенским, Аксеновым и другими корифеями. Очень поздно стартовал и вряд ли догоню их. Но я отчаянно пытаюсь. Очень хочется примерить майку лидера «Тур де Франс».

30 января

Да, день стал прибавляться, раньше следил за минутами прибавки, а теперь некогда. Время

несется, как лавина с гор. Мои любимые строки Самуила Маршака:

Быстро дни недели пролетели,
Протекли меж пальцев, как вода,
Потому что есть среди недели
Хитрое колесико – Среда.
Понедельник, Вторник очень много
Нам сулят, – неделя молода.
А в четверг она уж у порога.
Поворотный день ее – Среда.
Есть колеса дня, колеса ночи.
Потому и годы так летят.
Помни же, что путь у нас короче
Тех путей, что намечает взгляд.

А что видится, намечается? Впереди весна, новые надежды. Париж. Не знаю, получится или нет. Эдик уже там катается на новом «Пежо-206». Ну, а я безлошадный…

Какие текущие новости? Читал гранки «Улыбки Джоконды»… Генерал Лебедь пообещал «хребты ломать»… В рецензии на «Веру, Надежду…» в «Космо» меня назвали «знатоком женских судеб», а в «Культе личностей» прокатили — не взяли

ни одного предложенного им материала… Бесполезные переговоры с издательствами «Стелс» и «Раритет» о переиздании Рюрика… Новые книги зависли. Как у следователей — «висяки», а тем временем отдал новую заявку в «Радугу»: «Луна над Парижем». Сумасшедший звонок Сергеева из Царицыно: «Вы не знаете, в какой пьесе Чехова висит на стене ружье?..». Для «Века» печатал про Дракулу, — нет, чтобы про какого-нибудь поэта, им Дракулу подавай. Вампирическая пресса пошла!.. Очевидно, дана установка: работать на отвлечение от сегодняшних проблем. В одной из газет социологический опрос о сегодняшней жизни:

«В августе в один момент у нас украли самое главное: желание жить и делать что-то дальше…». Какой-то работяга: «Сейчас я работаю исключительно на лекарства, хлеб и сигареты. На большее не хватает. Бардак полный. Хоть помирай…». Молодой литератор: «В душе все перевернулось… Ведь то, что происходит — это издевательство правительства над нами…». Отсюда и Дракула…

Крик писательницы Нины Садур: «Я не могу здесь больше жить. Я не могу все это видеть, как убивают Россию, как все схвачено этим новорусским быдлом, как попирается человек… Я пишу.

Я устала быть нищей…».

Да, народ поприжали до стона и хруста костей. Я выживаю за счет отчаянного кручения-верчения и старых наработок «в стол», и мне некогда кричать. Я вкалываю!..

7 февраля

31-го подбирал строки к шмуцтитулам «Улыбки Джоконды».

Зачем ты, художник, парил в эмпиреях,
К иным поколеньям взывал свой треножник?!
Все прах и тщета…

Это — переведенный на русский Микеланджело. А поэт дальнего Зарубежья Александр Биск:

Вот Русь моя: в углу, киотом,
Две полки в книгах – вот и Русь,
Склонясь к знакомым переплетам,
Я каждый день на них молюсь…

На днях возвращался из издательского похода, вышел на Соколе — никаких троллейбусов, толпа томится уже час, пошел пешком, около «Ленинграда» в парке повстречал благополучного какого-то пенсионера (очевидно, из МИДа)– шел

неспеша, дышал носом и явно получал удовольствие, — есть на Руси прикормленные люди!.. А я все бегаю по делам с тяжелой сумкой на плече (одни рукописи, батенька, одни рукописи). И подышать носом некогда…

Начал заниматься второй исторической полосой 1911–1916 годы, фигуры: Столыпин, Распутин, Блок, Станиславский… 3-го выступал в библиотеке им. Добролюбова. «Радуга» привезла книги и продавали «Веру, Надежду…». Одна читательница так и вилась около меня и изловчилась дважды поцеловать в плечо, — нашла себе кумира!.. Выступал я около полутора часов, и слушали очень внимательно. Одна читательница сказала, что, судя по книгам, я — человек добрый и письмо у меня мягкое. Не уверен. Порой ведь пишу едко и сатирически язвительно. И без всякой мягкости…

Интересный разговор на рынке, спрашиваю продавщицу:

— Хлеб мягкий?

— А вы потрогайте.

— Я хлеб не трогаю.

— А, только женщин! — радостно сказала молодая продавщица и обнажила рот, полный металлических зубов.

Что еще было на неделе? Что-то обещали напечатать, в том числе «Коктейль» в «Мосновостях» — не напечатали. Правда, в «Кумирах» вышел материал «Депутат думы в объятиях аферистки» о Марии Пуаро. Получил заказ на любовный треугольник Мэрилин Монро-Ив Монтан-Симона Синьоре. Анисим взял у меня интервью для своей книги о Майи Кристалинской — о годах моего стиляжничества… Чистил архивы и безжалостно выбрасывал политиков, к примеру, Майкла Дукасиса. Он проиграл президентские выборы в США и кому он теперь интересен? И — на свалку истории!..

14 февраля

Радио, газеты, журналы — все продолжает вертеться и клубится. В паузах бросаюсь к книге «Коктейль «Россия» и распутываю национальные корни знаменитых людей. Приступил к литературе, печатаю главку «До, во время и после Пушкина».

Тредиаковский учился в школе католических монахов-капуцинов и вряд ли был русским по крови. Антиох и Дмитрий Кантемиры — ясное дело, молдаване. Капнист — украинец. Фонвизин из рода рыцаря-меченосца Фон-Визина, Державин — от татарского мурзы Багримы. Мать Жуков-

ского — пленная турчанка Сальха. Карамзин из татар. Как там у Блока:

Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни…

Николай Греч — сын онемечившегося чеха; Булгарин, как говорили в те давние времена, «поляк на русской службе». Кюхельбекер — обрусевший немец. Дельвиг — из прибалтийских баронов. «Дай руку, Дельвиг! Что ты спишь? Проснись, ленивец сонный!» — обращался к нему Пушкин. И т.д. и т.п. Чистых этнических русских очень мало или почти нет. Кругом примеси. Коктейли кровей. «Непроницаемым туманном покрыта истина для нас» — говаривал Карамзин. А национальность? Туман, коктейль и прочая мешанина.

Так что сбиваю «Коктейль», пленки Джоконды отправлены в Тверь — неожиданно в рифму. Суечусь, бегаю и с удивлением смотрю в ВК на спокойно мурлыкающего Ф., раскладывающего бумажки, а потом будет удивляться, почему он ничего не добился в жизни… «Моя годовая выработка — 70–80 страниц…». Я с такой выработкой могу ноги протянуть. Каледин: «Я по основной специальности — бездельник». Ну, а я — тру-

доголик. Помимо писаний, еще и выступать приходится. 9-го в Московском фонде культуры на проспекте Мира. 13-го был на «Эхо Москвы» в программе Андрея Максимова, отвечал даже на звонки радиослушателей.

Очень смешно выступила по ТВ в концерте Надежда Бабкина, исполнив белоэмигрантскую песню «Я — черная моль, я — летучая мышь», о том, что героиня песни — институтка, и при этом Бабкина выглядела как обычная дебелая колхозница. Из колхоза «Путь к коммунизму» и просьба заплатить ей франками комична. Какие франки? Когда одни трудодни, палочки в ведомости…

20 февраля

Из обычной работы-беготни-суеты выделился поход в музей Бахрушина, выступление Маргариты Сердцевой со стихами Игоря Северянина. Маргарита и пианистка Оля выступали в маленьком зальчике, в отличии от Фили Киркорова и Маши Распутиной и других звезд шоу-бизнеса. Северянин, впрочем, даже и Блок, ныне никому не нужны, об этом я и сказал во выступлении к концерту Сердцевой. Читала стихи она под музыку и, на мой взгляд, плохо, невыразительно, я читаю их с большим проникновением и тоньшей иронией:

И что тут прелесть? И что тут мерзость?

Бесстыж и скорбен ночной пуант.

Кому бы бросить наглее дерзость?

Кому бы нежно поправить бант?

Или: «Встречаются, чтоб разлучаться… Влюбляются, чтоб разлюбить… Мне хочется расхохотаться и разрыдаться, и не жить!.. В деревне хочется столицы. В столице хочется глуши… И всюду человечьи лица, без человеческой души…».

Но Северянин для чтения, а для работы (или, по-научному: для жизнеобеспечения) приходится заниматься всеми сразу: для «Века» печатал эссеюшку про Юрия Олешу, для полосы в ВК — маленькие портретики: Керенский, Троцкий, Луначарский. И, соответственно, ныряние в архивы и в книги. А еще для «Кумиров» делал материал про частную жизнь актеров — «От замочной скважины до большого экрана».

… 19 февраля. С утра жуткая погода: метель, капель, снег, вода, лед. +3. К вечеру поехали в дом ученых по приглашению Надира Ширинского. Вечер романсов. Эльмира Жерздева, Любовь Исаева и другие. Несовременные причитанья: «жажду лобзанья», «жажду свиданья», «я обожаю,

я обожаю…» явно диссонируют с нынешними шлягерами, где все простенько и доходчиво: «ты меня пригласи в ресторан…». А далее в зависимости от меню…

27 февраля

В понедельник 22-го вместе с Ще отправились в «Клуб Раисы Максимовны» на конференцию «Женщины и масс-медиа», доклады, дискуссии с перерывом на обед — обильно и вкусно. Меня дернули выступать первым, затем Бунимович, Александр Кабаков, Маша Арбатова…

Перекинулся двумя словами с Раисой Максимовной, поцеловал в щечку дочь Ирину, пошутил с внучкой Ксюшей. Плюс продавали две пачки моей книги «Вера, Надежда…». Семья Горбачевых купила две книги, как сказала Ирина: она читает быстро, а мама медленно… Новые знакомства и новые забросы удочкой: а вдруг рыбка клюнет?.. Комиссаров, Прошутинская, Аджигина, Оля Русецкая…

25-го выступал в доме конгрессов за Пресней в рамках «Свадьба 99»: кто-то уговорил. В большом зале было мало народа, но, тем не менее, проговорил часа полтора, рассказывая о своих книгах: как задумывал, как воплощал, какие были отклики и т.д. На следующий день пришлось идти получать

загранпаспорта. Паспортистка жаловалась, что мало получает, а потом сказала в итоге: «Видите, что в стране творится!.. Нам еще ничего…».

А что творится в стране? Бордель. Одни жируют, другие нищенствуют. Заголовок в «Литературной газете»: «Привет, умытая Россия!» с подзаголовком «Мы останемся при своем мнении, Михалков — при своих премиях». АИФ: «Все идем смотреть «Цирюльника»?» Короче, одни вьются около новых бояр и бар, другие откровенно плюются. Я — не поклонник Никиты. Скорее — его противник.

Звонил Аркадий Вайнер. Никак не запустят канал. Но идут уже увольнения, в частности недоволен он Дибровым, как сказал Аркадий Александрович, он мало использует «ваш КПД». О, у меня есть КПД! это замечательно!..

7 марта

1 марта принимал у себя дома корреспондентку МК Яну Жиляеву. Показывал ей свое бумажное богатство, а она в ответ: «Класс!» и «Вот это гениально!». Эти молодые не могут себе представить, что можно так много работать и выращивать такие мощные творческие грядки. Их поражает обилие!.. А потом поехал на совещание к Вайнеру. Славная четверка: Вайнер, Дибров, маститый

телевизионщик Вилен Визильтер и я. Идет подготовка к открытию «Дарьял-ТВ».

2 марта — 67 лет. По еврейскому календарю выпал веселый праздник Пурим, но особенно веселья я не испытывал, состояние глубокой озабоченности. Если в 1989 году жизнь была «тупой и бессмысленной», как я тогда писал, то сейчас она очень целеустремленная, боевая и утомительная, с высокой степенью напряга. Правда, и результат есть, о чем не мечталось 10 лет назад…

Поехали в «Радугу» — вышел сигнал 6-й моей книги «Улыбка Джоконды» (тираж 5 тыс. экз.). От избытка чувств поцеловал обложку. В день рождения — редкая писательская удача!.. Вечером пришли гости: Эдуард и Светлана. Цветы, кофе «черная карта», бутылка французского коньяка «Хенесс», Ще перепал французский парфюмерный наборчик. Посидели, выпили. Гости ушли, а я погрузился в текст «Джоконды». Совсем иной текст, чем в рукописи. Эффект книги. Вроде бы я писал и не я, — удивительно!..

4-го ходил в «Библио-глобус». Подписывал и «Веру, Надежду…» и «Джоконду» — подписал около 100 книг и наслушался различных комплиментов. Какая-то студентка купила сразу 7 Джоконд для себя и для своих подруг. А на

следующий день совсем другая история: около дома маневрировала какая-то машина, за рулем сидела женщина и слегка наехала на меня. Я в озверении врезал кулаком по стеклу и закричал: «Ах, ты сука!..». А она в ответ: «Я не сука… Простите меня». О чем это говорит? О нервах, которые на пределе. Успокоился через несколько часов в «Радуге», где собрали около 100 работников из книжных магазинов. Пиар-акция. Выступил накоротке. А потом пирожные с шампанским. А из «Радуги» на презентацию в «Молодую гвардию», с Арбата на Полянку. За 3 часа подписал примерно 80 книг, и снова читательские излияния: «Береги себя», «Ждем новых книг» и т.д. В «Независимой газете» — отчет о заседании клуба Раисы Максимовны, и фразочка: «Среди приглашенных были замечены писатели Юрий Безелянский и Александр Кабаков…».

Ностальгический всхлип. Читаю я все это спустя 12 лет, когда все замерло, затихло и нет никаких презентаций, ибо все написанные книги лежат без движения и не издаются, и вздыхаю в грусти. Можно и закричать, как барон в пьесе горького «На дне»: «Было! Все было!..». Было – и сплы-

ло, такова жизнь. Популярность – штука проходящая. Американскому писателю Леонарду Луису Левинсону принадлежит такое выражение:«Пока не наступит завтра, ты не поймешь, как хорошо тебе было сегодня» (28 августа 2011).

13 марта

Умудрился простудиться. Насморк, кашель, из носа льет. Но это не останавливает: сижу за машинкой и колочу по буквам… Совещание на студии Горького на ул. Эйзенштейна. Вопрос об оплате. А еще неприятность с некоей Литавриной, которая издала тонюсенькую книжку об Алле Назимовой и считает ее «научным открытием», а я, такой нехороший писатель, взял из нее факты из жизни актрисы и вставил в свой очерк в книгу «Вера, Надежда…». Но я же сделал ссылку на труд Литавриной, она полезла на стенку и накатала на меня «телегу». Литвинец коротко о ней: «Баба хочет сорвать с издательства куш». Доктор искусствоведения обиделась, что ее книжка выглядит худосочно, а моя, изданная в «Радуге», хороша, — и дополнительная обида. А вообще, какая может быть монополия на жизнь актрисы Назимовой?!..

Потом возник конфликт с другом детства Сла-

вой. Он жаждет встречи, я в ответ: не могу. Он в крик: «Как не могу?! Я 40 лет ждал этой встречи!». В ходе телефонных разговоров, что он — не в себе, тронутый, а, может быть, и классический сумасшедший: требовал от меня какой-то магнитофон, мол, взял у него и не отдаю. Господи! Неужели розы популярности не бывают без шипов?!..

В журнале «Belle» вышли два моих материала: Анна Керн и Орнелла Мути. Гонорар «зелеными» — 110 долларов.

21 марта

В «Книжном обозрении» прочитал рекламу «Радуги»: «Поклонников таланта Юрия Безелянского издательство порадует третьим дополнительным тиражом книги «Вера, Надежда, Любовь». Первые два тиража уже раскуплены… Только что вышла в свет и уже стала бестселлером книга Юрия Безелянского «Улыбка Джоконды»…».

Странная история произошла с супер скандально-популярным «СПИД ИНФО»: заказали материал, я сделал, он им не подошел, но гонорар выплатили, и приличный. Но может и хорошо, что там не мелькнул… 18-го ездил на ВДНХ на ярмарку «Книги-99». Подписал то ли около 40, то ли более. Две книги, как мне сказали, пойдут на

витрину русского магазина в Берлине. Подписал книгу (то ли «Веру», то ли «Джоконду») члену конституционного суда РФ Витруку, дал свою карточку: «Может, я вам пригожусь…». Нет, никаких судов!..

Что еще? В «Веке» вышел «Печальный Пьеро России»« — мой любимый Вертинский. Поднял старый материал о Владимире Набокове и существенно его расширил, хочу вставить в книгу «Луна над Парижем». В ВК печатаются колонки… А в это время в стране разразился секс-скандал с генеральным прокурором Юрием Скуратовым, Зюганов грозится вывести народ на улицы и прочие политические катаклизмы. А генпрокурора кто-то завалил. Газеты запестрели заголовками: «Голая правда о прокуроре», «Секс, ложь и видео», «Стране показали мощь органов прокуратуры», «Порно Скуратова — бесспорно», «Приедет ли Моника Левински к Юрию Скуратову?» и т.д. Полный канкан, журналисты в восторге: есть о чем писать: и жареное, и сладенькое!.. Даже стихи-частушки появились:

Что прикрыли – девки-дуры,
Груди полотенцами?
У родной прокуратуры

Есть еще потенция!

Что остается? Взрыднуть: O tempora! O mores! — О, времена! О, нравы!..

27 марта

В стране постоянные цирковые кульбиты. Премьер Примаков полетел в Америку и вдруг развернулся и полетел обратно. Зигзаги внешней политики? Рыкающий Зюганов требует оживить ВПК. Кто-то требует вернуться к мобилизационной модели. Кто-то ратует за новую войну, — чеченскую-то, в принципе, проиграли!.. Все это отвлекает от творческой работы, тревожит, раздражает. Страна, как качели, никак не остановится.

В Останкино была очередная проба пера, нет, проба звука. Я читал подготовленный сценарий об Игоре Северянине, а Дибров меня учил и поправлял. Прохановская газета «Завтра» о нем написала так: «Кучерявый, участливый, как бердичевский зубной протезист», что, конечно, явный перехлест. Но что-то в нем ярко-провинциальное явственно чувствуется.

23 марта — магазин «Москва». Если бы на заре жизни мне сказали, что я буду выступать со своей книгой в лучшем книжном магазине на Горько-

го-Тверской, то ошалел бы от радости. А сегодня, на закате, поехал без всякой охоты, но поехал и подписал не менее 70 книг. Покупатели были разные, не только москвичи, но и какая-то Ада из Еревана, старый еврей из Днепропетровска, директор рязанского завода металлокерамических изделий и т.д. ТВ «Сокол» сняло небольшой сюжет…

В «Радуге» запустили третий тираж «Веры, Надежды…», в журнале «Women» вышел мой Байрон. Можно вспомнить и другие локальные достижения, но все перебивают бомбардировки Югославии, — все время мир на гране войны. А, тем временем, в Клубе кино в комплексе «Олимпийский» мне пришлось записывать «пилот» программы о Северянине с соведущей Катей (24 года, блондинка, окончила Архитектурный и школу телеведущих). И я весь был растворен в тексте: «трепещут губы иронично, как земляничное желе…». Получилось нечто среднее между рассказом и шоу: я вел, читал стихи, а Катя мне подыгрывала. Удался «пилот» или нет — покажет монтаж.

4 апреля

НАТО продолжает бомбить Югославию. Наши патриоты в истерике. Как написал Ярошевский

в «Общей газете»: русские опять удивляют мир тем, что чужих защищают столь же яростно, как когда-то топтали своих. И антиамериканский вопль: «Американцы — козлы!». Ненависть к янки за то, что они умеют лучше работать и комфортнее живут. А мы работать по-настоящему не умеем и пребываем в черной зависти и бьемся в истерике, и при этом считаем себя чистыми и пушистыми. Народ наш и раньше был не ахти, можно привести ворох цитат наших классиков, а уж советская власть окончательно добила народ, истребила элиту, а из остальных сформировала совка, как это не обидно для некоторых наших сограждан.

Сегодня многие стоят горой за Югославии, и как не вспомнить Льва Толстого: «В народе всегда найдутся десятки тысяч людей, потерявших общественное положение, бесшабашных людей, которые всегда готовы в шайку Пугачева, в Хиву, в Сербию…». Убивать — не строить, тут и думать не надо. Бей, круши — все мило славянской душе. Короче, гей, славяне!..

29-го в Геликон-опере был «Весенний бал «Вечернего Клуба». Куча знакомых и именитых людей. У Михаила Козакова спросил, можно ли процитировать пару его пассажей в моей книге

«Коктейль «Россия», он: «Ради Бога! Пожалуйста!..». Пообщался с Городницким, он назвал меня «культовой фигурой», и что это значит?.. Ездил в Британскую страховую компанию на Трубную улицу, где некая Людмила Линник предложила издать календарь с английскими классиками, мне бы это было лестно, но боюсь, что это очередной мыльный пузырь. Дальше слов — ни шагу!..

А вот в музыкальном магазине-салоне «Аккорд» слово не расходится с делом. В журнале «Аккорд» поместили мой материал о Штраусах «Короли голубого Дуная», заплатили гонорар, после обсуждения вышедшего номера журнала фуршет и маленький концертик: Георгий Гаранян (саксофон) и Алексей Кузнецов (гитара). Очень мило…

3 апреля в ВК вышла моя историческая полоса 1917–1920 годы с тремя мини-портретами: Николай II, Керенский и Луначарский (Троцкого выкинули). Вышли на улицу и натолкнулись на толпы армейских фанатов, спешащих на стадион ЦСКА — крикливые, озлобленные, неприятные. Да, власть бросила молодежь на произвол судьбы. Раньше через пионерию, комсомол, кружки, спорт пестовала и направляла молодую энергию в нужное русло. А теперь молодежь не нужна, власть занята собою и своим кошельком, а

безнадзорные ребята растут волчатами. Недальновидная, самодеянная и глупая власть!..

Пока занимался дневником, в 12.45 разразилась настоящая снежная пурга.

10 апреля

Продолжает истерить Литаврина. В «Радуге» ее спрашивают: «Что вы хотите?» Она: «Я для себя еще не определила…». Видно, мое письмо на нее подействовало, как тряпка, на быка («сумасшедшая баба», определила ее Литвинец). В письме я писал:

«…на Вашу книгу я сделал ссылку в начале очерка (и непонятно, почему Вы обиделись на слово «театровед», если занимаетесь историей театра) и далее использовал несколько Ваших цитат, естественно, закавыченных. А в основном это уже моя версия судьбы Аллы Назимовой, которая по своей хронологии и фактам не могла не совпасть с Вашей. Как обычно, факты одни, трактовки — разные. И главное: у Вас — книга в 190 страниц, а у меня — зарисовка эссе, если хотите (на 22 стр.). Уже количество страниц говорит о двух разных произведениях, и это не дайджест, как Вы утверждаете, а «авторским труд» (используя Вашу терминологию) — своя лирическая вариация судьбы Назимовой. Что касается фактов из жизни

артистки, ее высказываний и интервью, то они не являются Вашей личной собственностью, они — достояние общества, как, к примеру, широко растиражированные сегодня высказывания Столыпина. Так что я решительно против Вашего определения «смонтированный дайджест книги М. Литавриной.

И последнее, Марина Геннадьевна, на каком основании вы сделали личный выпад против меня («повадки г-на Безелянского»). Что за грязные намеки?..».

Я предложил встретиться с доктором наук, она завизжала в ответ. Очевидно, несчастна в личной жизни. Ну, пусть живет. Из моих книг дергают цитаты и часто в газетах, по радио и ТВ без всяких ссылок пиратствуют, я лишь усмехаюсь. А тут такой литавризм, прямо — мама миа!..

Отказался поздним вечером ехать и смотреть «пилот». А потом позвонил Вайнер-старший: «Мне, Юрочка, вы понравились стократно, а вот девушка какая-то деревянная...». Но девушку подбирал не я.

5-го записывался дважды на радио: на ул. Качалова в программе «Книжный бум» и у Оли Басинской в «Голосе России», я потом из одной студии перешел в другую и записал обзор культу-

ры на апрель для слушателей Москвы. Не два, а три выступления!.. «Вера, Надежда…» в книжном обозрении попала на 8-е место в «интеллектуальных бестселлерах, обошел книгу Молевой «Усадьбы Москвы». Литаврина, наверно, рвет и мечет. К ее книге никакого внимания… А на Кузнецком в бывшем магазине подписных изданий «Вера, Надежда…» красуется рядом с «Курсивом» Берберовой и книгой о батьке Махно.

9-го в «Веке» вышли очередные «Секреты от Юрия Безелянского: «Черчилль изменял жене. Но только в письмах». Что делать, материал на потребу публики: Черчилль как министр и премьер неинтересен, а вот его отношения с супругой Клементиной, — это интересно! Но кое-что я уложил в статейку, и в частности, высказывание Черчилля об СССР: «Это загадка, спрятанная в загадке и покрытая тайной». А потом русскоязычная газета «Курьер», выходящая в США, перепечатала мой опус под другим заголовком «Письменная измена Черчилля». Плодоносящий гонорар, сэр Уинстон!.. А еще занимался исторической полосой для ВК «Грозовые-роковые 1931–1940 годы».

Неожиданный звонок от Иосифа Раскина. Пригласил обедать с ним в ресторане дома кино. Поехал. Обменялись книгами: я ему Рюрика, а

он мне свою «Энциклопедию хулиганствующего Ортодокса» с таким посвящением: «Милому Юрию Николаевичу, выдающемуся российскому интеллигенту, постоянно доказывающему, что компьютеры не нужны, с огромным уважением и искренним восхищением от автора, от всей его души и сердца». В беседе Раскин признался, что часто брал что-то из моих колонок, но при этом не делал ссылок, обещал «исправиться». Я только улыбался…

Выпили, закусили, поболтали, хотя, по большей части, говорил он и сыпал анекдоты, его книга, как написано в предисловии, «народный бестселлер»: анекдоты любят все. А я-то другой, слушать анекдоты могу, но сам их почти никогда не рассказываю. Как кто-то сказал про меня: «рафименте». Рафинированный интеллигент. Эстет. Поклонник Серебряного века. Ну, и, соответственно, такой же примерно читательский круг. А Раскин — для всех.

Навскидку из книги Раскина:

Рабинович умер, и его тащат в ад.

— Неужели после такой жизни я и рая не заслужил?

— После такой жизни тебе и ад покажется раем.

* * *

Когда у армянского радио спросили, какая разница между бардаком и публичным домом, армянское радио ответило:

— Публичный дом — заведение, а бардак — это система.

* * *

Приходит «новый русский» в турагентство:

— Я бы хотел заказать место в круизе для себя и своей жены.

— Пожалуйста! Будут какие-либо пожелания? Может быть, отдельные кровати, отдельные каюты?

— Отдельные теплоходы.

16 апреля

Простуда настигла. Вся грудь заложена. Нос забит. Голова плохо соображает, но температура 37,0. Состояние: ни в живых, ни в мертвых. Но в воскресенье 11-го поехали с Ще в центр. У музея Ленина митинг красных. Какой-то нехристь кричит: «Ельцин, чтоб ты сдох!». Какая-то шизанутая публика, ничего сами не умеют и не хотят.

Способные только просить подачки, ну, и проклинать тех, кто не дает.

Простуда простудой, а деньги зарабатывать надо. Печатный конвейер нельзя останавливать, для исторической полосы сочинял мини-рассказики о герое Чкалове и антигерое Ежове. В «Современнике» предложили заменить мое название «Причуды сердца». Пришлось придумывать новые: «Шелест коленей», «Горечь любви», «Немного красного вина...» (строчка Мандельштама), «Кто решится сказать «Никогда»?» (Брехт), «Кумиры ставят на зеро» и другие. Выбрали простенькое и современно звучащее: «Налог на любовь». Налоги и декларации ныне душат всех.

В «Радуге» делают какой-то книжный каталог и меня попросили набросать несколько слов. Я и набросал: «Самая лучшая и самая чистая партия в мире — партия любителей книг, книга позволяет развивать фантазию, совершенствовать язык и изживать комплексы. Дружите друзья, с книгой, а не с автоматом Калашникова».

15-го приезжал и брал у меня интервью Андрей Морозов, редактор и владелец газеты «Персона» (Казань). А потом помощница Раскина, Алена, записывала мои слова на диктофон для еще

какого-то интервью, и был смешной эпизод с Марленом Хуциевым. Раскин меня с ним познакомил:

— Это Юрий Безелянский, — представил Иосиф.

— Знаю, знаю, — сказал Марлен. — Я его читаю… Безелянский.. Яков…

Очевидно, спутал с Яковом Костюковским. Смешно…

Если писать о том, что происходит, то можно одним словом: паранойя. Наша дума звереет от бомбежек Югославии (я не верю, что сербы — это наши братья, «братушки»), страсти по импичменту Ельцина. Все бурлит и кипит. А на концерте по ТВ Пугачева томно вздыхает: «Ах, какой это был мужчина! Настоящий полковник!..» и звучит это фарсово-пошловато.

24 апреля

Югославия не сходит с языка, но большинство газет пишет о том, что народ «не желает умирать за хитрого Милошевича». А одна пенсионерка высказалась по сердобольному просто: «Народ Югославии, конечно, очень жалко, но себя тоже надо жалеть». Наши депутаты думают иначе и голосуют за объединение России с Югославией и Белоруссией. Славянская Зюгания с вождями

Зюг и Лук, ну, и этот преступник Милошевич. До чего же грязна эта внешняя политика! И желание посадить народ голой задницей на горячую сковородку войны!..

На днях перечитывал-перелистывал свои 6 томов ЮБИБЛИИ (лежат в столе и вряд ли увидят свет), одна только запись из последнего тома с датой 27 апреля 1975 года, — 24 года тому назад:

«Опять разворчался, творец! Старый стал, оттого и недовольство лезет из тебя, как трава по весне. Все творишь, а вот писателем так и не стал. Горькая правда. Не удостоился почетного титула «писатель». Но что писать? Размазывать официальный сироп не могу. Жесткую правду? Но ее надо отстаивать, а сил уже нет. И вообще, зачем лезть на книжный рынок? Чтобы имя твое шелестело на улицах и в коридорах? Но я не тщеславен. Чтобы было больше благ? Но это и хорошо, и плохо. Не успеешь моргнуть глазом, как разменяешь душу на пятаки. И вообще… «Бессмертья нет. А слава только дым…».

Ну, и т.д. Очень горько и печально. А если бы не произошла перестройка, и у власти остались бы коммунисты с их вечными запретами и цензурой, что тогда? Продолжал бы писать в стол и становился все злее и угрюмее?.. Но, как говорил

Игорь Северянин; «И невозможное возможно в стране возможностей больших», — и вот я — писатель. Кстати, в 6-м томе я привел точную цитату Станислава Лема: «Любая книжка — могила несметного количества других книг, которые она уничтожила, вытеснив их». Мы идем след в след за другими сочинителями и творцами».

И в подверстку. В «Книжном обозрении» Литаврина тиснула свое негодование: «Портрет кошечки в мешке, или «Выбранные места» господином Безелянским». И чего дамочка пыхтит на ровном месте?!.. Мой ей ответ «Радуга» просила не печатать. На этом точка.

Получал гонорар в «Кумирах». Людмила Николаевна: «Вы — энциклопедист… Наш Монтень.». Но я не занимаюсь афористикой («Раз мы ненавидим что-либо, значит, принимаем это близко к сердцу») и не впадаю в морализаторство. Я — собиратель фактов, любитель истории и конструктор собственных концепций и версий.

Ездил в «Современник», отвез новое предисловие под новое название «Налог на любовь». Оттуда в ЦДЛ. Висит объявление о вечере Раскина и написано, что будут выступать писатели Арканов, Безелянский, Брайнин и др. Первый раз в жизни попал в обойму писателей-сатириков.

22 апреля — день рождения Ленина. В МК сплошная ирония по поводу «лысого из музолея» (а еще говорят «момзолей»). По ТВ фильм Киселева, размазывают по полной программе. Кто-то давно понял, что вождь был злодеем и губителем России, а кто-то продолжает веровать в то, что он великий и святой.

Ремарка. 12 лет спустя. Хотя кто-то шутливо считает меня энциклопедистом, я долгое время не мог и не хотел писать о вождях. Но потом раскололся и написал о Троцком. Затем для книги «Лики России» (которая лежит в рукописи и пока не вышла) сделал двойной портрет «Два сокола» – о Ленине и Сталине. А после поездки в Швейцарию взял в библиотеке книгу Солженицына «Ленин в Цюрихе». Интересно было прочитать мнение Александра Исаевича о Владимире Ильиче: «Какой-то плюгавый, вертлявый, руками все время размахивает, и голос плоский…». А еще картавый, «и какие-то корявые, неровные, порченные зубы…». В библиотеке Цюриха Ленин думал: «И зачем родился в этой рогожной стране?..

в этой разляпистой, растяпистой, вечно пьяной стране?..» (7 октября 2011).

23 апреля. Подбирал эпиграфы для книги о Луне… По ТВ, в связи со 100-летием Набокова, показали кусочек «Лолиты» и фильм Киселева о писателе с кадрами, снятыми в Швейцарии. Интересно, увижу ли когда-нибудь Швейцарию и Монтрё своими глазами?.. Да, и сегодня же вышел мой материал о Набокове «Любовь на других берегах». Это позитив, а негатив: мы все испытываем последствия дефолта, цены взлетели, особенно сыр (основное мое питание) и все импортное пиво, купил тут нашу «Балтику» — какая дрянь!..

Пришла в голову идея: сделать книгу «Клуб 1932» о своих звездных ровесниках и где-то поиграть на сравнениях и параллелях. Сказал об этом Литвинец, она: «Это интересно. Несите…». И в «Радуге» вместо «Луна над Парижем» утвердили заголовок «Страсти по Луне». Становлюсь радужным автором… В ЛГ — рецензия на «Улыбку Джоконды». Похвалили» и поругали. За что? За «пошлость». От фонаря что ли? В книге ни грана пошлости, откуда взял это рецензент?.. Вышла история А.К. Толстого с Софьей Миллер.

7 мая

Ох, эта жизнь! В ночь на 1-е проснулся и стал соображать о новой книге, кого включить в «Клуб 1932», как лучше написать. Утром встал — уже Первое мая. И никакого ощущения праздника. Немного погуляли в дальней роще. Все зелено, цветет черемуха, ранняя весна. Но холодновато, +5.

3 мая появился Эдик с подарками, наиболее ценным был роскошный альбом «Искусство и история Парижа и Версаля» на русском. Какие фотографии, какие виды, какие картины, какая архитектура! Действительно, по расхожей фразе: увидеть Париж — и умереть. Нет, не умереть, а насладиться. О, если бы такой альбом попал мне в руки лет в 16–18, я бы изучил его до корки и наизусть, а сегодня, находясь в журналистско-издательском раже и рвении (или машинка, или беготня), некогда спокойно сесть на диванчик, листать и смотреть, и млеть. Боже, как все несправедливо!..

Утешает, что занимаюсь небесполезным делом, а для людей. Выступил в прямом эфире по радио, и звонки: «Получила колоссальное удовольствие… Спасибо за то, что вы существуете…» Приятно. Звонки по поводу предстоящих телесъемок. Вайнер-старший: «Когда будем смотреть девочек?».

Звучит двусмысленно: то ли царские смотрины, выбор невест, то ли вопрос врача-гинеколога. А еще просмотр обложки в «Современнике» — «Налог на любовь». Не понравилась: женщины какие-то синие, как в морге. Забраковал…

5-го с Эдиком по приглашению Хазанова поехали в театр эстрады на сольный концерт Романа Карцева. Пошел за кулисы и подарил Хазанову две книги «Поцелуй от Версаче» и «Улыбку Джоконды», там был Евгений Петросян: «Я тоже хочу…». Познакомил Эдика с Хазановым, оказалось, что они вместе работали в 8-м цеху на радиозаводе в Татарском переулке. Тогда Хазанов был совсем юн и ходил в ковбойке. Весело поболтали, а потом буфет. Эдик угощал: мартини и бутерброды с рыбкой. Минуты отдохновения… В фойе пообщался с генералом Громовым и его женой Фаиной (она меня помнит), с Бесковым и его женой Валерией… А 6-го съемки на Симферопольском бульваре в развлекательном комплексе «Мицар». Моей партнершей была бывшая топ-модель Лера Крейн, племянница Говорухина (1980 год, 175 см). Хорошенькая, но невежественная — о Есенине, Райх и Дункан ничего не знает и мои заготовки читала бездарно… Во второй программе моей партнершей была молодая актриса

театра Маяковского Олеся Средзиловская. Олеся читала отрывки из Мопассана, и мне было с ней легко. Две программы заняли более 5 часов. На следующий день должны были другие съемки, но они сорвались по каким-то там причинам, а точнее, по финансовым, и встретившийся мне Игорь Фесуненко утешил: «Телевидение — это сумасшедший дом».

17 мая

Десять дней не записывал, а сколько событий: ураган, буря, цунами… 8-го затопили в связи с холодом (таких холодов не было 80 лет). Напечатал первые 15 страниц «Клуба 1932» — это в один-то день, и покатилась все дальше…

11 мая — день трех книг. Печатал «Клуб», снимал вопросы в книге «Страсти по Луне». Получил комплимент: «Вы — гениальный человек: так, как вы работаете с информацией, мало кто может…». Стараюсь, стараюсь. Ловец информационного жемчуга. В «Современнике, куда я примчался, подписал обложку «Налог на любовь» — сидящая в пол-оборота, обнаженная кисти Энгра. На следующий день принимал режиссера и редактора со студии им. Горького, обсуждали, что и как снимать. Короче: забот полон рот. А тут в магазин ходил и возмутился на копающуюся в овощах

бабку, а она мне: «Милок, а ты что спешишь? Ведь безработный и время девать некуда…». Редкий на сегодняшний день случай: у меня есть куда!..

ВК, «Радуга», «Терра», «Дарьял-ТВ», а еще радио. 14-го записывал свою программу и споткнулся на слове «Кремль», режиссер заявила, что произношу не достаточно мягко, тогда я предложил иное: крем-брюле. Но режиссер оказалась без чувства юмора: не поняла. А пока я юморил с Кремлем, вокруг него разыгрывалась драма с импичментом президента: коммунисты рвались свалить Ельцина, но не вышло. Всплыла фигура «престолонаследника» Сергея Степашина, который тут же заявил: «Я не Пиночет». Это уж точно: Пиночеты не бывают с мягкими румяными щечками, у них лица жесткие и волевые. В общем, идет какая-то политическая катавасия: то ли драма, то ли фарс. Как написал Дима Быков: «Жить в России трудно, временами противно, но не скучно».

Из последних строк Андрея Вознесенского:

Мои Палестины дымятся дыбом.
Абсурдный кругом театр.
Боже, прости им, ибо
Не ведают, что творят.

Вчера в «Итогах» выступали лидеры фракций:

тупоговорящий и замшелый Зюганов, клоунствующий, но иногда выражающий вполне здравые мысли Жириновский, молодой и умненький Владимир Рыжков (далеко пойдет) и устало-мудрый Явлинский. Импичмент, возможное назначение Степашина на пост премьера и прочая политическая каша. Я слушал, а сам в мыслях в далеком прошлом, только что закончил материал о Софье Потоцкой и о разделе Польши. Какие страсти пылали, какие закручивались интриги, как кипела политическая жизнь! А какая удивительная судьба была у графини Потоцкой. Она умерла в 1822 году в возрасте 56 лет, но прожила не одну, а несколько бурных жизней. В конце своего очерка-эссе процитировал строки Михаила Кузмина:

Кто был стройней в фигурах минуэта?

Кто лучше знал цветных шелков подбор?

Чей был безукоризненный пробор?

Увы, навеки скрылось это…

И добавил к Кузмину: «Все минуло. Скрылось. А мы лишь пытаемся восстановить прошлое», словом, выступаю в роли восстановителя, реставратора прошлого — российской истории и русской литературы. И мне это нравится (а

еще за это деньги платят!), вот только усталость досаждает да постоянно испытываю цейтнот времени…

23 мая

Эра «Вечернего клуба» катится к концу. Ф. заявил, что то, что я пишу, ему неинтересно, он все знает сам (хотя все другие говорят об обратном: очень интересно), все ясно: просто Ф. выдавливает меня, чтобы публиковать себя и своих серењких друзей: яркость слепит им глаза. Почти по Гончарову: обыкновенная история. Но лично мне уже не до ВК: я весь в книгах: «Вера, Надежда…» раскуплена в «Библио-Глобусе». Ходко идет «Джоконда». Зимина в «Радуге» уже закупила бумагу для «Страсти по Луне» и рассматривает вопрос об издании «Клуба 1932». В «Современнике» «Налог на любовь» поставлен на июнь. Все крутится-вертится. Был на «ТВ-Дарьяле» в студии им. Горького. Пока ералаш: составление планов, смет, крики-споры, приглашен новый режиссер Игорь Большаков, артист из театра оперетты («Сильва, ты меня не любишь, Сильва, ты меня погубишь!..»). В совещании участвовали длинноногие красавицы: Валерия Клейн, Инна Бут, Зарема Сальникова, Катя Писецкая, очевидно, с легкой руки Вайнера: он любит красоток. Руко-

водитель Вилен Визильтер придумал название моей программы «Легкое дыхание...». Легкое — так легкое. Но пока никакого дыхания, одно предварительное сопение.

Что еще? Еще чего — много, но отмечу малое: долблю рукопись «Клуба 1932». Ездили с Ще на Химкинское кладбище. Случайно глянул на одну из плит: Царькова-Гляделкина. И сразу пришли слова: отгляделась, бедняжка... А еще писал письмо Витеньке в Аугсбург: «...я давно решил, что ни в какую Германию не поеду. Тут, конечно, несладко и масса фокусов каждый день (потрясения, разоблачения, сенсации, пляска рубля и т.д.), но это все-таки мой дом и мне на старости лет невозможно привыкнуть к другой стране, новому быту и всему прочему, не говоря уже о том, что я не хочу изучать немецкий язык. Ты — другое дело, и в Москве уже начал «шпрехать». И потом — тут меня издают, а что там? Кому я там интересен и нужен?..».

28 мая

По ТВ был документальный фильм «съезд побежденных» к 10-летию первого съезда народных депутатов СССР. Какой накал страстей!.. Именно страсти и обвалили империю. Страсти, амбиции и желание половить рыбку в мутной воде! И с

дистанции лет многое смотрится иначе. Тогда депутат — таксист Сухов смотрелся идиотом, а сейчас ясно: честный и косноязычный работяга, жаждавший правды и справедливости. Сегодняшний работяга в Думе — Шандыбин — иной человек. Купленный и играющий в политических играх за деньги. Тогда, 10 лет назад, было много открытых и наивных людей, романтиков, а сегодня — сплошные циники и деляги от политики, для них Дума — это возможность стричь купоны и обогащаться. Итак, от свободы — к барышу!..

Есть такая еврейская песня, в переводе: «Куда мне идти, кто мне ответит? Куда мне идти, когда закрыты все двери» — «Си из фаршлосн едэр тир…».

Кстати, о моих дверях. «Капризы любви» в «Рипол классике» не выйдут — окончательное решение издательства, серию, якобы, загубил Максимов. Получил аванс за Луну. Авторские 5 книг за третье издание «Веры, надежды…». Гонорар в «Веке» за публикацию о Черчилле, ну, и т.д.

Когда устаю, то заглядываю в свои книжечки-антологии, чтобы оживить память. Открыл и натолкнулся на строки Александра Межирова, написанные им в конце 70-х:

У человека в середине века

Болит висок и дергается веко.
Но он промежду тем прожекты строит,
Все замечает, обличает, кроет,
Рвет на ходу подметки, землю роет,
И только иногда в ночную тьму,
Все двери заперев, по-волчьи воет,
Но этот вой не слышен никому.

5 июня

С 31 мая по 4 июня были в Софрино, называется теперь «оздоровительный комплекс», просторный номер, питание так себе, если не сказать плохое, стоимость 2.234 рубля — около 100 долларов (курс 24,6). Но главное — отоспались, прокислородились. Все густо зелено, все поет, щебечет, стрекочет, сверестит и пищит. Собаки гоняются друг за дружкой. Чинно ходят кошки с поднятыми хвостами. Совсем другая жизнь. Территория комплекса, по сравнению с прежними временами, облагорожена: аллеи, дорожки, беседки и даже церковь Ионна Богослова отреставрирована. За воротами гигантское поле, где ничего не посеяно и растет дикая трава. Окраины леса вырублены и на них красуются новые дачи.

В один из дней пошли к дальним лесным прудам — и неожиданно завыла сирена из ближайшей воинской части: внимание, вражеский объект!.. Пришлось срочно ретироваться.

Остальное все по мелочи и даже вес. Взвесились: я — 75,5 кг, Ще — 73.

13 июня

Спустя 26 лет до нас дошла «Большая жратва», которую я видел в Брюсселе в июле 1973 года(Уго Таньяцци, Мишель Пикколи, Филипп Нуаре, Марчелло Мастроянни и пышка Андреа Ферреоль). Смачная картина. А у нас своя «великая жратва» — купили килограммчик молоденькой картошечки на рынке — 15 ре. Людмила Петровна вручила мне верстку «Страсти по Луне» со словами: «Вы живой классик, вас издают и книги выходят в одном формате…». Но в этот момент «живой классик» был полуживым: начала долбить жара и термометр подскочил до отметки 30 градусов.

В Доме книги на Арбате — «Вера, Надежда…» продавалась по 42 ре, «Джоконда» — по 38, и можно сравнивать с ценой на молодую картошку… Все время звонит телефон: крутятся дела, и вайнеровский канал перед пуском… Читаю верстку. Опечатки: «Тайная вечерня» вместо «Тайной

вечери», «обнадежные» вместо «обнаженные», ну, и т.д. Американская газета «Курьер» перепечатала моего Черчилля, в журнале «Бель» дали гонорар за Катрин Денев (70 долл.). Приезжал ко мне Игорь Большаков, и мы вместе кумекали над программой, решили назвать «Академия любви»: я — профессор, а приглашенные девушки — студентки. И 7-го вышел сигнал книги в «Современнике» — «Налог на любовь», тираж 5 тыс. экз. Седьмая книга по счету!..

Но радости почему-то ходят вместе с печалью: 10-го утром за завтраком обломался зуб. Снова надо тратить деньги. А тут еще на носу съемки! За Черчилля получил неожиданно 600 рублей и тут же 450 «положил» на зуб. И параллельно всем делам молочу «Клуб 1932» не понимая, как это я все умудряюсь делать. А делаю. И много…

27 июня

Съемок нет, а денежки идут: 425 долларов. Много или мало? В одном из интервью Игорь Кио жаловался, что артисты в московских цирках получают по 2–3 доллара за выступление. А в команде Вайнера пока только обсуждения и споры, от одного слова «хромаки» меня начинает тошнить, а еще от зубного врача — «аппликация десен». А еще жара и мотание по городу, — хо-

чешь-не хочешь, но надо. На Казанском вокзале в просторном зале ожидания, отреставрированном и красивом, устроили книжную выставку. И она оказалась провальной: отсутствие рекламы, лето, вокзал. «Радуга» продала всего лишь 15 моих книг, из которых я подписал 5 штук… Продолжаю заниматься «Клубом 1932»: добил Элизабет Тейлор (22 стр.) и приступил к Василию Аксенову. В ВК вышла моя последняя колонка, — и прощай, «Вечерний клуб», мы славно посотрудничали, а теперь «чао!».

Погода. Жара донимает и ночью: очень душно, а еще воют автомобильные сирены, лают бродячие собаки и прочие прелести большого города.

Андрей Морозов привез из Казани свою газету «Персона», там три интервью: Надежда Кадышева «За границей мне бывает скучно», Оскар Фельцман «За «Ландыши» меня ругали 23 года», и Юрий Безелянский «Я стараюсь поддержать вкус к изящной литературе». Тираж газеты 100 тыс. экз.

4 июля

Нет, это невозможно: 120 лет не было такого пекла. Москва как Сочи или Баку. Все выжжено, воздух раскаленный. Встаешь с постели мокрый, как распаренная репа, а тут еще сплошные кри-

ки с верхнего балкона: «Вася, не ходи! Вася, не бери!» и обращение к собачке: «Роки, домой!» Соседка как воспитательница и дрессировщица одновременно.

Закончил заниматься Аксеновым, принялся разбираться с Войновичем. В собранном досье 55 публикаций о нем, все надо прочитать, осмыслить и создать свой новый текст (книги создаются из книг? Из газет и журналов — тоже! Главное, влезть в чужую шкуру и понять другого человека).

18 июля

Изнуряющий марафон жары продолжается. 16-го был перекрыт рекорд 1938 года +32,8. Было зафиксировано в разных районах от 34 до +37 градусов. А тут еще горят леса в Подмосковье и торфяники. И в этих условиях я бегаю по редакциям, рассовывая свои материалы, а дома долблю на машинке. 14 июля писал о Жаке Шираке, президенте Франции, в свой Клуб, по мистическому совпадению, в день взятия Бастилии 210 лет назад (14 июля 1789). Ширак — ровесник, которым можно гордиться. А что касается Бастилии и, вообще, знания истории, то есть прекрасный анекдот.

В школе учительница: «Вовочка, кто взял Бастилию?»; Вовочка: «Я, Мариванна, не брал!».

Учительница жалуется отцу Вовочки, мол, не знает. А отец: «Я тоже не знаю. Домой он никакой Бастилии не приносил».

Расстроенная учительница обращается к директору школы, рассказывает про Вовочку и про его отца. Директор: «А что вы удивляетесь? У них вся семья такая: возьмут что-нибудь и никогда в этом не признаются!..».

25 июля

Жара не спадает, а на 19 июля объявили «конец света», но, естественно, презентация этого светопредставления не состоялась (а кому-то хочется?..). Наташа привезла в Москву Борьку-младшего, внука Бориса, он, гуляя по нашим улицам и спотыкаясь на колдобинах и рытвинах, спросил: «Это что, бабушка, здесь война только что закончилась? Гитлер был?..». Нет, не Гитлер, а наша городская власть бросила город на произвол судьбы. Деньги рассовываются по своим карманам и не идут на ремонт дорог, — старая российская история!..

20 июля прошли съемки, сначала у памятника Пушкина, затем у Есенина в середине Тверского бульвара, а затем у церкви Большого Вознесения, где венчался Александр Сергеевич с Натали, съемки длились более 3 часов. Режиссер Большаков,

оператор — меланхоличный пожилой армянин Грачик. Моими партнершами были сначала Лера, а затем Виктория (Вика), студентка ГИТИСа, красивая еврейская каланча, умненькая и бойкая, в голубых штанишках в обтяжку (мода нынче такая). Я изнемогал и устало импровизировал свой же текст. Снимали и крупное лицо, и «молочный кадр» — по пояс, и «пасхальный» — с ногами. На следующий день, после просмотра «исходника», Игорь сказал, что получилось симпатично.

После съемок на «Дарьял-ТВ» звонок с НТВ из программы «Сегоднячко», и 22 июля за мной приехала машина, чтобы везти в Останкино. Прямой эфир, вел Алексей Эйбоженко (сын актера), ему помогали Костя Цивилев («Старая квартира») и Ольга Журавлева. Трое на одного: расскажите нам про Ленина и Крупскую, какие у них были отношения, короче, ведущие кричат «давай подробности». Я жестко ответил: «Я не хочу говорить о Ленине. Хватит. Оставьте его в покое!». А они: тогда давайте о Сталине. Я: нет. Отбивался, как партизан (кусочный разговор не по мне, а аналитика не в их формате). И перевел разговор на Тургенева. Тургенев и Виардо, что может быть благороднее и лучше!.. Те, кто звонил мне потом, говорили, что был убедителен и телегеничен. Но

куда мне до «братьев Блюз» — тут показали этот фильм (США, 1980) — Дэн Эйнкройд и Джон Белуши!.. И танцуют, и поют, и выделывают смешные трюки, — я так не умею. Трюки я могу выделывать только за письменным столом с бумагой. Бумажный трюкач!..

В основном закончил «Клуб 1932». 436 страниц. Даже не верится. И сделал книгу за 90 дней, невзирая на жару и пекло. Получил ройялти и распечатку продаж в «Радуге»: на июнь 1999 года реализовано 7.143 книг «Вера, Надежда…» и 3.548 — «Джоконд». А в типографии в Твери печатается Луна. А пока делал «Клуб», умер один из его членов — поэт Валентин Сидоров, этот тот, который «косматый облак». Далеко не выдающийся, средненький, но все равно жалко…

6 августа

На 1-е августа написал:

Не унывай, Щекастик милый,
И не скрывай свои года:
Так жизнь устроена: что было –
Уж не вернется никогда…

Ну, и так далее. На день рождения куча звонков, в том числе из Тбилиси. Видели меня по ТВ

и спрашивали, «почему про нашего Сталина не захотел говорить?». Гордятся великим и ужасным земляком?!..

А мы с Ще днем поехали на Волхонку в музей Пушкина и перед входом на ступеньках книжная продажа, и две моих книги «Вера, Надежда…» и «Улыбка Джоконды» по цене 60 ре. Приятно. Тут же подписал две купленные кем-то книги. Зашли и в музей частных коллекций: Кустодиев, Штеренберг, Тышлер… Потом прошлись по Волхонке к университету (Ще и Ломоносов) и по Тверской. Хотели где-то посидеть в кафе, но дорого, и довольствовались купленным на Сокóле тортом «Восторг» (63 ре — по цене книги). В ночь смотрели по ТВ Фильм Би Виденберга «Все справедливо» о первом чувственном опыте. Рука ученика робко лезет под юбку, а учительница говорит: «Дальше, дальше…». Разумеется, это не соцреализм, а «происки Запада».

Вышли «Кумиры», там мой материал «Глава ФБР против Бонни и Клайда». Рядом материалы Аннинского и Марининой, нужна ли мне такая компания? По радио надрывается Владимир Левкин из группы «На-На»: «Сегодня мыться я не буду — меня замучила тоска…». Как выродилась эстрада!..

11 августа

Не знаю, как живут в Швейцарии и Люксембурге: наверное, умирают от скуки. А у нас шквал событий. Сняли с премьерства Степашина, назначили Путина, да вдобавок Ельцин назвал его своим преемником. Наследный принц из подвалов Лубянки? И сразу скакнул доллар и повысились цены. Экономический кризис и политический слились в экстазе. А сегодня вдобавок ко всему — солнечное затмение, «день небесного кошмара». И как жить и работать?..

Подготовил рекламно-анонсную программу для «Академии любви». Торопит Игорь со студии. Обеспокоен Вайнер: «Каких девочек будем снимать?». Девочки — это его пунктик. Лично меня это не волнует: мне важны не девочки, не шашечки, как в том анекдоте, а денежки.

7 августа — съемка. Горячей воды нет и поэтому накануне помывка в тазике, — вот это бы заснять! В 11 часов был уже на киностудии им. Горького, а ушел со съемочной площадки в 16 часов. Львиная доля времени пришлась на установку света. Задник студии не задрапирован и поэтому видны батареи отопления, грязь и прочее, и поэтому свет устанавливали так, чтобы ничего этого не было в кадре. В студии установлена какая-то

колонна, фигура Венеры, все как «в греческом зале, в греческом зале…». Потом грим. Красотка Юля долго колдовала надо мной и заявила, что кожа у меня хорошая, как у 30-летнего, а на вид не больше 50-ти. Я, конечно, тут же расправил плечи: очень хочется быть молодым, но, увы, какая молодость в 67 дет? Жалкие остатки. И никакой грим не поможет!..

Ну, а потом сам процесс съемок. Крики главного оператора Грачика: «Нет фокуса!». Его помощник: «О, поймал резкость!». А далее команду, и я выхожу из-за колонны со словами: «Все мы практики любви…». И три дубля, после которых я возненавидел эту «практику любви». А потом запись первой программы «Пушкин и женщины». О, всех и не перечислишь. Это и Екатерина Бакунина («О милая, повсюду ты со мною…»), и Елизавета Воронцова — предмет «ожесточенного страданья», и Анна Керн со скамеечкой: «Я помню чудное мгновенье…». И Анна Оленина — «глаза Олениной моей». И Елена Завадовская — «Красавиц наших бледный круг в ее сияньи исчезает», ну, и, конечно, Наталья Гончарова, Натали — «Мадонна, чистейшей прелести чистейший образец». Но мне пришлось не только читать по памяти стихотворные строки, но и

рассказывать о взаимоотношениях поэта со своими возлюбленными, о возникавших коллизиях и интригах. В общем, пришлось тяжко и домой приехал измочаленным и осунувшимся.

На следующий день какая-то досъемка и пересъемка, и Большаков требовал от меня: «Дайте эмоцию!». Это дома легко изображать из себя артиста, а на съемочной площадке — довольно тяжко, тем более никаких «щепок» и «щук» не кончал, а всего лишь экономист, плехановец.

Съемки съемками, а пресса прессой. Много читаю. Поразило интервью с Валерием Аграновским», ему 70 лет: «Инсультов у меня было семь». «Я слышу, как уходит время…». Ужасно. Из интервью с Тимуром Зульфикаровым: «Самые великие книги и самые убогие одинаково никому не нужны… Мое равнодушие к рынку пропорционально равнодушию ко мне издателей… Издается в основном графомания…». О себе: «Моя литература — это Эверест… Одна литературная дама сказала мне: «После того, как умер Борхес и исписался Маркес, мировая сцена пуста, наступило время ваших сочинений». И это Тимур серьезно? Ну, гений в коротких штанишках! Нельзя почитать себя великим, это даже не смешно. Надо быть скромным. Я, к примеру, пишу просто полезные

людям книги, с определенным набором культурологической и исторической информации. И никаких Эверестов. Может быть, только Валдайская возвышенность, о которой упоминал Розанов. Единственная фраза Зульфикарова, которая мне понравилась: «Россия полюбила спать с тиранами». Добавлю: тирания — русским в масть.

15 августа

Я постоянно нахожусь в двух стадиях: в фазе работы и в фазе ожидания. Жду выхода книг, съемок, гонораров, поездки в Германию. Колебались: Франция или Германия. Выбрали Германию и связались с фирмой «Планета» на Тверской и уже сдали 1.826 долларов за двоих: 8 дней–7 ночей… Все время попадают неизвестные мне строки о Луне, вот и у Набокова:

Я замираю у окна,
и в черной чаше небосвода,
как золотая капля меда,
сверкает сладостна луна.

22 августа

Куча новостей и неизвестно, что выбрать для истории (истории жизни московского ин-

теллигента в очках). Были снова телесъемки у памятника Пушкина и целый цветник приглашенных молодых женщин, в том числе какая-то балерина Лиза Сбышева, приглашенная на роль Айседоры Дункан (это для съемок о Есенине). Сначала съемки, а потом монтаж, но это уже не моя головная боль.

Я погружен в свои проблемы, а, тем временем, страна кипит и бурлит. В МК прекрасная публикация Екатерины Деевой «Последний любовник России» о Ельцине. Сначала любовь, а потом полное неприятие за самодурство, маразм и отсутствие настоящих экономических реформ. Как утверждает пресса, сегодня в России более 80% россиян относят себя к малообеспеченным или живущим за чертой бедности. Я пока, за счет своего интенсивного труда и востребованности, на плаву, и в доме постоянно шоколадные конфеты (ну, сластена, что поделаешь!). Восемь лет прошло со дня путча ГКЧП, как справедливо написал Кирилл Ковальджи: «С одной стороны — свобода, а с другой — бардак полный…». Алла Гербер: «Замечательно, что мы свободно говорим по телефону, называем любые имена и не трясемся, выходя на улицу. Плохо, что опять пришли к необходимости сильного, властного царя…».

Инцидент на помойке. Выношу мусор, какой-то пьяненький бомж бросается на меня: «Чего ты лезешь в мою помойку?!». И замахивается бутылкой, пришлось его резко оттолкнуть, и он завалился на металлическую ограду. Крик вдогонку: «Я этому лысому голову проломлю!». Рассказал об этом Ще, она сказала, что когда я небритый, то действительно выгляжу, как бомж… А бедный Светлов, совсем старый, не выходит на улицу, но бодрится и приводит слова Бориса Ефимова, с которым он знаком и которому, на всякий случай, 99 лет: «Я не тороплюсь…».

Записывался на радио и зашел в свою бывшую латиноамериканскую редакцию. Леонард Косичев: «Почему у тебя нет морщин? Почему ты такой молодой и динамичный?». Я развел руками: и что на это отвечать? Ну, виноват. Или, как говорит Щекина подруга Лиля: «Ну, стреляй меня!».

В гости и по делу приезжал Аркадий Болдинский. Золотые руки, привел в порядок балконные двери, напевая при этом «Милая моя!..» и приказывая гвоздям и болтам: «Тихо! Стоять!..». Как я завидую всем мастеровым, которые умеют прибить и забить. В этом смысле я белоручка. Только пером или по клавишам пишмашинки, хотя это тоже профессиональное умение. Не успел

закончить эту фразу, как в голове зароились ассоциации и афоризмы о писателях и их труде.

«Начинаешь писать, чтобы прожить, кончаешь писать, чтобы не умереть» (Карлос Фуэнтес).

«Мы вовсе не врачи — мы боль» (Александр Герцен).

«Кто-нибудь всегда смотрит из-за твоего плеча, как ты пишешь. Мать. Учитель. Шекспир. Бог».

И последнее. Бенджамин Дизраэли: «Если мне хочется прочитать роман, я пишу его».

Мой дневник — это тоже своеобразный роман. Роман с самим собой. Роман о себе. Грустная хроника побед и поражений. Попытка удержать и сохранить время…

27 августа

В 1997 не вышло ни одной книги, в 1998 — две, а в 1999 — три. Вчера получил 10 авторских экземпляров книги «Страсти по Луне», тираж 5 тыс. экз. 368 страниц, гарнитура Таймс. Рад? Вроде бы. Но больше испытываю усталость, чем радость. Скорей бы в Германию! Погода благоприятствует: тихие дни, с солнцем и прохладными вечерами.

29 августа

Вчера была презентация в «Москве» на Тверской. На дверях объявление: «У нас в гостях Юрий

Николаевич Безелянский». В 1949 году, 50 лет назад, мог ли я об этом предположить, беспечно фланируя по улице Горького, — юноша без будущего?.. За 2,5 часа подписал примерно 50 книг (выставлены были три: «Вера», «Джоконда» и «Луна»). Интересно, кто покупал: одна женщина живет в Нью-Йорке, другая — в Голландии, третья — в Дюссельдорфе, все наши. Все трое приглашали приехать, но при этом не оставили ни адресов, ни телефонов. Но приезжайте!.. Кто-то купил книгу для старенькой мамы, которая была когда-то в Париже и ей «хорошо бы освежить память о Лувре». Кто-то воскликнул: «Я вас слушаю и читаю, но вот впервые увидела, какой вы!..». Но «какой» не расшифровала. Очевидно, совсем не такой, каким она себе представляла. Книги покупали порой удивительные люди. Подходит хрупкая миниатюрная женщина в белой блузочке и просит подписать ей книгу и диктует: «На память Михеевой (далее имя-отчество), полковнику юстиции».

— Вы полковник юстиции?

— Да, — отвечает она с достоинством.

Подходил бывший ведущий Кинопанорамы Капралов, жаловался на финансовые затруднения и книгу не купил, а я ему не подарил, — сам

небогатый.

1 сентября

Актеры перед спектаклем обычно мало едят или даже совсем не едят. Я не артист и перед съемками навернул тарелку щей. В 12.20 30-го, в понедельник, был уже в студии. И опять грим, свет, поиски фокуса. Наконец поймали, и Грачик в мой адрес: «Какой красавец!». Сказал, очевидно, для того, чтобы подбодрить неартиста. Записали две программы: о Гете и об отношениях Есенина и Зинаиды Райх. Напряг и суета, конечно. Говорил тут со своим ровесником, Борисом Жутовским (член Клуба). Он: «Вы суетитесь, вкалываете, я суечусь, вкалываю, а как же иначе! Иначе — похороны…».

2 сентября

Вихрюсь в делах. Кручусь, верчусь. 31 авг. поехал на съемки, а они не состоялись по вине Визильтера. Не Визильтер, а губильтер. Перенесли на 1-е, а первого — открытие книжной ярмарки на ВВЦ. Пришлось сначала идти на ярмарку, опять же, три мои книги там представлены, а оттуда, благо рядом, на студию. И новое ЧП: в наше отведенное время записывается Наташа Дарьялова, владелица канала. И никто не может

пикнуть ей про это, все смотрят в надежде на меня. Я звоню Вайнеру, он — Наташе, а потом мне: «Юрочка, не могли бы вы подождать еще минут 20, пока запишется Наташа». Наконец, Дарьялова выпархивает с площадки и натыкается на меня: «Как я рада вас видеть». Я галантно, в тон ей: «А как я рад!». Студийное время нашей группы почти просрочено, и Игорь стремглав бросается к пульту и начинает записывать танец Лизы. Лиза, как и Айседора Дункан, танцует босая и романтически заламывает руки. Ну, а потом второй танец — гимн революции под Марсельезу, — это все оживляж для «Академии любви». Юрий Анненков когда-то писал об Айседоре: «Малиноволосая, беспутная и печальная, чистая в мыслях, великодушная сердцем, осмеянная и загрязненная кутилами всех частей света и прозванная «Дунькой»…». Русский поэт удивил Дункан: «Есенин из эн хулиган, Есенин из эн ангел».

Маленькое отступление. В 2001 году выйдет моя книга «Ангел над бездной», и там будет очерк о Есенине и всех его женщинах… «Пей со мной, паршивая сука, пей со мной…» и прочие есенинские перлы-взрыды… (23 декабря 2011).

Итак, Лиза изображает Айседору Дункан, я проговариваю текст. Пахнет откуда-то краской. Грачик, оторвавшись от глазка своей камеры, заявляет режиссеру: «Слушай, карошо!». Но я не уверен, что все «карошо»: я устал и хочу одного — поскорее уехать домой.

4 сентября

5-го вылетаем в Германию. Визы есть, билеты в последнюю очередь «Люфтганза». И хватают за пятки дела: запись программ на радио, книжная ярмарка, совещание у Вайнера (кроме «Академии любви» он хочет, чтобы я вел Исторический календарь)… Первый раз в Германию ездили в гости к Наташе, а сейчас гостиница и тур. От Евгения Рейна к настоящему Рейну.

Германия 1999

Можно и целую книгу написать об этих 8 днях (7 ночах 5–12 сентября), но буду предельно краток, без растекания по древу. Поездка была яркой и эмоциональной, а возвращение домой ужасным: теракты, чечено-дагестанские события и прочие гадости. Но о Москве потом, сейчас о Германии.

В 17.30 по-московски, в 15.30 по-местному приземлились в Берлине в аэропорту Тегель-Отто

Лилиенталь. Паспортист-таможенник потребовал от меня декларацию, Я удивленно поднял брови, а Ще тут же доложила докучливому немцу, что этот господин — «штрифштеллер» (писатель). Немец с любопытством глянул на меня и спросил: «Бекант?» (известный?). Ще подтвердила: я-я!.. После чего я благосклонно вступил на немецкую землю, напевая песенку времен окончания войны: «Берлинская улица по городу идет, — значит, нам туда дорога, значит, нам туда дорога, Берлинская улица к победе нас ведет!». Пел я, конечно, хуже Утесова, но настроение было такое же победное. Из аэропорта нас грузят в микроавтобус и сразу везут на экскурсию. Первый объект — Шарлоттенбург. В замке представлены всякие ценности, и одна из группы — толстая энергичная Лена с криком: «О, тут Нефертите, я побежала смотреть!..». Я тут же окрестил ее женщиной «ах, покрутите!».

Далее автобусом по улице Бисмарка и другим артериям, и вот — Берлинская стена, печально знаменитая. Точнее, оставшийся от нее кусок. Недалеко пропускной пункт Чаекпойнт-Чарли. Я пытаюсь залезть на сцену, и Ще делает исторический снимок… Далее Жандармский рынок, памятник Шиллеру, оперный театр, где

состоялась премьера «Вольного стрелка» Вебера и где выступал маэстро Паганини… Дворцовая площадь. Собор. Дом с золотыми балкончиками (история ювелира Эфраима при Фридрихе II)… Из Западного Берлина в Восточный, и сразу узнаешь градостроительные социалистические идеи… Ратуша. На площади в брусчатке вмонтировано стекло, где видно желтое дно — символический памятник сожженным книгам (фашисты жгли Гейне, Ремарка, Томаса Манна и прочих великих)… Библиотека. Университет. Памятник двумя Гумбольдтам… Ундер-ден-Линден — некогда знаменитый бульвар. И, наконец, Бранденбургские ворота, построенные в 1791 году. Квадрига, орел и прусский железный крест. Рядом уцелевший отель «Адлон». Кто тут только не останавливался! И даже Сергей Есенин с Айседорой Дункан.

Последняя достопримечательность — Рейхстаг и, наконец, размещение в отеле «Концепт» (мы становимся концептуалистами?). Бросаем вещи и идем гулять самостоятельно по Ку-Дамму, — так берлинцы называют одну из самых знаменитых и богатых улиц столицы — Курфюрстендаму (ее длина 3,5 км). Роскошная (все восстановлено после войны), но несколько тяжеловатая по строениям — немцы любят основательность.

Это не Париж. Но удивительный мягкий южный теплый воздух, приятный запах (благополучия?). Посидели в открытом кафе «Цайт», выпили капуччино при свечах и съели по куску торта. В плетеных креслах, вальяжно, как буржуа. И еще раз по Ку-Дамму…

На следующий день, 6-го, после завтрака — «фрюштук» — вкусного и обильного шведского стола, — снова прогулялись по Курфюстендамму. И, наконец, собралась вся группа — 28 человек. Самых разных, от Маргариты из Новороссийска до старых евреев из Нью-Джерси, плюс отец Виктор из Петербурга, священник с толстым животом.

В 12.25 двинулись на автобусе в Гамбург, на север, 280 км. Увы, в Берлине многое чего не увидели (картинную галерею, музей Коте Кольвиц, музей парикмахера, центр Брехта, Сан-Суси и т.д.). Не побывали и на мосту Глинике, где Восток и Запад обменивался своими шпионами. Все быстро и фрагментарно. Короткий тур — короткие впечатления.

В Гамбурге размещаемся в «Рейхофе» (из серии «Маритим»), 130-номер, не номер, а зала, и тут же экскурсия. Богатые виллы у озера. Гид Ольга Кох: «Все очень скромно, но очень-очень богато». И — спокойно. Никто не стоит с Калашнико-

вым. Озеро Альстер. Водная гладь, яхты, солнце и дорогие виллы. «Соседи говорят друг другу «здравствуй» и все общение. Никто ни о чем не спрашивает…».

Быстро провезли по району Сан-Паули, по улице Рипербан с эрос-центрами, почему-то не остановились, и далее в город пакгаузов, к огромным складским помещениям из красного кирпича (то есть осмотр бюстов и поп заменили кирпичами). Вечером отказались от повторной автобусной экскурсии, и зря. Крутились около отеля и вокзала. Улица Штайндамм кишит проститутками, от 15-ти до 70-ти лет, Ще перепугалась и потащила меня в отель. Поужинали купленными в магазине продуктами и, надо сказать, отменного качества. И легли спать на вожделенные Витенькой белоснежные простыни.

Утром 7-го вышли из отеля, сразу подскакивают девочки: а вдруг клиент захочет с утреца оттянуться и взбодриться?.. Но у нас другая цель: Бремен (120 км). Бремен, как и Гамбург, вольный ганзейский город, когда-то был крупным центром морской торговли. Бременцы Любили повторять: « Buten und Binnen, wagen und Winnen» («снаружи и внутри, рисковать и выигрывать»). Сегодня это город туристов и «бременских музы-

кантов». Миниатюрная улочка Бехтерштрассе, звон фарфоровых колоколец на часах, музей Паулы Беккер-Модерзон, сувенирные лавочки, — все красочно, как в сказке. Три с половиной часа на Бремен, и далее Кельн (360 км). По дороге проехали Вуппераль — родину Фридриха Энгельса. А в 21.30 мы уже осваивали 102-й номер гостиницы «СМ Европа» с видом на шпиль Кельнского собора.

Погуляли немного по набережной Рейна, и накрапывающий дождь сократил прогулку.

8 сент. После завтрака к Рейну. Ясное небо, немного прохладно, широко горделивая река, мосты, пароходы. По набережной спешат ученики на велосипедах в школу, мы не спешим. Мы тихонько наслаждаемся видами и состоянием душевного покоя: не надо дергаться, садится за пишущую машинку и куда-то мчатся в редакцию.

Экскурсия началась с Кельнского собора (в год его посещают 3 млн. туристов). Витражи, ларцы, капеллы… Далее район большого св. Мартина. Ратуша с многочисленными фигурными украшениями (это вам не здание Моссовета).. Здания в стиле «плюшевой аристократии», барокко, готика и прочие стили. Но цейтнот и многое не

успеваем увидеть, в том числе Дом одеколона («Кениш вассер») и музей шоколада… В автобус зовет — и нас везут в Кобленц (еще 100 км). Кобленц — остров-утюг на слиянии рек Рейна и Мозеля. Возвышается крепость и статуя Вильгельма I. Сказочно красивый уголок, вполне может конкурировать с Брюгге. Из достопримечательностей — скульптура, изображающая огромный палец — творение Сальвадора Дали. В открытом кафе пьем отменное пиво и едим настоящую немецкую сосиску под колокольный звон и с видами на Мозель. Минуты отдохновения, — в Москве так не посидишь!

А дальше еще лучше. Какой-то замок высоко в горах (Марксбург, 150 м. над Рейном), и к нему мы поднимаемся по ступенькам. Вокруг горы, укутанные в зелень, голубое небо и внизу вьющиеся дороги, автомобили, дома. Ощущение какого-то парения, для нас, людей равнинных, это необычно. В замковый музей мы с Ще не пошли, рядом оставшийся пианист из Харькова забрюзжал: «А шо там смотреть? Мы этих гобеленов насмотрелись в Испании и Италии!..».

Дальше едем по берегу Рейна и останавливаемся в очаровательном маленьком городке Рюдесхайме, «любимое туристическое винное

место». Дегустация. Все бросились накупать бутылки с собой, все, кроме нас с Ще, везти бутылки, — фи! тяжело!.. И снова в путь по живописной дороге вдоль Рейна. Как писал Мандельштам:

Все перепуталось, и некому сказать,
Что, постепенно холодея,
Все перепуталось, и сладко повторять:
Россия, Лета, Лорелея.

Видели и Лореляй, и отвесную скалу, и памятник «Семь девственниц», и еще чего-то, от чего захватывает дух. Вернулись в Кельн к вечеру, на ужин и на ночевку.

9-го, после завтрака, дорога на Франкфурт-на-Майне. Шикарный номер в гостинице «Постаэропорт». Франкфурт — американизированный город с небоскребами а ля Манхеттен. Коротенькая экскурсия с заходом в местный парламент, я даже посидел на депутатском месте, но никаких законов не принимал, обошелся без голосования…

Посетили дом-музей Гете на Гроссер-хершграбен, отдав дань «страданиям молодого Вертера». Ратушную площадь и видели свадьбу, скучную-прескучную, без песен, без криков и танцев — гости сидели и чинно потягивали свои бокалы.

Успели часок поплавать на кораблике по Майну. Ничего особенного, но само сознание, что отдыхаем и плывем по Майну, было восхитительно.

10 сент. Ночь во Франкфурте, утром завтрак. Кофе заедали кусочками тонко нарезанной дыни, в Москве такое и в голову не могло придти. Прогулялись немного, и отъезд в Мюнхен (390 км). Отель «Эрцгерцог Европа». Маленький передых и экскурсия. По Мюнхену и в замок Нимфенбург, но, увы, в «Галерею красоты» Людвига I не попали. Вернулись в Мюнхен: Пропилеи, площадь Кенигсплатц, Государственная канцелярия, новая ратуша, на часах на башне представление рыцарского турнира в честь свадьбы герцога Вильгельма и Ренаты Лотарингской, 1568 год. Вся площадь запружена народом, и все зачарованно глазеют за крохотными фигурками, — средневековое действо!.. Мюнхен — это «Афины на реке Изер», «Столица пива и барокко». Работающая там, племянница Ще, Лика, показывает нам вечерний Мюнхен, и мы весело проводим время в каком-то богемном ресторане.

На следующий день группа едет в Альпы, а мы гуляем с Ликой по Мюнхену. Без группы, без пробежных экскурсий, сами по себе, тихо наслаждаясь мюнхенскими видами. В заверше-

ние — старая пивная Хофбройхаус. Пиво, свиная ножка с капустой, и выступление фольклорного ансамбля, женщины с большими грудями, украшенными цветами — «с балкончиком», ну, и сзади вполне основательный «гараж». Белые панталоны и колонны ног. Удовольствие для тех, кто любит женщин Рубенса! Все пьют, поют и наслаждаются жизнью. Легко представить, как здесь собирались фашистские молодчики, напивались, кричали и мечтали, чтобы все вокруг крушить и насиловать. Короче, зигль хайль!..

Чтобы сбалансировать программу, посещаем дом художников Франца Ленбаха, квартал студентов и артистов-Швабинг, посидели в кафе Альтшвабинг (а какой торт!), ну, и еще что-то. И опять же многое осталось за кадром: старая Пинакотека, Английский парк, Рыбный фонтан, музей Валентина, вилла Штука и т.д. В Мюнхене надо бы пожить месяц, чтобы обойти все. А мы — летучие москвичи. Беглый пролет и прощай, Кандинский и Клее!..

12 сентября. Завтрак и аэропорт Франца-Иосифа Штрауса. И где-то в половине 5-го мы уже в Шереметьево. И сразу погодный контраст: серое небо, дождичек, холодновато, а там, в Мюнхене, — солнце и теплынь. Приехали. В ночь на

9-е в Москве взорвали дом на Печатниках, а под утро 13-го взрыв на Каширке, и вместо «Галереи красоты» — панорама взрывов и трупов. Марина Райкина в МК: «…Теперь ложась спать, не забудьте натянуть трусы и положить в них паспорт. На случай опознания. Страшно».

Вот эти события по возвращению, по существу, «съели» впечатления от Германии.

Как жить дальше? Роман Гуревич из Иерусалима советует: «С этим надо просто жить — и в Иерусалиме, и в Москве» («Общая газета»). Н-да…

18 сентября

Война в Чечне — чей это адский план? По ТВ перекошенные лица Ельцина, Лужкова и даже Зюганова. Литвинец по поводу всех последних событий: «А что? Главное, успеть надеть на ночную сорочку норковую шубу и взять с собой заграничный паспорт». Но не у всех есть шуба и паспорт, да и родные осины покидать не хочется.

Итоги книжной ярмарки: «Радуга» продала 140 штук «Вер, Надежд» 130 — «Джоконд» и 120 — «Страстей по Луне». Говорят, это хорошо. Получил аванс за «Клуб 1932» и даже увидел эскиз обложки. В «Современнике» купил несколько книг «Налога на любовь», в «Вечорке» вышла «Обольстительная ведьма» (Софья Потоцкая).

Идет материализация творчества. Персоны, о которых я когда-то читал и проживал их жизни, теперь вышли в моей интерпретации на страницы книг, газет и журналов.

А вечером по ТВ в поддан (есть такое слово?) итало-французский фильм «Боже мой, как низко я пала» (1974) Луиджи Коменчини: грубый парень срывает с маркизы (Лаура Антонелли) несметное количество одежек. А после акта маркиза робко просит: «А можно еще раз?..».

За окнами голубое небо, солнце, желтеющая листва, +14. Бабье лето…

25 сентября

Удивительно, как мои мысли совпали с высказываниями Юлии Калининой в МК: «…Никто не стал бы взрывать наши дома — не за что их взрывать, — если бы наверху не довели до этого ситуацию. Виноваты те, кто наверху, — с их скудоумием, ленью, безответственностью и бескрайним равнодушием к народу. С их страстью одноклеточных: к себе любимому, к деньгам, привилегиям, к власти, которая нужна не для того, чтобы править, а для самоудовлетворения. Они виноваты…».

Если вспоминать историю, то России никогда не везло с властью. На троне оказываются со-

всем не те люди, и рулят неправильно — тупо и глупо. Сегодня МК вышла с шапкой «Рязанский сахар фасовали в ФСБ», и они же, оказывается, «предотвратили взрыв» (сахар в смеси с гексогеном). Глупость за глупостью, абсурд за абсурдом. Уже поговаривают, что на смену Путину идет Шойгу. Хрен с ними со всеми. Надо жить своей жизнью!..

20 сентября умерла Раиса Максимовна (Захарик, как ее звал Горбачев). Моя ровесница, на два месяца старше. Газеты застонали: какая хорошая, какая замечательная. При жизни не любили, а после смерти вдруг запылали любовью. Странный народ… мне ее искренне жалко…

Заходил в «Науку и жизнь». Елена Васильевна не может меня простить, что я оборвал рубрику «Некруглые даты»: предал, бросил… От редакции зашел в «Библио-Глобус» и купил том Игоря Северянина, когда-то запретного и неиздававшегося. Вечером листал том, готовясь к телесъемкам:

Все девы издали прелестны
И поэтичны, и милы, –
Вблизи скучны, неинтересны
И меркантильны, и пошлы…

Все? Нет, конечно, кроме любимой женщины:

«Что за счастье — быть вечно вдвоем! И ненужных не ждать визитеров, и окружных не ткать разговоров, что за счастье — быть вечно вдвоем!..».

Записывали программу о Северянине. Я пригласил Маргариту Сердцеву, которая мне понравилась на концерте, а тут, на съемочной площадке разонравилась: манерность, штампы, заученная механика. Записали ее в двух номерах, в том числе «В шумном платье муаровом».

В «Книжном обозрении» рейтинг: мои «Страсти по Луне» на 4-м месте, а вслед книги о Пушкине, Ришелье, Хайдеггер и воспоминания Георгия Чулкова.

29 сентября — поездка на микроавтобусе в Тверь — организовала «Радуга», со мной поехали товароведы Лариса и Зоя. В областном обществе любителей книги нас встретили как родных. На стенде выставлены 5 моих книг. Ну, и встреча с читателями. Тверяне — люди неизбалованные и искренние. Одна даже заявила, что я пишу «божеские книги» (?). Подписал более 60 книг. Дал интервью местной газете и радио: оказывается, в Твери я хожу в кумирах, и все зачитываются «Рюриком». «Ваши книги — просто чудо», — написала мне на афише, которая была расклеена по городу,

одна почитательница. «Без книг не представляю жизни…», «Ждем новых интересных книг» и т.д. Короче, небольшой фурор. И почему-то в голову лезет другое слово: фураж. Ну, что лукавить: провинция погрела писательскую душу…

Продолжение уже в Москве, 30 сентября, в день Веры-Надежды, в магазине «Молодая гвардия», подписал около 70 книг — дочке, внучке, жучке… Говорили комплименты («хорошая эссеистика»), задавали вопросы. Один спросил, как влияет Луна на психику человека? Я открыл книгу на главе «Луна и лунатики». Задавший вопрос тут же погрузился в чтение. А потом сказал: «Я так и думал». И тихо, лунатически, пошел прочь, так и не купив книгу. Ох, эта Луна.

Книга уже вышла, а я продолжаю собирать цитаты о ночном светиле. Вот Владимир Луговской:

Луна стоит на капитанской вахте,
На триста верст рассыпался прибой.
И словно белая трепещущая яхта,
Уходит женщина, любимая тобой…

Ну, и далее: «Лимон разрезанный на лунный свет походит…». Но все эти цитаты мимо книги, вряд ли выйдет второе издание, это было бы

слишком шикарно.

Что еще? Власть беснуется, как говорили древние: «libido dominandi» — «похоть власти». Хотят покорить, усмирить, завоевать Чечню, задушить независимость непокорных горцев. Все полыхает в огне, и тысяча беженцев. А еще личные трагедии. Натолкнулся на высказывания критика Виктора Топорова, который считает, что у Юрия Нагибина был комплекс: «не дано» и «недодано». Вот и К. лезет на стенку: «недодали» ему, в отличие от Безелянского, которому отсыпали слишком много, а сам при этом палец о палец не ударил. Этот сальеризм ощущается почти во всех редакциях…

5 октября

Краткое плавание на теплоходе «Василий Суриков» организовало ВК. 1 октября к вечеру стали маневрировать и отплывать от Речного вокзала. Сидели за одним столом с 86-летним писателем Александром Михайловичем Борщаговским и его женой Лялей. Сколько лет, а какая ясная голова! И Ляля весьма приятная литературная дама.

Утром проснулись, кругом вода. Ще ловит кайф, а мне неймется, пошел в радиорубку и немного почитал Веру Инбер про Ваську Свиста:

Он берет рака за алый хвост
И, как розу, подносит ей…

Приплыли в Тверь. Проигнорировали экскурсию и гуляли сами по себе. Зашли в местный музей, картина Клюквина «За самоваром», в магазин «Сласти у моста». Дождя нет, сухо и тепло, — приятно. По Гамбургу и Кельну так вот, неспеша, погулять не удалось, а в Твери — пожалуйста. Вечером фирма «Паллада» устроила на пароходе праздничный ужин с тортом и свечами. Свечи были хороши, а торт ужасный: хлеб, пропитанный вареньем. Куски торта растворились в водке «Урожай». Погуляли по палубе, поиграли в карты, и спать…

В воскресенье 3 окт. был тихий и счастливый день. Прогуливались по пароходу, смотрели, как поласкается швабра в воде, вспоминали ночное звездное небо (такого в Москве не увидишь), слушали нескончаемые рассказы Борщаговского (а ему есть, что вспомнить, как клеветали в газетах, как выгонял из полуподвала, где он жил, военный прокурор с говорящей фамилией — Мундер, как занимался расследованием о разгроме и гибели Еврейского антифашистского комитета — «Обвиняется кровь» и т.д.). А еще в радиорубке читал

Есенина «Черного человека»:

– Счастье, – говорил он, –
Есть ловкость ума и рук.
Все неловкие души
За несчастных всегда известны…

Ну, а в понедельник 4-го понеслась снова беспокойно-бурная московская жизнь.

10 октября

5-го была презентация в «Библио-Глобусе», подписывал свои книги, и опять много забавного. Какой-то инженер из Раменского заявил: «Вы мой кумир». Все читает написанное мною, собирает и подклеивает в альбомы, принес два на показ. Было очень душно, и хотелось мне только одного: боржома.

На следующий день — Цветаевский центр в Староглебском переулке. В маленький зальчик набилось более 100 человек. Марина Тарковская презентовала свою книгу «Осколки зеркала», выступления были не ахти какие, даже Маргарита Терехова плохо читала стихи, лучше всех выступил сын — Евгений Борисович Пастернак, говорил спокойно и благородно, но больше об Арсении Тарковском, а не об Андрее, и, конечно,

вспоминал своего «папочку».

16 октября

В «Радуге» мне передали газету «Вечерняя Тверь», где был такой лихой пассаж о нашей поездке: «Писателя изрядно повеселило количество телекамер: «Не провинция, а Голливуд какой-то!». И еще строки «.Убеленный сединами». Да, дожили!..

13-го по «Дарьял-ТВ» премьера «Академии любви», смотрели вместе с Эдиком и привезенным им «Шато Танес» из Бордо. Сначала анонсная программа, потом первая — «Пушкин и его женщины». Не могу сказать, понравилось или нет? Выглядел немного по-профессорски и, увы, старовато (все это запоздало на 10–20 лет!). Но отклики от увидевших были такие: передачу смотрели на одном дыхании. А потом пошли кулисы, неприятные финансовые вопросы, и Вайнер отчаянно сопротивлялся, в итоге мы с Игорем добились немногого. А вокруг бушует инфляция, Ще пришла с лекарствами из аптеки и с горькими словами: «А как же живут старики?!». Нас лично поддерживают книги, газеты, журналы, ТВ, радио… Получил письмо от читательницы Зиминой, родственницы знаменитого Сергея Ивановича Зимина, который держал театр, и у

него пел сам Шаляпин. Сразу бросился узнавать подробности и натолкнулся на письмо Шаляпина — октябрь 1905 года: «…остался вследствие забастовок без гроша… остался с носом… хоть матушку-репу пой…».

С гонорара зашел в магазин и, показывая на грудинку, попросил продавца: «Вот это грамм на триста — забыл, как называется». Какой-то рядом стоящий гражданин мрачно заявил:

— Он, видите ли забыл! Мы все в Россини забыли, как это все называется!..

И что возразить?..

30 октября

Опускаю много разных событий, фактов и деталей, и так дневник перегружен ими, как мешками. Но все же кое-что записать надо. 22 октября ходил к члену «Клуба 1932», к знаменитому диктору Игорю Кириллову в его роскошную квартиру на Смоленской набережной, где жили когда-то маршалы и адмиралы — Исаков, Новиков и др. Я предложил Кириллову идею телевечера участников «Клуба 32». Он: «Блестящая телевизионная идея!». А потом: а где деньги, кто будет пробивать? Вон Гинзбург не может найти спонсора для своих «Бенефисов». Короче, Кириллов пробить не может, и идея повисла в воздухе. Утешением

стала его фраза: «Наш дом открыт для вас...». Но мне нужен не дом, а телепрограмма.

С Далем пробивали мне рубрику в еженедельнике «Век». Позабавила, показанная в программе Доренко, пленка с генпрокурором Скуратовым: он забавляется на громадной кровати с двумя проститутками. Они елозят по нему, а он урчит и мычит от удовольствия, — лучше всякого Тинто Брасса. Генеральный прокурор России, главный борец с коррупцией. Н-да... Как прославится? — дурацкий вопрос. На ярмарке «Пресса-99» на ВДНХ подошел к стенду МК и спросил, как попасть в качестве героя на страницы популярной газеты? Некто Касатонов сказал: «Вы — элитный автор, я вас знаю. Но вы неинтересны для желтой прессы. Надо оторвать кому-то голову, тогда вами моментально заинтересуется МК». Мне его шутка не понравилась... В «Веке» опубликованы мои заметки «Лучше Эразм, чем маразм» (об Эразме Роттердамском).

29-го был какой-то юбилей Иновещания. Поехал, сначала концерт, а потом пьянка редакции вещания на Латинскую Америку, среди настоящих и бывших сотрудников, ну, я, вроде бы, на белом коне. Многие видят по ТВ, читают в прессе, слушают по радио: я — единственный,

кто выбрался из этого пропагандистского болота, остальные продолжают барахтаться, начиная с Владика-пулеметчика и кончая Игорем Кудриным. Какая-то незнакомая мне латиноамериканка Альба пыталась навалиться на меня пышной грудью, но я мужественно ретировался: только Альбы мне сейчас не хватает!..

По Клубу 1932 безуспешно пытаюсь отловить академика Аганбегяна, а тут на днях застрелили в парламенте Армении Карена Демирчяна, тоже члена моего Клуба, бывшего первого секретаря ЦК компартии Армении. Вот такая судьба ровесничков!..

8 ноября

7-го с Ще отправились на студию на съемки (Ще как помощник режиссера с термосом и кофе). Снимали две программы: Ленин и Инесса Арманд, вторую — о Карле Брюллове. Первая снималась на фоне бюстика вождя. Я пытался сохранять взвешенные оценки. Для Брюллова мои партнерши Лиза и Заремба одели праздничные белые платья с обнаженными плечами. Грачик громко: «Слюшай, карашо!».

13 ноября

Как это ужасно: ранние уходы. В 42 года сгорел

Гриша Гурвич, талантливый режиссер, интересный человек. Лейкемия, мучительное лечение и смерть. Без него театр «Летучая мышь» вряд ли выживет.

По Хазановскому пропуску ходили в театр эстрады. Нил Саймон «Калифорнийская сюита» — три новеллы о разных судьбах. Алиса Фрейндлих и Олег Басилашвили. Вполне театрально. А в зале — политический бомонд: «малыш» Путин, новый российский премьер, в окружении политиков-зубров: Рушайло, Бородин, Сосковец, Жириновский и т.д. Мы с Ще сидели рядом с Виталием Третьяковым. В фойе все прохаживались и узнавали друг друга: Игорь Моисеев, Горин, Гафт с Остроумовой… Кто-то пялился на меня: где-то я его видел (или видела?!). А где, не помню…

Еще одно развлечение: Евгений Рейн пригласил на свой семинар в Литературном институте. Семь девочек и четыре мальчика сидели в холодной комнате и внимали выступлению Вадима Рабиновича: «…а кошку погладьте по гладкой спине и ждите пришествия слова… мордашки-милашки… в кружевах комбине… и Малевича черным квадратом искадрились все небеса… ухожу без скандальеро…» и т.д.

Рабинович читал стихи хорошо поставленным

голосом. Рейн курил у окна и думал, как мне показалось, о жизни и хлебе насущном. А Рабинович без устали читал и читал о каком-то Мануции, который выдумал когда-то запятую… Рабинович закончил, и Рейн обратился к студентам: «Любопытствуйте!..», но молодые любопытствовали вяло, ведь можно было, к примеру, спросить, почему в священной книге Торе на «нет» всегда есть «да»? И почему так?.. А мы, взрослые дяди, вышли в деканат, и я поинтересовался, кто какого года рождения. Выяснилось, что Рейн и Рабинович с 1935-го. На что я презрительно заметил: «Мальчишки!». Но эти «мальчишки» выглядели значительно старше меня: седые, сгорбленные, со страдальческими морщинистыми лицами. Очевидно, хорошо пьют, как и положено всем настоящим поэтам. А я не поэт и непьющий…

Литинститут — тихая заводь, а Дарьял-ТВ — это бушующий океан. Большаков возмущается Вайнером, что он «хочет за 3 копейки, чтобы ему делали шедевры!». А, тем временем, прошла в эфире уже 5-я программа «Академии любви», посвященная Игорю Северянину. Ночью мне в голову пришла идея сделать книгу «Сто имен Серебряного века». Фантазер, конечно!

Ремарка из будущего. Иногда наши фантазии становятся реальностью. Через 6 с половиной лет, 26 июня 2007 года, будет подписана в печать моя книга «99 имен Серебряного века». Разумеется, с Северяниным и другими «серебристами». Прямо по советской песне: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью…» (6 января 2012).

Еще одно зарево надежд: встреча и деловой разговор со знаменитым продюсером Дэвидом Гамбургом. Он замыслил телепроект «XX век. Истории любви». И сказал, что видит меня в качестве некоего шеф-руководителя проекта, читать и править чужие сценарии, которые будут писать Гребнев, Миндадзе и другие известные драматурги-сценаристы. И надо срочно составить заявку на НТВ для Киселева и Добродеева. Что-то в этом гамбургском проекте показалось подозрительным, что меня хотят использовать как промежуточное звено, слямзить идеи и отдать их кому-то. И я отказался от этого проекта. Режиссер Аркадий Коган сказал: «Мне очень жалко вас терять…». Ну, а мне не хочется участвовать в строительстве воздушного теледворца.

20 ноября

Вышла в эфир 6-я программа о Гете. Чтобы коротко представить Иоганна Вольфганга Гете и его отношения с женщинами, надо было перечитать и перелопатить гору литературы. Вспомнить первые влюбленности к Гретхен и Кетхен, и маленькую Фридерику из Зозенгейма, и Шарлотту Буфф, которая вдохновила его на роман «Страдания молодого Вертера»: «…Все вокруг перестало существовать. Он стиснул ее в объятьях и покрывал неистовыми поцелуями ее трепетные лепечущие губы…». И другая Шарлотта фон Штейн и, наконец, продавщица цветов Христиана Вульпиус, которая почтительно звала Гете, уже будучи его женой, «герр Рат» — «господин советник». И последняя любовь — «Мариенбадская элегия» — любовь старого Гете к юной Ульрике фон Левенцов… Есть, что рассказывать и эмоционально комментировать, недаром режиссер постоянно требовал от меня: «давайте эмоцию!».

Маленькая программа, а сколько возни! А сколько времени и сил отнимает от меня «Коктейль «Россия», ведь там к каждой персоне, к каждому имени нужно найти какой-то вкусный национальный «довесок» или кусочек чего-то поэтического и литературного. Адова работа, но я как-то втянулся, и все катится споро и быстро…

Еще один проект затевается на р/с «Эхо Москвы» (неужели опять «панама»?). В ожидании намеченной встречи с Ник. Александровым мило побеседовал с доктором наук, профессором Александром Аркадьевичем Шерелем. В коридоре радиостанции он мне признался, что является моим давним поклонником и считает, что я — «последний просветитель», что лучше всех журналистов пишу о культуре, за что меня ценят Никита Михалков, Николай Сванидзе и другие известные деятели (они мне об этом не говорили, правда, и встреч с ними не было). Шерель издал в США книгу о культуре и СМИ в России, и в ней написал обо мне (а где взять почитать?). И добавил, что в университете и в ГИТИСе и еще в какой-то академии своим студентам советует читать Библию и колонки Безелянского, как образец культурологического письма. Я, разумеется, жутко подивился подобным преувеличениям, на что Шерель мне заявил: «Вы себя недооцениваете. Более того, не представляете, что вы такое делаете…». Неужто что-то экстраординарное?

27 ноября

Интересное кино: не шли программы по «Дарьял-ТВ» я получал большую сумму, пошли (20-го, кстати, прошла программа про Зинаиду Гиппиус),

Вайнер стал выплачивать меньше. Где логика? Что делать? Хлопнуть дверью? Хлопали уже много раз. К сожалению, мы нищие и бесправные, и не можем быть гордецами и хлопать дверями. Игорь подбивает меня на бунт, но мне жалко срывать программы: их смотрят, они нравятся…

Еще одна головная боль: встреча членов моего «Клуба 1932» в «Вечерней Москве». Мотяшов говорит: звоните и собирайте сами. Как в советские времена: инициатива наказуема. Звоню космонавту Николаю Рукавишникову (род. 18 сент. в Томске, участник трех космических полетов, первый полет на «Союзе-10» в 1971 году, затеи «Союз-16» в 1974 и «Союз-33» — в качестве командира международного космического корабля в 1979 году). Он: «Не могу придти, из дома не выхожу, инсульт»… Алла Гербер обрадовалась приглашению, но именно 8 декабря будет в Израиле: «Нельзя ли перенести?..». В общем, собирать клубистов — нелегкое дело. Ездил в «Радугу». Возвращался по старому Арбату, всюду люди с рекламными щитами «Ломбард» и «Запасные части для иномарок», — им разве легче, чем мне? И даже удивительно, как я в свои 67 лет еще на плаву и «по телевизору показывают».

Бьюсь над «Коктейлем «Россия». Тут как-то

проснулся в 5 утра и стал писать в голове. Пока застрял в русской классике, в главке от Гоголя до Бунина. И пишу и думаю: а интересно все это или нет?

Еще одна программа проскочила по ТВ: жены полководцев — Суворова и Кутузова. Вел динамично, раскованно, картинки хорошие подобрали. «Женился Суворов в 43 года и то потому, что отец повелел. Невесте Варваре Прозоровской Суворов не понравился: немолод, маленького роста, щуплый, да и манеры какие-то резкие, будто приказы отдает: налево-направо, лечь-встать. Великий полководец оказался никудышным семьянином. Ничего не дал он супруге: ни любви, ни денег, ни самостоятельности. Ничего, кроме упреков и брани… А вот Кутузов прожил в браке счастливо почти 40 лет. Пять дочерей! И у каждой своя судьба, — так было что рассказывать…

Среди новостей очередное собрание в студии» им. Горького. Визильтер бушует, сказал секретарше: «Перепиши всех, кто пришел, а остальные — уволены!..». А далее начал вещать: «Вольтер говорил…». Кто-то из сидящих в зале: «Мне Вольтер ничего не говорил…». Далее крики, шум, неразбериха. А идея сбора: новогодняя программа по «Дарьял-ТВ»: «Каждый должен представить свою

новогоднюю примочку». Примочку в новогоднюю ночку!..

6 декабря

Писать дневник некогда. Фокусы с «Дарьялом», ожидание выхода книги, организационные вопросы по поводу встречи членов «Клуба 1932». Пан Зюзя (Високовский) обещал придти, обещали и другие, но кого-то отловить невозможно. У Аркадия Вольского операция на желудке и т.д. Да, был на днях смешной эпизод: ко мне подошли два подростка и задали какой-то вопрос, я, находясь в задумчивости по поводу своих дел, не ответил. Тогда они спросили Щекастика, отставшего от меня: «Вон у деда уши заложило, а вы хоть слышите?! Где тут фонтан?..». «Дед» потом долго смеялся…

28 ноября вместе с Ще выступали в библиотеке на Песчаной. Аплодисменты и цветочки. И слова: «Вы занимаетесь святым делом…». Святым, но неденежным… Для книги занимался Достоевским и Розановым. Ще ездила отвозить фотографии в «Москвичку» для материала «Он и она» и отвезла мою фотографию 18-летнего. Елена Анатольевна заявила Ще: «Какой у вас папа был красивый в молодости!». Ще так и упала… А я для «Сударушки» печатал комментарий о телесъемках «Академия

любви вместо школы ненависти».

9 декабря

Вчера, 8-го, состоялась встреча в «Вечерней Москве» членов «Клуба 1932»: пришли два артиста, один писатель, одна поэтесса, один художник и один футболист (Александр Белявский, Зиновий Высоковский, Леонид Жуховицкий, Римма Казакова, Борис Жутовский, Анатолий Исаев). Обещали, но не пришли Петр Фоменко, академик Абел Аганбегян и Алла Гербер. Шампанское, конфеты, печенье, кофе. Главный редактор Казарин уехал в Кремль, и я вел встречу. Все прошло вполне симпатично. Только какой-то журналист-фронтовик выразил неудовольствие: «А почему книга только о 1932 годе? Я родился в 25-м. Я Берлин брал! Где книга о моих ровесниках?!..». Все растерялись. Нашелся Белявский: «А вы найдите своего Безелянского, и он вам напишет нужную книгу…».

15 декабря

Жутовский дал нам билеты в Дом художников, и мы с Ще побывали на презентации выставки Юрия Роста «Групповой портрет на фоне века». Там я познакомился с еще одним членом Клуба 1932 года — журналистом Ярославом Голова-

вым. Был фуршет, и Ще, вместо воды, хватанула глоток огненной чачи (стол был грузинский). Потусовались немного. Все обнимаются, целуются, кроме нас. Мы держали себя строго…

Звонок от Евсеева из ВК с просьбой сделать комментарии под роскошные фотографии на тему «Россия. XX век». Я, конечно, согласился и тут же сел за работу: век разбил на 10 десятилетий:

• «В те годы дальние, глухие…» (1900–1909)

• «Ваше слово, товарищ маузер!» (1910–1919)

• Фирменный большевистский стиль (1920–1929)

• Грозовые-роковые (1930–1939)

• Великая Отечественная, а потом малая — с космополитами (1940–1949)

• Сталин и «Оттепель» (1950–1959)

• Громкие шестидесятые (1960–1969)

• Новый культ (1970–1979)

• От застоя к бурному потоку перестройки (1980–1989)

• Последний ураган XX века (1990–1999)

Я печатал, а Ще читала и умоляла: «Юр, ну, что-нибудь веселенького». Веселенького не получалось. Мрачный век, да и только.

В Московской правде напечатали интервью со мной под заголовком «Катерины нет, и обрыв

забетонирован». И, как поет молодой бард, горец Тимур Шаов:

Какая интересная эпоха, –
Пойду еще патронов докуплю…

22 декабря

16-го по ТВ показывали очередную «Академию любви» — об Александре Блоке. Надир Ширинский позвонил и сказал мне: «Очень познавательная программа». Господи, ни хрена никто ничего не знает: я ведь только снял с Блока первый слой, а за ним еще бездна. Но никто не хочет читать, изучать и узнавать, предпочитают готовенькое, скороспело-телевизионное. Полный деградансс…

17-го снимали новогоднюю программу, «Игорь, не выпивать без мотора!» и прочие перлы. А на следующий день я записывал 8-минутную информационную программу «Неделя в четырех гранях»: история, политика, криминал, культура. Говорил по памяти без всякого суфлера, и это непросто!.. Приехал и сел за подготовку программы о Мопассане. И пришлось полистать «Милого друга». Одна из красоток-шлюх о Жорже Дюруа: «Какой красивый малый! Если он захочет меня за 10 луидоров, я не откажусь!».

Пока я был на съемках, Ще побывала в парикмахерской на Соколе, услышала там разговор молодой парикмахерши, которая регулярно смотрит «Академию любви»: «Там какой-то артист играет профессора…». Вот так народ воспринимает меня, который и не артист и не профессор, а так, любитель книг…

20 декабря поехал в «Радугу» за вышедшей книгой «Клуб 1932» — 4-я книга за год! 406 страниц, теперь я — автор 9-ти книг. А… счастья нет. Одна тяжелая усталость… Из издательства — в магазин «Москва». Народа мало, подписал не более 20 книг. Какой-то мужчина сказал: «Я покупаю все ваши книги…»

27 декабря

22-го выступал в «Молодой гвардии» на Полянке. Подписал около 35 книг. Потом поехал за авторскими «Клуба». Запись программы на радио. В «Академии любви» показывали про Александру Коллонтай. А еще занимался «Коктейлем «Россия». Ходил снимать камни на зубах («У вас там каменоломня!»). Поход на рынок за продуктами и т.д. и т.д. Сплошное верчение-кружение, и это называется «пенсия»! Позвонила Лариса Копнина: «У меня депрессия, хандра, все валится из рук, что делать?..». Есть одно лекарство от депрессии

— надо вкалывать и вкалывать, что я и делаю…

26-го снимали две программы: «Средь шумного бала…» (Алексей Константинович Толстой) и французские художники (Делакруа и Ренуар). На этот раз участвовали не девушки, а молодые, но уже искушенные женщины, в том числе и дочь космонавта — Татьяна Волынова, бизнесвумен…

Про Эжена Делакруа наш Роберт Фальк говорил: «Художник огромного темперамента, но не менее огромного самомнения».. «Слава для меня — не пустое слово, — признавался сам Делакруа — шум похвал опьяняет настоящим счастьем». Мне лично интересен Делакруа и как человек, который вел дневник. Сколько в нем интересных высказываний, к примеру: «Я принимаюсь за работу с тем чувством, с каким другие спешат к своей любовнице…».

А Огюст Ренуар, этот «живописец счастья». «Нагая женщина может выйти из волн или сойти с постели. Назовите ее Венерой или Нинни — все равно, лучше ничего не выдумаешь».

29 декабря

В Москве жуткая оттепель. Снег-вода-грязь, плюсовая температура, за окном жуткая серятина, но это все мелочи по сравнению с ураганом, который дважды пронесся над Европой, и боль-

ше всех пострадала Франция и Париж. Нанесен ущерб Булонскому лесу и Версальскому парку, разбиты витражи в Сант-Шапель и Нотр-Дам. Ще в слезах…

27-го — выступление в библиотеке иностранной литературы. Уютный зал с книжными шкалами. За столиком — Екатерина Гениева, директор, Литвинец — от Минпечати, и я. Но, увы, в зале человек 26, не больше — все заняты хлопотами перед Новым годом… Екатерина Юрьевна листала мои книги и все время произносила слово «талант» (как к Каштанке — талант), и сказала, что мои книги находятся в библиотеках… Тут нужно упасть в обморок! — Бутырок и во многих женских колониях. И обещала закупить пару тысяч для библиотек России. А потом был фуршет с шампанским.

А 28-го вышла публикация в «Вечерней Москве» с подзаголовком «Клуб 1932. Герои Юрия Безелянского «сделали» шестидесятые годы, но «своими» считают время сегодняшнее». А сегодня вышла «Москвичка» с разворотом «Пьеса для двоих без антракта»… Сегодня выступление в «Библио-Глобусе», завтра — съемка «четырехгранника». Сумасшедший декабрь.

Послесловие спустя 12 лет, тогда я не понимал, ибо находился в потоке или в процессе, что это было звездное время – звездный мой час. Я был востребован и нарасхват. Потом все улеглось и затихло. Остались лишь воспоминания. «Я расскажу вам, как это было!..». Мало кто звонит и мало куда приглашают. Как там у Есенина? «Все прошло. Поредел мой волос. Конь издох, опустел наш двор. Потеряла тальянка голос, разучившись вести разговор…».

И вообще: «Ставил я на пиковую даму, а сыграл бубнового туза…» (4 февраля 2012).

31 декабря

Раньше как-то никогда не задумывался по поводу 2000-го года (казалось, это не про меня). А вот дожил! w вот уже новое тысячелетие на носу, и газеты полны «миллениумом»: итоги, оценки, прогнозы…

29-го выступал в «Библио-Глобусе», подписывал свои книги. Подошел писатель Валентин Лавров («Дочь палача», «Блуд на крови», «Гений сыска — граф Соколов» и др.) и заявил: «А я исписал всю ручку». Нет, у меня чернил еще много осталось…

Из «Глобуса» на ВДНХ, в студию, на празднество, которое устроил Аркадий Вайнер. Папа и дочь — капиталисты, а мы у них наемные рабочие, и от этого классового сознания никак не мог отделаться. Ушел раньше всех, по-английски… А 30-го были опять съемки, а вечером катали программу про Мопассана…

1999 год завершен. Что жду от 2000? Хорошо, чтобы не подвело здоровье, и тогда можно издать еще 2–3 книги, и надо дальше раскручивать свое имя, хотя, конечно, как писал Илья Сельвинский:

Бессмертья нет. А слава только дым
И надыми хоть на сто поколений,
Но где-нибудь ты сменишься другим
И все равно исчезнешь, бедный гений…

Все так. Но надо делать волну.

Ну, а что в стране? «Независимая газета» написала: «Политические итоги: от хаоса к стабильности». И десятка ведущих политиков в декабре 1999-го: Путин, Ельцин, Березовский, Дьяченко, Волошин, Лужков, Чубайс, Абрамович, Вешняков, Примаков. Можно смело предположить, что в дальнейшем эта десятка существенно претерпит изменения… Десятку женщин года возглавили

Ирина Хакамада, Валентина Матвиенко и Алла Пугачева. «Год прошел — уже прикол» (шутка АИФа). Худший певец года — Никита Михалков с его композицией «Отче наш» в предвыборных теледебатах с Кириенко. «Чукча года» — Роман Абрамлвич…

Дополнение к дневнику. Поздним вечером 31 декабря 1999 года закончилась эра Бориса Ельцина, который передал власть Путину, и началась эпоха Владимира Путина. Но об этом и о «нулевых годах» в следующей части Дневника: 2000 год и далее. Все началось с интригующего вопроса «Кто есть Путин?», а закончилось призывами прогрессивной и продвинутой части общества: «Россия без Путина!» и «За честные выборы!». Но обо всем этом позднее, как говорится: продолжение следует. А пока – чао, бамбино!.. (5 февраля 2012)

А что это было?!

Дневник 90-х завершен. Естественно, в нем зафиксировано не все, только главное: как жил, как выживал, как боролся, как реализовал себя, как стал популярным журналистом и писателем, как осваивал различные жанры медиа. И все это на фоне, что происходило в стране, как разрушилась великая вторая держава мира после США, и как мучительно выстраивалась новая страна РФ — Российская Федерация. О каких-то событиях мельком, фрагментарно, а что-то и упущено, не отмечено, не все проблемы затронуты, для этого нужна не глава, а несколько томов исторического исследований. Вместо томов фолиантов пошуршим некоторыми газетными вырезками из собственного досье. Их много, поэтому возьмем несколько из последних лет.

12 января 2019 — МК, Герман Пятов, рубрика «Свободная тема» — «Ностальгия по голодному «совку». Советские люди просто сошли бы с ума, попади они в современный универсам… (и о том, как было): «Вообще, в СССР для молодых и физически крепких добыча дефицитных продуктов была

очень увлекательным приключением, доставляя и моральное, и физическое удовольствие… Дефицитом было все…»

22 марта 2019 — Александр Генис, Новая газета. Вопрос «Хуже или лучше?»:

«…Тогда я жил в стране, где власть, режим и Брежнев, какую бы фамилию он не носил, ощущалась вечными, как пирамиды и неуязвимыми, как сфинкс. После Праги мы не надеялись на перемены — ведь и ЦРУ в них не верило. Выжить нужно было, либо снаружи, как это делали эмигранты, либо внутри, как получилось у тех же эмигрантов, не покинувших страну. Мир без надежды исключал союз с властью, как это случилось в 1960-х, и оставлял наедине с собой, позволял (вынуждая) создать собственную окружающую среду и жить в ней по лагерным правилам: не верь, не бойся, не проси…

Тогда все жили бедно, но именно что все, отчего нищета была не слишком заметна, богатство считалось уделом омерзительных, как в фильме «Берегись автомобиля», жулики и партийные боссы упивались убогой роскошью по сравнению стой, что достигли сегодня даже не олигархам, а их челяди.

Тогда не было свободы слова, но именно по-

этому каждое свободное слово стоило свободы, воспринималось откровением, читалось сердцем, и самиздат был святым…»

И, кстати, многие боялись, как огня, свободы слова и боялись свободно высказать свое мнение, и Александр Галич высмеивал таких: «товарищ Страхтенберг, товарищ Мандраже»… И, увы, в СССР было создано общество минимальных потребностей.

МК, 18 апреля 2019, Леонид Млечин «История как наркотик. Чем меньше мы наем Сталина, тем больше его любим… Ностальгия — тягостное, тоскливое чувство, депрессивное самоощущение…»

Ах, ностальгия — шинель Дзержинского, усы Сталина и брови Брежнева. И многие в нынешнем РФ живут в воображаемом прошлом, в Советском Союзе…

Но не надо забывать, что СССР рухнул в три дня августа 1991 года. И кто виноват? Сама власть? Коммунисты? Советская плановая система, которая оказалась нежизнеспособна? Или «Советский Союз разворовали всем народом. Тотальное хищение было характерным признаком социалистической экономики» (Герман Пятов, МК, 16 марта 2020). Или еще десятки причин привели

к развалу советской империи, и наступили эти безумные 90-е с бандитами и неумными вкладчиками, которые захотели срочно разбогатеть. Но был и громадный позитив: порыв и прорыв к свободе. Николай Сванидзе, ЛГ, 10 апреля 2019: «В 90-е дышалось свободнее.».

Да. Кому-то дышалось свободнее, и лично мне, и я смог себя реализовать процентов на 50. Но при этом надо признать, что горбачевская перестройка разрушила больше, чем следовало.

В январе 2021 вышла книга журналиста, сотрудника громыхавших в 90-х «Московских новостей» под названием «Новые года. Егор Яковлев и его газета». Вот оценка из книги Виктора Лошака:

«Это была революция, которую сделали люди задумывавшие эту революцию. Потому что Михаил Горбачев, равно еще и Егор Яковлев рассчитывали просто на обновление социализма, что будет построено то, что не удалось построить в Чехословакии, — «социализм с человеческим лицом». Но история потащила их дальше…»

Строили одно, а вышло другое…

И тут надо вернуться назад. На следующий день после неудавшегося путча, 23 августа 1991 года мэр Москвы Гавриил Попов на основании решения президента СССР Михаила Горбачева

о необходимости приостановки деятельности зданий ЦК КПСС на Старой площади и, соответственно, КГБ на Лубянке. Эту миссию возложили на только что назначенного заместителя председателя КГБ, начальника Московского управления Евгения Севастьянова, по профессии горного инженера и зарекомендовавшему себя крепким демократом. Вручая историческую бумагу Севастьянову Попов ласково и весело сказал:

— Выполняйте, Евгений Владимирович.

И он пошел с несколькими сопровождающими его соратниками… В своей книге «Демократ, контрразведчик» он привел много любопытных и удивительных деталей, как все происходило (интервью Севастьянова в новой газете (28 янв. 2021). В цитадели компартии и всего мирового коммунистического движения началась паника: жгли компрометирующие секретные бумаги и документы, заметили следы преступной деятельности, из буфетов и столовой тащили дефицитные продукты. Севастьянов обратился по радио-углу ко всем работникам с призывом:

— Друзья! Не мешайте эвакуации персонала из здания. Дайте закрыть эту лавочку побыстрее…

«К 16.00 все сотрудники разбежались, здание опустело. Советская коммунистическая лавочка

была закрыта навсегда. Так закончилась история КПСС — партии, виновной в гибели десятков миллионов людей» (из интервью в Новой.)

«В коридорах порванные листы бумаги, на некоторых дверях оторваны ручки, кое-где сорваны и унесены телефонные аппараты. Шкафы распахнуты, вещи разбросаны в полном беспорядке. На лицо признаки панического бегства…»

Не обошлось без трагических моментов: выпрыгнул из окна или упал, а скорее был кем-то выброшен управляющий делами ЦК КПСС Николай Кручина. И еще несколько хранителей секретов партии, в том числе и финансовых. Кроме Кручины, еще несколько важных персон совершили суициды. Застрелился один из путчистов, генерал КГБ Борис Пуго… Короче, лихие, залихватские, буйные 90-е годы.

А что касается закрытия навсегда «лавочки». Евгений Владимирович Севастьянов оказался не прав. Лавочка не закрылась, а возродилась и сильно окрепла, удивив весь мир своими спецоперациями, гибридными войнами, отравлениями ядами, невообразимым воровством и коррупцией и т.д. Хочу я таких упоминаний или не хочу, но они будут кратко представлены в последующей книге дневников начала двухты-

сячных лет.

На этом и закончу вторую книгу о жизни одного интеллигента в очках из страны удивительных неожиданностей, кривых дорог и возвратом в прошлое.

17 февраля, среда, 2021 год, мглистый зимний день и все было от снега. На Москву напал невиданный снегопад. И даже снеговище…